

МАТЕРІАЛЫ

ПО

ЭТНОГРАФІИ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Изданіе Управленія Виленскаго Учебнаго Округа

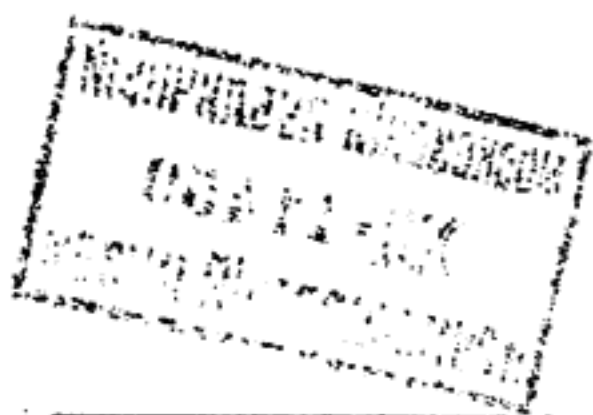
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Е. Р. Романова.

ВИЛЬНА.

1912.

МАТЕРІАЛЫ ПО ЭТНОГРАФІИ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБ.

Типографія А. Г. СЫРКИНА Вильна, Большая ул. собств. домъ.

МАТЕРІАЛЫ

ПО

ЭТНОГРАФІИ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Издание Управленія Виленскаго Учебнаго Округа

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. Р. Романова.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
ХП-11459
ИРУМАНЦОВСКІЙ МУЗЕЙ

ВИЛЬНА.

1912.

Щечатано по распоряженію Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа.

2004138421

О г л а в л е н і е.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе.	
Гл. I—II. Свадебныя пѣсни	1— 60
„ III—IV. Пѣсни внѣобрядовыя.	61—320
„ V. Припѣвы	321—346
„ VI. Духовныя стихи	347—357
„ VII. Преданія, легенды, сказки	358—390
Указатель мѣстностей, гдѣ сдѣланы записи мате- ріаловъ для сборника	391—392
Списокъ лицъ, отъ коихъ записаны матеріалы . .	393—394
Списокъ лицъ, доставившихъ матеріалы для сбор- ника	394—396

Настоящій выпускъ составляетъ непосредственное продолженіе перваго выпуска, вышедшаго въ 1911 году.

Весь сборникъ, въ цѣломъ, содержитъ въ себѣ, кромѣ краткаго историко-географическаго очерка Гродненской губерніи, матеріалы по описанію быта населенія, данныя для изученія народнаго міровоззрѣнія, описанія главнѣйшихъ обрядовъ, многочисленный пѣсенный матеріалъ (всего около 1200 №№ разнаго рода пѣсень), пословицы, загадки, тексты духовныхъ стиховъ, записи преданій, легендъ и сказокъ.

Весь этотъ матеріалъ собранъ, главнымъ образомъ, сельскими учителями и учительницами Гродненской губерніи, при нѣкоторомъ участіи воспитанниковъ Виленской православной духовной семинаріи и Свислочской учительской семинаріи, а также мѣстныхъ крестьянъ.

Наибольшее мѣсто въ сборникѣ отведено пѣснямъ. Это объясняется тѣмъ, что пѣсни легче всего даются для записи, а многія изъ нихъ, кромѣ того, извѣстны и самимъ собирателямъ.

По этимъ же причинамъ довольно много доставлено данныхъ по народному міровоззрѣнію и описаній обрядовъ, а также пословицъ и загадокъ.

Сравнительно мало записано духовныхъ стиховъ, и притомъ въ неудовлетворительныхъ редакціяхъ. Причину этого надо видѣть въ незначительномъ развитіи профессиональнаго нищенства въ православномъ населеніи губерніи и слабомъ распространеніи народныхъ стиховъ, которые здѣсь замѣняются виршами „Богогласника“. Католическіе же нищіе поютъ книжныя кантычки.

Слабѣе всѣхъ другихъ отдѣловъ въ сборникѣ отдѣлъ сказокъ. Произошло это повидимому оттого, что хорошо записывать сказки чрезвычайно трудно.

Принимая во вниманіе, что перечисленныя выше лица не обладали достаточною подготовкою для строго научныхъ записей, нельзя удивляться нѣкоторой непослѣдовательности принятой собирателями транскрипціи бѣлорусскихъ и малорусскихъ говоровъ губерніи. Одни изъ нихъ предпочитали записи фонетическія, другія—этимологическія; одни рѣзко под-

VIII.

черкивали *дзеканье*. другіе игнорировали его и т. д. Нѣкоторые собиратели заявляли, что въ отношеніи транскрипціи они находились въ затруднительномъ положеніи, такъ какъ въ одной и той же мѣстности, вслѣдствіе историческихъ причинъ и позднѣйшихъ вліяній, наблюдалось нѣсколько говоровъ и уловить ихъ особенности представлялось дѣломъ не легкимъ. Замѣчаніе это касалось какъ сѣверныхъ—бѣлорусскихъ уѣздовъ губерніи, такъ и южныхъ—малороссійскихъ.

За всѣмъ тѣмъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что настоящій сборникъ представляетъ довольно крупный вкладъ въ сокровищницу русской этнографіи, особенно цѣнный въ настоящее переходное время, когда школа, книга, газета, воинская служба, ускоренные способы сообщенія, могучею волною заносятъ въ деревню чуждыя вліянія и нивелируютъ жизнь ея какъ въ отношеніи быта, такъ и міровоззрѣнія, языка и произведеній народной словесности.

Помѣщая въ концѣ книги полный списокъ лицъ, принявшихъ посильное участіе въ составленіи сборника, считаю долгомъ отмѣтить, что наиболѣе потрудились въ этомъ хорошемъ дѣлѣ слѣдующія лица:

учитель Опольскаго училища, Кобринскаго уѣзда, нынѣ покойный, *Д. Снитко*;

учитель Болотскаго училища того же уѣзда г. *Болѣбасъ*;

учительница Свищовскаго училища Пружанскаго уѣзда г-жа *Савицкая*;

учитель Порѣчскаго и затѣмъ Здитовскаго училищъ Слонимскаго уѣзда *М. Ровиновичъ*;

учитель Сеньковичскаго училища того же уѣзда г. *Щицкевичъ*;

учитель Кнышинскаго училища г. *Яковукъ* (матеріалы по Павловской волости Бѣльскаго уѣзда);

воспитанники Виленской духовной семинаріи *П. Харламповичъ* (по Брестскому, Кобринскому и Гродненскому уѣздамъ), *Е. Хавбоцевичъ* (с. Кленики Бѣльскаго уѣзда) и г. *Самойловичъ* (Городисская волость Бѣльскаго уѣзда).

Кромѣ того, при поѣздкѣ моей по губерніи по дѣламъ сборника оказали большое содѣйствіе учителя Бездѣжскаго и Вульскаго училищъ *П. П. Дорогокупецъ* и *П. Тр. Китаръ*.

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ.

I.

„На великую горѣлку“—заручины.

Сокоче зазулька, сокоче,
Да зъ бору лятѣти не хоче.
А ў бору ягодки солодки,
У криницы напѣмся водацы.
Ой, плаче дѣвица, плаче,
Одъ ойца вхати не хоче:
У ойца пороги—низенько,
У ойца по воду близенько;
А ў свѣкра пороги—высоко,
У свѣкра по воду далёко.
У ойца по воду черазъ тынь,
А ў свѣкра по воду за сѣмь миль.

„На выправунокъ“—къ вѣнцу.

Слалосе зельлечко по загорью,
Кланялася дѣвонька по застолю:
Кланялася старому, малому,
Батюхну родному,
Покутю святому.

Застукатѣли воронные кони на двѣри,
Зазвинѣли золотые кубки на стѣля.
Да якъ почула молодая дѣвица ў коморы,
Да упала своей матухны у ноги:
— Ой, не дай, не дай, моя матухна отъ сябѣ,
Пералѣтую одно лѣтечко у тебе.
— Якъ жа мнѣ тебе не одать,
Пріѣхали люди тебе узать.

„На коровой“.

Ой, у саду гальлѣ висить,
Самъ Господарь коровой мѣсить,
А Прачистая ямѹ свѣтитъ,
А ўси ангелы допомагають,
Тонкимъ обрускомъ застилають.
Да свѣтитъ мѣсяць на дворѣ.—
Гиблють коровой на столѣ:
Гибля братъ съ сестрой,
Съ тройчатою свѣчой.
Братъ сѣстроньку научае:
Бѣ, сестронька, въ далони,
Кабъ далони шумѣли,
А перстѣнки звинѣли.

(М. Девятковичи. Марынской волости.
Слонимскаго уѣзда).

Ходить дѣвонька ў саду. по саду,
Да по зельлечку плачить:
„Ой, зельля, зельля, дромная насѣньня,—
Жаль тебе кидати!“
Сидить батюхно да ў вокошачку,
Да ўсе тѣе чѹе.
„Пришли, пришли свого милаго съ косою,
Нехай кбсѣть да ўсю рутоньку зъ росою.
Пришли, пришли свого милаго зъ граблями,
Нехай заграбѣ ўсю рутоньку съ коренями!“

Ой у вогорѣди на перахѣди
Зельлечко разлегаѣтся,
Ой у дѣвоньки молодѣнькое
Весельлечко начинаѣтся.
Ой Богъ ей дае,
Батюхно ей помогае.
Сидѣть Прачистая да на покути,
Добрую долю дая.
Ой, доля, доля, коли добрая,
То ходи ты за мною,
Ахъ, коли якая доля лихая,
То пльви ты зъ водою.

Ой гуляй, гуляй, штука—рыба,
Да по тихому Дунаю,
Припливешъ ты къ беражочку,
Тамъ тябе поймають.
Идутъ молодойцы штуку—рыбу ловити:
Рыбоньку злбвять,
Лущицу здымутъ,
Ды на кухню згатують.
Полбжать еѣ перадъ панами
И съ перцамъ, съ приправами,
Будуть еѣ покривать сярбраными ножами.

Вышла дѣвонька за ворóты,
Подъ калиною стала,
Ручки згарнула, тяженько дыхнула,
Сильненько заплакала.
Пришовъ до еѣ батюхно еѣ:
— „Чаго, дѣтетко, плачешъ?“
— Ахъ, мой батюхно,
Ахъ, мой родненькій,
Якъ жа мнѣ не плакать?
Завезавъ коскѣ на моѣ слезкѣ
Бѣлою китайкою:
Ни мнѣ вѣнчечкѣ,
Ни мнѣ таночекѣ,
Ни зъ дѣвочками.
Дѣвочки грають,
Косеньки мають,
Туды мяне не принимають;
Молодкы сидять, чепчики вяжуть,
Тамъ мяне къ сабѣ кличуть.

У городи на пераходѣ
Червона рожа цвѣтѣ.
Туды дѣвонька часто ходила,
Зъ рóжай говорила:
„Скажи, червона рожа,
Колько мнѣ у батька быти?“

— Одинъ день до нядѣли,
А ў нядѣлю рано рученьки звяжуть,
Щиру правду скажуть.

За дубами, за березами Ясенька не видати,
За дѣвоцкими голосочками muzyки не чувати.
Чи волю погнавъ, чи ў лыка пошовъ, чи струны направляя,
Чи зъ молодыми молодочками стиха размовляя.
Онъ воловъ не гнавъ и ў лыка не шовъ, да струны направляя,
Зъ молодыми молодочками сътиха размовляя.

Ковала зазулька, ковала,
Що табѣ, дѣтетко, казала?
„Казала, батюхно, казала:
Пріѣдуть госьтики до насъ,
Да будуть пытацса мяне ў васъ.
Дорожи, батюхно, дорожи,
Хоть онво лѣтечко подержи!“
— Якъ мнѣ, дѣтетко, дорожитьъ:
Стоптали коники подворья,
Засѣли госьтики въ застолья.

Обыди, сиротинка, коло свѣтлицы,
Припади, молодѣнька, къ сырой землицы,
Спомини, молодѣнька, свою родну матку,
Що тяжко носила, да тяжѣй родила,
А ў нидѣлю рано ни благословила.
Да чужая мати не велила сироти да доленьки дати.
Ахъ Божа, Божа, твоя моць светая,
Що гэтой сироти да за долю дати,
Ти гэту сирѣту до сябе ўзяти?

Сядьмо, матко, повачѣраймо зо мною,
Повачѣраймо зо мною да подѣлимся съ тобою.
Да тѣ, мати, сѣни новыя, камора,
А мнѣ, мати, скривя й перина, и корова.

Выхвалялася матуля мною,
Якъ рыба водою;
Оддала мати замужь за нелюбаго
Своею неволею.
Лѣпѣй, мати, крутя горы копати,
Чимъ за нелюбымъ за преїдя-свѣтомъ
На шлюбѣ стояти.
Крутя горы закопаю,
Ти стану опочѣну,
А за нелюбымъ за преїдя-свѣтомъ
Да ѣ на вѣки загину.

Стояла дѣвонька подъ вѣнцомъ,
Часала косаньку грабенцомъ.
Гдѣ того грабенца подѣти:
Ти нести на мѣсто продати,
Ти мѣньшой сестронцы одати?
Носила на мѣсто—не продала,
Да мѣньшой сестронцы оддала.

— Чаму соловьи ни шабетали,
Якъ сады зацвѣтали?
Чаму дѣвонька да ни плакала, якъ тябѣ завивали?
— А я думала молоденька,
Што пили, жартовали,
Ано жарты пришли до правды:
У нидѣлю рано ручки звезали,
Увсю правду сказали.

Ой пусьти, пусьти, моя мати,
Въ салочокъ погуляти,
Бо якъ я зрасту, замужь пойду,
Гулянья позабуду.
Ой будя, будя, моя доня, гулянья зъ бѣдою:
Да висить, висить да нагаечка ровненько зъ головою.
Нагаечка дропяная съ кручка ни злѣзая,
Бѣлое личко, синія очки,
Отъ слѣзоекъ ни ўсыхають.

Сирота дівонька, сирота
Вымыла личенько якъ злото,
Да вышла до воза якъ роза,
Да ўздыхнула тяженько: ахъ, мой Божа!
Хто мянè сиротку споможа?
Споможа мяне Господь Богъ и батюхна мой.

До вѣнца, дѣвонька, до вѣнца,
Тя пыталася у ойца?
— Пыталась, дѣвоньки, пыталась,
До бѣлыхъ нѣжакъ кланялась,
Слѣзками ботики облила,
Косками зямліцу замела.

Знаць рутоньку по насѣнечку,
Што ина зелявѣнька,
Знаць дѣвочку по вяселечку,
Што ина сиротанька.
Дворѣкъ новенекъ госьтей побўвенекъ,
А мати ня видненько.
Пошлю сокола зъ яснаго неба
По матку, што мнѣ треба,
А зазуленьку на Украиньоньку
По свою родименьку.
Ни соколика зъ яснаго неба,
Ни матки, што мнѣ треба;
Ни зазуленьки съ Украиньоньки,
Ни моє родименьки.

Болишь голоўка моя,
Нихто праўды ни скажа,
Сама не знаю, ня вѣдаю,
Съ кимъ мяне matka вяжа.
Нихай вяжа, нихай вяжа
По своей доброй воли,
Якъ придетца зъ вялюбимъ быти—
Хоть зъ моста да ў воду.

— „Ни топись, дѣтетко моё,
Бо ты душѹ загубишь,
Ой скажи, скажи ўсю правдоньку,
Кого вѣрненько любишь?“

— Ой рада была-бъ, моя матка,
Никого ни любити,
Кабъ яще годокъ, кабъ яще другій
Дѣўкою побыти.

Дѣўкою побыўши—да люцкая поговорка,
Да замужь пошоўши за нелюбаго—бѣдна голоўка.
Дѣўкою быўши, да люди насмиютца,
Замужь пошоўши за нелюбаго—слѣзки разольютца.

(Коссовская волость, Словимскаго у.).

Ня буде зима, якъ лѣто,
Ня буде свекровь, якъ мати...
Ена ня буде будити,
Да поїде до сусѣдки судити,—
Што моя нявѣхна
Довго спить...
Треба зловить соловеншка
Да привязати до ложка,
Кабъ соловей раненько ўстававъ,
Мянѣ молодую побуджавъ.

Предъ отъѣздомъ къ вѣнцу.

Помѣтенъ садочекъ, пометенъ,
Зялёною рутою квѣченъ.
Нихто ў томъ садочку не бывавъ.
Молодїй панічикъ побывавъ,
Сабѣ паненку намовлявъ:
„Бѣймо, паненка, зо мною,—
Будешъ моей матцы слугою,
А мнѣ молодому жаню;
Будешъ моей матцы слуговать,
А мнѣ молодому лужко слать.

(М. Дворецъ, Словим. у.).

Эй, тупнули воронье кони на дворѣ,
Зазвенѣли золоты шклянки на столѣ.

Якъ почула млада дѣвонька ў комори,
Якъ упала своему ойченьку на ноги:
„Ой, не дай ты, мой ойченьку, отъ сябе,
Перезимую, эту зимоньку у тебе“.

— „Ой якъ жа мнѣ, мое дитятко, те не дати,
Коли пріѣхали тые госьтики, што ўзяти“.
— „Ой пріѣхали, да й одѣхали—не ўзяли,
Ой туюлькы жъ мнѣ горшаго жалю задали“.

Предъ свадьбой.

Застукотѣли, загрузотѣли
Воронье коники на дворѣ,
Зазвенѣли золотые кубки на столѣ.
Зачула-почула красная Маринька ў комори,
Упала своему ойченьку на ноги:
Ой не дай мяне, мой ойченьку, отъ сябе,
Пералѣтую хоть я лѣтечко у тебе!
— Ой якъ жа, мое дѣтятко, не дати,
Пріѣхали госьтики, што ўзяти.

Сиротѣ.

Озьми, Гануля, у саду соловья, посылай по мамоньку,
А сиву зозулочку на Украиньку по свою родимоньку.
Еще соловейко не долетѣе, а вже матулька промовляе:
„Рада бѣ я ўстати до свойго дитяти—
Сырая земля тяжко налегла—я ручокъ не подыму“.
А Ганулька назадъ ступае, до сырой зямлі припадае,
И слезоньки якъ бобъ роняе, и на сыру зямлю нарекае:
„Земля жъ моя да й сыренькая!
На што ты ўзяла мою мамоньку?
Не дала ты мяне згодovati, до добрыхъ людей доровняти.
Ти моѣ нещасья, ти моя недоля,
Што мяне чужая мати будя выправляти
И мене розуму будя научати?
Будя выправляти чужая мати
Не съ щирымъ сѣрцамъ, не зъ вѣрнымъ слѣвцамъ.

(Гроднен. у.).

Когда ждуть приѣзда жениха.

Зелёная рута, жовтый цвѣтъ,
Чаму тебе, Иванка, довго нѣтъ:
Ти тваго коничка зъ поля нѣтъ,
Ти тебе, Иванка, дома нѣтъ?

Приѣхавъ Иванка на подворья,
Засытай, Ганнулька, застолля.
Приѣхавъ Иванка подъ ворота,
Стоить Ганнулька, якъ злото.
Якъ сѣла Ганнулька за столомъ,
Потякли яе слѣзки ручаёмъ,
А надъ ею матулька стояла,
Яе слезульки утирала.

Не вотрешь, матулька, не вотрешь,
Тольки горшь слезульки разольешъ.

(Д. Некраши. Котрав. прих., Гродн. у.).

Когда мѣсятъ коровай.

Баба я знала, кабъ я вѣдала,
Да што ў твоёмъ коровай:
Да три вядры, да три вядры
Да три вядры крынишной водицы,
Да три пуды (3) пшанишной мучицы,
Да три фаски (3) двавичаго масла,¹⁾
Да три копы (3) перепелишныхъ яекъ,
Да два фунты (3) загранишнае соли.

(С. Котра. Гроднен. у.).

„Гдѣ ты, хмѣлю, зимовавъ,
Што не развивавсе.
Гдѣ ты, сынку, ночававъ,
Што не раззувавсе?“
— Зимовавъ я, зимовавъ,
Ў лѣси на тычинн.
Ой ночававъ я, ночававъ
Ў пекной дѣвчины.

¹⁾ Изъ перваго молока послѣ телевія коровы.

„Ой недобра, ой недобра,
Муй ты сынку, робишь,
Ой говорать дѣвоньки,
Што ты шкоду робишь!“
— Ой робивъ я, моя мати,
И буду робити:
Было мэнэ, моя мати,
Въ семь лѣтъ ожанити!
„Тя я тоби, мой сынику,
Ти я боронила,
Было соби жанитися,
Якъ я породяла.

Ойченьку соловейку,
Оддаешъ мэнэ молоденьку.
Справъ же мнѣ ложу золотую,
Прикуй зазулю голоснѹю,
Кабъ равно ўстала—заковала:
Мэне молодую пробуджала:
Бо муй свекерко не ойченько,
Моя свекруха не матуля.
Свекерко ўстане, мэне збудить,
Зуйде до сусѣда, мэне гудить:
Моя невѣстка сонливая,
До роботоньки лѣнивая.

Ой тамъ, коло мліна,
Стоить дѣвка, екъ калина.
И на ея задививсе,
Ажъ мнѣ возъ поломивсе.
Не жаль было бѣ того воза,
Кабъ хотъ была дѣвка гожа,
А то брідка и погана
А мнѣ возъ поломала.

(Сокольскій уѣздъ).

Бхаў милый зъ заўкраины,
Згубиў жонку ў колейни,
Огленуўса за три мили—
Ляжить жоунка ў колейни.

„Бодай, мила, не дождала, —
Якъ ты зъ воуза вынадала?“

— Кабъ жа-шъ ты быу добрый мужь,
Та зробиу бы добрый воузь!

„Кабъ жа-шъ ты была добра жона,
То сядѣла бъ сабѣ ў дома,
И такой мятелицы
Прала бъ сабѣ куделицы.

Когда приѣзжаетъ женихъ.

Катялась черная галка по бору,
А за ею яшень соколъ поблизу.
„Сожджы, пожджы, черная галка: ты жъ моя!“
Яна стала, отщабетала: „я жъ не твоя!“
Я убога сиротанька, а ты пань,
Шукай сабѣ такой панѣнки, якъ ты самъ!“
— Пералятѣу я чатыры боры, пятый лѣсь,
Не знашоу такое птушачки, якъ ты есь.
Пераѣхау я чатыры села, пятый зедъ (?),
Не знашоу такое панѣнки, якъ ты есь

(Волковск. 3)

Пирабачайтя, маршалачки,
Што каротки падарачки:
Ни за рокъ я ихъ нарабила,
А за гадѣну раздарила.

Васѣлячка приданая блудила,
На чистамъ поли дарбжаньку згубила.
Да села, да села—туть наша Антѣленька,
Васела, васѣленька.

Братъ кѣску расплятаа,—
Гдѣ касьничкѣ давѣя?
— У камѣрца на заслѣнца,
Няхѣй мѣншай сястрѣнца.

А у поля вярба нахилёная,
Тамъ стаяла дѣвчиненька заручбная,
Ой зарученая, да й запятая.
Кали-шъ яё запивали?
Якъ садъ зацвитаў.
Дѣвчина май, напай ты каня!
— Якъ буду твая, напаю каня,
Ще й завяду да Дунаю,
Гдѣ зимна вада.
Конь вады ня пѣе, капытамі бѣе.
Сьтыражйся, дѣвчиненька,
Ёнъ тябѣ забѣе.
— Я сьтырагуся, да й ни баюся,
Бо я маю бѣлу ручку, та й абаранюся.

Да бору дарожка, да бору,
Плакала Катринка да дому.
„Завязи, Стасечку, гдѣ ты ўзяў,
Штобъ яё вяночакъ ни завяў“.
— Ня бойся, Катринка, ни завяня,
Ёсь у мянѣ матуля—дагляня,
Принясе вадицы съ крыницы,
Пакрѡпя вяночакъ изъ шклянйцы.

Ўхала Катринка да вянца,
Сыпала чирвонцы зъ рукавца.
За ёю матуля збирала,
Дробнымі слезами плакала.
Хоть збирай, матуля, ни збарэшъ,
Дробнымі слезами абліэшъ.

Выйди, батенька, съ свячами,
Уже тваё дитятка звянчали,
Да тябѣ на забаву примчали.
— Каму забава, а мнѣ жаль—
Гадаваў дитятка—зять узяў,
За гадаванечка шапку зняў.

Стаяла Марьянка паць ляскомъ,
Кликала Ясенька галаскомъ:
„Ой ёдь, Ясенька, не баўся,
Ужо мой ойченька прыбраўся:
Тясóвы столики засьтылаў,
Вінамъ шкляначки наливаў,
Любыя госьтыки частаваў
И тебе маладога дажидаў“.

Равняй, Божа, горы, долины равнёнько,
Приняси, Божа, майго Ясенька ранёнько.
Хоть ранёнько, хоть ни ранёнько—не дбаю,—
Я свайго милага па галасочку пазнаю.
Ни па галасочку, то па станочку,
А ни па станочку, то па бѣлымъ лічаньку,
Па каю варонёнькимъ, па сядлѹ залатёнькимъ.
(М. Наревка, Шружан. у.)

При пріѣздѣ жениха къ невѣстѣ предъ вѣнцомъ.

Ой, цыѣ то сватко́ве
Вэ́ликимъ ра́домъ ф́хали,
Пу́дь пѣ́ромъ, пу́дь явѣ́ромъ
И пу́дь цѣ́рнымъ акша́митомъ?
Васы́льковы сватко́ве
Вэ́ликимъ ра́домъ ф́хали,
Пу́дь пѣ́ромъ, пу́дь явѣ́ромъ
И пу́дь цѣ́рнымъ акша́митомъ.

Когда ѣдутъ къ вѣнцу.

„Росплы́ншѣ, Дунаю, по бору,
По ўшаляку́мъ жи́лю.
Роспла́цше Ганулю,
До слюбу ѣ́дўцы:
Тамъ рудки жвѣзутъ
И вѣ́рное слово сказа́ть!
— Цомъ шѣ́ тэ́ мнѣ́ нэ́ казали,
Якъ рудо́къ нэ́ вяжали?
Тэ́рась мнѣ́ нэ́ казы́этэ
И сэрда́нька нэ́ смуті́этэ.“

Ой, брасцали зеліѣзны возы
 Ў дорожи.
Заплакала то люба Марыша
 Ў коморы.
Ой заль-зе мніѣ, ойцэньку,
 На тэбэ,
Зостаецце дробнэ жэлицко
 У тэбэ.
Прссу я тэбэ, муой ойцэньку,
 Стихонько:
Поливай мое жэлицко
 Цастэнько“.

К о р о в а й н а я .

А ў городбцку хміѣль ше ве,
За городоцкомъ псэнича.
„Ой сказы, сказы, моя Марылю,
Хто у тэбэ наймільсы?“
— Наймільсы ў мэнэ ойцэнько,—
То моё віѣрнэ сэрдэнько!
„Не праўду казэсь, то невіѣрное шлово,
А коровай пэцэтче для кбго?“
— Ой то ля молодого, ля молодого,
Ля Яшюлёнька милбго,—
„Твой кэханы, миль Яшюлёнько,
То твое віѣрнэ сэрдэнько“.

З а р у ч н а я .

Коню, о мой коню, жолотая грыва,
Жавэжи ты, о мой коню, а дэ моя мила.
Стань прэдъ воротамы, штукни копытамы,
Цы нэ выйдэ моя мила, съ цорнымы бровамы?
Ой нэ выйсла мила, туолько милой мячи:
„Коли хоцэсь ячэьмъ бычи, то й просу до хаты.
Потуомъ выйсла мила, съ цорнымы бровамы,
И зацала рожмовати ражнымы шловамы:
„Цо мой другъ, мой милый, цо такъ зазурыўше?
Самъ ты, самъ ты вивоватый, цомъ ты нэ зэниўше!“

Птаски канарейки залобно поють;
Намъ съ тобою, о мой милый, рожлуку дають.
Рожлука, рожлука—цузая шторона:
Ой вихто насъ нэ рожлуцыть, якъ сыра земля.

То й нэ бэрэжа, то й нэ кудрава,
То й нэ диўцыпа, шама моголая.
Матка штарая, сэстра малая,
Шама молодая крошна ткача.
Крошна ткуче, нитки рвуче,
Пудъ монмы воробтамы
Хлопчи вьютче.

„Да й нэ витэшы, да й нэ битэшы,
И на мэнэ молодую нэ надыйтэшы!“
— Мы не вьемшы и нэ дэрэмшы,
А якъ захоцешъ, то й побэрэмше.
Пуйдэмъ у цэркву, руки жвязуть,
Да й добрэ зычи намъ приказуть.
Пошли до цэрквы, руки жвязали,
И хоросенько зычь приказали.

Тую півшню то козды шпивае; а напишаў еи Олександрь
Шумъ, зъ Цорвуй Велюкуй.

Старсы сватъ отдае винокъ на вешилю.

Нэхъ бендже похвалены Езусъ Хрыстусъ!

Найунереды дозволяне Бога Найвысшого и пана Ойца и
Матки славетнуй. Цы годна васа пани молодая того винка
рожмаріанового, которого джишь трымаю предъ еи оцыма, и
цы варта того молодого, которого вона бацыть предъ швоини
оцыма? (Тоды ушіѣ говбратъ, цо годна!) Други ражъ пытаю:
цы годна? (Отвіѣтъ: годна!) Трэчи ражъ пытаю: цы годна?
(Жновы отказують, цо годна!) Ото баць, пани млада, цо ты
варта того винка и варта того молодого, и повиннашъ бычи
варта, ото спомятай собіѣ тое, зе джишь ты узе стаеесь до
малзенства маестату Бозого, узе нэ будэшъ ходити шъ тыми
диўцатми, шъ которыми ты ходжила; а тэрасъ стаеесь до слюбу
маестату Бозого. тошъ повина джишь плакачи, бо джишь
остатня рожлука съ твоимъ паніенскимъ зычомъ. О тэрасъ,

пани молодая, упади до нуогъ своихъ рожницоу и проши о
благословіенство, а мужыкантоу просу о голосъ!

Написау зъ Цорны Вэликой Олександръ Сумъ.

(Бѣльскаго уѣзда, Городисской волости).

Краковяцъ Яцэкъ
Въ Краковѣ се рѣдилъ,
Не умялъ патѣжа,
До панѣнэкъ хѣдилъ.
Понедялэкъ, вторэкъ,
Срѣда, чвартэкъ, пѣнтэкъ,
Тамъ се хлопцы зѣне,
Гдѣ дѣзы маѣнтэкъ.
Маѣнткемъ се хвалѣ,
Самы ниць не маѣ:
Едзѣнъ у другѣго сподни pozyцаѣ,
Давіска псы бѣку,
А згѣрка нѣма,
Пытасе гѣ панна:
„Ктура година?“
— Псецрасамъ я, панно,—
Згѣрекъ зѣсуты!
— Псѣдай, панъ, зажетѣ,
Купи соби буты.

(С. Наройка, Бѣльскаго у.).

А сванька сваньци поклонилася,
Жебъ надъ нашимъ дѣтѣмъ не знудковалася,
Ой, жебъ рано не будыла,
Ой, жебъ по воду не ходыла.
— Мы кресѣль не робили,
Жебъ у кресли сядовили!
Будѣмъ рано будыты
И по воду ходыты.

Й а у горѣдци, на ярой рутци,
Плаче Елѣнка, виночки вючѣ,
Чуе Петрусѣ, отъ кони йдучѣ:
„Чого, Еленко, жалосно плачешъ,
Чого, молоденька, жалосно плачешъ?“

— Ой, якъ же бо мнѣ то й не плакаты:
Ў тебе роду много, ў мене дару мало!
„Тихо, Еленко, то й не журыся:
Я свого батенька самъ перепрошу
Нискимъ уклономъ, тихенькимъ словомъ.

(С. Собятывъ, Брестск. у., на границѣ
съ Бѣльскимъ у.)

II.

Когда коровой мѣсять.

„Ой, старшая коровайночка ўпиласа,
На кого жъ вона, молодэнька, здаласа,
Ой, хто ее до домоньку завэдэ?“
— Ой, що жъ вамъ, коровайночки, до того?
Ой, ё у мэнэ миленькій для того,
Ой, то вонъ мэнэ до домоньку завэдэ;
Ой, то вонъ мэнэ на ложу бѣлу положить;
Ой, то вонъ мэнэ китайкой надэнэ;
Ой, то вонъ мэнэ коханкой назовэ.

Когда пріѣдутъ отъ вѣнца.

У нэдѣленьку спозна набѣгли дѣўки зрозна,
Не то рутку щипаты, не то дѣвочки пытаты:
Чи гораздъ шлюбовала, чи шчирэ присэгала,
Чи перстенки помѣняла, чи ясну свѣчу дэржала?
Дѣвочки-сэстроночки, дай Боже вамъ тамъ буты
И того одвѣдаты:
И гораздъ шлюбоваты, и шчирэ присэгаты,
Перстенки помѣняты, ясну свѣчу дэржаты.

Ой, гула пчолка, гула коло новаго двора.
То не пчолонька гула, то дѣвонька плакала,
Изъ шлюбу пріѣхавши, батэньку до ногъ павши:
„Батэнько ты мой роднэнькій, развѣнчай же ты мэнэ,
Развяжи ручки моё, размѣняй перстеночки“.
— Дѣтятко мое роднэ, радъ бы я тысячь даты, кобъ тэбэ
развѣнчаты.

Когда на посагъ садятъ.

Братъ сестру за столъ вѣдэ,
Калину прохилае, сѣстронку научая:
„Будь, сѣстронко, покорная, каждому поклонися,
Старому и малому, батѣнькови своѣму“.

Когда прѣзжаетъ женихъ къ невѣстѣ.

Вѣхали сватковэ черезъ садковэ,—
Садъ поломали, сокола загнали,
Золотую чашу коньми стоптали.
Колы будэ дѣвонька наша,
Садъ засадымо, сокола унадымо,
Золотую чашу нову справимо.
Ой, хитреньки, разумненьки жѣнышокъ!
Ой, хитро вонъ до своего тѣстя прѣзхау:
Черезъ поле имглыцою котывса,
Въ село вѣзхау, дробнымъ дощикомъ обливса,
На дворъ зѣзхау, барвинкою уквѣзтывса,
Въ сѣни войшоу, всѣмъ нызько склонывса,
За столикомъ соколикомъ садывса.

Когда отвозятъ невѣсту къ жениху.

Нежалослива матѣнко
Проти ноченки дытя шле,
Проводничка не дае.
На що, матѣнко, проводникъ—
Возьме жѣнышокъ за ручникъ.

Казау, казау да мой батѣнько,
Що дочка незбутночка,
А тѣпѣрь каже,
Що була работночка.

Ой, чи я тобі, да мой батѣнько,
Зѣ госени нѣ казала:
Нѣ горы поля да нѣ сѣй жита,
Бо нѣ буду пожинаты.

Да скопай ратку да посѣй рутку,
То буду поливаты.
Чи я тоби, да мой сѣкорку,
Зъ госени нэ казала:
Нэ копай ратки да нэ сѣй рутки,
Нэ буду поливаты;
Да згоры поле да посѣй жито,
То буду пожипаты.

(Д. Бармуты, Ревятчск. вол.,
Пружанск. у.).

Когда вьютъ вѣнокъ.

Шла Ярыночка гаёмъ,
За ею Иванко сывымъ конёмъ:
„Ой, дай же, Боже, нагоныты,
Нагонывшы, намовыты!“
— Хочь нагонышь—ны намовышь,
Покыль батька ны упробышь!

Когда совьютъ вѣнокъ.

„У нашэй Ярынки дивно выночокъ звытый,
Ой, хто жъ бо то юй такъ дывного рынка зывъ?“
— Ой, звыла юй Богородыця Святая!
„А хто жъ ей, Святэнькэи, упробышь?“
— Ой, просыла ей матёнька, просыла,
Якъ малёнкую на рúчонькахъ носыла,
Ой, тоди ей, Святэнькую, просыла.

(Д. Мивянка, Подолѣсской вол.,
Кобринскаго у.).

„Замостовэ людэ, чого тутъ стоётэ?“
— Мы тутъ стоёмо, мосты будуёмо.
И съ чэго чэго мосты будуёмо—
Зъ дэрва дубового, зъ листу вишнёвого!
„Замостовэ людэ, чы насъ пропустытэ?“
— Усыхъ пропустымо, одну зоставымо:
Що въ красномъ выночку, въ вышитой сорочци.

✓ Мутлы́ва зозуля, мутлы́ва.—
Пэрадь соловьямы змутыла:
Казала—въ садочокъ нэ лэчу,
Казала—ягодокъ нэ дзюбну!
— Зозулька въ садочку бувала,
Чэрвоны ягодки дзюбала.
Мутлы́ва Опраська, мутлы́ва,—
Пэрадь дывочкамы змутыла:
Казала—Пэтруся нэ люблю,
Казала за ёго нэ пыйду!
— Полюбыла жъ Петруся, якъ душу,
Тэпэръ кажэ: покынуты нэ мушу!..

(С. Вѣжня, Городечн. вол.,
Пружан. у.).

Чыя то рутонька коло саду стояла,
Росыцею прыпала?
Ой, найшлы ¹⁾ дывкы, найшлы,
Сталы рутку щыпаты,
Олеццы вынкы выты.
„Олечка, одъ насъ идэшъ,
Що ты намъ за даръ пришлешъ?“
— Ой, прышлю я вамъ дару,
Дару нымалбо:
Выячка зъ росыцёю,—
Мэдъ—выно съ скляныцею“.

Лытять галочки
Въ тры рядочки,
Зозулька найпоперудъ;
Галочки сылы по крошыяноньцы,
Зозулька на калыны;
Сылы галочки, зашэбыталы,
Зозулька заковала.
Шлы дывочки
Въ тры рядочки,
Олечка найпоперудъ;

¹⁾ Звукъ л—небный, а не зубной.

Дывочки сылы по лавочкахъ,
Олечка за столыкомъ;
Сылы дывочки, заспывалы,
Олечка заплакала.

Черезъ гулицю вышніюувъ садъ, вышніюувъ садъ,
Тамъ дывоцькій вэсь ладь, вэсь ладь;
Тамъ дывочки вынны вьютъ, вынны вьютъ;
Повывшы вынны, гуляють, гуляють.
Тамъ йьдэ любый гіюусть, любый гіюусть,
Любый гостичокъ, нашъ молодчычокъ, нашъ молодчычокъ;
Здала йьхавъ, шапку знявъ, шапку знявъ,
Блыжэ подьйьхавъ, ручку давъ, ручку давъ.
„Знаю, Олечка, гордуешь мною, гордуешь мною;
Я твою гордость сбуду, сбуду,
Въ свого тэстынька на дворі, на дворі,
Ще й въ новіюуі коморы, коморы.

Подякуймо Боговы и Рѣчыцкому поповы,
Що нашу пару звывчавъ,
Ны дорого за шлюбъ узавъ—
Штыри золотыи
За наши молодыи.

Тупу, коныкы, тупу—
Прывызлы на двіюуръ ступу,
До хаты колотуху,
На сыло ролэтуху,
До хлопціюувъ рыготуху.

Впала кіюушка съ пемы,
Вмочыла въ борщъ плэчы;
Сватковэ ны вьдалы,
Тымъ борщомъ пообьдалы.

(Д. Антоны, Городечанской вол.,
Пружанскаго уѣзда).

К а р а в а й н а я .

Вышла Ганночка за воротэчка,
Розсыпала пацёркы:
Вжэ мынаютця, забуваютьця
Дивоцькы вэчоркы!
Вышла Ганночка за воротэчка,
Розсыпала орышкы:
Вжэ мынаютця, забуваютьця
Дивоцькы смішкы.
Вышла Ганночка за воротэчка,
Розсыпала карты:
Вжэ мынаютця, забуваютьця
Дивоцькы жарты.

При отъѣздѣ жениха къ невѣстѣ наканунѣ свадьбы.

„Ой ты, Стэпанко, славный козачэ!
Ой, якъ по тбѣ батэнько плачэ,
Що й одѣжаешъ, ны вечерашъ!“
— Ой есць у мѣнэ тэсць при дорбзи,—
Ой тамъ я буду ничь ночоваты,
Ничь ночоваты, и вечераты.

Ны горохъ по столу котывся,—
Матвійко въ дорогу ладывся,
Батэнька дороги пытався:
„Батэнько, дэ мни йіхаты?“
—Йидь, сынку, шырокимъ гостынцемъ,
Заверны коныкы до сѣла,
До нового до двора,—
Тамъ твоя Явдоська вэсѣла:
Идучи зъ коморы таньцѣе,
Свойі пидружкы все частуе:
„Ой, пыйтэ, пидружкы, гуляйтэ!
Вжэ мое гулянэчко мынае:
Матвійко вэночокъ здыймае,
Коныку на гывоньку накладае!“

При прїѣздѣ жениха къ невѣстѣ.

Ой, знаты, знаты, що тэсць богатый:
Ны выходыть зъ хаты зятя вытаты!
А пашь Мыхалко ны вэльмэ пышный:
Узявъ свѣночку, у сины выйшобъ.
У сины выйшобъ, якъ мисяць зыйшобъ:
У хату входыть, якъ сонцэ всходыть;
За стуль (столь) сядѣе, якъ збра сѣе!

(Д. Евсѣмовичи, Кобринск. уѣзда,
Подолѣск. вол.).

Во время выкупа молодой у брата.

„Місяцю, місяцю, Гнатко!
Чого ты стойішь, ны сядѣешъ?
Чы бовсься блыжэй ступыты,
Братэка отъ сѣстры откупыты?
Ой, выкинь чэрвунэць на таліръ,
Братэка отъ сѣстры за ковміръ!
Тэпэръ мни вольнійша, выжъ тоби:
Ой, тоби сѣструнка рожона,
А мни молодому сужона!
Ой, тоби сѣструнка на симъ лить,
А мни молодому на всэй вить!

(С. Подолѣсье, Кобрин. у.).

Когда вѣнокъ выютъ.

Ой, сядьмо мы, яй погадаймо,
Улянки попытаймо,
Цопытаймося Улянки,
Уляничныи матѣнки,
Чи она вэлить, чи благословыть
Улянцы вэнбкъ звыты.
— На що я ий годовала
И подружечки збырала?
Я тэпэръ вэлю и благословлю
Улянцы вэнбкъ звыты.

(Съ этими же словами обращаются къ брату, сестрѣ и т. д.).

Ой, Уляно молодэнька,—
Нэ довытый вэночокъ:
Ускочь въ садочокъ,
Нарйжъ квэтбчокъ,
То довьемо вэнбчокъ.

Когда изъ церкви їдутъ.

Ой, подякуймо Господу Богу,
Їще батюшцы своѣму,
Що вянъ звэнчавъ,
Нэ много взявъ—повсѣма золотого.
Ой, повсѣма золотого,
Ще й и коня вороного.

Когда приїдутъ на дворъ.

Ой, выйды, матэнько, зъ свѣчама,
Вже твоѣ дитятко звэнчалы,
Тоби на утихи привчалы.

Їшовъ Васылько кэрэзъ сѣны,
Кэрэзъ сѣны до коморы,
Брэзнувъ въ двѣри, якъ у дзвоны,
Нагнивався на батэнька,
Що нэ вороные коны запрэгъ,
Що нэ вороные—червоные:
„Тоби, батэнько, нэ що въ дома,
А мни на чужинї сѣромъ будэ,
Соромъ будэ, договэнька,
Отъ чужихъ людей нэславэнька!“
Їшовъ Васылько кэрэзъ сѣны,
Кэрэзъ сѣны до коморы,
Брэзнувъ въ двѣри, якъ у дзвоны,
Нагнивався на матюнку,
Що нэ смачного хлиба спэкля,
Нэ смачного,—розѣвого:
„Тоби, матэнько, нэ щѣ дома,
Мэни на чужинї сѣромъ будэ,
Сѣромъ будэ, договэнька
Отъ чужихъ людей нэславэнька!“

Въ новій коморы за двѣренькамы
Стоялы лыжки зъ подушечкамы.
Й а й въ тумъ лыжечку молодъ Мыкитка.
Пришла до его Галѣнька его.
Взяла за головку—цалуе его:
„Ой ты, Мыкитка, дорогій квіту,
Нѣма такого ў цілуму світу!“.

Ярая рўтонька, жовтый цвѣть,
Гдѣсь въ тѣбѣ, Галѣнко, бѣтька нѣть?
— Бувъ въ мѣнѣ батѣнько измѣлу,—
Налынулы анголы изъ раю
И взяли батѣнька зъ собою,
Мѣнѣ покянулы сыротою,
Ой, мою матѣньку вдовою.

Ишло сонько по захмарью
И зъ хмаренькою говорило:
„Чорна хмаренько, сховай мѣнѣ!“.
— Яснѣ сонько, нѣ сховаю,
Я сама змокну и тѣбѣ змочу!
Ходыла Марьичка по за столомъ
И зъ матюнкою говорила:
„Моя матѣнько, зозуленько,
Отдаешъ мѣнѣ замужъ молодую,
Справъ мѣни лѣжу золотую,
Приставъ зозульку голоснѣю.
Кобъ рано встала и заковала,
Насъ молодѣнькихъ розбудыла.
Бо тамъ свикѣрко нѣ батѣнько,
Нѣ будѣ насъ ранѣнько будыты,
Зайдѣ до сусѣда насъ судыты:
„Моя нѣвѣста сонльвая
И до роботы лѣнѣвая“.

Марьечка батѣньку одробыла,
Въ сѣнюхъ грабѣлькѣ поставыла:
Будѣшъ, батѣньку, быдоваты,
Будѣшъ грѣбчыкы принайматы,

Въ дѣнь по два злоты имъ платыты,
Таки нѣ будутъ вирно грѣбсты,—
Будуть на грабѣлькы зпыратыся
И на сѣныко вглядатыся:
„Вже сѣнце нызко, вѣчоръ блызко,
Ой, уже пора до домоньку.

(Тоже и о жнецахъ. Вмѣсто грабелекъ фигурируетъ серпъ).

„Ой ты, зозулько рябѣнькая,
Живы, зозулько, умнѣнькая:
Налѣнуть стрильцы королѣвскіе,
Хочуть зозулку застрѣлыты!“
— Нѣхай стріляють—нѣ боюся,
Въ моёмъ садочку клинѣвъ *мнѣго*:
Я на клинѣчокъ узхоплюся,
Клиновымъ гольичкомъ опущуся,
Клиновымъ лыстѣчкомъ огорнуся
Таки отъ стрильцовъ зховаюся!

„Ой ты, Марьечко молодая,
Живы, Марьечко, розумная:
Найдѣ свѣтѣ Болотское,
Ой, зхочуть тѣбѣ соби взяты!“
— Ой, нѣхай бѣруть—нѣ боюся:
Въ мого батѣнька комѣръ *мнѣго*:
Я въ комброньку зховаюся,
Дубовымы двѣрмы зачинюся,
Ютранымъ замочкомъ я замкнуся,—
Таки я отъ сватѣя зховаюся!

Ой, дяку тобі, матко, що робыла гладко,
А вамъ, батѣньку, за годованье,
А вамъ, братѣки—за шкодованье,
Вамъ, сыструночки - за порадоньку,
А вамъ, дѣвѣчки—за компанѣчки,
А вамъ, сусѣдочки—за попрѣдочки,
Вамъ, хлопчики—за мызыченьки,
А вамъ, молодці, що наймалы танці,
Вѣтѣ наймалы, а мы танцювалы.

✓ За вѣчерою.

Ходы, батѣньку, повѣчерай зо мною,
Повѣчѣравши, поговоримо зь тобою,
Поговоривши, роздѣлымся зо мною.
Тоби, батѣньку, стодола и новѣнька комора,
А мни молодуй скриня, пѣрина, корова.
Тоби, матѣнько, починочки, клубочки,
А мни молодуй—сорбчочки, платочки!

Припѣвы свахѣ.

Казалы людѣ, що сваха богата.
Вона нѣ богата, а горбата.
На горбу вѣрба, на вѣрби сова.
Сова очи драла, кобъ сваха нѣ спала.

Ой зкуль, свѣнѣчко?—Зь Орихова!
Чого жъ ты до насъ прїяхала?
Колы нѣ вмїешъ пїсни спѣвѣты,
То було бь до насъ нѣ їхаты!

✓ Загану сваньци симъ загадокъ:
Ой, сѣбъ свѣнѣчка умна была,
Кобъ загадоньки отгадала,
Кобъ намъ правдоньку сказала:
Ой, що жъ въ мори найшворнѣйшэ?
Ой, що жъ то живѣ найчорнѣйшэ?
Ой, що то билѣ, нѣ бїлячи?
Ой, що то плаче бѣзъ слиженьки?
Ой, що то горить бѣзъ полома?
Ой, що то ростѣ бѣзъ кореня?
Ой, що то цвѣтѣ бѣзъ цвѣтоньку?
— Що жъ бы я була за сваночка,
Кобъ загадоньки нѣ отгадала,
Кобъ вамъ правдоньки нѣ сказала:
Въ мори рыбка найшворнѣйшая,
Въ полы гѣлонька найчорнѣйша,
Лѣбїдка била найбѣлѣйша,

Скрипонька плаче бэзъ сліззоньки,
Свѣченька горить бэзъ поломя,
А камэнь ростэ бэзъ кореня,
Папороть цвэтэ бэзъ цвѣтоньку!

Сонцэ заходыть, мисяць зыходыть,
Тэща до зѣта зъ мѣдомъ выходыть.
„Ой, проступитэ, близки сусиды,
Нэхай я побачу своѣго зѣта:
Чи вунь піека, чи вунь гулёка?—
— Ой, тэщо, тэщо, нэ рудная маты!
Ой, якъ ты смила тое казаты:
Сэбъ я піека, то въ корчми пывъ бы,
Сэбъ я гулёка, то музікы наймавъ бы,
Зъ дэвкэмы гулёвъ бы!

Брэзнули звонь напэродъ конь,
Вже наша нэвѣста на двурь зънѣжае.
Нэма кому выйти нэвѣстки взнаваты:
Свэкровъ старая, зовыця малая.
Вышла зовыця нэвѣстку взнаваты:
„Ой, маты, маты—дывная нэвѣстка!
Въ іѣ по шѣи зороньки крѣшуть,
Въ іѣ по ручкамъ мѣсяцы свѣтятъ,
Зъ іѣ вэночка дрѣбный душь идэ!“
— Ой, дою, дою, малый умъ маешъ!
Що дощикъ идэ—слэзоньки въ іѣ,
Що зороньки крѣшуть—пацюркі въ іѣ,
Що мисяцы свѣтятъ—пэрстэныки въ іѣ.

Когда забирають невѣсту.

Йдэтэ, сватковэ, до Шерешова,
Бо въ Шерешови дэвкі дэшобы:
За три копійки чотыри дівки,
За ковшикъ грѣчки штѣре дивѣчки.
А въ Антопульи дэвки на кульи,
А въ Кысылувцѣвъ по сто чирвунцувъ,
А въ нашихъ Болуть по рублювъ сорокъ.

Добранучь, муй батэньку,
Ны на одинь йду дэнёчокъ,
Ны сина погребаты,
Нэ придú вэчераты.
Сэ придú въ гостынёньку,
И на малую часынёньку.

Въ чистомъ полю подь калынёю
Ой, тамъ Хвэдорко сванэчку учить:
Ой ты, сванэчко, рудна сэстриночко,
Хочь молодая, будь розумная:
Якъ зайдэмо до мого тэстэнька,
А въ мого тэстэнька стоятъ калына,
Соятъ калына колосыстая,
На юй гблечко позлотыстое,
На юй ягодки щірого злота,
Кобъ ты, сванэчко, нэ поквапыла,
Тэи калыны не выломыла,
Своёи шепоньки нэ заkwэтыла,
Мого тэстэнька нэ розгнэвыла.
Бо муй тэстэнько бардзо гнэвлымый,
Якъ розогнэвыты, то й нэ пэрепроситы.

Поухавъ Хвэдорко дивкы любыты,
За имъ батэнько зъ нимъ говориты:
„Нэ любы, сынку, дівкы въ танбчку,
Но любы, сынку, на загонбчку:
Кобъ вона загонэць хутэнько жала,
Кобъ вона снопки туго вязала,
Кобъ вона кобы щитэнько клала.“

Ой, нэ ёрь, нэ ёрь,
Ёра пчелёнько, по ббру,
Йдэ Хвэдорко зъ дружинёю до дому.
Ой, якъ прихавъ подь воротбчки—схопывся,
Своёму батэньку нызко до ножбкъ склонывся:
„Ой, на добридэнь, а муй батэньку, до тэба,
Чи приймэш мэнэ зъ дружиною до сэбэ?“

— Сэ добрый будэшъ, а муй сынбнѣку, на мэнэ,
То прійму тэбѣ ізъ дружинбю до сэбѣ!
А сэ-якій, а муй сынбнѣку, на мэнэ,
То заворочай назадъ коныкы отъ мэнэ!

(С. Волоть, Кобринскаго у.).

Ихала сванычка горою,
Вызла жынышка съ собою.
„Що жъ тоби, жынышокъ, купыты:
Чы купыты мѣсто съ цырквѣмы,
Чы купыты сылѣ зъ дывкѣмы,
Дорогое полэ съ снонамы?“

— Славное мѣсто съ цырквѣмы,
Высѣлое сылѣ зъ дывкѣмы!

Ой жынышкивъ батынѣко быдуче:
„Ой дэ, ой дэ да мій сынчокъ ночуе,
Ой, чымъ же винъ свои коныкы харчуе?“
— Винъ ночуе въ своего тэстынѣка на честѣ,
Винъ харчуе свои коныкы на говсѣ!

Ой, якъ зъяхавъ да молодъ жынышокъ на свѣй двирь,
Разгулявся подъ имъ молодымъ сывый кинь,
Раздэръ ему его шубонѣку ажъ до пилъ (полъ).

Якъ узлывся молодъ жынышокъ на коня:

„Ны дамъ тоби такъ оброчынку, якъ дававъ!“

Якъ увчула дивонѣка въ коморы:

„Ны злысь, ны злысь, жынышокъ, на коня!
Въ мого батька два соболыкы щэ й кунѣ,
Наладымо твою шубонѣку, якъ була!“

Ой, дивонѣка жынышка просыла:

„Нэ йды, молодъ жынышокъ, одъ мынэ,
Бо на тыбѣ тымна ничынка наступыть,
То ты жъ мои да подарочки погубышь,
Заихавшы, свойму батынку обсудышь:
Ой, соннѣва наша дивонѣка, соннѣва:
Що вона намъ та подарочкувъ ны дала!“

Стоить дубочокъ, стоитъ зыленый,
На Дунай похылвся,
Сыдыть жынышокъ, сыдыть молодой,
Въ дорогу нарядвся.
Держыть хустоньку въ правій ручыцы.
Слэзонькы втырае,
Своёму батыньку, своёму ридному
До ножокъ впадае:
„Ой, мій батыньку, ой, мій риднынькый,
Радый въ дороженьку!“
— Я жъ тыбэ ражу, щэ й выражаю.
Нэхай Бигъ помогае.

Даю тобі дэвэть конькувъ
По твою дружиньку,
Дэсятого ще й вороного
По тыбэ молодого.

Раба пташечка, нывылычэнька,
По рокитнячку скачэ,
Дурна дивчына, бызрозумная,
По козаковы плачэ.

„Нэ плачъ, дивчыно, ны плачъ, молада,
Ны труды головьныкы:
Найдутця людэ, лишъ тобі будэ,
Съ чужэй сторонькы.“

„Ой, не йды, братокъ, на Вкраиночку
По тую дивчыночку:
Вывымо цвиту съ этого свиту,
Озымэмо сыроточку!“

— Богатая, та й рогатая,
Та й къ тому ще пышна,
А сыритонька, та й хорошая,
Якъ чырвона вышня“.

Зыленэ горышвинне по полю вылягае,
Съ подъ того горышвиня сывий кивъ выбыгае.
Ны самъ винъ выбыгае, жынышокъ вынжжае,
Край ёго свашка гожа выскочыла зъ воза,

Та й побигла въ садочокъ, выщипнула квитоньку,
Выщипнула квитоньку. заткнула за шапоньку.
„Молодэнькій жынышокъ, якъ тоби хорошенько
Въ бобровій шапоньцы, въ рожовій квитоньцы!“

Молодая дивонька
Въ новый брамы стояла,
Съ свёкоркомъ розговляла:
„Свёкорку, мій батыньку,
Ны лякайсь мого роду:
Въ мынэ ридь ны вэлыкый, —
Сымдысятъ пырызвянокъ,
Дванадцитъ подгулянокъ!“

„Билая лыбыдына, чы вэсь лисъ побылыла?“
— Ой былыла, былыла, дубочка й увмылыла!
„Молодая дивонька, чы подаркувъ наробыла,
Чы вэсь ридь обдарыла?“
— Ой дарыла, дарыла, свёкорка увмылыла!

Служывъ жынышокъ королю,
Заслужывъ соби дви свичы.
Да й ихавъ отъ тэсця увъ ноци,
Чырызъ тры сыли, граючи,
Блызкіи сусиды будячы.
Блызкіи сусиды побудывъ,
Свого батынька звысылывъ.

На нэбы мисяцкь одынъ;
Кобъ ёму гэтакый другый,—
Свытылы бъ зъ вэчора до дня.
Увъ батынька жынышокъ одынъ;
Кобъ ёму гэтакый другый,
Робылы бъ половыну зымли,
Увзялы бъ королевну соби.

Сяють, мають да на конычкахъ ручнычкы,
Кракнула сыва утонька на мори,
Одозвалася дивонька въ коморы.

Вычирня зиронька
Цилу нычку свытыла,
Зъ мясяцѣмъ говорила:
„Мясяцю, мясяцю, дэ жъ я подинусь,
Якъ ясно сонцэ зыйдэ,
Въ окэвыко выйдэ?“
— Вычирня зиронько!
Ты пійдэшъ по захмарью,
Хмаркою опустысься,
Дбщыкомъ оболесься!

Молодая дивонька
Цилу нычку ны спала,
Зъ батынькомъ розмовляла:
„Ой, мій батыньку рідный,
Дэ жъ я подинуса,
Якъ сваты на двирь зыйдутъ,
Въ хатоньку вйдуть?“
— Моє дятятко ріднэ!
Ты пійдэшъ по застыльлю,
Коскамы опустысься,
Слэзкамы оболесься!

Сонько колысбѣмъ зъ горы йдэ,
Молодая дивонька зъ винчэння йдэ.
Батынько, прырйшэдъ, пытае:
„Дятятко, дэ жъ ты бувала,
Що жъ ты выдала?“
— Батыньку, въ цэрковцы бувала,
На билому да на ручнычку стояла.
Прычыста два выночки звыла,
Намъ молодымъ на головки клала.

(Д. Салово, Дрогичавской вол. Кобринск.

Клѣновынькый лѣстовьку,
Куды тыбэ вѣтѣръ котыть:
Чы на гору, чы въ дольну,
Чы въ зылену дубрѣву?
Сы на гору, сухой будэшъ,
Сы въ дольну—мокры будэшъ!

Молодынькый Иванко,
Куды тыбѣ батько радыть:
Чы на войну, чы до тѣстынька?
На войни сыкуть, рубають,
А въ тѣстынька пьютъ, гуляють;
На войни зъ бычыкамы,
Въ тыстѣнька зъ мызыкамы.

„Ой ты, наломнѣна калыно,
Хто тыбѣ чырвону наломывъ?“
— Наломылы мѣне пастушкы,
Ранынько волыкы пасучы,
Пиузнынько до дому жынучы,
Мынѣ на кыюшкы быручы!
„Ой ты, намовлѣна Ганнѣчка,
Хто жъ тыбѣ намовывъ молоду?“
— Намовывъ мынѣ Нычыпорко;
Выдучы коныкы по роси.
Виунъ намовывъ мынѣ щѣ въ коси;
Выдучы коныкы до брѣду,
Виунъ намовывъ мынѣ молѣду;
Выдучы коныкы на рѣкы,
Виунъ намовывъ мынѣ на вѣкы

За гору соныко заходыть,
Марьячка Яковка надводыть,
И въ ёго заплаты доходыть:
„Заплаты, Яковко, за надвѣдъ,
Бо взавтра ны спушу на свуй двюръ!
Ой, замкну я брамы замкамы,
Кѣбъ ты ны наихавъ съ сватамы.
Ны мѣла я одъ тѣбѣ гостынцювъ,
Ны съ твѣи кышѣни пырстѣнѣювъ,
Ны съ твого садочка яблычка,
Ны съ твѣи лыщины орышка!“

Ой, розжялылася калына,
Ой, розжялылася а чырвона,
Напротывъ соныка стоячы,
Йа на кліунъ дырэво а глядячы:

„Жяль жэ мни, сонько, на тыбэ,
Що на всіумъ дырэвы бѣлыи цвѣть,
Йа на мни, калыны, цвѣткіувъ нить!“
Ой, расплакалася Ганночка,
Що на всѣхъ дывочкахъ выночки.
Йа на мни, молодуй, вынка нить.
„Ой, пожды, Ганпочка, выдялькы,
Прыйдэ Иванко на копй,
Прывызэ выночокъ віунъ тоби,
Ой, ю билинькому папэры,
Ой, ю тонынькому кужэли.“

Стояла быроза коло пырвоза,
Просыла Оличка пырвбзнычка:
„Пырвбзнычку, пырвызы ричку,
Зь гэтого края на той біукъ Дуная,
Ныхай я зобачу свого подвіурья:
Кажуть, ворота съ щирога злота.
Кажуть, покои ызъ маковби,
Кажуть, свѣтлыци ызъ маковыци,
Кажуть, дывэры все молоды,
Кажуть, зоввыци все русы косыци?“
— Гэта правдонька ны змутылася:
У насъ ворота ызъ щирога злота,
У насъ покои ызъ маковой,
У насъ свѣтлыци ызъ маковыци,
У насъ дывэри все молоды,
У насъ зоввыци все русы косыци.

„Ой ты, зылена дубровонька,
Чого такъ рано вылягаешъ,
Гору-долыну покрываешъ?“
— Ой, ны сама жъ я вылягаю,
Кладовлять мынэ буйны витры,
Буйны витры, дрюбный дошчи!
„Ой ты, Вирочка молодая,
Чого такъ рано замужъ ыдэшъ?“
— Ой, ны сама жъ я замужъ ыдѹ,
Одае мынэ муй батынько,
Ыщэ за свэи головонькы,
Ы ля люцкэи помбонькы.

Цвыла калына трыма цвытамы,
Ихавъ Омылянку трыма возамы:
На пёршумъ вози самъ Господь ідэ,
На другумъ вози--Божая Маты,
На трэтімъ вози—молода сванэчка.
Самъ Господь ідэ ля спомагання,
Божая Маты—ля вповывання,
Молода сванэчка ля спыванечка.

Ой, уже опюшна выдилька,
Ой, уже Олечка ны дивка,—
Звылы выночка зъ бырвынку.
То тоби, Олечка, за тое,
За твое сырэдэнько гордое!
Було ны ходыты въ вышніюв садъ,
Було ны ломаты вышэнёкъ,
Тра було ны класты въ хвартушокъ.
Тыи тыбэ вышэнькы зрадѣлы,
И тыбэ зъ дывоцтва ссадылы!
Ны плиты кюсбнькы въ тры рядкы,
Ны ходы гуляты, дэ дывкѣ,
Послухай радбнькы, дэ жонкѣ.
Тыбэ жанбчкы порадыть,
Тыбэ коло сыбэ посадыть,
Тыбэ до рбзуму довыдуть.

Чуты за чуты въ зылёнуў руты,
Плакала Параскымка, выночка вьючы.
Зачувъ Яковко, коня выдучы:
„Чого, сырэдэнько, плачэшъ сылнэнько?“
— Ой, якъ жэ бо мни та й ны плакаты:
Въ тыбэ молодого родыны мныго,
Въ мнэ молодэи подаркувъ мало!
„Ны журысь, Параскымка, подарочкамы,
Нанысутъ подружкѣ сулавочкамы;—
Далёкы госты мэдомъ попой,
Блыськы сусиды горилынькою“.

Въ саду соловэйко засвыставъ,
Молодой Иванко смутный ставъ.
Що конькы сгно поилы,
Прыданы мэдъ—выно выпылы.
Якъ довидалася Марьечка:
„Ны журысь, Иванко. ны журысь,
Ой, якъ дождэмо мы литэчка,
Пуйдымо мы на въ строгы,
Наробымо мы сгна тры стогы.
Будымо мы сгно робыты,
На намъ пчолкы мэдобъ носыты!“

„Ой, ричко, ричко быстрая,
Якъ ты вчора була быстрая,
А тыпэрь такая тихая?“
— Ой, якъ же мни буты быстрэнькуй,
Налыгла на мывэ лозыця,
И щэ шовковая травыця.
На мывэ витрычокъ ны віе,
На мывэ дошчычокъ ны зыйдэ,
На мывэ сонько ны гріе!
„Ой, дивко. дивко, Ганночка,
Якъ ты вчора була высёла,
А тыпэрь такая смутная?“
— Ой, обсила мывэ чужына,
Иванкова вся родына:
Изъ правого боку сванэчка,
Цзъ ливого боку Иванко,
Напротывъ сэрдэнька дружэнько,
Ой, и коло ёго братъ ёго,
Въ конца столыка староста,
А на пырыдниччы мызійка,
То въ синэхъ, то въ хаты маршялокъ.

Ой мы, прыданы, пойдымо,
Тыбэ, Ганночка, покынымо.
Ой ты, Нычыпорко, гляды, гляды,
Сэбъ вона боса ны ходыла,
Сэбъ у порога ны стояла,
Сэбъ горшкомъ воды ны носыла,
Сэбъ соломою ны топыла!

Отхылылася вырба
Одъ лозового корчя,
Прыхылылася вона
До били быризкы.
Отхылылась Ганночка
Одъ роду, одъ плэмэни,
Одъ родного батынька,
Прыхылылася вона
До молодого Андрійка.

(С. Козищи, Кобрииск. у.).

У лугу калипа
Увэсь лугъ закрасыла,
Тамъ Ганночка ходыла,
Калиновьку ломала,
Къ личку прикладала.
„Батэньку муй рюдненькый!
Чи буду я такая,
Якъ калиновька сая?

— Ой, будэшъ, доньку, будэшъ,
Покуль у мене будэшъ.
Якъ ты одъ мене пійдэшъ,
То спадэ зъ лица краса,
Якъ отъ сонька роса:
Сонько пригрывае,
Росонька опадае.

Зэлэнь яворко, зэлэньсенькый,
На Дунай нахылився,
Молодый Иванко, молодэсэнкый,
Въ дорогу нарадывся.
Дэржить хустоньку въ правый ручэньцы,
Слюзуньки ўтырае.
Своёму батэньку, своёму рюдному,
До ножекъ упадае.
„Мюй батэньку, мюй рюдненькый,
Вырадъ мэне ў дорогу!“
— Мюй сыночку, мюй рюдненькый,
Я давно тэбэ выражаю;
Наваривъ тобі дэвэть бочокъ пыва
Ля твого сваття гучного,
А дэсятое мэдяное
Ля тэбэ молодого.

(Кобрииск. у.).

✓ Якъ звывчаються.

Выйды, выйды, мый батынько, съ бохонцемъ,
Уже твое рѣднэ дытятко съ паньчемъ.
Выйды, выйды, мый батынько, съ свичами,
Уже твое рѣднэ дытя звывчали.

Ой, мый батынько родный,
Розвяжи моя ручки,
Розмэнай пэрстёночки!
— Мое дытятко роднэ,
Нэ розвяжу ручокъ,
Нэ розмэняю пэрстёночкоў.

— Якъ сядуть за стылъ.

Лытили гусоньки черезъ садъ,
Клыкалы Марынку на посадъ.
— „Лытитэ, гусоньки, я ўже иду,
Басловьи, батынько, я сяду“.

Гэту самую песню сповають другій разъ. У вэчоръ мнисяць коровай три бабы; мнисячи сповають:

Самъ Богъ коровай мнисяць,
Пречиста помогае,
Водыци подливае,
Мукуцы подсыпае.

Ой, гдэ-жъ нашъ господарь домовый?
Нэхай выкупить коровай дорогой!
А якъ нэ выкупить,
То й поламнимо и зьёмо,
И до дому пуйдэмо.

Пэчуть коровай.

Ой, быстрая риченька Дунаю,
Прибы, прыбы пучокъ черцо до краю,
И къ нашому хорошему короваю.
Ой, быстрая риченька Дунаю,
Прибы, прыбы пучокъ калыны до краю,
И къ нашому хорошему короваю.
Ой, быстрая риченька Дунаю,
Прибы, прыбы пучокъ ядлоўцю до краю,
И къ нашому хорошему короваю!

Якъ спыкутъ коровай, то дають вѣчѣру. Молодѣць идэ до
тому и своѣй дивонцы добра́ночь дае:

Соколыкъ до бору лэтыць,

Зозулька пэрэлетае,

Соколыка цытае:

„Соколыкъ, колы прилэтышь?“

— Зозулька, спузна прилэчу:

Покуль я вси пташки збэру!

Васылько до дому идэ,

Марынка пэрэбѣгае.

„Васылько, колы прійдэшъ?“

— Марынка, узаўтра прійду:

Покуль я всю дружину свою збэру,—

Симсотъ сватыў бызь двоухъ братыў!

(Матвѣевич. вол., Пружанск. у.).

А въ горідчыку, на загинчыку,

Зиллечко вылягае,

Нашого молоданького *)

Высылле зачинае.

Бигъ ёму дае, Бигъ ёму дае,

Батынько зачинае;

Господа Бога, Духа Святого

На помочь пожадае.

Когда женихъ или невѣста сирота.

Ныма молодого вась вѣчоръ у дома:

Пошовъ жа винъ до Пана-Бога

Свого батынька на высылле зваты.

Спросыла Прычыстая Маты: „Куды йдашь?“

— Свого батынька на высылле зваты!

„Тви батынько въ Божому домочку, въ жовтому пысочку“.

— Прошу, батыньку, прошу, ридный, на свое высылле!

„Высылыся, дыте, высылыся, ридный,

Ны маю во́лы отъ Пана Бога,

Ны маю ключивъ отъ Прычыстын:

Вжа жъ мой ручки на крыжъ зложоны,

Вжа жъ мой ножкы зъяжены,

Вжа жъ мой уста запечатаны.

*) Въ этомъ говорѣ Кобринскаго у. звукъ э поднимается до а.

Послѣ вѣнца.

Сонько колысомъ зъ горы йдѣ.
Жынышокъ зъ вынчанна йда.
Батынько, пырышедь, питае.
Риднынькѣй, пырышедь, питае:
„Дятятко, да жъ ты бувало,
Ридное, що жъ ты видало?“
— Батыньку, въ церковцы було,
Прычыста два выночки звыла,
Молодымъ на головки клала.

Подѣкуймо поповы
И поповому дяковы,
Що дые звынчѣвъ,
Да мало взѣвъ—
Но одного чырвынця.

Когда мѣсять коровай.

Коровайночки и мы
Грацьку муку йлы,
Грацька мука сопка,
Да замыла н ж—ка.

Когда сажаютъ коровай въ печь.

Ой, стукъ-посту́къ на дворѣ,
Корова́й гыблють на столѣ:
Ой, білымы да ручѣнкамы,
Золотымы перстѣнкамы.

Старшая коровайныця,
Поставъ манчу кай печы,—
Коровай стырагчы:
Хлопчыкы да пахойчыкы
Хочуть насъ огубыты,
Коровай вхватыты
И за порогомъ похылыты.

Старшая коровайныця
Ны въ бысады сыдѣла,
По пудь-садыю ходыла,
Да й калыну ломыла,
Коровая квытыла.
Ой, квытыта, квытыта,
Квытыта, становита.
Ой, чырвоныи квыты,
Щобъ любылыся диты.

— Когда выносятъ коровай.

Зыйшло, зыйшло сонько высоко,
Да занасено нашъ коровай далеко.
Поставлено въ новый клыти на жыты.
Позволь, Божа, съ добрымы людьмы пожыты!

Мыдвядю кошлаты,
Господару богаты,
Да коты тую бочку,
Що въ клыти въ куточку.

Молодая молодыця,
Въ тыба парецъ на полыци.
Да й частуй коровайныци.

Ны выся хмѣлю на ляску,
Роды Божа жыто на пыску,
Густа пшыныця на новини,
Вышшій коровай на столи;
На тымъ короваю шышкы,
А въ тыхъ шышычкахъ птушычкы,
Да поють пысыньки дывноче,
Мы въ васъ гостонькы давныче.

Пытавсь коровай пиридничку:
Чи есть стажычка до клыти?
Ты жь, короваю, ны пытайся,
Взьмы пирожокъ, опырайся,
И до клытенкы добывайся.
Да и въ жытнику положися,
Молодому кнѣзю ны скажыся!

Когда свахи ѣдутъ.

Сыпта шыныцю въ новое корыто,
Кормита коны въ вылку дорогу,
Въ вылку дорогу, въ зелену дуброву.
А въ тый дубровы стоить городъ новый,
А въ тымъ города трое вороты новыхъ:
Въ паршихъ воротюхъ сонько гріе,
Въ другихъ воротюхъ мисяцкь свѣтыть,
Въ тратихъ воротюхъ жынышокъ ѣда.
Мисяцкь свѣтыть,—выднѣнько буда;
Сонько гріе—тыплѣнько буда;
Жынышокъ ѣда—выслѣнько буда.

Въ дорогѣ поють:

Ой, выхавъ жынышокъ за сыло,
Да выризавъ тры ризкы зъ бырѣзкы.
Да затѣвъ, затѣвъ свои конькы пудъ ножкы.
Ступайта, мои конькы, широко,
Бо щѣ бо мнѣ до дывонькы далеко.
Ой, ступайта, мои копыкы, гузѣнько,
Бо мое дывонька близѣнько.

Рушта, порушта, вороними коны, подѣ нами,
Намъ ѣхаты штыры мылы борами;
А на пѣтую да зылизнымы мостами,
А на шостую наши конькы прыстали.
Хочъ прыстали, хочъ ны прыстали—ны дбаймо.
Молодую дывоньку мызѣ дывочкамы познаймо.

Ой, за горою крамною
Стоить жынышокъ съ дружыною.
Нѣкому даты до тѣстя знаты,
Кобъ булы брамы поодмыканы,
Щобъ булы столы позастыланы,
Щобъ булы плѣшки повалупсканы.
Щобъ булы кубкы повзлываны,
Щобъ булѣ дывонька нараждана,
На посады посажана.

За горою, за новымъ мистомъ,
Стоить жынышокъ зъ вылькимъ выйськомъ.
Мовыть дывонька, мовыть молада:
Кобъ я була пырыпалкою,
То бъ я тое выйсько пырылынула,
Я бъ тыи козаченьки пырылычыла бъ,
Свого жынышка очкомъ позрыла,
Я бъ на ёму шубы оглядала бъ:
Колы бъ тонка, бѣла, то я бъ былыла,
Колы шовкомъ нашыта, то я бъ нашыла,
То бъ я найняла свои швачкы,
Прымудры дружачкы.

За горою гѣминъ гѣмѣныть,
Подъ жынышкомъ самъ кинь говорыть:
Ой, екъ я бувъ пудъ татарамы,
Мои булы копыта краминомъ пудбыты,
Мое була гывонька кровью облыта.
Тыперъ жа я пудъ жынышкомъ, пудъ молоданькимъ,
То мои копыта золотомъ пудбыты,
Мое гывонька мадь-виномъ облыта.

Таща зетя злякалася,
Въ нови свыронъ сховалася.
Посты, таща, ны лякайся,
Въ нови свыронъ ны ховайся.
Ны сто коны на двиръ зыйшло,
Ны сто сватывъ въ сины войшло.
Но коны пятирочко,
А госты шыстирочко.

Ой ты, нашъ пани-свату,
Пускай насъ въ свою хату,
Мы думалы, ныдалеко,
Одывалыся легко.
Мы думалы—чиризъ хату,
Одывалы одну лату.
Ой, свату, свату,
Пускай у хату:
Короткы свытки,
Помарзлы лытки!

Я жъ вамъ ны сторижна
Стоёты въ порижку;
Наймыта сторижичку,
Стоёты въ порижичку,
Да й витову (войтову) дочку
Выбуваты мосточку!

Пышна ташенька, пышна,
Проты зѣтя ны вышла!
Чи кужуха ны мае,
Чи сорома ны знае.
Въ нѣ кожухъ зѣ однимъ кымномъ,
Вона вѣйда зѣ мадомъ выномъ!

Въ полю лыпа стояла,
Жовтымъ цвѣтомъ цвила.
Ой, тамъ таша пырыпій пылѣ
До люббого зѣтя, до мылого дѣтѣты.
„Да ны пы пѣршін мѣрки,
Выпы половынку,
Злы конюмъ на гывку,
Щобъ була кунджирова,
Щобъ була таша ласнова.“

Ой, гумнынькы да розумнынькы жынышокъ!
Зѣ наба спустывся,
А на тасцю двиръ изывся,
А въ сѣночки бырвыночкомъ мостывся,
А въ хату да рончинькомъ изывся,
По застыльчику золотымъ клубкомъ котывся,
Коля дывонькы да панычикомъ садывся!

Що то въ набы заввыныло?
Самъ Госпудъ зѣ наба ступывъ,
Зѣ наба ступывъ, ключи згубывъ;
За Имъ вслѣдъ анѣлы йшли,
Анѣлы йшли, ключи нашлы.
„Встань бо, Божа, порадымося,
Що гѣтый пары за долю даты?“

Госпудь мовить про хлибную,
Прычыста: одижную,
Авёлы мовлять: грошовую!
Матюнка просыть всёкую щаслывую.

Росходывсе ёспый мисяць по набу:
Збырайтысе вси зырынькы въ громаду,
Засвितымъ вся разомъ по набу! .
Росходывсе молодъ жынышокъ по двору,
Збыраючы сватывъ-братывъ на скамню:
„Да поидымо вси разомъ на войну!
Завоюймо мого тáстя, що въ дому,
Озьмімо молодую дывоньку съ собою!“

Наихало симъсотъ сватя-братя на ми двирь.
Выйды, выйды, таша, на свій двирь,
Огляды, чи есть зеть тви?
— Що въ сыному, що въ білому, то ны ми;
Що въ ёсному, що въ красному, то тò ми!

Запалы, свату, свичку
Да й иды по запичку,
Каячучкомъ махаючы,
Дывоньки шукаючы!

Нашъ дружычко лась, лась,
Ззівъ симъ парь ковбась,
Пьётое сало,
Щобъ ёго розорвало!

Нашъ дружычко забавны,
Да забавывся у хаты;
Ой, тамъ хлопцы
Конè вкрали,
Хвостомъ привьязали.

П о д а р о к ъ.

Ой, дывоньку батынько: даруе,
Молоданькую батынько: даруе,
Выликимъ даромъ—посагомъ,
Добрыю долюю, щá щестимъ.

„Дась у тыба, дывонка,
Да родынынькы ны мае.
Що ныкому столу стати
Да пысанькы спуваты?“
— Ой, есть въ мына родына,
Мого батынька злюбыла;
Есть кому столу стати,
Да пысанькы спуваты.

Хыткія лавкы, да сыдѣть дывкы,
А ша липшѣ погнуться,
Ёкъ мыдочку напыються.

Вызовъ родныхъ.

Паршимъ разомъ,
Божимъ розказомъ!
Чи есть тутъ сей молодан
Батько й маты,
Сусиды зазваны,
Госты спроханы?
Чи вылѣть,
Чи благословѣть
Сямъ молодымъ
На посагъ систы?

Отвѣчаютъ каждый разъ:
„Ныхай Бигъ благословыть!“

И стыклося, и стыклося дви ричынькы,
Да й обидвы, да й обидвы быстрасынькы.
И зыйшлося, и зыйшлося два посаженькы,
Да й обадва, да й обадва молоданькы.
Паршы посагъ—молодыя жынышокъ,
Другы посагъ—молодая дывовька.
„Благословы, Божа, сій посажа!“
— А звиткаля сій посагъ зыйшовъ:
Чи всенычня, чи зъ мисяця, чи сходу сонця?
„Ны всенычня, ны зъ мисяця, ны сходу сонця:
Та жъ Бигъ намъ давъ, нашимъ батынькамъ!“

— Благословы, Божа, сій посажа!

„А звиткаля сій посагъ зыйшовъ:

Чи всенычня, чи зъ мисяця, чи сходу сонця?“

— Ны всенычня, ны зъ мисяця, ны сходу сонця,—

Та жъ Бигъ намъ давъ, нашымъ матюнкамъ!

„Благословы, Божа, сій посажа!“

— А звиткаля сій посагъ зыйшовъ:

Чи всенычня, чи зъ мисяця, чи сходу сонця?

„Ны всенычня, ны зъ мисяця, ны сходу сонця,—

Та жъ Бигъ намъ давъ, нашымъ сыстрынкамъ!“

— Благословы, Божа, сій посажа!

„А звиткаля сій посагъ зыйшовъ:

Чи всенычня, чи зъ мисяця, чи сходу сонця?

Чи зъ бійныхъ витруу, чи зъ злыхъ языкуу?“

— Ны всенычня, ны зъ мисяця, ны сходу сонця,

Ны зъ бійныхъ витруу, ны зъ злыхъ языкуу—

То жъ той посагъ самъ Бигъ пысавъ,

Одъ батынька до тастынька,

Одъ рождёного до суждёного.

Бійны витры ны развиють,

Злы языки ны размовлять.

Бійнымъ витрамъ у въ горахъ лэгчы,

Въ горахъ лэгчы—започыты.

Злымъ языкамъ пудъ мычъ пасты,

Пудъ мычъ пасты да й пропасты.

Симъ молоданькимъ на посагъ систы:

Жыты, буты, вискъ коротаты,

Одъ молодосты до старосты,

Симъ молоданькимъ на посагъ систы!

Найхала чужына,

Вся жынышкова дружина:

По правымъ боцы братыкы,

По ливумъ—сыстрынкы.

Ой пьють мыдокъ

Да зыленое выно!

Знаты бора, що въ огню бувъ:

Пожаромъ пахна, дымомъ дыша.

Знаты жынышка, що въ тастя бувъ:

Мадомъ пахна, выномъ дыша.

Чо жъ мовыла кунонька
Чырнанькому бобрику?
Приплынь, приплынь, черный бобра,—
Тамныя нocy добра.

Чо жъ мовыла дывонька
Молоданькому жынышку?
„Прийдь, прийдь, жынышокъ,
Въ поныдилокъ равнырко!“
— Ой, ёкъ жа мни прихаты,
Колы тви батько богаты,
Ворота зачыныны.

Ой, жынышка батынько довго жда,
Молоданького батынько довго жда:
„Ой, дась ёго Вильвяяны зайняли,
Ой, дась ёго да на мыдочку пропылы!“
— Зайняли ёго Опольскія дывонькы,
На мыдочку ёго пропылы,
Положылы въ пырыночки спаточки!
„Ой, спы, поспы, зётю тый!
У насъ ёкъ дань свитлы, ёкъ сыръ билы,
Ёкъ ёсное сонце, що свитыть у оканца.

Подёкуймо молодусы за тонкы убрусы;
Тонко прела, звынко ткала,
Да быланько былыла,
Хорошанько ходыла.

Нашого господаре шудрева голова;
Винъ шудрою потраса,
Намъ горылочки прыныса,—
Ой, смачныи, солоданькии,
Для мана молоданькии.

Нашъ господаръ, ёкъ выноградъ,
А ёго господынька, ёкъ малынка;
Да ёго дыткы, ёкъ ягодкы,
Мадъ-выно носять, гостай просяць:

„Любыи госты! любылы пыты,—любыта йсты!“
Господаръ просыть, шенку пудносыть,
Да ны такъ поклономъ,
Ёкъ добрымъ словомъ!

Загадивъ дывонька свашокъ пытае:

„Ой, свашкы, куды мы пойдымъ, куды зайдымъ?“
— Мымо гай зылены, мымо садъ чирвоны.
Ой, тамъ станымо калыну ломаты, въ пучки въезаты,
На возы класты, до батька вызты, коровай квытыты.
Ой, чирвоныи квыты, щобъ любылыся диты,
На посазы сыдиты!

Чи всё тая дружина,
Що сему кнѣзю служыла?
Ой, тычыта, да потычыта
До нового мѣста,
Ой, купыта, да покупыта
Симъ молодымъ грибинчыкы.
Ой, чишита, да почишита
Симъ молодымъ головонькы.
— Чи всё тая дружина,
Що сему кнѣзю служыла?
Ой тычыта, да потычыта
До нового мѣста,
Ой, купыта, да покупыта
Симъ молодымъ масла.
Ой, мажата, да помажата
Симъ молодымъ головонькы, и т. д.

Поганай чорну клячу,
Ны вважай, що я плачу,
Поганай коны чиризь лужу,
Ны вважай, що я тужу.
Закидай, матко, дрова,
Оставайся здорова!
Спотребуется моя матюнка базъ дочки,
Позоростають по—подлавоччу ложечкы.

Вёрдю, конькы, вёрдю!
Привезлы на двирь пердю:
Хлиба ны замысыть,
По поясъ супель высить.

Ой, вповылы, вквитовалы щобъ люды ны позналы.
Хохлущечка, жынышкова душечка.
Кыньта дѣвоццы цыбули въ гичы,
Щобъ заплакала, одъ батынька йдучы.

Просита, дывкы, Бога,
Щобъ дуга поламалася,
Супоня порвалася,
Щобъ дѣвонька засталася.

Ой, чиризъ ми двирь да тытара лытила;
Ны судывъ мни Бигъ да ны позволявъ, за кого я хотила,
Ой, съ кымъ пыла, ой съ кымъ йла да подарочки брала.
Коля кого кпыла, смиялася.
Тому я судылася.

До горы качка лытила,
Съ чымъ гата пычѧня кыпила:
Чи съ парцымъ, чи ны съ парцымъ?
Просимо съ щирнымъ сѧрцымъ.
Бысъ парцю пычѧня—
Ща жъ намъ ны вычѧра,
Ща жъ намъ ны снѧданне,
Бысъ парцю обѧданне.

Гнуткая лыщынонька
Коля двора гнѧться;
Молодѧньки жынышокъ
Коля тѧстынька трѧться.
„Тѧстыньку, ми батыньку,
Пускай насъ до домоньку!
Тыцѧръ нычка ны выдѧная,
Дорожинька ны трапѧная.

Щобъ мы тутъ ны заблудмы,
Да чого ны згубылы:
Чи скрыны, чи пырыны,
Чи дывонькы-княгёны?
Екъ скрыню загубымо,
То другую купымо.
Екъ дывоньку загубымо,
То другая ны найдымо!

Очынёй, батыньку, ворота,
Йдыть тоби нывиста богата,
Да выдà коныкы строкаты,
Да выдà волыкы рогаты,
Да выдà тылушкы тылысты,
Да жына овчыкы вовнысты,
Да выза пчелыкы мыдысты,
Да лытеть гусынькы пырысты,
Пытаются дывонькы, да систы.

Заметай, маты, жёръ, жёръ,
Буда тоби дочки жель, жель!
Вкыдай въ пичь дрова, оставайся здорова!
Замытай, матко, пбпыль,
Бо вжа твою дочку вхопымъ.

Высвыснуў соколыкъ, чиризъ мбря плывучы:
Чи вси жъ мои утынётычка выплывають?
Одозвалась утовка: ой ща жъ бо я осталась!
Ой, ща жъ бо я осталась — утынётка збырала!
Ой, выукнуў жынышокъ, чиризъ сыло идучы:
Чи всё жъ моё рѣднынька за мною выижжее?
Одозвалась дывонька: ой ща жъ бо я зосталась,
Ой, ща жъ бо я зосталась, батыньку кланялась.

Да найхалы приданы,
Да вса люды прибраны.
Ны за охнаю шепочкю
Да калыны ны мае.

А на що жь намъ казына?
Есть въ насъ жыто, ярына.
Самъ Бигъ ходыть, жыто родыть,
Да за шéпонькы тычыть.

Голубокъ да на сидало йда,
Голубку за собою выда.
Жынышокъ да до ложю йда,
Дывоньку за собою выда.
Положылы двое спаты,
Трãте колыхаты.
Спита, дѣты, чутко,
Трãте встало хутко!

Ой, добрая да годынонька настала,
Наша дывонька по батынька послала.
Послала чытыры коны, пѣты визь,
А на шостую—вознычыньку, що привизь.
Дала копу гроши на страву,
Щобъ привызлы батынька на славу.
Дала копу гроши на часнокъ,
Щобъ привызлы ни батынька на часокъ.
Ой, добрая да годынонька настала,
Наша дывонька по матюнку послала, и т. д.
(повторяется вся пѣсня).

Да куда, куда да дорожинька вложѣна?
Да сюда, сюда наша дывонька вызѣна.
Выйды, выйды, дывонька, съ хаты,
Прийхала твоѣ маты;
Прывызла голку, шпыльку,
Ща клубочокъ шовку.

Ой, послала насъ маты
Светлыцы оглядаты,
Ща столы застылаты.
Заслалы столы, лавкы,
Ща осталы останкы.

Наготовала молода дывонька
Два полумыскы маду,
Да зазвала свого батынька
На часть, на бысаду.
Ты жь, батыньку, пывшы, ившы,
Да пойдашь до дому,
А мына молоданькин
Ны озьмашь съ собою.

Ой, мы жь тута ны булы,
Всего маду ны пылы.
Тыпяръ жа будымъ пыты,
Всей дань высылты.

Ёкъ дывоньку сваталы,
Сто свырнувъ казалы.
Ой, ходимо, оглядимо,
Чи есть тому правда.
Надъ около обойшлы,
Ныйда ны що ны нашлы:
Одну козу на одной ноzi,
Да по обору скача.
А въ дывоньки двы сьстрынны,
Да й обидвы плачуть.
Одна корова, да й та бызь рога;
Овачка бызь хвоста,
А клыть бызь помоста.

На запычку лёнъ, лёнъ,
Пырезвенки съ хаты вонъ, вонъ.
Въ пырыпычы лопата,
Въ кажного своё хата.
Годы, дружко, дружко, дружковаты,
Пора свынны гнаты,
Зь добрыю ломакю,
Зь вылыкю собакю.

Ой, дорога до Бога,
На тый дорозы—калына
Намъ дорожиньку схылыла.
Да идá жынышокъ, да розытсья:
Выйнявъ шабальку съ-пудъ полы,
Чирвону калыну стынае.
„Ны стынай, ны стынай мына, калыну сажену,
Ля табá дывоньку суждену.
Мына дощъ полывавъ,
Ля табá дывоньку годовавъ.

Ты, калына чирвона!
Що на тоби гулле много,
Зыленаго ны годнаго,
Затыша ны ёкого?
Ты, молода дывонька!
Що въ тыбá батькивъ много,
Рядного ны годного,
Прихилля ны ёкого?

Матены садочокъ, матены,
И руткію обсажоны.
Ныхто жъ въ ему ны бувавъ,
Но жынышокъ въ карты гравъ,
Соби дывоньку намовлевъ:
„Да ходы, дывонька, зо мною,
Будышь ля мой матюнкы слугою,
А ля манá молодого жоною!
Будышь ля манá жоною,
Ёкъ въ набы зырочкою!“

Ты, зылены бырвынцю!
Чи морозу ны бовсьсе,
По дорогамъ ны стáлисьсе?
Ты, кленова лыстына!
Куды табá витерь нысá:
Чи на дубъ, чи на клыныну?
Ты, молода дывчина,
Куды табá жынышокъ вызá:
Чи на Дунай, чи въ туркы,

Чи въ татары, чи въ турецкую замлю,
Чи въ шляхецкую самню?
Тамъ вона ны знаеться,
Кажному кланяеться.
„Кланяйся, дывонько, старому и малому,—
Дастъ тоби Госпудь литную долю!“

Пропыла маты дочку
На солодкому мыдочку.
Ёкъ пыла, то спувала,
Пропывшы, заплакала.

Запыта дывонька, запыта,
Золотомъ кисынька облыта!
Хто жъ ии молодую запувавъ,
Золотомъ кисыньку облывавъ?
Запувавъ жа ии всей ридъ,
А ии батько напырыджъ!

Знаты жынышка по походуньку,
Що ны батынько жаныть:
Ны широкы двирь, ны вылыки збирь, ны все родынонька.
Пошлю соколе до наба.
А по батынька, ща траба,
А зозулыньку на Вкравьиноньку
По свою родыноньку!
Ныма соколе зъ наба,
А батынька, ща траба.
Ны зозулынькы зъ Укравьинонькы,
Ны моё родынонькы.

Чиризь новы сины
Три анёлы лытили.
Ой, лытили, лытили,
Да й на покути стали!
Ой, пыталы, пыталы,
Чи коровай гыбалы?
— Мы васъ дожыдалы,
Ой, мы рады стали.

Шиль вію пудь вышынькію,
Шиль вію пудь чырною.
Вышынька оть сонця красна.
Дывонька одь батька славна!
Славна була, екь у батька була.
Славниша въ свекорка буда:
Батьковий роскошы забуда,
Свикровін буды зажые!

Ой, гула пчылка, гула коля нового двора.
То жь ны пчылонька гула,
То жь дывонька плакала,
Изъ шлюбу пріхавшы,
Батыньку ручки давшы,
Пырстенки помывшы.
„Ой, ми батыньку ридны!
Развынчэй тыпарь мына,
Розьяжы мой ручки,
Розмыней пырстеночки!“
— Мое дитётко ридны!
Заволи тыба ждаты,
Ныжъ тыба розвынчаты,
Твой ручки розвязаты,
Пырстенки помывны!

Найхалы Опольцы
Пойлы, потырыбылы,
На столи ны крышинькы,
Пудь столомъ ны кисточки.

Чому, свахы, ны спуванта,
Чи зубывъ ны манта;
Поробита зубы зь рипы,
Щобъ умили писни питы;
Поробита зубы съ постырнаку,
Щобъ умялы абы—яку.

Ой, выйшовъ роекъ
Да зъ ирыхъ пчелокъ,—
Дай, Божа, все добра!
Наша дружина
За столомъ сила,—
Дай, Божа, привить добрый!
Да все жъ добра, да все жъ добра,
Да все жъ екъ потраба!
Прибуди, прибуди, самъ Господы,
За высокаго наба.

Черная жуковына,
Да жъ тыба вковано?
Вковано мына въ Вильны,
Привазено мына въ скрыни!
Ой, молодая дывонька,
Да жъ тыба годовано?
Годовано у батынька,
Привазено до свекорка;
Годовано у рожоного,
Привазено до сужоного!

Да нывыста мое кохана,
Да ны рикъ тыба я жадала,
Пока тыба я дождала молодай!

За лисомъ у ган
Мыдвидъ гукае.
Выйшла свекорка,—
Нывистку лякае.
Да я тому мыдвидю
Мыдыну кину,
А свой свекровцы
Пырыбью спыну.

На набы хмурно,
А пудъ порогомъ кално,
Въ сѣняхъ болото,
А за столомъ золото.
А екъ жа намъ достуцѣты,
Золото выкупыты?

Ластовонька чирнанька,
Да чого рано зъ гыря вышла:
Ща жъ по горахъ сныгы лыжеть,
А по долинахъ крыгы стоеть?
„Ты жъ, дывонька молоданькая,
Да чого жъ молода замужь пошла?
Чя вшитымышъ господарыты,
Чя дило робыты?“
— Естя въ мына молодъ жывышокъ:
Нагучать мына господарыты,
Дило робыты!

Мала нывонька, нывылычынька,—
Що було жынцивъ,
Що було косцивъ,
Да и всихъ потомыла.
Молода дывонька, нывылычынька,
Що дарывъ варобыла:
Що було сватья,
Що було братья,
Да и всихъ обдарыла.

✓ Чому соловьи ны щыбыталы,
Екъ сады зацвыталы?
Мы жъ думалы, що сныгы палы,—
То жъ сады зацвыталы.
„Чому жъ, дывонька, ты ны плакала,
Екъ тыба запувалы?“
— Ой, я думала, що въ карты гралы,
То жъ мына запувалы.

Ой, на моры лылие,
Мыжъ сватамы былие,
Ой, билая да лыбидонька,
Молодая дывонька!

Оглядылася свашка,
Свое дилицы зробывшы,

Свое дилицы зробывшы,
Хыхлушки вповывшы.
Ой, хыхлушка, хыхлушечка,
Жынышкова душечка!

Бигла хмарка впарадъ сонця:
Сховай мына, ёсна сонця!
— Ны сховаю, чорна хмарка,
Заволивъ тыба дощомъ спущу,
Дощомъ спущу, витромъ звину!
Бигла дывонька впарадъ батынька:
Сховай мына, ми батыньку!
— Ны сховаю, мое дитятко:
Сватамъ оддамъ, зѣтя дожду.

Ны сварыся, батыньку,
Ны сварыся, риднынькій,
Що ми такъ спузнылыся. (2)
Ны булѣ попа въ дома, (2)
Йяздывъ пыпъ до Вильмова (2)
Пшеныцы продаваты, (2)
Ключикувъ куповаты,
Намъ молодымъ шлюбъ даваты!

(Д. Ополь, Бездѣжск. вол., Кобринскаго у.).

Ой, у горюудца, на яруй рутци,
Ростылаецца зылле. 2.
А ў нашой молодэнькое Марутки
Зачинаецца вэсилле.
Ой, Бюугъ ей дае, 2.
Батэнько помогае,
Еще къ тому, еще къ тому
Родына прыставае.
„Родына моя, близька, далека,
Стань же мни до помощи, 2.
Сусидэ мои, близьки, далеки,
Давайтэ мни рады,
Давайтэ мни рады!

(Кобрин. у.).

ПѢСНИ ВНѢОБРЯДОВЫЯ.

III.

1.

Тѣразъ маѣ сѣни
Ароль воду носить;
Ой, тамъ мѣти сваго сѣна,
На вачѣру прѣсвить.
„Ой, вачѣрай, май мѣтка,
Што ты наварыла,
Я паѣду на Украйну,—
Тамъ дяўчына мѣла“.

Прѣзжаю на Украйну,
Прѣсвятъ мянѣ сѣсвятъ,
Паставили барабѣли
Зъ муядерѣми ѣсвятъ.
Ой, я тѣя барабѣли
Луплю, абираю,
Я на сваю дяўчынѣнѣнку
Бравѣми маргаю.

„Ой, хотъ мѣргай, хотъ ни мѣргай,
Я не тѣя бѣду:
Кажуть люди,
Ўсѣ гаварѣть,
Ты ни мѣншъ хѣты!“.

— Охъ, пастаўлю хѣтанѣнку
Зъ ражѣвнѣнѣкаго цѣвѣту;
Ой, пастаўлю край сѣла,
Живи, мѣла, висѣла.

„Тагда была висѣла,
Якъ адъ ойца везѣна,
А тѣперъ я тужу, плачу,
Што нищѣсѣте у сѣбе бѣчу“.

2.

Милый Ваня, раскудрава галава,
Куды їдишь, адъизджаишь адъ мяне?
— Адъизджаю я ў чужую старану,
Тябе кидаю при тихому салаю.
„Сь кимъ я буду висну-красну праважати,
Сь кимъ я буду гэто лѣта гаравать,
Сь кимъ я буду тѣмну пѣчку начавать?“
— Праслужу я Микалаю дваццать пять,
Тагдай приду висну-красну праважати!
Яжъ думала, што мятелица мяте,
Ажно шъ Ваня, другъ, на вулицы иде;
За сабою красну дѣвицу вяде.
„Я чужую пацалую, абниму,
Тябе шѣлму расстраляю, разабью!“

3.

Ахъ, валы жъ мае, палавенькія,
Чаму жъ вы ни арате?
Ахъ, лита жъ мае, маладѣнькія—
Чаму жъ вы марне идате?
Кабъ да тыхъ валоў да ратай добрый,
То ящѣ наараўсе бъ;
Кабъ да дяўчыны кавалеръ добрый,
То ящѣ нагуляўсе бъ.
„Ахъ, зыдї, зыдї, ясный мѣсячыкъ,
Якъ млинова кола.
Ахъ, выйди, выйди,
Красна дяўчына,
Прамоў да мяне слова!“
— Ой, нѣякъ выйти, ой, нѣякъ выйти,
Сь табою гаваріти.
Мнѣ люди кажуть, я сама знаю,
Мнѣ тебе ни любіти!
„Охъ, нихай кажуть, нихай гаварать,
Хоть па цѣламу свѣту,
Я тебе любіу, и любіть буду,
Мой ражѣвинькій цвѣту.“

Вѣкапаю я два калѣдизи,
Абѣдва глубѣкія;
Палюбіў жа я двѣ дяўчыненькі,
Абѣдві далѣкія.

Адна дяўчына да на Волянѣ
А другая — на Украинѣ;
Раскрѣили маѣ сѣрданька
На двѣ палавінѣ.

Охъ, ти ўсѣ тые садѣчкі цвилі,
Да што распускалісе,
А ти ўсѣ тые повинчалісе,
Да што заручалісе?

Ой, палавіна садѣчкуў цвилѣ,
А палавіна пустуя,
Ой, палавіна павинчалася,
А палавіна жартуя.

4.

„Калінушка, кудравая,
Хто на табѣ кудры павіў?“
— Вилá на мнѣ сухá лазá,
Сухá лазá и я маладá.
Я малада, якъ ягада,
Маѣ личка, якъ яблычка.
Кáжуть люди,
Мой мужъ дѣбрый,
Бадай яму
Такъ вѣкъ дѣўгій.
Ёнъ каждый день ў карчомцы пѣе,
А пришѣччы ўсѣ жѣнку бѣе.
Вазьмі, жѣнка, наметначку,
Выкупъ каня ў шынкáрачки!
Ни разъ, ни два выкупляла,
Па сто злѣтыхъ выспáла;
Па сто злѣтыхъ выспáла,
У тѣмнумъ лѣси начавáла,
Зъ салаўями размаўляла.
Салавѣйка та сягъ, та такъ,
Маѣ слѣзкі, якъ дромный макъ.

Салавѣйка галаска́ми,
Я малала́ ўсё слезка́ми.

5.

Густый гаю, густый гаю,
Густый—ни прагляну;
Я ўпусьтила галубочка,
Да ўже ни паймаю.

Пусьти мяне, мая мати,
Да ў той садъ гуляти,
Ти ни приды муѣ миленькѣй,
Сивыхъ валобу пасьвить?

Паситися, шары вблы,
Ни бойтиса вбука,
А я пайдуду да дяучыны,
Ти змыта галобука.

Охъ, ти змыта, ти ни змыта,
Абы ни прабыта,
Русса каса да пояса,
Шобукамъ пиравыта.

Ой, пѣ, мати, тую вбду,
Што я наносыла,
Частуй, мати, таго друшка,
Што я палюбыла!

— Я ня буду вадѣ пѣти,
Буду праливаты,
Я ни люблю зѣтя маго —
Буду разлучати!

Самá сѣни падмила,
Самá ѣ выпратала,
Сама друшка палюбыла,
Сама ѣ высватала.

6.

Любиу мяне папобу сынъ,
Да давау мнѣ валобу семъ.
Дурна была, што ни брала.
Шысьтарыхъ узяла бѣ,
А сѣмаго прадала бѣ,

Пагбннча найняла-бъ.
Мой пагбннчъ маладый
Пагнаў валы да вады.
Ёнъ волики напасе
И дяўчыну патрасе.
Палюбѣла такбга,
Што ни мая ничбга:
Ни каней, ни авецъ,
Ёнъ самъ сабѣ маладзецъ.
Адна люлька да капшукъ,
Ёнъ бѣгая, якъ паршукъ,
Адна люлька да каптанъ,
Ёнъ бѣгая, якъ шатанъ.

7.

Ишли чумаки чатѣры гада,
Да ни мѣли пригбданьки прамо никогдѣ.
Забалѣў чумакъ, ў дарбгу вдучы;
Забалѣла галбванька, што ни мбжа ити.
Галбўка балить, а я самъ ляжў,
Да на чужой старонатцы голаў палажў.
Охъ вы, чумаки, братики мае,
Выкапайтя долъ глубокій на вбчы мае!
Зышлися чумаки ў вадну дружыну,
Выкапали долъ глубокій ў вадну гадыну.
Рыкнули валы, стоячы ў ярмѣ;
Пахавали чумаченька ў чужой старанѣ.

8.

— Охъ ты, дубе кучаравый,
Сухій листокъ на табѣ,
Ты, малодка маладая,
Дурный рбзумъ у тябѣ.
Ой, пайду я, маладая,
Пайду ў тѣмный лѣсь,
Нихай мяне маладую,
Нехай мяне звѣрь иззѣсьть.

Охъ вы, звѣры, звяраняты,
Разарветѣ вы мянѣ,
Сэрца маго ни чапайтя,
Нихай мѣламу маймѹ,
Нихай прыдя, падівитца,
Што на сѣрданьку маймѹ.

9.

О, што жъ гэта за трава,
Жоўтымъ цвѣтамъ зацвяла,
Жоўтымъ цвѣтамъ зацвяла,
Магò милага нима.

Ой, да дайтя мнѣ каня,

Я паѣду хотъ сама.

Ой, да дайтя мнѣ сѣвага,

Я паѣду да мѣлага.

Падъвизжаю падъ лясокъ,—

Падай, мильй, галасокъ!

Падъвизжаю падъ рѣчку,—

Падай, мильй, хотъ ручку!

О, што жъ гэта за лясокъ,

Што ни пройдя галасокъ,

А што жъ гэта за рѣчка,

Што ни сходитца ручка.

10.

Павядѹ каня у Грыўду ¹⁾ пайтъ.

Конь вады ни пѣе, на Грыўду глядѣтъ,

Якъ вада бяжѣтъ.

Кавалѣръ стайтъ, да душа балѣтъ,

Ой, балѣтъ, балѣтъ, да пабѣльвая;

Самъ я ни знаю, да па комъ яна:

Ти па бѣчаньку, ти па матусцы,

Ти па дѣвусцы, па красавицы?

— Ни па бѣчаньку, ни па матусцы,

Да па дѣўчыни, па красавицы.

¹⁾ Гривда—мѣсная рѣчка.

11.

Ни сячѣ дѹба, дубѣ ни хилитца;
Ни 'давай, матка, гдѣ ни хѹчатца:
 Ни за старѹга, ни за малѹга,
 Адавай, матка, да за памѣрнага.
Старый устаня—валѣ пажанѣ;
А малый устаня, да шалѣть пайдѣ,
 А памѣрнянькій да рабѣть бѹдя;
 Маѣ сѣрданька висалѣть бѹдя.

12.

Ой вы, гѹси, вы гѹсятки,
Вы сѣ чужѹга краю,
Сядѣтя, пасядѣтя, я ѹ васѣ папытаю:
Ти мой мѣлянкій ушнѹсѣ, ти ѣнѣ загѹляѹсѣ,
Што листѹ ни пѣша, а ни аткланяѹсѣ?
— Юнѣ и ня ѹпѣѹсѣ, юпѣ ни загуляѹсѣ,
Зѣ великаго жалю ѹ чужый край забѣѹсѣ.
Выйду на пясѹчакѣ, выгляну мѣлѹга;
А на томѣ пясѹчку два слядѹчки знати:
Адинѣ слядѹчакѣ—каня варанѹга,
А другій слядѹчакѣ—мѣленькага мѹга.
Пайду я ѹ садѹчакѣ, выщипну листѹчакѣ;
Выщипну листѹчакѣ, прыкрыю слядѹчакѣ.
Кабѣ па томѣ слядѹчку люди ни хадѣли,
Кабѣ магѹ мѣлага хѣнши пѣ любѣли.
Кабѣ па томѣ слядѹчку люди ни ступѣли,
Кабѣ магѹ мѣлага хѣнши ни кахѣли.

13.

Ты, Марѹзя, ты, Марѹзя,
Ты, слаѹный казачѣ,
Чымѣ па табѣ, Марѹзѣнку,
ѹся Украина плача?
 Заплакала двѹчынѣнька
 Теразѣ мѣста йдѹчы,
 Якѣ зачѹли кавалѣры,
 Мѣѣдѣ, гарѣлку пѣючы.

Охъ, вы пѣтя, вы гуляйтя,
Када жа вамъ пѣтца,
Выйду я на гулачку,—
Пранцўзъ съ туркамъ бѣтца.
Нвхай бѣтца, хотъ сячѣтца,
Абы ни тяжбла.

Ой, у саду, винаграду,
Тамъ стаяла ѣлка,
Заплакала на Марозу
Марозава жѣнка.

Ой, у саду, винаграду,
Тамъ сядѣли вѣтки,
Заплакали на Марозу
Марозавы дѣтки.

Ой, у саду, винаграду,
Тамъ стаяла хѣтка,
Заплакала на Марозу
Марозава матка.

Ой, у саду, винаграду,
Тамъ стаяли кѣстры,
Заплакали на Марозу
Марозавы сѣстры.

14.

Зышла зѣра изъ вечора, разыгралася.
Охъ, куды шъ ты, мой милѣнькій, выбиранься?
— Выбираюсь, мая мила,
Въ вялику дарѣгу!
„Пераначуй, мой милѣнькій,
Хотъ ночку са мною!“
— Охъ, радъ бы я, мая мила,
Тры, чатѣры начавѣть,
Да баюсѣ, мая мила,
Штобъ пахѣду ни сѣтирать (стерѣть)!
„Ни бѣсь, ни бѣсь, мой милѣнькій,
Я малада—чутка сплю,
То я тябѣ прабуджѣ!
Уставѣй, уставѣй, мой милѣнькій,
Ужѣ жъ чужыя хѣжаѣ (хозяева)

Па сараяхъ малатятъ,
А ўжэ табѣ варанья кони
Заложаны стаятъ“.
Пращай, пращай, мая мила,
Салжусё я, ѣду ў путь,
Аставайся, май мила,
Тутъ здарова ни на часъ.

Охъ, гiля, гiля вы, шарья гуси,
Шъ наплаву на раку:
Выдаў батка дачку замужъ
Шъ раскошы, да ў бяду.
Гiля, гiля вы, шарья гуси,
Ўжэ й наплавалися,
Годв, годн, синия вочки,
Ўжэ наплакалися.

15.

Чачотачка—нивяличка, маленъка былi.
А было ў той чачотачки пiтира дятокъ:
А Юха, да Катюха, да Грыпина, да Макрына,
Пятая Химка.
Тяжка было чачотаццы дачокъ гадавити,
А щё тяжой чачотаццы замужъ аддавати.
Ой, Юху за Ивана, а Катюху за Дямьяна,
А Грыпину за Казмера, а Макрыну за Майсея,
Химку за Кузьму!
Ой, Юси кажушокъ, а Катюси хвартушокъ,
А Грыпини спадница, а Макрыни панчошка,
А Химцы подвязки.
Ой, тамъ были музыканты бардзо висялия:
Салавей на язйтцы, гарабей на скрыпатцы;
Ўсё птушачкй зашумели,
Слухатъ мила, якъ запели.

16.

Калина, калина,
Чаго ў лiзи стайшь:

Ти суши бансься,
Ти дажджѹ жадаишь?
— Я суши баюся,
Я дажджу жадаю!
Дяўчына сярота,
Чаго смѹтне ходишь?
— Якъ мнѣ, маладѣнькуй,
Смѹтно ни хадѣти,
Што ў маѣ радимай
Да ўсяго давбли,
А ў мяне, маладое,
Ни щасья, ни доли.
Раблю, зарабляю,
Да некали сѣсьти,
Придя надѣлинька,
Да нечаго ѣсьти.
Умры, старыѣ, умры,
За маладога пайдѹ;
За маладога пайдѹ,
Лѣпша жѣтья знайдѹ!
Умъѣрь, старыѣ, умъѣрь,
За маладога пашлѣ;
За маладога пашлѣ,
Горша жѣтья знашла.
Па саду хадѣла,
Старога будила:
Устань, старыѣ, устань,
Пагляди манхъ ранъ,
Што маладыѣ мужъ мнѣ
Ихъ панакладаѹ.

17.

Распусьтѣся, сухій дубе,
На чатѣры листы,
Любиѹ казакъ тры дяўчыни,
Ни маѣ карысьти:
Адна пашла да пакбю,
Друга да пивнѣцы,
А трѣйтая, чарнабрѣва,
У лѣсь па чарнѣцы.

Кабъ я была зазўльбаю,
Кабъ ўмѣла литаѣти,
Палятѣла бъ на Украйну,
Свайго мѣлага шукати.
Ой, я свайго милѣнькага,
Да вѣкъ ни пазнаю,
Самъ бѣлинъкій, усъ чарнявий,
Тѣхая размѣва,
На ёмъ шапка барашкѣва,
Ботики казѣвы,
Ягѣ ботики казловы,
Гузики сталѣвы.

18.

Охъ, вѣкапаю быстру крыничѣньку
Ў сябе на дворѣ,—
Ти ня прыѣда харѣша дяўчына,
Па вѣду ка мнѣ.
Прышла, прышла харѣша дяўчына,
Рангѣй адъ усѣхъ.
Ужѣ тая быстра крыничѣнька,
Имшкомъ зарасла,
А ўжѣ шъ тая харѣша дяўчына
За другога пашла.
А ўжѣ съ таѣ быстрой крыничѣньки
Армы вѣду пьють,
А ўжѣ тую харѣшу дяўчыну
Да къ шлюбу вядуць.
А динѣ вядѣ за правую ручку,
Другіѣ за рукаў,
А трѣтій стайть, сѣрданько крайть,
Што любіў, да ни ўзяў.
Ни жаль жа мнѣ да тыхъ абаранкаў,
Што я юѣ купававу,
Да жаль жа мнѣ залатога пярсытѣнка,
Што я юѣ дарававу.

19.

Ой, пайдў, пайдў, дѣ зрѣду ни хадѣла:
Охъ, ти ни найду, каго вѣрна любила.

Каго любила, таго за людя пусьтіла,
А каго ни знала, съ тымъ на шлюбѣ стала.
Охъ, стала я, стала, съ чорною барадою,
Што ёнь ни годинъ гаваріть са мною.
Яго барада, якъ на гулицы смитьтѣ;
Маё личанька, якъ на калини витѣтѣ.
Яго барада ѳниемъ прыпадая,
Маё личанька, якъ рожа, зацвятая.

20.

Охъ, зышло, зышло
Да двѣ зорначки ясныхъ;
Машаравали два казачѣньки красныхъ,
Адинъ паповичъ, другій удѣвичъ,
Машаруючы, самы сабѣ гаварыли,
Адну дяўчыну да ўдвайхъ палюбили.
Адинъ стаў мишъ горъ, мишъ даліны,
А другій стаў на високуй гарѣ.
Паповичъ стрѣлиў—ўсю гару пирастрѣлиў;
А ўдовичъ стрѣлиў, да ў паповича цѣлиў.
„Гэта табѣ, паповичу, да харѣшая дѣўка,
Што акипѣла кале сѣрданька стрѣлка“.
Па паповичу ўсѣ званы зазваніли,
А па ўдовичу ўсѣ луги зашумѣли.
Па паповичу атець и matka плача,
А па ўдовичу да чорный вбранъ грача.

21.

Ой, пайду я калѣ луга,
Шукаючы свагѣ друга.
Ажно шъ ў лузи никагѣнька,
Аднѣ адинъ салавейка.
Салавейка на калини,
Мой милѣнькій на Украйни.
Салавейка, палѣть, палѣть,
Мой милѣнькій, прыѣдь, прыѣдь.

22.

Ни плачь, матушка, ни плачь, ни тужь,
Якъ вазьмуть мяне да ў ракрѹтушки,
Застрыгуть, забрыють жоўты кудрушки.
Жоўты кудрушки на пличахъ лижать,
А мнѣ, барыню, (парню) жанитца виляць.
Да жанись, барынь, жанись маладбѣ,
Пабяры сабѣ салдацку дачкѹ.
Салдацка дачкѣ умница была,
Па саду хѳдить, барыня вѳдить,
Пасьтѣлку слала, барыня клѣла:
„Лажись, барынь, да лажись, маладой;
Ужѣ тваѣ палкѣ да ў пахѳтъ пашлѣ.
Адна ротушка приасгѣлася,
Тябе, барыня, дажыдѣлася!“
Да сядѣть барынь на сивумъ канѣ,
Дяржѣть грабушкѣ ў правумъ карманѣ,
Жоўты кудрушки ўсѣ расчѣсвая,
На чужы жонки ўсѣ пасматривая.
Чужы жонушки, якъ рѳжавый цвѣтъ,
А май жѳнка завязѣла свѣтъ.

23.

Ой, па мѳры, на мѳры
Гуляла рыба давѳли.
Быў у матки аднѣ сыпѣ,
Да и той ни бязѣ дѳли.
Вышаў за варѳта,
Стайть, якъ сирѳта,
Нихто жѣ ягѳ ни займаѣ,
Бо ѳнѣ доли ни мѣя.
„Ой, прадаѣ жа ты, мати,
Да каня варанѳга,
Да ажани, май мати,
Сына маладѳга!“
Ни схатѣла мати
Да каня прадаваѣти,
Па бѣламу чорнымъ пиша,
Сына ў рѣкруты адѣаѣти.

„Ти ты пишы, ти ни пишы,
Я тагò ни баюсè:
Самъ маладýй, конь варанýй,
То еще выслужусè“.

Вой, пашла тая мати
И къ мòру вòду брати.
Лятítь вòрань зь чужыхъ стòрань,
Мати сына пытая:

„Ахъ ты, ворань, ахъ ты, ворань,
Ты на свѣту литáишь,
Часта у палкú бываишь:
А ти часта магò сына
У войску видáишь?“

— Ти ни той твой сынòчакъ,
Што ўсè войска пабивая,
Самъ на чужой старòнусцы
Да й галоўку пакладая?

Ой, да тамъ твой сынòчакъ
Ў чыстумъ поли, при дарòзи,
Да тамъ ёнь спачывая.

Сокаль ясный прилитая,
За галоўку сьтискакая,
А чорный вòрань прилитая,
Да тѣла абирая.

А ўжэ жь тыя кòсьти
Адъ дажджù пасинѣли,
Да и зь вѣтру пачарнѣли!
Ой, ни дай, Божа, смёрти,
Да ў чужомъ краю умерти,
Да нёкаму дазирати
Салдацкае смёрти...

24.

Маладýй казàчэ, чагò зажурýсè:

Ти валы прыстали, ти зь дарòшки збиўсè?
— Валы ни прыстали, зь дарòшки ни збиўсè,
Што я, маладёнкýй, бизь дòбли ўрадýсè.
Охъ, пайдú я ў полé шукàть сабѣ дòбли.
Ни нашоў я дòбли, нашоў рыбалòўцы,
Харòшыя хлòбцы.

„Охъ, вы рыбалбўцы, харошыя хлопцы,
 Заквдайтэ сѣти на бѣстрыя рѣчки,
 Да паймайтэ дблю, да мнѣ маладбму!“
 Ни паймали дѣли, да паймали щўку,
 Ёсѣ мнѣ на разлўку.
 Щўка-рыба грая, сабѣ пару мая,
 А я, маладѣнькїй, парушки ни маю.
 О то жч мнѣ пара, што бчаньки ў твары,
 То мнѣ ни любѣва, што чѣрныя брѣва.
 Чѣрныя брѣвы, я ни ажанюсѣ,
 Пайдў я да Грїуды, зѣ гѣрушка ўтаплюсѣ.
 — Ни тапїсь, казачѣ, бо дўшу загўбїшь,
 Былѣ казатѣ правду,
 Катѣрую любїшь.

25.

На далў, на далў
 Гуляў маеръ на каню.
 Юнѣ гуляя, гуляя,
 На малѣйцы маргая:
 „Ой вы, хлопцы, малайцы,
 Пакажѣтэ той дѣўцы,
 Што ў чѣрнїнькуй шўбатцы,
 У адбѣбнуй хўстатцы!“
 Тая дѣўка пачўла
 И да рѣду скачўла:
 „Мой рѣде багатый,
 Што мнѣ, бѣднуй, рабїти,—
 Хѣча маеръ забїти?“
 — Идї, дѣўка, да гаю
 Шукѣць зѣльля размѣю.
 Дѣўка кѣ гаю ни дайшла,
 Размѣй зѣльличко знайшла.
 Вѣкацала караня
 Сѣ падѣ бѣлага камїня,
 Спалакѣла на рацѣ,
 Вѣсушыла на руцѣ,
 Спалакѣла у брѣди,
 Напарыла у мѣди,

Паставила на жару,
Нарабила ўсімъ жалю.
Кипі, кипі, каранецъ,
Бо ўжэ ўдзя маладзецъ!
Ещё кбрань ни ўкипѣў,
А ўжэ маёръ првлятѣў.
А што шъ тябѣ привясло,
Ти чаўнобчакъ, ти вясло?
— Мянѣ нислѣ й ни нислѣ!
Принѣсь мянѣ сівый конь,
Да дяўчыны на ўпакѣй;
Да дяўчыны, Марыны,
На мяккія парыны;
Да дяўчыны, да душы,
На бѣлыя падушы;
Да дяўчыны, да сэрца,
На бѣлыя рэдэнца (рядно).

26.

Охъ, я роду ни такога,
Кабъ любила бы—якога,
О, я рѣду нямецкага,
Люблю сына купецкага.
Купецкій сынъ ў карты грѣя,
Мянѣ младу падмаўляя.
„Пусьтѣ, пусьтѣ, мая мати,
На гулицу пагуляти!“
На гулицы скрыпка грѣя,
Мянѣ мати ни пуская.
„Пусьтѣ, пусьтѣ, мая мати,
На гуляньнѣ пагуляти!“
— Іди, дѣню, на гуляньнѣ,
Іди да дѣму зараньнѣ!
„Гѣта ба мнѣ ни гуляньнѣ —
Іти да дѣму зараньнѣ,
Гѣта ба мнѣ пагуляти—
Тры дні дѣма ни бывати,
Тры дні дѣма ни бывати,
Хлѣба—сѣли ни ўкушати.“

27.

Эй, у бару́ сбспа
 Гонка, нивырбсла.
 Ташла дѣўка замужъ,
 Тѣтаў нидарбсла.
 Ташла жъ пна замужъ,
 замужъ маладая,
 Да спаткала яе
 Цблинька лихая.
 Зыла ў яе каса-руса,
 Каса да пояса,
 Зырваў юй мiлянькiй
 Да што ни да вбласа.
 Ташла шъ яна, пашла,
 Да у бaтькаў садбчакъ.
 Да забiла нoшку
 Абъ вoшнeў пянeчакъ.
 Залiтъ май нoшка,
 Очанна пямношка,
 Любиў барынь (парень) дѣўку
 Часъ, на пямношка—
 На адiнцъ дявeчакъ,
 На адiнцъ часбчакъ,
 А самъ адъизджая,
 Въ iншый гарадбчакъ.
 Гнала двѣча, гнала,
 На бiтумъ гасътiпцы

Нoчку начавала.
 Бдутъ купцo. бдутъ
 Да ўсе маладыя,
 А паць iми кони,
 Ко́ни варанiя.
 А у iхъ карoты,
 Да ўсе зiлянiя.
 Стали ннi, стали
 Двѣча прабуджати:
 „Устань, дѣўка, устань,
 Устань, прабудiся,
 Да на насъ малайцoў
 Устань, падвiся!“
 Устала дѣўка, устала,
 Рѣчки заламала:
 „Ахъ, Бoжа мой. Бoжа,
 Гдѣ мой мiлянькiй дѣўсe?
 Охъ, кабъ eпъ утапiўсe,
 То Дунай разлiўсe бъ;
 А кабъ ваўкi ззѣли,
 То и лѣги шумѣли-бъ,
 А кабъ на базары,
 То и мѣзыки грали бъ;
 А кабъ у шыкарки.
 То звинѣли бъ шклiянки.

28.

Охъ, у садѣ, у садбчку
 Стаiтъ студня студнивая,
 Хто и пагiяня—сѣрца вѣяня,
 Што мой мiлый пѣе, гулiя.
 Што мой мiлый пѣе, пѣанѣя,
 Нiкды дома ни начѣя.
 Ни раззѣўсe. ни раздѣўсe,
 Такъ юнъ спати палажiўсe.
 „Пажджы, мiлый, я раззую,
 Пажджы, мiлый, я раздѣну,
 Да на сваю пасьтeль бѣлу!“

— Атхиліся, нялюбая,
Ёсьць у мянэ ўжэ другая!
„Хоць у табі тры, чатэры,
Такі жь ба я старшэйшая:
На рушничку пастаяла,
Пярсьтёпачки памяняла,
Залатый крыжь цалавала,
Табь вэрвя прысягала.

29.

Тамъ на мобы, тамъ на кру́тинькумъ,
Плыли галубкй, расплыва́лися,
Сь правага крыльца цалава́лися.
Ой, лятѣў вóранъ сь чужыхъ сто́ранъ,
Убиў галубка сь правага крыльца;
Ўзяў галубаньку падъ нявóлиньку.
Принесъ яе да святлицы,
Пасыпаў юй жме́ньку пшани́цы.
Галубка гуде, къ пшани́цы ни йде.
„Гуді, ня гуді, къ пшани́цы иді!
Прышлю я къ табѣ семъ паръ галуббу,
Выбирай сабѣ, каторый юнъ твой!“
— Ў маго галуба сива галава,
Сива галава, тѣха размо́ва.

30.

Палюбиў казакъ дву́ча
Першаго разрада,
Ой, разрада, ни разрада,
Дву́чатъ любить на́да.
Привеў тройку лашадей,
Дву́ча таму́ рада.
Енъ на коника сида́я,
Абапѣрсе штыхо́ю,
Шпорыў кава падъ бакà,
Конь лятіть страло́ю.
Ляті, ляті, сивый конь, ты ни тарапіся,
Протиў милага дварца
Стань, пристанавися,

Тупни, тупни, сивый копь,

Усими копытцами,

Ти ня выйдя дяучыпяпка

Съ чорными бравіцами.

Якъ ня выйдя дяучынянка,

Выйдя стара мати:

Здрастуй, здрастуй, милый зять,

Пажалуста, ў хату!

Привязаў каня на дворъ,

Самъ вайшоў ў святлицу:

Прабудисё ташкимъ сномъ,

Красная дявіца.

Дяучынянка ўстала, свой сонъ разгадала:

Абняла милога и пацалавала.

(Образчикъ новѣйшихъ произведеній).

31.

Казачэнька каня вядэ,

А дѣушка траўку нясе.

„Кідай, диўчэ, тую траўку,

Да йди ка мнѣ на размоўку!“

— Я ни хочу размаўляти.

Пакінула дитя ў хати.

Ссячы, Ясю, тую ліпку,

Ля дитяти на калыску!

„Я ни хочу липки тяті,

Ни ля тваго ля дитяти!“

— Купи, Ясю, таго шоўку,

Што дитяти на вяроўку!

„Я ни хочу купавати,

Ни ля тваго ля дитяти!“

— Ай, Ясиньку, тваё, тваё,

На лічанька падобнаё!

32.

Ай, таперъ жа я тутъ,

А ў заўтры паѣду,

Бўдэшъ, мила, припадати,

Ашъ да маго слѣду.

— Здѣтца, я ни прыпадáла,
Прыпадáть ня буду,
Гаравáла я при табѣ
И бисъ (безъ) тябѣ буду!

Ай, лятѣла пава,
Сяродѣ дварá ўпáла;
Яна сѣла, яна ўпала,
Да й защабитáла.

Ой, защабитáла, милуй наказáла:
Прышли вѣсьти да мíлае,
Што мiлыi убитыi.

Ашъ ёнъ убитыi,
Да занéсинъ въ жыто.
Чырвóнаю китáйкаю
Вóчаньки накрыты.

„Ти ты, мiлыi, ўпiўсэ,
Ти зъ дарóжаньки збiўсэ,
Ти за мною, маладою,
Сильна зажурыўсэ?“

— Охъ, я ни напiўсэ,
Й зъ дорошки ни збiўсэ,
За табóю, маладою,
Сильна зажурыўсэ.

33.

За сухими лóзанькамі,
Плача дiўчá слéзанькамі.
„Не плачъ, дiўчá, ни журы́ся,
Еще жъ ба я ни жанiўсэ.
Якъ буду я жанiтiся,
Прыдишъ, дiўчá, дивiтiся,
Та дамъ пiва напiтiся!“
— Тваё пiва мнѣ ня дiва,
Твай радасьць мнѣ ня мiла,
Твая матi чараўнiца,
А сястры́ца разлушнiца,
Разлучыли насъ съ табóю,
Якъ рiбаньку изъ вадою;

Якъ рыбаньку зъ акунцами,
Такъ и мянѣ зъ малайцами.
Ой, пайдѹ я утаплюсѣ,
На бѣлѣ ка́минь разабъюсѣ,
Нихай во́йтиць, ма́ти зна́я,
Што съ каха́нья памираю.

34.

Засвистали ўсѣ страло́чки.
Изъ пахо́ду идучы́,
Заплакала Мару́синька,
Сини вочки тучы́.
Ни плачь, ни плачь, Мару́синька,
Мы возьмѣмъ съ сабо́ю,
Пиравизѣмъ теразь Дуна́й,
Назавѣмъ сястро́ю;
Хоть сястро́ю ни радно́ю—
Саца́цкай жано́ю.

Праважала мати сѣна
У чужую старо́нку:
„Скора, скоро, мой сынчо́чакъ,
Наза́тъ вара́тѣсья?“
— Проти двара́ шыро́кага,
Мой конь спатыкну́сѣ,
Залатыя па́дкѡваньки,
Да ёнъ паслизну́сѣ бѣ.
Да Бохъ зна́я, Бохъ вѣда́я,
Ти я павярну́сѣ?
Пашли шля́хты
На тры тра́хты,
Стралкѣ на чатѣры,
Отъ Крако́ва до Яно́ва,
Сто чатѣры мили.
Па́дъ Бѣлымъ, Бѣлымъ Бвласто́камъ
Стайтѣ панъ Патоцкѣй;
Масква сильна, Масква хра́бра,
Нильзя я́е ўзяти,
Заказали ўсямъ жаўне́рамъ
Па кватѣрамъ стати.

35.

На рѣначку, на рѣначку чѣда-навина,
Да ўжэ наша Марусинька сына спавила;
А спавивши, Марусинька ў Щару ¹⁾ пусьтила:
„Плыві, плыві, мой сынбчакъ, малоё дитя,
А я пайдѹ, пагуляю замладо, дивчя!“
Якъ гуляла, такъ гуляла, захатѣла спати,
Муснѹ панъ палкоўникъ музыкаў наймати.
Пашли рыбацѣньки рѣбаньку лапати,
Не злапали щѹки-рѣбы, злапали дитя.
А што шъ таму дитяточку
За раданьку дати?
Заказали ўсімъ дѣвачкамъ,
Па кватѣрамъ стати.
Ўсѣ дѣвачкѣ, галубачкѣ,
Па кватѣрамъ идѹть,
Ўсѣ дѣвочки, галубачкѣ, вяночки нясѹть.
Адна наша Марусинька пазадѣ идѣ,
Адна наша Марусинька вѣнка ни нясѣ.
Якъ узали шъ Марусиньку падъ бѣлы бѣки,
Да нясуть жа Марусиньку ў Дунай глыбѣкѣй.
„Маё матка, галубачка,
Маёшъ дома двѣ,—
Ни давай такое воли,
Якъ давала мнѣ!
Маё матка, галубачка,
Маёшъ дома пять,
Ой, ни пускай па вечаркамъ,
Нихай дома спати!
Якъ узали Марусиньку падъ бѣлы бѣки,
Да ўкинули Марусиньку ў Дунай глыбѣкѣй.

36.

Ой, у вагароди маки зацвитають,
Маладыя малойчыкѣ ў салдаты ступають,
Ў паратъ станаўляють.
Ой, прышла мати ў Дунай воду браати,
Да стала сваго сына пазнавати.

¹⁾ Вар.—у Дунай.

„Ой, хадёмъ, сынку, да хадёмъ да доманьку,
Да змыю табѣ хатя галованьку!“

— Ой, змый, мати, малому дитяти:

Ў чыстумъ цоли дрѣмный дожджыкъ хвѡца,

Ды тамъ маю галоўку спалоцца!

„Ой, хадёмъ, сынку, да хадёмъ да доманьку,

Пасытялю табѣ бѣлу пасытелиньку!“

— Ой, сытiali, мати, малому дитяти:

Ў тѣмвумъ лѣси трава пухавица,

Тамъ мая будя бѣла пасытелица,—

Шабля а мунѣца.

37.

Ой, у цоли булина,

Чутна на вѣстцы навина:

Сѡтникъ зъ войтамъ гаварать,

Каго ў рѣкруты аддать:

„Ой, узjali бѣ багача,

Будя жалю и плача.

Е у ўдавы адiнъ сынъ,

Трѣба весѣти падъ аршынъ!“

Систра тѡя пачула,

Да да брата скачыла,

А братъ таго ни уважаў,

Да да дяўчатъ пабихаў.

А назаўтры, наранки,

Прысылають хурманки.

„Охъ ты, ўдовушка, ўдава,

Вазьмёмъ тваго Рыгара!

Дали яму шынеля,—

„Паглянь, мати,—жаунеръ я!“

Дали яму шапачку,—

„Паглянь, мати квѣтачка!“

Дали яму сапаги

На битыя дарѡги.

Яго вязуть да прыёму,

А ёнъ думаў, што да дому.

А ў прыёмцы жаўнёры,

Вядуть яго да мѣры,—

Руки й ноги памлѣли.
Ой, сѣў рѣкруть ў кутѳчку,—
Скидай штаны и сарѳчку!

38.

Ой, у бѳру грибы зарадѣли,
Тамъ дяўчына па барѳ хадѣла,
Маладѣя ў бѳру задлудѣла,
Прыблудѣла къ зялёному дѳбу.
„Ой, тѳтъ жа я начавѣти бѳду!
Я дѳмала, што дубъ зялянѣнькѣй,
Ажнѳ гѳта казакъ маладѣнькѣй.
Ты, казачѳ, вяликѣй гультаю,
Вывидь мянѣ на дарѳшку зѳ гаю!“
— Капъ ты, дѳўчѣ, дарѳжакъ ни знѣло,
Што ты мянѣ гультаѣмъ назвѣло!
Ой, дамъ табѣ паўгарца гарѣлѣи,
Запрабѳю, што за рѳзумъ ў дѳўки!
„Вазьмѣ сабѣ паўгарца, другѳга,
Ни падмѣнишь мянѣ маладѳю!
Вазьмѣ сабѣ хотъ два гарцы пива,
То нарѳбишь ѳсямѳ рѳду дѣва!“

39.

Ой, гдѣ шѳ тая мѣти живѣ,
Што на гарѣ хѣта,
Харѳшую дѳчку мѣя
И самѣ багѣта?
Ой, дай, мѣти, ой, дай, мѣти,
Вадѣцы напѣтца,
Харѳшую дѳчку мѣишь,
Пазвѳль падивѣтца!
На гѳлицы скрѣпка грѣя,
Мянѣ мѣти ни пускѣя.
Калѣ хѳчашъ зѣтя мѣти,
Пустьѣ къ хлѳпцамъ пашалѣти!
Кѣну кѳжаль на пѣлицу,
Самѣ пѣйдѳ на гѳлицу,
Нихѣй мышы кѳжаль трѳбѣть,
Такѣ шѳ мянѣ хлѳпцы лѳбѣть.

Ой, пайдú я да млинá,
А у млинѣ навинá:
И пшанíца у кашы,
И дяўчына да душы:
 И пшанíца пытлюйтца,
 А хто лóбить—цагúйтца.
Ой, выйду я на гулицу,
А гулица грáска;
Я дúмала, што мой мíлы,
Ашь салóмы вáска.
 Ой, ни святи, мой мѣсяцу,
 Ни святí никóму,
 Адно маймú мíлянькаму,
 Кабъ зайшоў да дóму!

40.

Ой, да выступáя тёмная хмáра,
А зь другóе дóжджыкъ пакраплáя,
У крынiцы вадá прыбывáя,
Казакъ дѣуку свáтати думáя.
Ой, пайдёмъ, дѣўка,
Да на рыначакъ,
Пакúпима частый грыбшóчакъ,
Да расчэшамъ жоўтый валасóчакъ.
Ой, расчэшамъ надъ патылицáю,
Пайдёмъ, дѣўка, мѣстамъ, гúлицáю,
Судóсимся (встрѣтимся) съ палюбóўницáю.
„Здрáстуй, мíлая, свая, ни чужáя!
Съ кимъ ты, мíлая, нóчку начавáла?“
— Начавáла нóчку ў вишнёвумъ садóчку,
А другúю сама изъ сабóю,
А трéтнюю, мíлянькíй, съ табóю.

41.

Тэрадъ (середъ) лúга калина стайть,
На калини салавѣйка сядiть,
Чырвóную да калинку клюе,
Малинаю да закúсвая.

Налятѣла галубоў по́винь двóрь,
Адмóвили салавѣйка ў саду,
Палятѣли у чужую старану,
Пасади́ли на ви́шанцы,
Прыказа́ли салавейку ни спа́ть.
Салавейка да ўсю́ ночку ни спаў,
Вясѣлыя да ўсе́ пѣснюшки спиваў.

42.

„Збуді мяне, ма́тка, ра́на,
Ой, такъ рана, штóбы ни свита́ла,
Штóбы ко́нику абрóкъ да́ный,
Абрóкъ да́ный, да й на́пая́ный,
Адно́ сѣўшы, да па́хаўшы!“
Ёду полё, да другоё.
На трэ́йтюмъ да рата́й гарэ (орегъ).
„Памага́й Бохъ, да рата́йнюку!“
— Бывай здаро́ў, да жаўне́раньку!
„Ты ни ба́чыў ты вóйска идучы́?
Упера́дзі каня́ бигучы́?“
— Ой, я ба́чыў вóйска идучы́,
Напера́дзі да каня́ вядучы́.
На томъ каню́ да жаўне́рь сяді́ць,
На жауне́ру да ша́бля висі́ць,
Съ таё ша́бли да кро́ў капаті́ць,
Съ таё крыві́ да рэ́чка бяжы́ць,
Съ таё рэ́чки да мо́ра стаі́ць,
На томъ мо́ры да во́ранъ гра́ча,
Штó па сы́нку да ма́тка пла́ча.
„Да ни плачь, ма́тка, ни плачь, ни журы́ся,
Бо ўжэ я па ка́льни падру́биўсе́,
Бо ўжэ маё́ рúчки да на ча́теры штúчки,
Маё́ тѣла да на дро́мный мачо́къ.
Да збудава́ли мнѣ́ да те́мный далóкъ, (долъ, могила),
Да бизь двяре́й, бизь вакóницъ,
Да ужэ майму́ жытьцю́ ко́ницъ“.

43.

А Бо́жа мой, Бо́жа, зь высóкаго неба,
Да ўжэ маладо́му жа́нітиса трéба.

Ти жа мнѣ брати тую удбаньку,
Тя пираждати ляхую годаньку?
Ой, узяўшы удбаньку — ни будя рабіти,
Якъ згадаа сваго мўжа, да будя тужыти.
Узяўши дяўчыньку, да будя кахати,
Дѣ пайдў, дѣ паѣду, будя выглядати.
Тикла, тикла рэчка, изь бзара ў мора,
Чаму мае дяўча смўтна, ня вясѣла?
Ой, я тую воду вядромъ перанашў,
А я сваѣ дяўча людми пирапрашў!
— Ой, ни насї таѣ вады, бо ни пираносишь,
Ни хватыгўй людѣй дарма, бо ни пирапробишь.

44.

Во, ни ў нашуй то губэрни,
Да ни ў нашуй старанѣ,
Нарадиўсѣ харобшь мальчыкъ,
Ни жанатый, халастой.
Любиў дѣўку, любиў красну,
Хатў не замушь ўзятъ,
Прышбу къ папіньку раднѣму
Да пазваленьня запытатъ:
„Пазволь, папінька, жанїтца,
Каго люблю, таго ўзятъ!“
— Не ймї вѣры тамў, сынку,
Штѣ на свѣти ёсьть любѣць.
Ёсьть на свѣти люди разны,
Мѣжна ўзятї бўдь-каго! ¹⁾
Адварнўсѣ сынъ, заплакаў,
Ни славѣчка ни сказаў.
„Пайдў садамъ, винаградамъ,
Прама къ Сашы паць вакно.
Выходь, Саша, выходь, мїла,
Выйди ка мнѣ на часѣкъ,
Падарў тябѣ калѣчкамъ,
Люби ягѣ, якъ мянѣ,
Бо ня ўгледишь большъ мянѣ!
Пайдў лѣсамъ, гѣсамъ темнымъ,
Вазмў шабѣлку зь сабѣй.

¹⁾ Вар. „Воляно всякую любить“.

Якъ уздумавъ сынъ абъ ойцу,
Сьтявъ галóўку сабѣ съ плечъ!
Пакатилася галóўка
На чатэры старанè.
Вочки маè, вочки ясны,
Якъ на неби ўсè зара:
Теразь дѣвку, теразь красну,
Рашылася жысь май.

(*Образчикъ новѣйшихъ заимствованій*).

45.

Да течэ, течэ быстра рэчушка;
Да плывé, плывé красна лóтушка,
Да ў той лóтушки два малóйчыка.
Два малóйчыка разгавараваюць,
Сваю старóнушку сухваляюць:
Наша старóнушка лóччай гóрада Нóвинькага,
Ахвицэрыка малóдинькага.
Ахвицэрыкъ маладэнькiй,
На кóнику ўсè вывиваитца,
Да у кнiжачку ўсè узираитца.

(*Заимствованная*).

46.

Гарабiнушка, ты, кудраваая,
Ты самá стайшъ пры крутóй гарэ,
А тваè гальлè на сырóй зямлè,
А тваè лiсьтè на сiнiюмъ мóры.
На сiнiюмъ мóры карабèль плывéть,
Ва томъ караблè трi палкi салдатъ,
Маладыхъ рабьятъ.
Ахвицэръ-маёръ Богу мблитца,
Маладóй казакъ дамóй прóситца:
Атпусьтi дамóй, къ жанé маладóй,
Къ мамiнькè раднóй.

(*Заимствованная*).

47.

Закатилася ясна сóнца за высокiя лясá;
Я ни бачу, я ни ўслышаў мiлинькага галасá.
Вой, вхали аднаралы да зь чужбè старанi.

„Разлюбѣзная хазяйка, пусьтѣ нѣчку начавать!“

— Паслѣшайтѣ, аднаралы,
Штѣ за праўду згавару:
Тры дни печки ни тапѣла,
Нѣту кѣшати ничагѣ!

„Вотъ, мы кѣшати и ни прѣсимъ,
Тольки нѣчку значавать!“

— Паслѣшайтѣ, аднаралы,
Штѣ за праўду згавару:
На васьмый гѣтъ паступѣла,
Якъ бизъ мѣжа я живѣ.

(Займствованная).

48.

Ўстану рана, выхажу я на падвѣрѣ,
Паглянуўшы ў стѣрану,
Угледѣла ямщыкѣ.
Ямщыкѣ пѣсни запиваѣть,
Слѣчныхъ кѣнѣй запрагаѣть.
Ни магу я устѣять, вѣльми рѣхъ мянѣ барѣ.
Прыхадѣла, привѣтала,
„Добрыѣ—денъ“ яму дала.
Прыхадѣўшы, привѣтаўшы,
Ды за шѣю абняла.
„Ямщыкѣ, кѣчарѣ маладѣй,
Вазьмѣ мянѣ за сабѣй.
Вазьмѣ мянѣ за сабой,
Назавѣ мянѣ сястрѣй;
Хотъ сястрѣю ни раднѣю,
Мѣлнѣнкаю сваѣю.
Ў царскай-пѣльскай старанѣ,
Я вѣдаю, добра жѣть:
Прыдѣ празьникѣ-васкрасѣнѣя—
Трѣба вѣспѣть, закусѣть,
А вѣспѣўшы, закусѣўшы,
Да да дѣушакѣ схадѣть,
А да дѣвѣцы схадѣўшы,
Трѣба дѣўку угаварѣть.

(Займствованная).

49.

На праўлку-ўлку гулачка	Въ слаўнумъ горади бывау,
[вўзинька,	Въ слаўнумъ горади бывау,
Тамъ жыла-была Барбару-	Закупачки закупляу,
[синька.	Ахвицэра наражау.
Позна вечарамъ Барбара	„Ахвицэръ, парубчыкъ,
Капусту палбла,	Сізинькій галупчыкъ!
Капусту палбла,	Змянні маго милога
Рўчки, нўжки пакалола.	Съ каравула крэпкага!
Тамъ салдатыкъ прапжджау,	Каравулы крэпкія,
Барбарушку спатыкау.	Пирамьны рэткія.
Барбарушка сударушка,	На дварэ марбзна,
Ни гнўвайся на мяне,	Стаять нивазмбжна.
Штб я ня бўу у тябё;	На дварэ марбсь тращыть,
Штб я ня бўу, ни бывау,—	Барбарушку чортъ ташыть.

(Займствованная).

50.

Ой ты, сать, ты мой сать,
 Сать вишнёвый мой,
 Бизь урэмья цвitéшь, асыпанься!
 Куды далéча, мой друхъ, сабираясья,
 Да зъ усїми раднёнькими ўсё пращанься,
 А за мною, маладёнъкай, ўсё руганься?
 Ой, лятёла пава таразь синё мбра,
 Да ўпусьтїла пава зъ крылца пёрышка.
 Ой, ни жалка крылца, жалка пёрышка.
 Ой, ни жалка ўдауца, жалка мблайца.

51.

На салаўві раббё пёртё,
 На пирапяліцы ўласа.
 Ни пазнала я, маладёнъкая,
 У свикрывї раскбшы.
 Хбдить свякрбўка па нбвыхъ синяхъ,
 Нявѣстку пабуджая:
 „Ўстань, нявѣстка, ўстань, маладая,
 Да бадай ты ни ўстала!

Уставай, выганій тыя каробы,
Што ать матки видёны!“
— Ни парá, мати, прагонамъ даганя́ти (упрекать);
Было мяне, бѣднае сираты,
Да сябѣ ни примати!
У чѣсьтинькумъ по́ли вѣтрыкъ калы́ша,
Тамъ мой бра́тинька, тамъ мой ро́днинькій
Да мяне листы́ пйша.
Ады́нь пйша, другій рассылая:
„Чаму, систра́нька, бѣдна сиротка,
У гасѣ́тыхъ ни быва́я?“
— Якъ мнѣ, бра́тинька,
Якъ мнѣ, ро́днинькій,
У гасѣ́тыхъ бывати:
Пазара́стали сѣтѣшки-даро́шки,
Ни магу́ пратапта́ти.

52.

Кажу́ть люди, кажу́ть,
Май свякро́у добра:
Сама рана ўстала,
Мяне́ ни збуды́ла,
Пашла да сусѣ́да,
Мяне́ асуды́ла.
Ой, я тоѣ зва́ла,
Еще́ раннѣ́й ўстала,
Бо́лики пагна́ла.
Бо́лики жану́чы,
Сы́лна заплака́ла.
Ой, ѣхаў мой мѣ́лыі,
Ѣхаў зъ Укра́ины,
Зачуў галасо́чакъ
За чатѣ́ры мѣ́лі.
„Ти гѣ́та зазу́лька,
Па бо́ру ляту́чы,
Ти май милѣ́нька,
Волики жану́чы?“
— Гѣ́та ни зазу́ля,

Па бо́ру ляту́чы,
А твая мѣ́лая,
Волики жану́чы!
Ой, вырубай, мѣ́лыі,
Сажне́вую дошку,
А пахавай, мѣ́лянькій,
Мяне́ у садбо́чку.
Пасади ў галбу́
Калины кусто́чакъ:
А у ногъ—вярби́нцу
Бѣ́лянькій квятбо́чакъ.
Якъ будишь, мѣ́лыі,
Да сыны жанѣ́ти,
Та прыди да мяне́
Калины разжы́ти.
Якъ будишь, мѣ́лыі,
До́чакъ выдавати,
Прыди да мяне́
Вярби́нцу щыпа́ти.

53.

Ой, у саду калина,
 На калини зазўля.
 Яна куе, начўя,
 Да нихто яе ни чуя.
 „Добра табѣ, зазулинька,
 У садочку куючы:
 Ты ў день куешъ,
 А ў ночы спишъ,
 Свайму лѣсу ўнаравішъ.
 А я ў день раблю,
 А ў ночъ ни сплю,—
 И свякроўцы ни ўгажў.
 Дала свякрбў сырой пшаницы,
 Кабъ змалбла мучыцы.
 Я вячэру варыла,

И пшаницу сушыла.
 Я змалбла пшаницу
 И абабрала мучыцу,
 И свякроўцы прынясла:
 „На, свякроўка, мучыцу,
 Сыра была пшаница!“
 — Ты шъ, нявѣстка, дурная,
 Пшанічанька сухая!
 Я й вячэру варыла,
 Свякрбў ѣсцьтв ни ўзяла,
 Я шъ ей пасьтэль паслала,
 Яна лэхчи ни лягла.
 Я шъ ей ношкв памыла,
 Яна у г. . . но ўступыла.

54.

Ой, тóшна мнѣ, да щэ ташнѣй бўдя:
 Да сўдять мяне, маладёнскую, люди.
 Да нихай сўдять,—пирастануть сўдїти,
 Да ўжэ бо мнѣ у Сенькавичахъ ня бїти.
 Якъ я буду съ Сенькавичъ выижжати,
 Та (то) вялѣтиму чобаты паткавати;
 Чобаты вóвыя, паткбўкв рысóвыя,—
 Аставайтв ся, Сенькаўцы, здарóвыя!
 Адинъ скажэ, а другїй падивўя:
 Да чаго диўча па Сенькавичахъ мудрўя:
 Да ти зъ рóскашы, ти зъ вяликага гóра,
 Ти съ таго, диўча, што нищасная дóля?
 — Ни зъ рóскашы, ни зъ вяликага гóра,
 А съ таго мудрую, што нищасная дóля.

55.

Зъ гары, зъ гары сиў конь бяжыть,
 На далвини трава шумить,
 А ў той травѣ казакъ ляжыть,
 У галоўцы вóранъ грачэ,
 Ў бѣлыхъ ношкахъ сиў конь скáчэ,

Выбіў зéмлю па каляна,
Прабуджа́я сваго́ па́на.
„Ой ты, па́ня маладе́нькiй,
Гдэ́ твой коникъ варане́нькiй:
Ты ты яго́ аўсомъ ко́рмишь,
Ты ты яго́ ў табунь пу́сьтишь?“
— Выи́шь, каню, два папла́вы,
Выпи вады́ два Дуна́и,
Бяжы́, коню, даро́шками,
Круте́нькими бирашкáми,
Да прыбязы́ падъ варо́тцы,
Ни пашкаду́й капы́тичка,
Стукни, грукни ў варо́тичка,
Штобъ варо́тцы заскрыпѣли,
Штобъ падко́ўки зазвинѣли!
Выйди́ къ табѣ́ стара бабка,
Гэта́ (это) ма́я ро́дна матка,
Вазьме́ тябе́ за гываньку,
Да павяде́ ў адры́наньку,
Да дасьць табѣ́ аўса, сѣ́на,
Папы́тая сваго́ сына:
„Охъ ты, коню варане́нькiй,
Гдэ́ мой сыно́к маладе́нькiй?“
— Пастой, матка, ни журысе́,
У́жэ твой сыно́к ажанвўсе́:
Пабраў сабѣ́ Валы́начку,
У́ чыстумъ поли магі́лачку!

56.

Ой, туга, туга, у милага дру́га,
Што паламалася па́лица а́ть плуга.
Ни пайдү да ля́су па́лицы часáти,
Пайдү да дяўчы́ны на ўсю́ ночь гуля́ти.
„Дяўчы́нiнька мила, атчы́ни мнѣ́ сѣ́ни,
Кабъ жа мяне́ маладо́га сабаки́ ни зьзѣ́ли!“
— Ой, нixай яду́ть, нixай заядаю́ть,
У́жэ мяне́ дяўчы́нiньку гiншы́я свата́юць.
„Дяўчы́нiнька мила, атчы́ни мнѣ́ стайню́,
Та я свайго́ коника́ начавать устаўлю!“

— Да ещѣ шь бо я стайняю ни стауляла,
Штобы казакѣвы коники прымала.
Ой, сѣна, сѣна, а паць сѣнамъ вада,
Стратила дяучынинька свой вяночакъ младá.
Ни стратила дяучына, стратню той казакъ.
Мала я надѣю, што ёнъ мнѣ заплачѣть.
Высыпау талыры въ адбабный хвартушакъ,
Стала, заплакала, глянущы на брушакъ.
Ой, брушакъ, брушакъ, чымъ ты такій важный,
Што мой ни зыходить хвартушѣкъ адбабный
(едвабный)?

— Прытачы, дяучына, адбабнаго шоўку,
Да ни адинь скажѣ: „Добрыи дѣни!“ удовка.
Кабъ я прытачыла и срѣбра и злота,
Та ужѣ минулася дявѣцкая цѣбѣта!
Было ни хадити празъ боръ да касьтѣлу,
Ещѣ бъ ни насѣла на рукахъ сокѣла.
Было ни хадити празъ садъ сьтежачкѣю,
То ещѣ бъ хадѣла паненачкѣю.

57.

Охъ ты, зимушка, зима, завѣяла, замела,
Што ни дорѣшки, ни слѣда,
Ни праѣхать, ни прайти, ни коника правясьтѣ.
Я й праѣду, я й прайду, я й коника правяду.
Да дубочка прывяжѣ, аўса, сѣна залажу
И ўсю праўданьку скажу!
Збирайтѣся, братцы, ўсѣ:
Будимъ думушку думать,
Кагѣ ў рѣкруты аддѣть?
А гдѣ пять—ни вилять,
Гдѣ чатѣры—тамъ ни брать,
А гдѣ тры—тамъ утякли,
А гдѣ два, то нима.
Ёсьть у вдавѣ адинь сынъ,
То й той пашоу паць аршынь.

58.

Охъ, рана, рана мѣсячыкъ зыходить,
Ещѣ шь раннѣй тагѣ

Кумъ да кумушки хѳдять.
Да прышоу къ кумѳ падъ вакѳнчка:
„Охъ, выйди, кумка, вынись ты мнѳ шубку!“
— Охъ, пастой, куме, да гадѳну, другѳю,
Пакѳль укалышѳ да дятѳну малѳю!
„Дѳбра, кумка, ѳ парѳнахъ размаѳляти,
А мнѳ халаднѳнка падъ вакѳнцамъ стаяти!“
— Охъ, ня бойсь, куме, я тябе ни змарѳжу:
Я тваѳ нѳжки у парѳнушки ѳлѳжу,
Бѳлыя ручки да сѳрданька прилѳжу.

59.

А што табѳ, диѳча, стѳла,—
Краса зъ лица спѳла?
— За нудою, ташнатѳю,
Ня мушу хадѳти,
Да за сваю горку долю,
Нѳжакъ валачыти.
Ой, пайду я да святлѳцы,
Да запалю свѳчку,
Ажно сядѳть мой мянѳнкѳй,
Якъ голупъ сивѳнкѳй.
На ѳмъ шапачка зъ рашкама,
Галоѳка съ кудрама,
Яѳ бѳты казлѳвыя,
Гѳзики сталѳвы.

60.

Охъ, на томъ лузи кавѳлерь гожи,
ѳнъ и вѳсвисѳня и пличама сѳтѳсьня,
На диѳча паглѳня—сѳрданько уѳня (вянетъ).
„Ой, пайдѳмъ, дяѳчына, да майѳѳ саду,
Дамъ табѳ, дяѳчына, яблычакъ и грѳшакъ!“
Ещѳ дяѳчыни да нѳма паѳроку,
Ачутѳлисѳ ѳ дяѳчыны грушаньки у бѳку.

61.

Да ѳжѳ сонца нѳска,
Да ѳжѳ вѳчаръ блѳска;

Прыхадіў да мянэ казача сэрданька,
У нову камору, на тиху размóву.
На бѣлу пасьтэльку казакá пускала,
У казача сэрданька праўданьки пытала:
„Казача, сэрданька, скажы ты мнѣ праўду:
Ты ё ў цябе дѣти,
Ты ё ў цябе жбнка?“
— Ой, ё ў мянэ жонка,
И двоя дѣтачакъ,
И ты, сэрца маё.
Ой, у тваё мамы кашу́ли латаны,
А ў насъ, казачэнькаў, шбўкамъ выбиваны!
Ой, павязлі дѣўку гарами, далами,
Доўгими барами,
Прывязали дѣўку да сосны плячыма,
Да села ачыма,
Запалили сосну зверху и съ каренья.
Сасна загарая, дѣўча прамаўляя:
„Хто ў бару начуя, вихай гбласъ чуя,
Хай мяне, маладую, съ агню выратуя.
У каго дочакъ семъ жа,
То й дблінька ўсимъ жа,
А я ў матки адна,
А мнѣ дбліньки нима.“

(С. Сеньковичи, Боркинской волости,
Слонимскаго ўѣзда).

62.

„Ой, на рѣчанцы, ой на быстринькой
Гибка кладачка ляжѣть,
Па тэй кладачцы, па тэй гібэнькай,
Красный мбладиць бяжить:
Тая кладачка, тая гибкая, пахитнўлася,
Добры мбладиць-малбйчичакъ патанўў.
„Ой, вы хлопчики, вы малбйчики,
Затягайта нивадца,
Чи ни пбймите, чи ни збвите
Пракраснага малайца!“

— Охъ, якъ піймемо, охъ, якъ зловимо—
Будимъ рѣчку спаминать,
Якъ ни піймемо, якъ ни зловимо—
Будимъ рѣчку праклинать:
„Ой, бадай рѣчанька, ой, бадай быстра,
Дерномъ-чѣретама зарасла:
Што малойчика рыбалоучка
На край свѣта занисла.

63.

Ой, упала да калѣдачка съ печи,
Да пабила майму миламу плечи.
„Ото-жъ табѣ, мильнѣй, лиха—
Будò-жъ ни хадѣть да чужихъ жòнакъ тѣха.
Чужимъ жонкамъ да гарѣлачку купуешъ,
А на маѣ плечи кїѣчки гатуешъ.
А тваѣ кїйкї да ўсѣ дубовые,
А маѣ плечи да ўсѣ здаровые.

64.

Ой, рана-рана мѣсячикъ зыхòдїть,
Паранїй таго кумъ да куманьки хòдїть
Прїшоў кумъ да кумы да ў вакòненька стўкнуў:
„Падаї, кума, майò синюю сукню!“
— Ой, пастой, кумò, гадїнку и другуго,
Пакуль укалышў дятїнку малую!
„Дòбре кумъ ў хати размаўляти,—
А мнѣ ни добре на марòзи стаїти.

(С. Житливъ, Словим. ўѣз.).

65.

Тамъ за лѣсамъ, за барòмъ,
За синенькимъ азярòмъ,
Тамъ солнычка играла,
Изъ мѣсяцамъ размавляла.
Пытаецца мѣсячикъ яснага солнычка:
„Ти раценька схòдишъ, ти позна захòдишъ?“

— Што табѣ да захобаньку майго?
Я зайду змэркаючи, а приду свитаючи,
Я пайду земліцэю, а приду зь расіцэю.

66.

Зялёный дубочакъ, широкій листочакъ,
Ни бачила Кася Яся ўжо трейтій динёчакъ.
Адинъ панидѣлакъ, а другіі вавторакъ —
Я думала маладёнька, што нидѣлакъ соракаъ.
Мамъ ў Бога надѣю, што вонъ менэ ни звэде,
Альбо дісей, альбо завтрэ вонъ до менэ пріѣде.
— Ой, чую я, чую, што людзі гавораць,
Што да тебэ маладон кавалеры ходять!
— Ой, няхай гавораць, абы я даждала на то.
Тагды будишь бити-карати, якъ буде за што.

67.

Ой, заржи, заржи, варбный коню, дарогаю бигучй.
Ой, ти ни ўчуе май дівчына, зь рутэньки вѣнки вѣючи.
Дѣвуля ўчула, тяжка уздыхнула, жаласна заплакала:
Божа едныый, я нищаслива, чаго я дочикала!

68.

Падъ гаемъ зеленёнькимъ
Рвала дѣвочка лёнь бѣлёнькій.
Вона рвала, тонко слала,
У сырую зёмлю припадала:
„Земля май сырёнкая!
Ўзила айца и матулю,
Вазьмя жь менэ маладую,
Якъ ягаду баравую, якъ вишаньку садавую.
Атрадїлася ать роду,
Якъ малиначка ать плоду!“

69.

Тёмная ночка да й нежданная то была,
Дурная дѣвчина да й ниразумная то была,
Палюбила жь вона казаченька старага,
Взяла жь яго да й за ручаньку цягнага,

Павилà яго на бѣлую лóжаньку спати,
А сама сѣла на цѣлую ночаньку въ карты йграти.

Вона думала, што милюсенькiй начѣе.

Ажно милюсенькiй нагаячку гатѣе!

Вона думала, што нагаячка сѣ папѣру,

А нагаячка сѣ сыравцóвага рамѣню.

Ни карай менэ, милюсенькiй, въ день, карай у начѣ,

То я пираплáчу, бѣлу ложу стелючи,

То я пираплáчу, да матуленьки бигучѣ.

70.

Салавей рабѣнькiй,

У тебѣ гбласѣ тавѣнькiй,

Ти ни бывѣ ты на чужой старанѣ.

Ти ни плачѣ батѣька й мати па мнѣ?

— Плачѣ, плачѣ, забивайтса,

Тебѣ ў госьти дажидайтса.

Батѣька плачѣ, на крѣселку сѣдэчи,

Мати плачѣ, по каморы хóдэчи,

Братокѣь плачѣ, кони сидлáючи,

Сестра плачѣ, косу-рису чешучи:

„Каса май да радѣьмая,

Доля май нищасѣьливая!

Кобѣь я знала, кобѣь я вѣдала,

То я замужѣь никалѣь ни пашла бѣь,

Лѣьпи у батѣька, у матири была бѣь,

Што-суботы умывалася бѣь,

Што-видѣьльки прибиралася бѣь,

Па падворку пахадживала бѣь,

Русѣь касѣь пригаваривала бѣь:

Каса май да радѣьмая,

А каму жѣь ты да застанисѣьсе:

Ти маѣьру, ти палковнику,

Ти хлопцѣьви свавольнику?“

71.

Ой, сама, сама, екѣь грушенька въ полю,

Ой, нима, нима пажалавати никóму:

Ойченько старѣьй, матуля нидѣьжа,

Сѣьстранька мала, братишанька въ войску,

Выслуживъ себѣ коника варѳанага,
И еще да тога жупана зелѣнага.
А на томъ конику пз саду пайжджѣя,
И у томъ жупанику дѣваньку намавлѣя.
Намовивъ адну, намовивъ другую.
Еще да тога Касюлю маладую.

72.

Черазъ рѣчаньку, черазъ бажѳа,
Падѣй ручаньку, Ясиньку, злота,
 Падѣй ручаньку, бо душѣ згубишь,
 Скажи правданьку, ти вѣрна любишь?
— Ручки ни падѣмъ, души ни згублю.
Правлы ни скажу, кагѳ я люблю.
 Ой, знаю, знаю, кагѳ кахаю,
 Самъ я ни знаю, съ кимъ жити маю.
Суди мнѣ, Божа, кагѳ любила,
Ой, кали судишь, чомъ насъ ни злучишь,
На што насъ, Божа, такъ довга мучишь?

73.

Широка дарѳга, зѣлина мурава,
Па табѣ хаджѣ—ни нахаджуся,
Хлопчика люблю—ни налюблюся.
Ни люблю старѳга, люблю маладѳга,
Бо у старѳга дѣти маладыя,
А ў маладѳга кони варанья;
Бо у старѳга дѣтаньки плачуть,
А ў маладѳга коники скачуть;
Бо у старѳга ў барадѣ воши,
А ў маладѳга у кишени гроши.

74.

Е въ саданьку рѣчанька,
Е въ саданьку быстрая,
Ой, тамъ плыло два чѣвначка,
А въ чѣвначкахъ три мѳладца.

Адинъ кажа: дивчина!
Другий кажа: едина!
Третий кажа: „сэрца моё,
Ти пойдись ты за менэ?“
— Нашто менэ сватаишь,
Коли хаты ни маишь?
„Я заведу ў чужую,
Покиль свою збудую.
Я збудую хатину,
Якъ ружову квятину.
Я збудую въ канцэ сила,
Живи, мила, висила!“
-- Тагды была висила,
Якъ отъ мамы визина,
А тепэръ сама себэ ни бачу,
По нищасьти плачу,
Зайду да каморы—ни хлѣба, ни соли,—
Ой, ни убѣгла я ать нищаснай доли!

75.

Выйду я на гуланьку,—на гулицы гразка,
Я думала, што мой милый, ажъ саломы вѣзка.
Я салому прагартяю, зэрнити шукаю.
Я съ чужими ни сѣдаю, свайгò дажидаю.

76.

Плыла рѣчанька съ-падъ хмѣльничка, вишневага саду,
Кликавъ казакъ дѣвчины да се на паряду.
„Парадь жа мнѣ, дивчиначка, якъ родная мати,
Ой, ти жь бо мнѣ жанитисе, ти мнѣ тебэ ўзяти?“
— А мой жа ты казаченьку, я раджу й ни раджу,
Я съ табою вѣчеръ стою, а на десять гляджу!
„А бадай ты, дивчинанька, тагды замужъ пашла,
Якъ у млини на камини яра рутка зышла!“
— А бадай ты, казаченьку, тагды ажанивсе,
Якъ на мори, на озѣри сухий дубъ развивсе.
Ой, кобъ тую нищасную гадинацьку знала,
То бь я тую яру рутку што-день паливала,
Што-дня й што-гадины:
Расьтѣ, рутка зелѣная, для менѣ дивчины!

77.

Ой, ты знавь, на што бравъ такую маленьку,
Менэ мама гадавала, акъ курку рэбеньку.
Я ни ўмѣла жати, я ни ўмѣла прасѣти,
Сюды-туды кала плѣту, кобъ сарбчку ўкрасѣти.
Ой, ты знавь, на што бравъ, я ни ўмѣла жати.
Буде твая пшаничанька ў поли зимаваѣти!
„Я женчиковъ найму, пшаничаньку зажду,
А я тебѣ чарнобрывку замужъ вазьму!“

78.

У калиновамъ лѣси
Тамъ Прузынка вадѣ несе:
Ставь Микалайка даганяѣти,
Зѣ ведра вадѣ брати.
„Ни зачипай менэ, маладый Микалайка,
Ни разливай вадѣицы:
Менэ мѣтанька выправляла,
Зѣ вадѣцаю буде ждала!“
— Маладая Прузынка!
Ти ни ўмѣишь залгати,
Мѣтаньцы правды ни сказати:
Якъ приляѣли гуси,
Да й зѣ Бѣлинькой Руси,
На вадѣцу сѣли, вадѣцу змутили,
То я стала, пастаяла,
Пакиль вадѣца чиста стала.
Сваей мѣтаньцы да й прилгала.

79.

Ой, выйду я на гулицу,
На гулицы хлопцы.
Менэ мати ни пускала,
Што ў чорнай сарбццы.
А ти ў чорнай, ти ни ў чорнай—
Харошага стану,
Куды пайдѣ, пахилюся,
То ўсюды пристану.

80.

На дварѣ дожджикъ,
А въ сѣняхъ слиска,
Кланевсе Ясинька
Касюли вѣска.

Касюля рада, ручками плѣша:
„Варвесе, Ясиньку, еще поклѣньсе!“
— Ни варвусь, Касюля, ни пакланюсе,
Атчини акѣнца, хоть падивлюсе.

81.

Катилася галка зѣ зелѣнага гайка,
Ни катисе друга зѣ зелѣнага луга.
Ой, тамъ, кала луга, два галубы бѣютса,
Да менѣ маладон два маладцы шлютса.
Нихай воны шлютса, я абѣихъ люблю,
Зѣ аднымъ стану на рушничѣкъ, а десять забуду.
Злажѣла пѣтерки на бѣлую шѣю,
Люби ты, Михалю, люби ты, Васѣлю.

82.

Ой, пѣяна я, пѣяна, да дѣменьку ни зайду.
Ой, салавейчикъ вѣщебѣча зѣ вишнѣвага саду.
Салавейчикъ щебѣча, а зазуленька куѣ,
Ой, ни знаю я, ни вѣдаю, гдѣ мой миленькій начуя.
Ой, коли у дарѣжаньцы, принясѣ ягѣ, Божа!
А коли у дивчиночки на бѣлой ложи, пакарай ягѣ, Божа!

83.

Я въ альшѣни валы пасла,
Тамъ мнѣ тѣмная ночка зашла.
Я пасучѣ пагубила,
Я пасучѣ заблудила.
Вхавъ Яся зѣ Бѣлой Руси,
Пазнавъ Касиньку па гѣласи.
Ясѣ Касиньку вѣрна любивъ,
Ясѣ Касиньцы пива купивъ.

Касинька пива ни выпила,
Шблжавъ партухъ замачила.
Павѣнь вѣтирь зъ Украйны,
Вѣсушь партухъ у дивчинны,
Кобъ насъ мати ни пазнала,
И шельмами ни назвала.

84.

Млодый Василь, млодый,
Захатѣвъ выгоды,
Пару падушкавъ паць мѳду,
И Марильку млоду.
Лятѣли гусачки черазъ боръ Мазурецкій,
Гатуй жа. Марильку, штѣры подушѣчки,
Штѣры падушѣчки, а пятау парѣну,
Гатуй жа для Васи на зиму.

85.

Ё у гарѳди яваръ,
Паць яварамъ вишня.
Тамъ Михалка у карты йгравъ,
Кобъ Ганулька вышла.
Ганулька пышна,
Да ягѳ ни вышла.
Бо у дома ни была,
Гуси праганяла.

86.

Черазъ садъ, винаградъ, червонья вишни,
Суди, Божа, мужукѳ хотъ на маѣй мысли.
Кобъ люльки ни куривъ, табѳки ни нюхавъ,
Чужихъ жѳнакъ ни любивъ, ано менѳ слухавъ.
Бо чужая жонка, екъ цыбулька горка,
А своя миленька, екъ мѳдъ саладѣнька.

87.

Чорна курица, чорна
Злитѣла на жорна,
Стала сакатѳти,
Ни далѳ нѳчи даспѳти.

Приспарй, Божа, ночи.
На має чорныя очи.
Приспарй двѣ гадѣны
Для маладой дывчѣны.

88.

Никому ни скажу,
Куды гуляти пайдѹ.
Пайдѹ у вишнёвый садѹ,
Гдѣ новы стайни стаять.
А тамъ кучарѹ маладый
Вяде кбнѣй да вадѣ.
Иди, кучарѹ, пасматри,
Ти ўсѣ кони вараны,
Ой, ти пѣють, ти идѣть,
Ти на стайню глядѣть.
Адинѹ конь ни пѣе, ни ѣсѣть,
Чувѣ дальный атѣздѹ:
„Пойдимѹ, кучарѹ, на вайнѣцу,
На пруськую на границу.
Тамѹ тебѹ, кучарѹ, забѣють,
Менѹ да стайни завидѹть,
Менѹ да стайни завидѹть,
Мнѣ гавса, сѣна дадутѹ.
Дробны листы напѣшутѹ,
Да радѣны аташлѹть.

89.

Ой, хучѣй, загонцу, да дароги.
Хто тебѹ арѣвъ, ратай криванбгѣй.
Дѣляй, загонцу, да канцѣ,
Кобѹ я зайшла да дбму за слонца.

90.

Ой, пайдѹ я да рѹду гуляти,
Ой, скажутѹ мнѣ да дна выпивати.
Я ня буду да дна выпивати,
Бо есѣ у менѹ бѣданька у хати.

Адна бидá—дитина милая.
А другая—свѣкрѹха лихая.
Хоть лихая—вѣчериньку справляя,
А свекро дубинку припаривая
Ой, хоть той парить—ни будѣ бити,
Сидѣть мильй—будѣ баранѣти.
Сидѣть мильй, дробны листы пиша,
И дитину милую калыша:
„Люля-люлей, дитина малая,
Гуляй, гуляй, жинка маладая!“

91.

Паѣхавъ Михалъ у лѣсь на калины,
Пагубивъ коники, Божа едынй.
А ни стѣжаньки, ни дарожаньки,
Паѣхавъ Михалъ да варожаньки.
Варожка варожитъ—правданьки ни скажа.
Съ кимъ ягò миленькая спѣтаньки ляжа.
Ой, ляжа, ляжа сама собою,
Палѣжа ручаньки падъ галавою.
Прѣхавъ мильй у noci пѣанѣнькѣй, —
„Атчяни, милая, я твой милѣнькѣй!“
Милая ўстала, такъ якъ ни спала,
Абнѣла мѣлага, пацалавала.

92.

Тамъ, на долини, гарбѣдъ гарадѣли,
А гдѣ той казачокъ, што мы ўтрохъ любили.
Адна любила—кашѹлю ушила,
Другая любила—хѹстачку рубила,
Трейтѣя любила—зѣльличко варила.
У нѣдѣлю рана корань капала,
У панидѣлокъ ягò паласкала,
У вавторакъ рана корань варила,
У сѣраду рана Грица чарнѣла.
У четвѣргъ рана Грицанька ўмеръ.
У пятницю рана Грица схавала,
А ў суботу рана мати дачкѹ била:

„На што ты, суко, Грица чарніла?“
— Май матулю, жаль уваги ни мая,
Нихай жа бо вонъ три ни кахая,
Нихай ни буде ни имъ, ни мнѣ,
Нихай ляжѣть у сырой зямлѣ.

(С. Новая Воля. Бѣлостокск. уѣз.
Говоръ смѣшанный).

93.

Бѣлый маладецъ сѣна косить,
Ему дѣвка абѣдъ нѣсѣть.
Несла, несла—не данѣсла,
Сѣла жъ вона, запачѣла,
Сабѣ сына парадѣла.
Парадѣвши, спавивала,
Спавивавши, гаварѣла:
„Ахъ ты, Дунай быструснѣй,
Мой ты сынокъ малюснѣй:
Ти мнѣ тябѣ гадавати,
Ти мнѣ тябѣ утапѣти?
Гадававши, ать людей смѣхъ,
А утапѣвши, ать Бога грѣхъ!“
Бѣлый маладецъ тѣя чуя:
Кинувъ касу на пакѣсу,
А самъ пашѣвъ да дѣвчѣны:
„Ти ты, дѣвчѣ, адурѣла?
И насъ мати гадавала,
И нѣчаньки ни даспала,
Съ калыбельки нажѣкъ ни вымала,
Яснае свѣчѣ ни згашала!
Я паѣду да мясѣчка,
Купью табѣ калыбельку,
Павѣсѣма у садѣчку.
Будя вѣтрикъ павивати,
Твагѣ сына калыхати,
Будя листокъ ападати,
Твагѣ сына прикрывати,
Будя зазулька кавати,
Твагѣ сына забавляти.

(Ср. сѣнокосня).

94.

Зелёная чарёмшина.

Чомъ ни гарышь, ано куришь?

Маладая сэрца—дывчынненька.

Чомъ ни робишь, ано тужишь?

— Кобъ мяне падпаліли,

Я бь гарыла, ни курыла;

Придь, Божа, кагò вьрня люблю,

Я бь рабыла бь, ни тужила бь.

Литять гуси зь Маларуси,

Ў мори вады бь напйтиса

Мэндравали два казаченьки

Да Варшавы жанйтиса.

Мэндравали, сами сабъ гаварили:

Дай намъ, Божа, у Варшаву вайсьтй, —

Тамъ мы будимъ жанитиса!

95.

Я ў бару ваду беру,

На камени суха, —

Выйди, выйди, дывчынненька,

Выйди, харашуха!

Тн такая я хароша,

Тн такая люба:

Тн я млода выгачона

Зь зелёнага дуба?

А я зь дуба ни гачона, —

Менэ мать радыла,

Ни ў щасыву гадннаньку

Ў пелюшки упавыла.

Ўпавывала менэ мати

У шавковы пеленки,

Калыхали малбйчики

Съ чужия старбнки.

Въ вагарбди гардавыца

Павилася ў трубки,

Ой, екъ любивъ, такъ пакнувъ,

Екъ голубъ галубку.

Два галубы ваду пийи,

А два калатыли, —

Бадáй тыя паўмира́ли,
Што насъ разлучили.
Ай, ніхто жъ насъ ни разлучивъ,
Екъ той сусѣдъ близкій, —
Бадáй ему тѣжка ста́ла,
Екъ каменю низку!
Ой, папльни, селезѣню,
Бы́страю рѣкою,
Накажи ты, селезѣню,
Що я сиротою.

96.

Адала мати дачку далёка ать себа,
И сказала й приказала,
Кобъ семъ лѣтъ ни бывала.
А вона маладая тагó ни слухала,
Аберну́ласа зазу́лькаю
А ў рачо́къ приляну́ла.
Приля́тѣла зазу́лька
А ў вишне́вый садоча́къ,
Сѣла, ўпала, закава́ла,
Жаласна заплакала.
Ой, вышла матка старая,
Да й зазу́леньку ўчула:
Ни куй, ни куй. зазуленька,
Въ вишне́вамъ садочку!
Вазьми, вазьми, Ясю, стрѣланьку,
Забй, забй зазуленьку съ правае рúчаньки!
Намѣравса Ясинька зазулю забити, —
Ой, се (если) май сестра, то прашу я да хаты,
А се сивая зазу́лька, то ляті ў луги кавати!
Палятѣла зазуленька сухими лугами,
Прамачы́ла сухи луги дробными слизáми.
Палятѣла зазуленька тёмными лисáми,
Паглуши́ла дробны пта́шки рóзными галасáми.

(Бѣлосток. уѣз.).

97.

А гуляла дѣвица на садѣчку,
Накалола ножаньку на калиночку.
Балить, балить ножанька, да ня бѣльна,
Любивъ мене миленькій, да ня довга.
Ни довга, ни маленька— три гадѣчки,
Да поѣхавъ миленькій у гарадочекъ.
За всеми (со всѣми) подружками распращався,
А за мною дѣвицей застыдѣвся.
— „Не ганюся, дѣвица, за табою,
Ганюся за русаю за касѣю“.
— „Касу маю русую вѣчерамъ плели,
А павутру раненько милый расплетавъ.
Расплетавши косаньку, лентачку зорвавъ,
А зорвавши лентачку, да распалававъ.“

98.

Кала бѣрушку мухаморуска —
Нашла славнаго грибка.
Взяла его, падхватила,
Да у карманушку уложила,
Сама у боръ пашла.
Спадабали дявчѣнаньку
Да утрѣхъ малайцы.
„Запали́тя свѣчку зъ лою,
Я выведу дѣвку зъ бору
Маладѣсеньку.
А другую васкавѣю,
Я выведу—пацалѣю,
Съ сабой спать кладу.
Дѣвка спати не кладѣтца,
Да усѣ слѣзаньками льетца —
Бонтца мене.
Ахъ ты, дѣвица прекрасна,
Не лѣ слѣзаньки напрасна,
Не бойся мене.
Пашлю табѣ падарунку
Павыше тябе“!
—А я у твоихъ подарункахъ хадить не буду,
Я такѣга кавалера любить не буду.

99.

Якъ я була семъ лѣтъ удавою.
То не чула нѣжакъ падъ сабюю.
 Засталася за другѣга мужа,
 То я стала черезъ рокъ недужа.
Якъ ставъ мене дубиною бити,
То стали мнѣ плеченьки балѣти,
 Якъ ставъ мене за косаньки рвати,
 То ставъ мене великій жаль брати.
Якъ пайду я падъ новенькій двѣрецъ,
Ти ня выйде съ тагѣ дварца хлопецъ.
 Я думала, што то зъ дварца хлопецъ,
 Ажно вышавъ мой родный ойтець.
Якъ ставъ ёнь за мною (со мною) гаварити:
„А ти добра ў чужихъ людяхъ быти?“
 — Хоть ни добра—мушу привыкати, —
 Парадѣла нещасьливу мати.

100.

Тѣмныи вечера,
Холодныя ранки,
Запазнѣвся ни у любай,
Ни ўспѣвъ да каханки.
 „Скажи, дѣвча, праўду,
 Ти ты мене любишь,
 Ти на яку зраду
 Ты мене голубишь?“
— Ой, я тебе люблю,
И Богъ тое знае,
Бадай таму лиха стала,
Хто насъ разлучае.
 Разлучь, Божа, разлучь
 Душѣ яго съ тѣламъ,
 Хто мене разлучае
 Зъ милымъ кавалѣрамъ.

101.

Ой, добра тому, (2 ра̀за)
Хто кахацьня ни знае,
Ему день вольный, (2 раза)
Спакбйну ночь мае.
А гэта бѣда, (2 раза)
Да зь залётами тымя:
Ни ў noci спаньня, ни у рана ўстаньня,
Ни у день работы.
Соненька взышло, ўгору—падышло,
Я ў днѣчненьки сижу,—
Приду да до́му, самъ себе нивавижу:
Матуся кричить, матуся браніть,
А татка еще гѣршы:
„Ни ходи, сынку, млоды Ясеньку,
Да днѣчненьки большы.
Да бери сынку, млоды Ясеньку, валы палавые,
Да иди у поле ара́ти:
Ти ни пакѣнишь, ти ни забудишь
Абъ днѣчнаныцы думати!“
— Згара́въ я го́ны, згара́въ другіе,
Начавъ третіе гарати,
Якъ ни пакину, такъ ни забуду
Абъ днѣчнаныцы думати.
Ой, дай жа, Божа,
Ти ни вѣскачвть, ти ни вѣбѣжитъ
Днѣчненька па воду
Бѣжвть днѣчина, сѣрца едына,
Бѣленькими ножка́ми.
Якъ я ее ўбачу, сѣрдэчне плачу
Дробненькими слезенька́ми.

102.

„Чему, ко́ню, вады ни пѣшь,
Ти дарбжку чѣишь?
Чему, сынку Ясюленьку,
До́ма ни начѣишь?“

— Ой, якъ же жъ мнѣ, май матко,
Дѣла начевати,
Прыде ночка тѣмнинькая,
Зъ нѣ съ кимъ размавлати!

„Маишь, сынку Ясюлиньку, каня варанѡга.
А якъ зѣйдись да стаиньки, гавары да его!“

— Я да его гаварѹ, а ёнъ ни гаворыть,
Якъ здумаю абъ двѹчѣни, ажъ мнѣ сѣрца бѡлить!

Ой, у доли на подоли урадѣла прѡса. —

Тулы ишла двѹчѣнанька да цаганки бѡса.

„Цаганачка Марьяначка, ѹчѣни ты мнѣ волю:

Заваражѣ Ясюлинька на вѣки за мпою!“

Купи ты мнѣ, май матко, за залатый голку,

За чѣтыры залатыи чирвѡпага шолку.

Шѡлкамъ шила, шолкамъ шила, зѡлатамъ рубила.

Тамѹ сваймѹ Ясюлиньку, што вѣрна любила.

103.

Зелѣненькѣй барвѣначекъ

Па саду паслаѹся,

А мой милый зъ Украины

Празъ люди кланявся.

А што па томъ барвѣначку,

Што ни ягадъ, ни цвѣту,

А што па томъ пѣклѡначку,

Калѣ самѡга нѣту.

Гѹланька метѣна,

Да ни ѹсемъ хадити,

Маладые малойчики,

Да ни ѹсихъ любити.

Аднаго любилы,

Да ѹ люди пусьтила,

Катѡрага знать ни знала,

Зъ тымъ на шлюби стала.

Ой, шлюбе мой, шлюбе,

Шлюбе шлюбаваный,

А какое да не зъ любымъ

Буде размаѹльѣньне?

— А якъ сѣдишь, дитя має,
За тесовымъ стѣламъ,
Ой, назавѣшь нелюбага
Ясенькимъ саколамъ!

Лѣпій, лѣпій, май матко,
Горкій перець їсьти,
Нижъ зъ нелюбымъ, зъ не харошимъ,
За стѣликамъ сѣсьти.

Горкій перець ївши,
Вади́цы напиўся,
За нелюбымъ, не харошимъ,
Слезами аблиўся.

Лѣпій, лѣпій, май матко,
Гораньку капати,
Нижъ зъ нелюбымъ, не харошимъ,
Вѣчокъ каратати.

Гораньку капайши,
Сяду, атпачину,
За нелюбымъ, не харошимъ,
На вѣки загину.

(Вѣлостокск. уѣз.).

104.

Дѣтя, люди, гарѣлицу, а вы, гуси, воду,
Накажѣтя, бѣлы гуси, да да майго роду:
Ни кажѣтя, бѣлы гуси, што я тутъ гарую,
А скажѣтя, бѣлы гуси, што я тутъ паную.
Якъ будѣтя, бѣлы гуси, ўсю правду казати,
Такъ не буде атѣць, мати ў гасѣтїни бывати.
Ой, зорву я зъ рожи квѣтку, да й пушу на воду:
„Плыви, плыви, зъ рожи квѣтка, тамъ да майго роду“.
Пришла мати вадѣ брати, квѣтаньку пазнала:
„Ти ты, доньку, має дитя, три роки хварѣла,
Што ўже твай зъ рожи квѣтка въ вадѣ засмутнѣла?“
— Ни хварѣла, моя мати, ни дня, ни гадїны,
Папалася злому мужу, невѣрной дружини.
Не такъ же той дружиноньци, якъ лихому мужу,
Утапїла мене, матко, якъ канѡплю въ лужу.
Намачивши канапѣльки, треба ихъ тягати,
А мнѣ млѡдай, маладѣнькай, треба вѣкъ каратати.

Вытягавши канапельки, треба ихъ сушити,
А мнѣ млодай, маладѣнькай, треба вѣкъ тужити.

105.

Кобъ я тое горе знала,
Ни йшла бъ замужъ, а гуляла.
Замужъ пайтѣ, треба знати:
Позна легчи, рана ўстати
Да дня печку натапвти,
Дежу хлѣба замѣсити.
Я хлѣбъ мѣшу, руки ў тѣсьти,
Дитя плача у калысцы.
Я свекрови пакарўся —
Свекроў дитя пакалыша,
А мой мылыи тое знае,
Всѣ напаства аткладае,
Приде ночка, пашкадўе:
„Спи, жѳначка маладѣнька.
Табъ ночка каратѣнька,
У тебе дитина малѣнька.

106.

А войченьку, жовтый цвѣтъ,
На што аддавъ дачкў ў свѣтъ,
Ой люли, да й люли,
На што аддавъ дачкў ў свѣтъ?
А матуленьку — зарá.
На што дочку аддалá,
Ой люли, да й люли,
На што дочку аддала?
На чужую старану,
Ў невѣрную дружину,
Ой люли, да й люли
Въ невѣрную дружину.
Сами сядуть вечераги,
Мене пѳ ваду пашлютъ,
Ой люли, да й люли,
Мене по ваду пашлютъ.

Я па вбдзянку иду,
Якъ галубанька, гуду,
Ой люлі, да й люлі,
Якъ галубанька, гуду.

Пакуль вады принесла,
Ўся вечерацька прайшла,
Ой люлі, да й люлі,
Ўся вечерацька прайшла.

„Чаго, мила, надулася,
Чаму ложкаць ни мыйшь,
Ой люлі, да й люлі,
Чаму ложкаць ни мыйшь?“

Чаму ложкаць ни мыйшь,
Пасьтэленьки ни сьтэлишь,
Ой люлі, да й люлі,
Пасьтэленьки ни сьтэлишь?“

Я ложкачки памыла,
Сама ими ни фла,
Ой люлі, да й люлі,
Сама ими ни фла.

Пасьтэль б'ёлу паслала,
Сама на ёй ни спала,
Ой люлі, да й люлі,
Сама на ёй ни спала.

Ой, пайду я паць вакно,
Да што будуць гаваріць,
Ой люлі, да й люлі,
Да што будуць гаваріць?

Мати сына наўчае:
„Чаму жонки ня б'ешь,
Ой люлі, да й люлі,
Чаму жонки ня б'ешь?“

— А якъ жа мни жонку бить,
Кали сэрца баліць,
Ой люлі, да й люлі,
Кали сэрца баліць.

Кали яна санлівая,
Прабуджайця яе,
Ой люлі, да й люлі,
Прабуджайця яе.

Кали яна лѣнивая,

Навучайтя яе.

Ой люли, да й люлі,

Навучайтя яе.

Кали яна вамъ ня добра.

Сасылайтя яе.

Ой люли, да й люлі,

Сасылайтя яе.

Яе мати багата.

То выкупить яе,

Ой люли, да й люлі,

То выкупить яе!

Ишла мати гарбю,

Сустрѣлася зъ дачкбю,

Ой люли, да й люлі,

Сустрѣлася зъ дачкбю.

„Гдѣ ты, мамо, идѣшь.

Мò мнѣ гроши несѣшь,

Ой люли, да й люлі,

Мò мнѣ гроши несешъ?

Иди, мамо, да дому.

Хавай гроши ў камбру.

Ой люли, да й люлі,

Хавай гроши ў камору.

Твае гроши атбяруть,

Мене стуль ни 'ддадутъ,

Ой люли, да й люлі,

Мене стуль ни 'ддадутъ.

Я на тоя присягала,

Кабъ я тамъ памирала,

Ой люли, да й люлі,

Кабъ я тамъ памирала.

На кавѣрцы я стаяла,

За залатый крыжъ держала,

Ой люли, да й люлі,

За залатый крыжъ держала.

Ой, дали жъ мнѣ крыжъ у руки,

Кабъ ни брала вѣкъ разлуки,

Ой люли, да й люлі,

Кабъ ни брала вѣкъ разлуки.

107.

Ой, пайдѹ я гарою и далинаю,
Да ти ни знайду вѣрбаньки съ калинаю?
Наламѣла пучокъ, сяду я ихъ ѣсть,
Да ти ни придѣть ать маѣй мати вѣсть?
„Чаму ты, доню, ў гасѣтѣни ни бываишь:
Ти каня ни маишь, ти дарожки ни знаишь?“
— Я каня маю и дарожаньку знаю,
За лихимъ мѹжамъ у госѣти ни бываю!

108.

Ой, думай, ни думай,
Што ты на ўмѣ маишь,
Муси ў сваѣмъ сѣрцы
Другую кахаишь?
Ой, на што мнѣ инша,
Кали ты наймильша,
Дала мни вяночекъ,
Зѣ дрѣбнай руты звивши.
Гѣра жѣ маѣ, гѣра,
А я ўсѣ смиѹся,
А я сваймѹ гѣру
Ўсѣ ни падаѹся!
Гѣра жѣ маѣ, гѣра,
Ещѣ гѣрый будѣ,
А хто маймѹ гѣру
Спагадѣти будѣ.
Ѣсть у мене братаваѣя
Оченна лихая,
А ѣсть ў мене братинька,
А ѣнѣ мене ўважаѣ.
Расплѣѹ ѣнѣ касѣцу
Па бѣлыхъ плечицахъ,
Палиѹтца слѣзыньки
Съ-падѣ ясныхъ ачицавѣ.
Ня йдѣ, сестра, замужѣ
У чужу старѣнку,
Бо ў чужуй старѣнцѣ
Палѣжишь галѣвку:

Пасыплитца раса
Зъ зелѣнага авса,
Паліютца слѣзыньки
Безъ рѣднага айца.

Пасыплитца раса
Зъ зелѣнай мятки,
Паліютца слѣзыньки
Безъ рѣднай матки.

Пасыплитца раса
Зъ зелѣнай пшаницы,
Паліютца слѣзыньки
Безъ рѣднай сястрицы.

Пасыплитца раса
Зъ зелѣнага граба,
Паліютца слѣзыньки
Безъ рѣднага брата.

Пасыплитца раса
Зъ зелѣнага дуба,
Паліютца слѣзыньки
Безъ милага друга.

(Вѣлостокск. уѣздъ. Говоръ смѣшанный).

109.

Ой, пайдѹ, пайдѹ да здрѹю, вадѹ брати,
Веде нелюбой канѹ напаяти.
Я зѹ нелюбымѹ нѹчку прастайла,
Такѹ ѣму праѹды ни сказала.
Ой, пайдѹ, пайдѹ да зрѹю, вадѹ брати,
Веде миленькѹ канѹ напаяти.
Я зѹ миленькимѹ гадѹнку прастайла,
Такѹ я ѣму ѹсю праѹданьку сказала.

110.

Зажурылась маладѹ ѹдѹванька,
Што не кошана зелена дембрѹванька.
Касярѹ кѹсять, а ѹдѹванька плаче:
Чимѹ я, маладѹ, касярамѹ заплачу?
Касярѹ кѹсять, вѣтрапѹнки павиваѹють,
Шѹлкаву траву на касѹ нахиляѹють.

Ни нахляйся, травѣца шалѣвая:
Вытупишь касу—ни будишь кошаня.
Тады будишь у полю зимаваѣла.

111.

Зъ-пудъ дѣба дароженъка, зъ-пудъ дѣба.
Не даў мни Панъ Бугъ, каму я была люба.
Зъ-пудъ вишни дароженъка, зъ-пудъ вишни,
Не даў мни Панъ-Бугъ, каму я была ў мысли.
Ой, то не тая дароженъка, не тая,
Адѣли мене за Ясенька—гультаѣя.
Якъ канапельку ў булѣточка ўдаптаѣли,
Такъ вы мене за нелюбѣга адѣали.
Якъ канопли тяжко ў балѣти гнити,
То щѣ мни тѣжи за нелобымъ жити.

112.

Чорна гречка, бѣлы крупы,
Пападѣсьсе, дѣвка, ў руки!
Пападусе, вѣвинусе,
Съ тебе, дурню, насмиѣсе.
Вѣлѣй пайдѣ за жебрака,
А ни пайдѣ за дварака:
Жебракъ буде хлѣба прасѣть,
А я буду торбы насѣть.
Каторый хлѣбъ бѣлюсинькій,
То для мѣи губѣсвиньки,
Каторыя чорны крупы,
То для тебе, старый трупе!
А я рукѣ шусѣть у торбу,
А вонъ мене лясъ у морду!
А я стала, заплакала,
Бѣлы ручки заламала:
Вѣлѣй пашлѣ бѣ за дварака,
Нишъ я пашлѣ за жебрака.

113.

При дарбзи, при долкѹ, охъ, насѣю я ленкѹ.
Ахъ, лёнъ, ты мой лёнъ, зеленой!
Тонка напрудѹха была—на день па три нитки вела,
Што-тыдень ручайка, што-мѣсяць начинакъ,
Што-павгадка, то павматка,
Што-гадокъ—то матокъ.
Девята весна пришла, я здумала пра кросна,
Я здумала пра кросна—уже травица парасла,
Я на тую траву девять касцовъ найму,
А на тую старню восьмъ кѹракъ выпущу,
Девятага пѣвнюшку, кобъ выбиравъ чарнюшку.
Три дни хаты ни мела, ўсѣ шукала пастала,
Гляну я подъ столъ, ажъ тамъ мой пастолъ,
Хвала Богу, што знашла, абѹлася и пашла.
А мой милый гаспадаръ на припечку зааравъ,
А мой милый гаспадаръ на комини валѹ запрагавъ,
На комини запрагавъ, кацѹбаю паганявъ,
Памеломъ мухи праганявъ, на начъ у пецурку заганявъ.
Ахъ, лёнъ, ты мой лёнъ, зеленой!

(С. Потоць, Бѣлост. г.).

114.

Ой, Божа мой, Божа на свѣти,
Не дай Божа йсти на чужія дѣти.
Бо съ чужими дѣтьми гора гаравати,
Будуть мни маладой вочи выдирати!
— Не бядѹй, ты маладая, моими дѣтками,
Я пайдѹ зъ касою, а воны зъ грабельками.
Я пайдѹ касіти, а воны загребати,
А ты, маладая, гаспадыня ў хати.

115.

На падвѹру новыи калѹдизь и нѹвое вѣдро,
Чомъ, Ганулю, твого ойченька не видна?
Ой, перэйдѹ ты хату и сѣни,
Ў новуй камѹры свого ойченька поглѣди!
— Ни разъ, ни два я хату й сѣни перэйшла,
Ў новуй камѹры свого ойченька не нашла.

Ой, хто тамъ по загорѣдю гукае,—
Мблода Гануля свого ойченька шукае.
Ой, скбчила съ падвора ў даліну,
Патрафила на ойченькаву магілу.
„Устань, устань, ты мой ойченьку, до мене,
Нема, не буде параданьки безъ тебе!“
— Ой, не ўстану, дитятка, не магу,
Бо збудаваіи свѣтличеньку тесобу,
Ой, безъ дверей, моё дитятка, безъ слонца,
Не прамбѣлю я да тебе ни слоўца.

116.

Паўхаў миленькій, нидѣ не видать,
На рыжумъ песочку два слѣдочка знати:
А першій слѣдочекъ коня вараного,
А другій слѣдочекъ моего милого.
Поскачу, поскачу я у садъ вишнёвый,
Выломлю, выломлю листочекъ кленовый,
Прикрыю, прикрыю милого слѣдочекъ,
Кобъ по тумъ слѣдучку пташки не летали,
Кобъ мого милого инши не кахали,
Кобъ по тумъ слѣдучку пташки не хаділи,
Кобъ мого милого инши не любили.
Ой, по тумъ слѣдучку пташки пахаділи,
Ўже мого милого инши палюбили.

117.

Пашбѣ казакъ по орѣхи,
Ўзяў дивчину для потѣхи:
Вунъ орѣхи щипле, щипле,
И дѣвчинѣ въ фартухъ сыпле.
Пытайтце дѣўчинѣнька маладого казаченька:
Дѣ мы будемъ ночевати?
— Тамъ мы будемъ ночевали,
Дѣ дяково жито жали.
Пытайтце дѣўчинѣнька маладого казаченька:
Чимъ мы будимъ умываться?
— Ой, я буду водіцею,
Ты, дѣвчина, слезіцею.

Пытаетце дѣвчинѡнька маладѡго казаченька:

Што мы будѣмъ съ табѡй ѣсць?

— Ой, я буду ѣсць булку,

А ты, дѣвчина, думай думку!

Пытаетце дѣвчинѡнька маладѡго казаченька:

Дѣ мы будѣмъ съ табѡй жити?

— Я паѣду самъ до рѡду,

Тебе, дѣвку, зѣ мосту ў вѡду!

118.

Зазуленька куе, цѣлый свѣтъ радѣе,

Дѣвчинѡнька плаче, млодыхъ лять жалѣе.

Сива зазуленька якъ кукѣ, такъ кѣку,

Бодай шасцьа ни мяль, хто здалека шука.

Бодай шасцьа ни мяль, ни жадного зыску,

Хто ѣде здалека, не шукае поблизку.

Бодай шасцьа ни мяль, ни жадного скураня,

Хто ѣде здалека съ коханя.

119.

У Я ў гарѡди тѣнько

Цвите харашенько,

Нихто такій не харѡшій,

Якъ муй Ясюленько.

На скрыпѡньцы йграе,

Очками моргае,

Нехай мой дѣвчинѡньки

Нихто не зымае.

Нихто ни зымае,

Да й не поцалуе,

Нехай моей дѣвчинѡньки

Личенька не псуе.

120.

Ой, тамъ, на балѡти,

Тамъ гарѡдъ—гарѡдять,

Тамъ гарѡдъ гарѡдять,

Дробну руту сѣють,

Хто до руты дойде,
Той дѣвчину возьме.
Одозвавсе Иванко
У новуй камѳры:
Я до руты дойду,
Я дѣвчину возьму!

121.

Ой, вырусъ яворъ зелененькій,
Ой, рано, яворъ зелененькій.
На тумъ явору залатая раса,
Залатая раса—Ганулина краса,
Ганулина краса—коса до пояса.
Павоньки летѣли, на явору сѣли,
Крыльцами странѣли, расѣ отранѣли.
Збери тую росу у цынову миску,
Съ цыновой миски разлѣй въ три кубочки.
Першій кубокъ ойцу и матцы пѣти,
Другій кубокъ сватяки ларити,
Третій кубокъ самѣй маладѣнькей,
Самѣй маладѣнькей медокъ саладѣнькій.
Ой рано, медокъ саладѣнькій.

(Д. Малышковичи, Заблудов. вол.,
Вѣлосток. у. Запись неточная).

122.

Ой, по горѣ, по долини голубы литають,
Ще въ роскоши нѣ ўжила, а литѣ минають.
Ще въ роскоши нѣ ўжила, гѳра нѣ забуду.
Почомъ же я свои лѣта споминати буду?
Запрягайте, закладайте кони вороные,
Догоняйте, догоняйте лѣта молодые!
Догонили мои лѣта на липовомъ мости:
„Вернѣтэся, мои лѣта, хоть до менѣ ў гости!“
— Нѣ вернѣмся, нѣ вернѣмся, бо нѣма до чого,
Треба было шанувати здоровичка свого!
Ой, вырву жъ я зъ рожи квѣтку и пуцу на воду:
Плынь же, плынь же, зъ рожи квѣтка, ашъ до могѳ роду!

Плыла, плыла зъ рожи квѣтка, ў край бѣрегу стала.
Вышла мати воду брати, квѣтку опознала.

„Чи ты, дитя мое роднѣ, три лѣта хворѣло,

Што твоя такъ зъ рожи квѣтка на водѣ змарнѣла?

— Нѣ лежала, моя мати, ни дня, ни години,
Попалася ў лихи руки, въ велику дружину!

„Нѣ нарикай, мое дитя, на гуси сѣрья,

А нарикай, дитя мое, на браты родныя!

123.

Веду коня до креници,

Конь нѣ хоче пити,

Задирае головоньку,

Хоче мѣнѣ бити.

„Чомъ ты, коню, нѣ пьешъ воды,

Чи дорогу чуешъ,

Чомъ ты, сынку Ясюленьку,

Дома нѣ ночуешъ?

— Ой, якъ же мнѣ, моя мати, дома ночевати,—

Прѣдѣ ночка осенная—нѣ съ кимъ розмовляти!

„Маешъ, сынку Ясюленьку, коня вороного:

Прѣдѣ ночка осенная, говори до ёго!“

— Тяжко тобѣ, моя мати, зъ ворогѣми жити,

Еще тѣжѣй, моя мати, съ конемъ говорити.

Я до коня заговорю, а конь нѣ говоритъ,

Што я згану про дивчину, мнѣ сѣрдѣнько

болить.

Нѣславонька, моя мати, съ конемъ розмовляти,

Треба, моя матуленька, дивчину шукати!

„Чи я тобѣ, мой сыночку, чи я боронила,

Было собѣ женитисе, якъ я породила;

Чи я тобѣ, мой сыночку, чи забороняла,

Было собѣ женитисе, якъ я ўповивала.

124.

Есть у пѣлю кривиченька, тамъ выросла травиченька.

Тамъ Романъ коня пасъ, а Марися воду брѣла.

Стала жъ вона воду брати, ставъ Романъ жартовати.

„Ой, Романѣ, Романочку, пусти мѣнѣ до домочку,

Въ менэ мати нэ рódная, будэ бити и лаяти, и Романкомъ
доганати!^а

— Видай, дивчо, што сказати, передь маткою золгати:

Налетѣли гуси зъ броду, помутили въ студни воду,

А я стала, постояла, покуль чиста вода стала.

„Лжешъ ты, цурю, нэ стояла.—ты зъ Романомъ розмовляла!“

— Тэперь, мати, признаюсе, што зъ Романомъ кочаюсе,

Романъ чорный, я русая, поберэмся, будэ пара.

125.

А ў сокола золоты пѣра, а у павы косы,

Ой, нэ ўжила ни жадна невѣста у свекорка ў роскóши.

Хбдять свекоръ по новымъ сѣнямъ, невѣсту пробуждае:

Вставай, невѣсто молодѣнькая, ўже други кури пѣли!

Невѣста ўстала, тяжко ўздыхнула, жалосно заплакала:

„Ой, Боже, Боже, чого я дочекáла?“

Ой, якъ я была ў своего батэнька, то я тóго нэ знала:

Кури нэ чула, зóрувь нэ видала, работа поробѣна.

А тэперь я кури почула, товкучй и мѣлочи,

А зори познала, молодѣнькая, рано по воду идучи.

126.

Ой, тамъ, коло проса, тамъ зимнѣнькая рбса.

Ой, выйди, выйди, сэрце давчино, выйди до менэ боса.

— Ой, якъ я маю до тебэ выходить —

Зимная роса, ноженьки морозити?

„Ой, нэ бойсь, нэ бойсь, дивчино, морозу,

Я твои ножки въ свою шапочку влбжу.

Моя шапочка нэ барзо дорогая,

Но за сто злоты дивчина молодая.

127.

Коло тэмнаго бора сосна зъ вѣтромъ гóвóрить:

Ой ты, вѣтро-вѣтрочку, нэ шибай ты мною, тонкою, високою,

А якъ одну гольку зломвишь, то нэ однось же далéко.

А положи подь мною, тонкою, високою!

А у новуй коморы тэща съ зятемъ гóвóрить:

„Ой ты, зятю, зятюленьку, бэрэшъ дитя мое въ литяхъ молодое,

Нэ одвозъ же далеко, въ сторонку чужую;
Бо чужая сторонка безъ дощу вымочѣна, безъ вѣтру
высушѣна.

Высушили клопѣты отъ чужой робѣты,
Вымочили слѣзки отъ чужой матѣнки.

128.

Ой, сама я, сама, якъ грушка у пѣлю,
Ой, нѣма и нѣ будѣ жаловати кѣму.
Татуленько умѣрѣ, матуленька стара,
Братко на вѣенцы, сѣстронка малая!
Ой, приплынь, мой братику, зѣ водою,
Возьми менѣ, возьми сиротку зѣ собою!
— Нѣ буду, сѣстронка, зѣ водою приплывати,
Обѣщався Богъ щастя-доли дати.

(С. Рафскъ, Гѣльскаго у.).

129.

Хлопыць чернобровый,
Жѣнь волю до зори.
Жѣнь волю, жѣнь,
Якъ бѣлый дѣнь.
Жѣнь голю ў лищыну,
Тамъ найдышь дивчыну (припѣвъ).
Жѣнь волю на рѣсу,
Тамъ найдышь хорѣшу.
Жѣнь волю на отаву,
Тамъ найдышь, якъ паву.
Жѣнь волю, жѣнь,
Якъ бѣлый дѣнь.

130.

Ой, мати сынка да й ожелила,
Молодую нѣвѣсту да й пѣ злюбила,
Молодую нѣвѣсту да й пѣ злюбила.
Выслала сынка да й на вѣенку,
Молодую нѣвѣсту полоти лѣнку. (2 раза).

„Ой, полі ленокъ, до дому нэ йди,
Ой, стань, ой стань на ночку да й калиною!“ (2 раза)
 Полола ленокъ, до дому нэ йшла,
 Стала, стала на ночку да й калиною. (2 раза)
Ой, прышовъ сынокъ да изъ вуенки,
Упавъ, упавъ матули въ біѣлы нуоженъки: (2 раза)
 „Матулю моя, да й рѣднэнькая,
 Скажи, скажи правдоньку, дэ мила моя?“ (2)
— Ой, ишовъ, сынку, да й дорогою,
Чи нэ бачивъ калины на своємъ полю? (2 раза)
 „Матулю моя, я свѣтъ пэрэйшовъ,
 А такой калины нигдэ нэ нашовъ, (2 раза)
Што одъ вітроньку похилиласе,
Одъ ясного соннычка изминиласе“. (2 раза)
 — Ой, возьми сынку, остру сокѣрку,
 Пуйди, пуйди, вырубай тую килинку! (2 раза)
Цѣкнувъ нѣ разъ—похилиласе,
Цѣкнувъ нѣ дрѣгій—попросиласе: (2 раза)
 „Нэ рубай мэнэ - я мила твоя,
 Нихто тому нэ виненъ—матуля твоя. (2 раза)
Матуля твоя причиниласе,
Кобъ мы одно на друге нэ дивилисе!“ (2 раза).

131.

Котиласе галка зъ зелѣного гаю,
Котиласе друга зъ зелѣного луга.
 Нэ котисе галка зъ зелѣного гаю,
 Нэ котисе друга зъ зелѣного луга,
Нэ котисе друга зъ зелѣного луга,
Нэ задавай жалю, што я ў чужуомъ краю!
 Бо я ў чужуомъ краю доленьки нэ маю,
 Туолько ў мэнэ доли, што чорныя бровы,
Туолько ў мэнэ доли, што чорныя бровы,
Туолько розмбвоньки, што чорны бровоньки.
 Постэлю постылку въ тисовуй кровати,
 Кладовлюсе спати на біѣлуй кровати.
Кладовитсе мильй до стинѣ очима,
До стины очима, до мэнэ плечима.
 „Обэрнисе, мильй, до мэнэ очима,
 До мэнэ очима, до стины плечима,

Я тэбэ розую, семъ разъ поцилую,
Я тэбэ розую, семъ разъ поцалую!~
— А бодай ты, мила, нігды нэ дождала,
Кобъ ты мое личко семъ разъ цювала.
Есть у мэнэ инча, дивчина наймильша,
То мэнэ розуе, семъ разъ поцилуе.

132.

„Ой, пропала моя доля, пропала.
Мэнэ мати за пьяницю одала.
А пьяница лядащца въ корчміѣ пье,
А пришовши до домоньку, мэнэ бье!“
— Ой, привыкай, мое дитя, привыкай,
До сусіѣда оконзчкомъ утикай!
„Чортъ же ёго, матуленьку, утэчэ,
Коли дэржитъ пьяниченька за плечэ.
Коли дэржитъ пьяниченька за плечэ,
За куосоньки на пуостельку волсче!“
— Што ты тогды, мое діѣтко, думало,
Якъ на тую хибку кладку ступало?
„Я думала, матуленьку, тонуті,
Нижъ за того пьяниченьку вдуци.
Бо пьяница лядащца въ корчміѣ пье,
А пришовши до домовьку, мэнэ бье“.

133.

А хто піе горіѣлицю, біѣлы гуси воду,
Накажіэтэ жъ, біѣлы гуси, до моѣго роду!
Нэ кажіэтэ жъ, біѣлы гуси, што я тутъ горую,
А скажіэтэ, біѣлы гуси, што я роскошю!
Ой, зовью я зъ руты квіѣтку, пуцу я на воду,
Плыви, плыви, зъ руты квіѣтка, до моѣго роду.
Плыла, плыла зъ руты квіѣтка, при бѣрезі стала.
Вышла мати воду брати, квіѣточку познала.
„Чи ты мое, милэ діѣтко, ціѣлый руокъ лежало,
Ой, што твоя зъ руты квіѣтка на водіѣ зовьяла?“
— Нэ лежала, моя мати, а ни дня, ни ночи, —
Высушили гуоловоньку миленького очи!
Нэ лежала, моя мати, ни дня, ни минуты,
Высушили гуоловоньку миленького руки!

134.

Ой, давно, давно я ў роду была.
А ўжэ жь тая доруоженька дэрномъ заросла,
Дэрномъ заросла, пыломъ запала,
Червоною калиною позависала.
Ой, якъ я схочу, дэрно посичу,
Я до свуой родиноньки орломъ залечу.
Ой, нэ такъ орломъ, якъ орлицею,
Я до свуой родиноньки зазулицею.
Ой, вышла мати вуодоньку брати,
Ажно стала зазуленька у саду ковати.
„Ой, старый, старый, што жь намъ Буогъ дае,
Дэсь на нашуй черэшеньци зазулька куе!“
— То нэ зазулька, то наша дочка,
Одбиласе одъ родочку, якъ былиночка.
Въ кого дочокъ сіемъ, то й доленька всіёмъ,
А ў мэнэ одна, то й доли нэма,
Одбиласе одъ родочку, якъ голубъ сама.

135.

Породила мэнэ мати въ проводную нэдіёлю,
Дала жь бо мніё гуорку долю, дэ жь я нэ подіёну?
Повэзу жь я гуорку долю до міёста продавати,
Знають люди гуорку долю, нэ будутъ куповати.
Ой, поіёду, моя мила, государу служити,
Чи нэ будэшъ, миленькая, ты по мніё тужити.
— Ой, нэ буду, муой миленькій, до-правдоньки, нэ буду,
Якъ віядэшъ за ворота, заразъ тэбэ забуду!
Ой, выхавъ муой миленькій за тисовы ворота,
Ажно уже ёго мілуй да й нэ мила работа.
Ой, выхавъ муой миленькій да й за рыжіе пяски,
Нэ схотіёла ёго мила а ни пити, ни іёсти.
Ой, выхавъ муой миленькій за гору крамэнную,
Ажъ выносятъ ёго милу на рукахъ нэживую.
Ой, а муой же милосенькій іёдэ собіё да й іёдэ,
Оглянэтсе вуонъ назадъ, ажно братишко въ пуогоню:
„Ой, вэрнисе, братюленьку, ойтэць—мати ўмирае!“
— Нэ вэрнусе, нэ вэрнусе, нэхай зэразъ конае!

„Ой, вэрнисе, братюленьку, милая ўмирае!“

— Буду коня погоняти, кобъ живую зостати!

Чуе тое муой миленькій, чуе тое—нэ дбае,

Осидлавши коничёнька, по рыночку катае.

Привязавши коничёнька до сухой лицины,

Самъ поскочивъ на всю ночку гуляти до дивчѣны.

136.

По садочку хожу я, хожу, барвиночокъ сажу я, сажу,
Чомъ я ў тэбэ, моя мати, нэ жонатый хожу?

Рости, рости, барвиночку, рости—постэлисе,

Гуляй, гуляй, муой сыночку, да й ще оженисе!

Возьми собіѣ жуонку, вдовиную дбчку,

Вона ходить по рыночку въ рутвянуомъ виночку!

— Вдовиная дочка—то нэ моя рубмня,

Вона ходить по рыночку, яко корольевна.

Ани зъ ею стати, а ни розмовляти,

Туолько ставши, шапку зняти, на день добрый дати.

137.

Ой, іель моя да й зелёная,

Сторона моя вэсёлая,

Я по тобиѣ нэ нахожусе,

Я на тэбэ нэ наглежусе,

Въ ночіѣ спячѣй, а въ дэнь ходячи,

Съ соловьями разговариваючи.

„Соловэйку, ты братишеньку муой,

Чи бывавъ ты а ў моёй сторониѣ?

Чи бывавъ ты а ў моёй сторониѣ,

Ой, чи тужить ойтэць—мати по мніѣ?“

Тужить, тужить, розбиваетсе,

Тэбэ ў гости сподиваетсе!

Ой, насъ туюйко да й нэмнуожэчко,

Въ однуомъ мѣсти годовалисе,

Въ однуомъ мѣсти годовалисе,

Ни билисе, ни сварилисе,

Ни билисе, ни сварилисе,

Самъ нэ знаю, якъ росталисе.

138.

По садочку похожаю,
Самъ я сэбэ розважаю —
Самъ я сэбэ розважаю.
Самъ я сэбэ розважаю,
Што далёко милу маю —
Што далёко милу маю.
Чи мніѣ листоньки писати,
Чи самому поіѣхати —
Чи самому поіѣхати?
Листы пишу—довго будэ,
Самъ поіѣду, лучче будэ —
Самъ поіѣду, лучче будэ.
Приіѣжжаю пуодъ ворота,
Стоить мила красніѣй злота —
Стоить мила красніѣй злотэ.
Приіѣжжаю ажъ пуодъ двэры,
Стоить мила на папэры —
Стоить мила на запэры.
Дала конюмъ овса й сіѣна.
А милому мэду й вина —
А милому мэду й вина.
Сама стала, заплакала.
Біѣлы ручки заломала —
Біѣлы ручки заломала.
„Чого, мила, затужіла,
Біѣлы ручки заломала —
Біѣлы ручки заломала?
Біѣлы ручки заломала,
Сини очки заплакала —
Сини очки заплакала?
Чи тобіѣ жаль овса й сіѣна,
Чи милому мэду й вина —
Чи милому мэду й вина?
— Не жаль жэ мніѣ овса й сіѣна,
Ни милому мэду й вина —
Ни милому мэду й вина!
Ой, жаль жэ мніѣ свэй млодосьти
Што ходила ў опатшносьти,
Што ходила ў опатшносьти!

139.

Ой, пуодъ вишнею, пуодъ черэшнею, —
Ой, Боже жъ муой, пуодъ черэшнею,
Ой, тамъ козакъ забитый лежѣтъ, —
Ой, Боже жъ муой, забитый лежѣтъ.
Надъ нимъ кѣничѣкъ вороній стоятъ, —
Ой, Боже жъ муой, вороній стоить,
И копытами зэмляцю сичѣ, —
Ой, Боже жъ муой, зэмляцю сичѣ.
Своѣму пану воды достае—Ой, Боже жъ муой... и т. д.
Тяжко тобиѣ, кѣню, воды достати.
Якъ мнѣ молодому съ сѣтуля ўстати!
Бижѣ жъ ты, кѣню, лендомъ—бэрэгомъ,
А якъ забижѣшь до нова двора,
Ой, стуки-брукни въ новы ворота.
Выйдэ до тэбэ старая жона,
Старая жона, то мати моя.
Будэ жъ вона тэбэ выпытовати:
„Ой, кѣню, кѣню вороніусенькій,
А дэ жъ муой сыникъ молодіусенькій?“
— Може, то твуй сынъ, што тры зэмлі збивъ,
А на четвэртуй самъ голѣвъ схиливъ,—
Ой, Боже жъ муой, самъ голѣвъ схиливъ!

140.

А ў нэдѣленьку, а ўпорану,
Молодый рэкрутичокъ уставае.
Молодый рэкрутичокъ уставае,
Ойцови и матіѣнци уклѣбѣ дае.
Ойцови и матіѣнцы уклѣонѣ дае,
Да й на синее муорэ поглядѣе.
Да й на синее муорэ поглядѣе.
Што ўжѣ синее муорэ замэрзае,
Замэрзае лѣдкомъ тоніусенькимъ,
Припадае снѣшкомъ бѣлюсенькимъ.
Пудъ рэкрутичкомъ коникъ розыгравсе,
Да й на синее муорэ розогнавсе,
Да й на синее муорэ розогнавсе,
Да й на сянѣму муѣру заломавсе.

А ўжэ рэкру́тчо́къ утона́е,
Да й до сивого коня промовляе:
Ой, бісе, коню, бісе, выбивайсе,
До ойца и до матки поспишайсе.
До ойца и до матки, до родины,
На чужую сторону до дивчаны.
Нэхай по мніѣ дивча нэ турбуе,
Нэхай мніѣ рубашечокъ нэ готуе,
Бо ўжэ мніѣ ў рубашечкахъ нэ ходити,
Біѣлому государу нэ служити,
Біѣлому государу нэ служити,
А на синёму мубру надо жыти.

141.

Ой, вы голубчики, ой, вы сивэнькіе,
Пуоднэсіэтэсе ў гору,
Ой, вы салдатки, ой, вы молодые,
Пуовэрніэтэсе до дому!
Рады-жъ мы были-бъ ўгору пуоднэстисе, —
Насъ туманъ прибывае,
Ой, рады-жъ бы мы домой вэрнутисе —
Насъ госу́даръ не пускае.
Нэ такъ госу́даръ, ой, нэ такъ госу́даръ,
Якъ государская мати,
Ой, хоче-жъ нами, нами молодыми,
Всюю Пуольшу звоёвати.

142.

Ой, поіѣхавъ Данилушко а ў чужую сторону, —
Охъ, охъ, охъ-люли, а ў чужую сторону.
И покинувъ Катэрину дома молодую —
Охъ, охъ, охъ-люли, дома молодую.
Стала мати Данилушци листъ за листомъ писати:
„Ворочайсе, Данилушко, да й опять до дому,
Бо ўжэ твоя Катэрина разгуляласе:
А ўжэ твоіе сивы кони позаіѣжжовала,

А ўжé твоіе бі́лы кровы позадбёвала,
А ўжé твоіе дроги сукни повышастовала.
А ўжé твои сладки мэды повычастовала!
Ой, при́хавъ Данилушко пуодъ новыя ворота,
Крикнувъ: выйди, Катэрына, оттвори мнѣ ворота!
Катэрына молада отворила ворота, —
И злеті́ла голувшка да и зъ правого плеча!
Ой, поскочивъ Данилушко до новои стаенки, —
Ажно ёго сивы кони позамыканы стоять.
Ой, поскочивъ Данилушко до новои обору, —
Ажно ёго бі́лы кровы якъ стояли, такъ стоять.
Ой, поскочивъ Данилушко до новои свитлицы, —
Ажно ёго дроги сукни якъ висі́ли, такъ висять.
Ой, поскочивъ Данилушко до новои коморы, —
Ажно ёго слатки мэды позаплі́сьнованы.
Отò тобі́, моя мати, три грыхі на души́:
Пэршій грі́хъ, пэршій грі́хъ—Катэрыны нэма,
Другій грі́хъ, другій грі́хъ—што дитина мала,
Третій грі́хъ, третій грі́хъ, што я самъ удовэць,
Што я самъ удовэць, этуой пі́сэнци кунэць —
Охъ, охъ, охъ-люли, этуой пі́сэнци кунэць.

143.

Ой, ты хмэлю на тыч́ни,
Ой, Боже-жъ муой, якъ мужъ біе!
При́дь, при́дь, муой батэньку,
При́дь, при́дь, муой руоднэнькій .
Прові́дай мэнэ!

А батэнько при́хавши,
За столикомъ носиді́вши:
„Би, зятю, дочку мою,
Би, зятю, жуонку свою,
Привьязавши!“

Ой, ты хмэлю на тыч́ни,
Ой, Боже-жъ муой, якъ мужъ біе —
При́дь, при́дь, моя матьёнка,
При́дь, при́дь, моя руоднэнька,
Прові́дай мэнэ!

А матіёнка прихавшы,
Коло стола посиді́вшы:
„Би, зятю, дочку мою,
Би, зятю, жуонку свою,
Привъязавши!“

Ой, ты хмэлю на тычѣни,
Ой, Боже-жъ муой, якъ мужъ бѣе —
Приидь, приидь, моя сѣструнко,
Приидь, приидь, моя руоднэнька --
Прові́дай мэнэ!

А сѣструонка прихавши,
Пудъ окенцемъ постоявши:
„Ой, Боже-жъ муой, якъ мужъ бѣе,
Зачекавши, будэ й мнѣ —
Зачекавши!“

Ой, ты хмэлю на тычѣни,
Ой, Боже-жъ муой, якъ мужъ бѣе —
Приидь, приидь, муой братишку,
Приидь, приидь, муой руоднэнькій,
Прові́дай мэнэ!

А братишко прихавши,
Пудъ порогомъ постоявши:
Муой ты швагрэ родзбный,
Будэшъ за лобъ водзбный —
Нэ бй сестры!

144.

Кобъ я была тое ві́дала,
Замужъ нэ йшла, ещѣ гуляла —
Русу косу да й почѣсывала,
Русуой косі́ѣ приговаривала:
Коса-жъ моя, коса русая,
Ой, кому жъ ты да й достанэшсе:
Чи маёру, чи полкуовничкови,
Ой, чи хлопцю да й свавубльничкови,
Што дэнь, што нуочь зацываетсе,
Прйдэ до дому, забиваетсе?

— Ни маеру, ни полкуовничкови,
Оно хлопцю да й свавуольничкови ---
Што дэнь въ корчміѣ напиваетсе,
Прїдэ до дому. забиваетсе.

145.

Казали мнїѣ добрые людэ.
Што багэнько въ гости прибудэ.
Ой, ждала ждала, ждала-пуджидала.
Воротэчкувъ нэ зачиняла.
А батэнько іѣдэ, такъ іѣдэ.
Моіе воротэчка минае.
Нуочь моя тэмна и зоронька ясна. —
Тэпэръ моя доля нэщасна!

Казали мнїѣ добрые людэ.
Што матэнка въ гости прибудэ.
Ой ждала-ждала, ждала-пуджидала.
Воротэчкувъ нэ зачиняла.
А матэнка іѣдэ, такъ іѣдэ,
Моіе воротэчка минае.
Нуочь моя тэмна и зоронька ясна. —
Тэпэръ моя доля нэщасна!

Казали мнїѣ добрые людэ,
Што сэструонка въ гости прибудэ.
Ой, ждала-ждала, ждала, пуджидала. ---
Воротэчкувъ нэ зачиняла.
А сэструонка іѣдэ, такъ іѣдэ.
Моіе воротэчка минае.
Нуочь моя тэмна и зоронька ясна. —
Тэпэръ моя доля нэщасна!

Казали мнїѣ добрые людэ.
Што братэнько въ гости прибудэ,
Ой, ждала-ждала, ждала, пуджидала.
Воротэчкувъ не зачиняла.
Муой братэнько іѣдэ, такъ іѣдэ,
Въ моіе воротэчка въижжае.
Нуочь моя тэмна и зоронька ясна, —
Тэпэръ моя доля красна!

(Павлов. мол. Бѣльск. у.)

146.

А ў наділю пораночку
Ходить рэкруць по рыночку,
Берэ вино-горылочку.
За імъ дядя походжае,
Упивацьця не ўзволіае:
Постуй, рэкруць, не ўпивайся.
Да вучэньнемъ занимайся!
Вже вечэра готовая.
Посьтэль бѣла посланая.
На посьтэльку спаць ложуся,
За голівоньку держуся:
„Бѣдна моя голівонька,
Што чужая сторононька.
А ни ойца, ни матоньки,
А ни милой дивчыноньки,
А ни брата, ни кармата (камрата),
Одна Турцыя проклѣта“.

147.

Ой, задумаў, зажурыўся,
Што молодой омануўся |
Ни по мысли жонку ўзяў.
То я зъ ею жить ни стаў,
Тутъ ни стану зъ ею жити,
Пуйду въ вуйско служити.
Пуйду въ вуйско, ў чужи краи,
И ў чужую сторону,
Якъ бѣль камень у воду.
А бѣль камень тутъ лежить,
Такъ мнѣ въ вуйску тяжко жить.
Ой, найму я подводу,
Та й поѣду до рѣду.
Пудьяжджаю пудъ селѣ —
Ажъ мни стало веселѣ!
Принжджаю ў новый дворъ,
Ажъ выходить отецъ муѣ,
Ажъ выходить и мати,
Стали сына витати:

„О, муй сыну родбный,
Дѣ твоу вянэкъ рутяный?“

— Я винчався при полкѹ,
Гостра шабля при боку“.

(С. Шаты. Бѣльскаго у.)

148.

Вышла хмара полбѣва, а за нею синя,

Породила бѣла вдова солдацкаго сына.

Не успѣла она ёго ще на рѹки взяти, —

Записали Клениченьки (жители с. Кленикъ) въ рекруты оддати.
Нехай пишуць и малують тыи Клениченьки. —

Што дэнь піють, ночь гуляють, дома не бывають.

„Розвивайсе, сухій дубэ, завтра морозъ будэ,

Выбирайсе, вдовинъ сынэ, завтра походъ будэ!“

— Я й морозу не боюсе, сѣйчасъ розовьюсе,

Я й походу не боюсе, сѣйчасъ уберусе.

Стовьт мой конь вороненькій, сѣйчасъ садовлюсе!“

Якъ выѣхавъ за ворота, низэнько склонивсе:

„Прощай, прѣщай, вся грумада, можэ съ кимъ бранивсе!“

„Ой, сынику мой любезный, колы будешъ въ госьти?“

— Ой, пріѣду, моя мати, я до тэбе въ госьти,

Якъ віроснэ травиченька въ сѣняхъ на помосьти!

Росла, росла травиченька, стала посухати, —

Ждала, ждала мати сына и стала плакати:

„Кобъ я была зазулею и ўмѣла летати,

Полетѣла бѣ на Вкрайну сына выгладати.

Залетѣла бѣ на Вкрайну и сказала: ку-ку!

Подай, подай, мой сынику, хотъ правую руку!“

— О, якъ тяжко, моя мати, мнѣ руки подати:

Черна зѣмля налегаэ, жовтый писокъ засыпаэ—не могу я встати;

Труна нова ясенова плечики стискаэ.

149.

Ой, у полю, полю корчомка стояла,

Корчомка стояла, тыномъ тынована,

Тыномъ тынована, дѣлемъ дѣлевана.

Й а й у той корчомци а все чужаземци.

Одинъ чужаземець да й ше горѣлку;

Другій чужаземець намовляе дѣвку:
„Дивчино, дивчино, поѣжжай изъ нами,
Лѣпи тобі будэ нижъ у твои мамы:
Бо и ў твои мамы той трѣба робиты,
Зъ нами козаками медь—горэлку питы!“
Дивчѣ послухала, сѣла, поѣхала.
Бѣхали, бѣхали горами, долами, —
Дивчѣ заплакала дробными слезами.
Бѣхали, бѣхали борами, лѣсами.
Привязали дивчу до сосны косами.
Вѣкрасали бгню съ сняго камѣню,
Подпалили сосну, сгорѣ до корѣню.
А сосонка горить, дивчина говорить,
Сосонка пылае, дивчѣ промовляє:
„Хто въ лѣси ночуе, нехай голосъ чуе!
А хто дѣти мае, нехай навчае:
По заходи сонца въ корчму не пускае.
Бо тая корчомка велика здрадонька,
Мене израдила, въ огнѣ посадила.“

150.

Высоко, высоко соколикъ летае, —
Хлопецъ у дивчины правдоньки пытае:
„Моя ты дивчино, скажи щирю правду:
Чи такъ вѣрно любишь, чи дала принаду?“
— О, я вѣрно люблю, я вѣрно кохаю,
Бодай тому тяжко, хто насъ разлучае.
Ныхто не разлучить, якъ той сосѣдъ близкій,
Бодай ему тяжко, вонъ намъ лихо мыслить.

151.

На болоти стожокъ сѣна,
Тамъ, дэ моя посылель бѣла.
А я ходжу и гуляю,
Миленького выглядаю.
Бдэ милый на конику,
А я ходжѹ въ жупанику,
Бдэ милый на воронемъ,
А я ходжу у зелѣнемъ;

Взэ мыльй на коничку.
А я ходжу у виночку.
У виночку зеленѣнькомъ,
Персьтенѣчку золотѣнькомъ:
Я въ виночку походжала.
Въ персьтенѣчку шлюбу взяла.

152.

Пріѣхавъ козакъ съ чужее крайны,
Намовляе Касюленьку до свое родины.
„Бери, Касюленьку, сребра, злѣта дѣсать.
Штобы мѣли вроны кони,
Што подъ собой носить.
Дала бѣ Ясенькови пинѣндзовъ доволы,
Тилько въ мое матули ключи отъ коморы.
Матуля думала, што Касенька спала,—
Касенька съ Ясенькомъ всю ночь мандровала
Мандровали бни тридѣсьти мили,
Тялько одно до другого словця не мовили.
Промовила Кася словечко до Яся:
„Ой, повѣдай, мой Ясеньку, дѣ родина наша?“
— Не пытай, Касеньку, дѣ родина моя.
Но пытай, Касеньку,—катора зѣ брегу топя?
Примандровали до высоки Выслы,
Пытаетца Касюленька: „што маешь на мысли?
Ой, што я думала, то тое вчинила,
А я тѣбѣ, мой Ясеньку, паномъ наставила:
Дала Ясенькови пинѣндзовъ зворѣчекъ.
Ой, пойдѣ ты до мѣстѣчка, кунѣ соби дворѣчекъ!
Дала Ясенькови хустку едѣабницу,
Ой, поиди ты до мѣстѣчка, кунѣ соби крамницу!“
Примандровали до глубокой тони.
Якъ узявѣ Касюлю подѣ бѣлые боки,
Якъ вывнувѣ,—такъ укинувѣ у Дѣнай глубокой.
„Ой, пывай, Касеньку, отъ кѣнца до кѣнца,
Тутѣ же моихѣ штыри пани, а ты будешь пѣпта“.
Касенька пывала, за бреги лапала:
„Ой, ратуй же, муй Ясеньку, ратуй мене млѣду,
Ты будешь мѣти отъ ойца заплату!“

— А я й не буду Каси ратовати,
Бо не хочу зъ ею на рушничку стати.
Увидивъ братишекъ на високомъ сгорку:
Спускаетца до сеструнки по едбабнумъ шолку.
„Ой, ратуй же, мой братишку, ратуй мене млóду!“
— Ой, теперь ты, сѣстронка, братишкомъ назвала,
Ой, якъ тебѣ сеструнулька, зла доля спуткала!

153.

Ходить рэкруть по рыночку,
Піе медь, вино, горылочку.
Ой да люли, ой да люли,
Піе медь, вино, горылочку.
За нимъ дядя похожаэ
И сѣтихоньки научаэ: (припѣвъ)
„Охъ ты, рэкруть, не впивайсе,
Учѣннемъ занимайсе,
Учѣннемъ занимайсе,
Дивчинѣньки забывайсе!“
— Бѣдная моя головонька,
Што чужая сторононька:
Нима ойца, ни матѣнки,
Ни братѣка, ни сестронки,
Ни любезной дивчинѣньки!
Якъ подѣхавъ подъ ворота,
Стоить мила, моя злота.
Якъ подѣхавъ подъ оконцэ,
Стоить мила, мое сѣрцэ.
Якъ подѣхавъ я подъ двери,
Стоить мила, якъ пацѣра.

154.

Вышла дивчина за ворота и подъ калиною стала;
Калину ломить, слезѣньки ронить: „доленька нещасна!“
Вышовъ до еѣ батенько еѣ: „чего, дѣтятко, плачешъ?“
Я тебѣ даю, што въ хати маю, а доленьки не вгадаю.“
Вышла дивчина за воротэчка, и разсыпала горѣха—
А уже жъ мени минаютца дивѣцкія лѣта.

Вышла дивчина за воротэчка, рассыпала карты, —
Уже жъ мнѣй мипаюцца Дивоцкія жарты.
Вышла дивчина за воротэчка, рассыпала дрова,
Уже жъ мнѣй минаетца Дивоцкая мова.

(С. Клевники, Бѣльск. у.).

155.

Ой, умѣрь мой мужикъ,
Та й на лавца лежить;
Его жѣнка слякалася,
По горѣлку бѣжить.
И горѣлку несѣ,
И музыку ведѣ:
„А тѣпэръ я погуляю —
Нѣ боюся тѣбѣ!“

156.

Ой, у саду цвѣтъ—калина,
Нѣма тѣго, што любила,
Нѣма тѣго и не будѣ,
Говорили про насъ людѣ,
Говорили, осудили,
Кобъ мы въ парѣ нѣ ходили.
Якъ мы, сэрцѣ, любилися, —
Сухи дубы развѣліся;
Якъ мы, сэрцѣ, перестали, —
То й зелѣны поўсыхали;
Якъ мы, сэрцѣ, йшли на пиво,
Стало нашимъ врагамъ диво.
Ходить мѣла по-подъ лугомъ,
Орѣ мѣлый поле плугомъ,
А мѣлая вола водить, —
До мѣлого нѣ говѣрять.
„Прѣмовъ, мѣла, хотъ словѣчко,
Развѣсѣли хотъ сѣрдѣчко!“
-- „Якъ я сэрцѣ не смутила,
И весѣлѣти нѣ буду,
Якъ я у свѣго бѣца была,
Сивыхъ вѣловъ нѣ водила,

Сивыхъ воловъ нэ водила —
Тонкую кошўль, шила,
Кобъ хороща дѣўча была.

157.

Елень пò бору хòдить, —
За нимъ Ясь коня водить,
Стрѣльбыну набиваэ,
Въ еленя стрѣляэ.
Нэ попаў у еленя,
А ў бѣлого каменя.
„И матулю, матулюньку,
Чѣго я доли нэ маю,
Чѣмъ я въ еленя не потрафляю“.
— „Нэ люби, сынку, вдовы,
То нэ будэшъ мѣть доли!
Бери, сынку, дэвоньку
То будэшъ мѣть долёньку.
У вдовоньки сэрцэ, якъ зимовэ сонцэ:
Хочь воно ясенькое,
Но воно зимненькое.
А ў дэвоньки сэрцэ,
Якъ лѣтнее сонцэ:
Хочь воно тэмвѣнское,
Але жъ воно тэплѣнское“.

158.

Вышла дѣўчина за ворòтэчка, подь калиной стала.
Калину лòмьть, слезоньки рòнить.
Вышеў до нэ батэнько еé: — „чѣго, дэтовька, плачешъ?
Я тебѣ даю, што въ хати маю, долёньки нэ ўгадаю“.
Вышла дѣўчина за воротэчка, рассыпала дрòва —
А ўже жъ мини минаетця дэвоцкая мòва.
Вышла дѣўчина за воротэчка, — рассыпала горѣхи, —
А ўже мини минаютця дэвоцкіе смѣхи.
Вышла дѣўчина за воротэчка, — рассыпала карты —
Ўже мини минаютця дэвоцкіе жарты.

159.

Горе, мое горе—нѣщасная доля, —
Охъ, што мой миленькій нѣ почуе дома.
Пойде на змеркане, приде на свитане,
Кладовитця спати—поперѣкъ ногами,
До стѣны очима, до мѣнѣ плечима.
„Обѣрнися, милый, я ножку разбую,
Я у твое личенько семьъ разъ поцилую“.
— Бодай ты, мила, бодай нѣ дождала,
Кобъ ты въ мое личенько семьъ разъ цювала.
Есть у мѣнѣ гинша, то моя наймильша,
Мнѣ ножку разбуе, семьъ разъ поцилуе.
Поѣхаў мой милый трема дорогами,
А мѣнѣ поквнувъ мѣжи ворогами,
Поѣхаў мой милый—нигдѣ нѣ видати —
На рыжемъ песочку два слѣдочки зпати:
Одинъ слѣдочѣкъ мого миленькѣго,
Другій слѣдочѣкъ коня вороного.

160.

Плаче козакъ, плаче, до дѣўчины йдучи,
А за имъ зазуля, летить кукаючи.
Ой, пришоў до дому, нѣ каже никѣму,
Кладовитця спати на бѣлой перунати.
Ой, пришоў до ёго старшій братъ:
„Ўставай, братіку,—пойдѣмъ орати“.
— Нѣ могу, братіку, на волю гукати!
Ой, пришоў до ёго сѣредній братъ:
— „Ўставай, братіку—пойдѣмъ косити!“
— Нѣ могу, братіку, косы носити.
Пришоў до ёго найменьшій братъ:
„Ўставай, братіку, пойдѣмъ гуляти!“
— Нѣ могу, братіку, ногами тупати.
Пришла до ёго сестренка ёго:
„Ўставай, братіку, йдѣмъ вечерати“.
— Вечерай, сестренка, коли наварила,—
Ой, до той кутѣчекъ, до дѣўчина мила?

161.

Ой, вылетъ, вылетъ, соколе, за краину,
Ой, припéсь, принéсь квэтопъку отъ родяны,
Положи ея въ свѣтлицы, на землицы,
Поливай ея мѣдомъ, виномъ у скляницы.
„На што я маю квэтоньку поливати,
Волѣй я буду батенька годовати;
Квэтка завяне, то мнѣ другая буде —
Батенько ўмре, то мнѣ другого не буде.

(С. Кленки, Бѣльскаго у.).

162.

Выйду за варобы, стану, якъ сирота,
Стану, падуваю:
Пашла бѣ въ восинь замужъ—пасагу ни маю.
Кабъ я мѣла, маладѣнька, сивую карову.
Пашла жъ бы замужъ ў чужую старбону!
„Ни плачь, ни плачь, мая мила, я тябе братъ буду,
Я табѣ пасагу примаплять ня буду!“
— Ни будишь ты примапляти, ёсь у тябе мати,
Вона будя пасаженьку, будя примапляти:
„Устань, доню, устань, доню, кабъ ты не устала!
Выжень стада да грумады, што ать айца пагнала!“
Вона встала, заплакала: нима чаго гнати,
Нима айца, нима матки, нима каму дати!
Ой, звяжѣтя мнѣ галоўку шавковымъ рубѣчкамъ,
И пашлѣтя да матули сивымъ галубѣчкамъ.

163.

Хто мой гбласъ, дубрѣвунька,
Хто мой голасъ пачуя,
Хто мянѣ пажалуя?
Батенька мой гбласъ чуя,
Ёнъ мянѣ пажалуя.
Охъ ты, мати зара,
За свѣтъ дѣчку аддала!

Адала у новую вѣску у васѡлую сямьѡ.
Ўся васѡлая сямьѡ сѣла вячерати,
А чужбѡ дитя йди да броду па вѡду!
Па вадѹ иду, дробны слѣзы лѡю,
А зѣ вадѡю иду, умываюся.
У пѡвай камѡры мати сѣ сѡнамъ гаварила:
„Чомъ ты, сынку, жану ня бѣешъ,
А чомъ ты ни ланшъ?
Чи ты, сынку, воли ни мѡишъ?“
— А якъ жа шѣ мнѣ яѣ битъ,
Кали сѣрца балѣтъ!
Ни такъ сѣрца, якъ душа, —
Май мила харашѡ.

164.

Тѣмна ночка нявидная,
Галѡвунька май бѣдная:
Дѣ я буду, буду начавѡти,
Синѣй агѡнь раскладати,
А вячѣру гатавѡти?
Нищасьлѣва гадѣнанька,
Ў чѣстамъ поли далѣнупька,
Пришла да мянѣ дявчѣнунька,
А вырвала тычѣнуньку,
А ўдарила па личапьку:
„Встанъ, казача, прабудѣся,
На свайгѡ канѣ аглянѣся!
Наѣхали варшавѣки,
Хѡчуть твайгѡ канѣ ўзяти!
Канѣ вѡзьмутъ—другѣй бѣдѣ,
Тябѣ забьѡтъ—мнѣ жаль бѣдѣ!“
— Ти ты, дѣўка, мянѣ любишъ,
Што ты рана мянѣ бѣдишъ?
„Штобъ я тябе ни любила,
То бы рана ни будѣла бѣ.
А я вѣрна тябѣ люблѡ,
За табѡю празъ свѣтъ пайдѹ!“

165.

У садбчку падь вишавькѣми
Стаяла лѣжачка съ падушачкѣми.
На тымъ лѣжачку Ясенька ляжѣтъ,
У правой ручаньца скрипачку дяржѣтъ.
Скрипачка грая, ашъ прамавлѣя,
Маладѣй Ясенька дѣму думая.
А ёнь думая Касеньку ўзяти,
Купивъ ёй серпика—пя ўмѣя жати.

166.

Суди, Божа, нидѣлки приждати,
То я пайдѣ да рѣду голяти.
А мой радѣкъ ни очинь багатый,
Прбсѣть мине спаўна выпивѣти.
Я ни буду спаўна выпивѣти,—
Ёсьть у мине три бѣданьки ў хати:
Адна бидѣ—дитѣна малѣя,
Другая бидѣ—свѣкруха лихѣя,
Дрѣйтѣ бидѣ—мой милый гнявливыый.
Ой, пайдѣ я сѣтиха падь акѣнца,
А што рѣбѣть маѣ мѣлая сѣрца:
А мой милый, на лѣжачку сѣдя, дробны листы пѣша
Рѣчанькаю дитѣну калѣша,
А свѣкруха вѣчѣрати варить,
А свѣкарка дубѣнаньку пѣрить.
„Люляй, люля, дитѣна малѣя,
Гуляй, гуляй, жопка маладая!
Екъ маѣ галѣвка схибнѣтца,
Дагда тваѣ гуляньня минѣтца.

167.

Сакѣля, сакѣля, высѣка литѣишъ,
Чаму жъ ты, сакѣля, правѣднѣчки ни кѣжишъ?
— Ой, чи мѣв сказати, ой чи мѣв зальгѣти —
Пѣвхала Гандѣ шлюбу шлюбаваѣти!
— Закладайтѣ, хлопцы, кони варанѣя,
Пѣвду, пагляну, гдѣ Гандѣ шлюбаѣя.
Падъ касѣтель зижджая, шапѣньку знимая,

Шапэньку знимая, слўзиньки ўтирая.
Вашо́вь да касьтёла, ставъ за дзверинька́ми,—
Стайть млада Гандя между папечка́ми:
Хўстэнька едвабна, сукно гранато́ве,
Уже май Гандя да шлюбу гато́ва.
„Шлюбуй Гандя, шлюбуй, екъ таби Богъ дае,
А мя́м маладо́му вырасьтя другая.
Высо́ка, высо́ка гарѣхъ на лещыня,
Дале́ка, дале́ка, казакъ, да дявчыны:
Чтэры мили лясу да маго панашы,
Пя́та мила бо́ру, гдѣ мой милый бре.

168.

У матули бывъ адипъ сынбчакъ,
Ваца егò маладэнькага ажапйла,
Сваё нявѣсты ни злюбила.
Выправила сынка въ вэльку даро́гу,
А пивѣстыньку ў поля лёнь палоти:
„Ни апблишь лёну,—ни иди да до́му.
Аставайся ў поли хочь бэлино́ю!“
Ни апалола лёну, ни пашла да до́му,
Рана устала, бэлино́ю стала.
Прийхавъ сынокъ зъ вэликой дарбги,
Павъ матули на бѣлы ноги:
„Матуля май, всей свѣтъ змадрава́въ,
Такое бэлипочки пидѣ ни видавъ,
Копъ бизъ вѣтру нахили́ласа,
Бизъ яснага сонца распусьтй́ласа!“
— Ой, вазьми, сынку, гбстру сакерку.
Иди, зрубай бѣлую бэлинку!
Ой, рубнувъ я разъ—нахили́ласа,
Ой, рубнувъ я дру́гий,—напрасилася:
„Ни рубай мене: я мила твая!
Што намъ нараби́ла мату́ля твая:
Была маладэнька, пажени́ласа,
На той свѣтокъ паспй́шилася!
Наша дѣтки паспратѣли,
Тебе маладо́га ўдавцо́мъ зрабили,
Минё маладую съ свѣта збавили!“

169.

Ой тамъ, падъ мастомъ, мастомъ, трава зеленѣя,
 За харошымъ мужикомъ жонка маладѣя.
 Ой тамъ, падъ мастомъ, мастомъ, трава пасыхая,
 За брадѣщимъ мужикомъ жонка прападаѣя.
 Ой, пашовъ мылый у поле гарати,
 А я, млада, младюсенька, да карчмы гуляти.
 Ой, пришла да хаты, ў кажухъ адѣгласа,
 Іі набрала гарцбокъ барщѹ ю ў поле патрасласа.
 „Дѣ, мила, хадила, што борщъ скалатила?“
 — Ни вѣдала, дѣ гарэшъ, на поли блудила!
 „Ой, шкода мнѣ тебе, што ты такъ блудила,
 Куплю табѣ гарнецъ меду, анталачку пива!“
 — Ой, ать пива баліть шпина, а ать меду галава,
 Купи, милый, гарэлицы, то я буду здорова!
 Сидить мила за стбликамъ, ножаньки паджавши,
 Яе милый на парѳзи, шапаньку изнявши.
 Дивѣтеса, люди, якъ мой милый ўбравса:
 Надѣвъ свиту да калѣнъ, валамъ падкасавса!
 Дивѣтеса, люди, што я нарабіла:
 Свагѳ мужа дурака навучила гайдука.
 А той мужичища ўзявса у бачища:
 Гопа-гопа, жона моя, скачу гайдучища!

170.

Пудъ дубінаю, пудъ зелѣнаю,
 Купавса галубокъ зъ галубіною.
 Купалиса, цаловалиса,
 Правымъ крѣлечкомъ абымалиса.
 Паѣхавъ Ясе на Чорнэ мѳра,
 Забивъ галуба, а галубачка вдова.
 Взелі галупку дэ й да свѣтлицы,
 Дали галупцы ярей пшаницы.
 А галупка плаче, ѣсьти не хоче,
 Побйде да саду, брукати хоче:
 „Копъ мнѣ парѣньки, то я брукала-пъ,
 Копъ мнѣ дѣтѳчки, я пъ гадала цъ!“
 Паѣхавъ Ясе на Чорнэ мѳра,
 Нагнавъ галуцковъ пѳвна езера,

Нагнавъ галупковъ двадцать чатэры:
„Вибрай, галупка,—каторый милый!“
— Копъ выбирала, надвыбирала,
Нима такога, якъ я кахала,
Бо мой миленькій чернабровѣпый.
Лічка румяна, самъ маладѣнкій.

171.

Летѣли гуси съ чужога краю.
— Ой, паждзѣтя, гуси, я васъ запытаю,
Чи ни съ тагò краю, сколь мѣлага маю?
Ой, чи вонъ запивса, чи вонъ загулявса,
Чи жъ жалю каханья въ чужій край забравса?
Ой, вонъ ни запивса, вонъ ни загулявса,
А жъ жалю каханья въ чужій край забравса.
На битумъ гасѣйцы два слядòчки знати:
Адинъ слядочокъ кань варанòга,
А другій слядочокъ милага маёга.
Пайдў я ў садочокъ, выщипну листочокъ,
Нихай я прикрыю мѣлага слядочокъ,
Копъ па его слѣдку птушки ни хадвли,
Копъ майгò мѣлага гинши ни любили;
Копъ па его слѣдку птушки ни скакали,
Копъ майгò милага гинши ни кахали.
А ўже пахадѣли, а ўже паскакали,
А ўже палюбили и ўже пакахали!
Расла я, расла, екъ у барў сòсна,—
Я ще нивыросла, малада замужъ пашла.
Ни тагò я плачу, што маладая,
Ой, таго я плачу, што доля ляхая.

172.

Зелѣненькій барвіначку па тыночку паславсе,
Дись мой милый на Ўкраини черезъ люди кланявсе.
Што изъ тебе, барвіначку, а ни ягаты, ни цвѣту:
Што изъ твагò кланянячка, кали самòга нѣту!
Метёная гўличенька, мни па табѣ ни хадѣти;
Маладые малўйчики, ўже мни васъ ни любити.

Каго вѣрня любила, таго ў люди ўнусьтила,
А каго-шь я ни звала,—съ тымъ на шлюбу стала.
Ой, шлюбе мой, шлюбе, ўже-шь я шлюбавана.
Ой, тятшке мни маладѣнькуй зь нилюбимъ размавлѣны...
Я да его гавару, але сэрца ни хилю,
Екъ адъ его адварнусе,—слѣзками абліюсе.
(Ср. № 103).

173.

Ой, умру я, умру, и буду двѣйтиса,
Чи ни буде милый по миѣ журитиса?
Милый зажуривса, сѣвъ—надгалівса,
Якъ тѣла съ хаты—на другу ажанивса.
Пришли три двичины тѣла наражати,
А вонъ вымыслае, каторую ўзяти:
Ўзявъ бы я тую—съ чорными брывами,
Ни магу ўзяти, бо за варагами.
Ўзявъ бы я тую, съ чорными ачѣми,
Ну ни могу ўзяти, што за паничами.
Ўзявъ бы я тую, пу тая багата,
За мянѣ ни зхоча, што старая хата.

174.

Жана мужа признавидѣла,
Ўзяла шаблю да зарызала,
Палажила у каморы падъ вакнобъ,
И накрыла тонкимъ бѣлымъ палатнобъ.
Приѣхали браты его ў госьти:
„Братавѣя, ты лебѣдушка наша,
Гдѣ падѣла ты мужа сваего?“
— Гдѣсь паѣхавъ вчѣра на пріѣмъ,
Богъ вѣдае, а чи вѣрнетца вонъ!
— „Братавая, ты лебѣдушка наша,
Чомъ у тебе виситъ шабля на сѣтѣнѣ?“
— „Деварѣчки, сакалѣчки вы май:
Ѣхавъ казакъ маладѣй изъ вайны,
И забывся вонъ шабельки на сѣтѣнѣ“.
— „Братавая, ты лебѣдушка наша,
Чомъ у тебе кровь у сѣняхъ на сѣтѣнѣ?“

— „Парѣзала то курей, то гусей,
Честавала сванхъ миленькихъ гасътѣи“.

— „Братавая, ты лебѣдушка паша,
Чомъ у тебе цѣлу ночь агоць гарѣвъ?“

— „Деварбчки, сакалбчки вы май:

Па пбвначи три казаки пили“.

— „Братавая, ты лебѣдушка наша,
Што у тебе у каморы паць вакномъ
Накрытее тонкимъ бѣлымъ палатномъ?“

— „Деварбчки, сакалбчки вы май:

Издапали шупака рыбаки,
Палажили у каморы паць вакномъ
И накрыли тонкимъ бѣлымъ палатномъ“.

— „Братавая, ты лебѣдушка наша,
Адай ты намъ аць каморы ключики!“

— Деварочки, сакалбчки вы мой:

Въ чистамъ пбли пшаніченку палбла,
А тамъ же я аць каморы ключики згубила“.

— Братавая, ты лебѣдушка наша,

Дай ты намъ тапарà и нажа!

— „Деварбчки, сакаблики вы май:

Пи берите тапаровъ, ни пажей,

Издумайте майò гблаву съ плечей!“

175.

Ой, вийду я на гулацьку

А ў сусѣда пьють,

Ано менѣ маладоє

Туды не зазвуть!

Ой, пайду я да карчомки

Пити, гуляти,

Чи не будутъ варожецьки

Завидувати.

Перши пѣвни заспывали, —

Я ў карчомца пью,

Други пѣвни заспывали —

Я ни думаю,

Дрѣйти пѣвни заснивали,
Я съ карчомки йду,
Спаткаласа зъ Девараткомъ
Въ вишнѣвумъ саду.

„Братава́я, маладая,
А жаль мнѣ тебе:
Лежѣть милый у камори, —
Хо́ча битъ тебе!“

— Девари́ку, сакблику,
Барави́ мене, —
Ёсть у мене залатый персытень,
Я аддамъ табѣ!

176.

Калина, калина, чомъ ни зеленѣешь:
Чи суши байсьсе, чи лугу жалѣешь?

Суши ни боюсэ, лугу ни жалѣю,
Гдѣ я посажѣна, тамъ и зеленію

„Казаче, казаче, чагѣ смутный хѣдишь:
Чи вайны байсьсе, чи атца жалѣешь?“

— Вайны ни боюсэ, атца ни жалѣю,—

Палюбивъ дивчину, теперъ па ёй млѣю!

Закладайте кѣня, кѣня варавѣга,

Паѣду, забачу каханѣчку свою!

На падворъ зѣжжаю, радѣма витѣе:

Паскарѣй, казача,—дивчина ўмирае!

Цзъ коника злѣзши, да святлицы вѣгши,

Дивчину милѣе, ў личенька цалуе.

— Дивчина, дивчина. дурный розумъ маешь!

Чомъ ты кала себе дахтарѣвъ ни маешь?

„Казаче, казаче! смѣешь гаварити:

Симъ нидѣль лежала,—нихто не давъ пити.

„Дивчина, дивчина, Гасподь Богъ съ тобою!

Якъ ты выздревляишь, вазьму шлюбъ съ табѣю“.

— Копъ тебе брала лихая гаѣйна,

Празъ тебе зракласа вся май радѣйна:

И зруксе атецъ, и зракласа мати,

И зраклисе сестры и зраклисе браты.

Празъ тебе, казача, мушу прападати!

Недѣля настала—дивчина харѹе,
Другая настала - дѣвка на шлюбъ стала!

177.

Ой, верба, верба, буйная была.
Падъ ею криниченька—зимная вадѣ.
Тая криница ў рѣчвнѹку ўвайшла,
Тамъ удѣванька вадѹ брѣла,
И вадѹ брѣла, слѣзки ранѣла,
На своѹ гѣрку долю да и паракѣла:
Дѣлянка май нишаслѣвая,
Разлучила менѣ зъ мѹжамъ, ни дѣвга была.
А Богъ знае, Богъ вѣдае, гдѣ мой милый ѣсть?
А мой милый на вайнѣ, на сивумъ канѣ:
Егѣ кѹля пранимѣя,
Ѣнѣ головку нагѣная да сырой зямлѣ.

178.

Па садѣчку хаджѹ, садавинѹ саджѹ.
„Чамѹ, мамка рудна, ни жанатыѣ хаджѹ?“
— Ажанисе, сынку.— вазьми сабѣ жунку,
Вазьми жунку варшавянку,—вдавинѹю дочку!
„Удавина дочка ни рувнѣ май:
Ходить сабѣ па ринѣчку, якъ каралѣвая,
А ни зъ ѣю стати, правданьки сказати,
Ано тольки перадъ ею шапаньку знимати.

179.

Гавѣрять люди, што я багата,
Гей, у мене маладцовѣ повная хата.
Адѣнѣ сидить, а другѣй лежитъ,
Гей, дрѣйтѣй маладецъ за ручку держить.
Ни хадѣ да мене, ни залицаѣйса,
Гей, ни буду твая, ни спадивайса!
Ни хадѣ да мене ў чюрвоныхъ ботахъ,
Гей, ни рабѣ ты слѣдовѣ у майхъ варотахъ,
Бо тваѣ слѣды парѣбятъ бѣды,
Выведутъ съ хлява карову и валы,
Гей, еще да тагѣ сѣвага канѣ.

180.

Катіласа галка зь зелёнаго гайку,
Катітца другая, савсімъ ни такая.
Трудна тои галцы паміжи лугами,
Такъ миѣ маладепкой паміжъ варагáми.
Выду за варóта, стану, якъ сирóта,
Стану, падумаю, што доли ни маю.
Тольки мае доли, што плачу давóли,
Тольки полюбóсьти, што чорныя óрови.
Палеті, саколя, дѣ мой братокъ óрэ:
Нихай прйдя, адвѣдая, якóя миѣ гóрэ!
Пашлю синицу па родну сестрицу:
Нихай прйдя, адвѣдая, якóе миѣ жíte!
Пашлю я зазулю па родну матулю:
Нихай прйдя, адвѣдая, якъ я тутъ гару́ю.

181.

Маладая дѣвчѣненька на садóчку хаділа,
Съ садочка вишнѣвинькага бѣлы гуси ганіла:
— Гыля, гыля, май бѣлы гуси на вóду!
Аддала менѣ матуленька зь раскоши въ неволю.
Скрипучіе варóтечка, якъ миѣ тяжка васъ атчиніти,—
Чужій атець, чужа мати, якъ миѣ имъ угадіти?
Скрипучи варóтечка, такі я васъ атчиню,
Чужій атець, чужа мати, такі вамъ я дагаджу.

182.

Гаю мой, гаю, зелёный размаю,
Чумъ на тебѣ, гаю, листочокъ дробнѣнкій?
— Хочъ вопъ дробнѣнкій, те вѣтеръ калыша
Братокъ да сестрѣвкя дробны ласты пиша.
Старшій братокъ пиша, меншій атсылая,
Дѣсь ваша сестронка ў гасытяхъ не бывая.
„Сестранулька май, чи жива, здорова,
Чи жива, здорова, чи гарасда доля?“
— Ой, гарасда, ни гарасда, мушу прывыкати
Параділа долю нищасную жати.

183.

Ой, пайдѹ я въ вишневыи садочокъ,
Выламаю изъ вишеньки листочокъ,
Изъ таго, таго листочка стала три садочки.
А ў первомъ садочку зазѹленька кѹе,
А ў другомъ садочку салавей начѹе,
А въ дрѹйтѹмъ садочку—яра рутка схѹдитъ.
Ой, тамъ мати сына за рученьку вѹдитъ,
За рученьку водить, правданьки дахѹдитъ:
— Скажи, сынку, правду, хто табѣ мильшійшій:
Чи милая мати, чи милая жонка,
Чи милая теща, чи родна сестронка?
— А мнѣ мати мила, бо мене радѣла,
А мнѣ мила теща, бо яе гасьтѣна,
Мнѣ жушка мила, бо май дружина,
А мнѣ сестра мила, бо мене харашо вадѣла.
Гадѹй, мати, дочку ў чужую старѹначку,
А хто табѣ, мати, вымыя сарѹчку?

184.

Вербѹ, вербѹ кунжирѹвая,
Гдѣ ты, вербанька, гдѣ ты вѹрасла?
На синѣмъ мори, на быстрой вадѣ карабль стайтъ,
А ў томъ корабли камандѣр стайтъ,
И ўмываетца, и ўчѣсуетца. Богу молитца:
Вонъ просить Бога, што ў нахѹдъ хадѣвъ, денги палучивъ:
Сваему батипьку шубу пакупивъ,
Сваей матира домикъ пастроивъ,
Сваймѹ браточку коникъ варанѹй,
Сваей сестронца—персьтень сребрепѹй,
А жанѣ-шельми нагакъ драцяпѹй.
Бо яго жана ни вѣрна была:
Принесла жана ў стакапи вина,
Ни мнѣ яго пѣтъ, ни таваришу датъ:
Якъ самъ папьюсе, изъ ума зведусе,
Якъ таваришу дамъ, грихѹ баюсе.
Ой, слуги май найлучѣе,
Вывадѣте мнѣ канѣ найсивѣйшага,
Найсивѣйшаго и найсильнѣйшага:

Привяжѹ жану каню да хваста,
А пуцу каня ѹ чїстая поля:
Нихай коничекъ нагуляйтца,
И жена шельма обучайтца.

185.

Дѣвчина на садѹ хадїла, красная на салѹ хадїла.
 Ў садѹ я, ѹ садѹ я, ѹ садѹ я хадїла!
Дѣвчина ольху ламїла, красная ольху ламїла,
 Ольху я, ольху я, ольху я ламїла!
Дѣвчина изъ ольхи упала, красная изъ ольхи упала,
 Зъ ольхи я, зъ ольхи я, зъ ольхи я упала!
Дѣвчина ѹ рѣченьку папала, красная ѹ рѣченьку папала,
 Ў рѣчку я, ѹ рѣчку я, ѹ рѣчку я папала!
Дѣвчина хвѣртухъ намачила, красная хвартухъ намачила,
 Хвартухъ я, хвартухъ я, хвартухъ намачила.
Дѣвчина рыбки наловила, красная рыбки палавила,
 Рыбки я, рыбки я, рыбки палавила!
Дѣвчина на базаръ хадїла, красная на базаръ хадїла,
 Базаръ я, базаръ я, на базаръ хадїла!
Дѣвчина гарщокъ пакупїла, красная гарщокъ пакупїла,
 Гарщокъ я, гарщокъ я, гарщокъ пакупїла!
Дѣвчина юшки наварила, красная юшки наварила,
 Юшки я, юшки я, юшки наварила!
Дѣвчина мїлага кармїла, красная мїлага кармила,
 Мїлага, мїлага, мїлага кармила!

186.

Ой, рѣчущка быстрая,
Чему шъ ты ни повная,
Зъ берашкомъ ни ровная?
— Ой, ягъ-же шъ мнѣ повнай быть:
Ясенька каня поїть,
А Кася вадѹ берѣ,
Зъ Ясенькомъ размовляє:
— Ой, Ясеньку, сэрденка,
Чаму шъ ты ни жѣнїсьсе,
На кагò надѣсьсьсе:

Чи на денги ясныя,
Чи на Касю красную?
— Я за денги пить буду,
Касенку любить буду!
Паѣхала дочь адъ маѣры,
Паѣхала, ни пращѣласа,
Съ сваймъ рѣдамъ ни растѣласа.
Сива лѣшадь замариласа,
Въ тѣмнумъ лѣси станавѣласа.
„Ой, тутъ жа я начавать буду,
Зъ зазульками кукавѣть буду,
Зъ зазульками кукавѣти,
Зъ салавѣями щабетати!
Салавѣйку, мой малюсенкѣй,
Твой галасѣкъ да й танюсенкѣй:
— Чи ни бывъ ты на маѣй старанѣ,
Чи ни плача атець зъ маткаю на мнѣ?“
— Плача, плача, забиваитца,
Тебе ў госьти дажидавитца.
Отець плача, па каморы хѣдячи,
Матки плача, па лѣжачку сѣдячи,
Сестра плача, косу росу чѣшучи,
Братокъ плача, па коняку сѣдючи!

187.

Ой, раслѣ я, раслѣ, екъ у барѣ саснѣ.
Ещѣ ни выросла, - млада замужъ пашлѣ.
Ни тагѣ я плачу, што я маладая,
А тагѣ я плачу, што доля лихая.

Аддѣй мене, тѣту, у новую хату,
Я па новуй хати люблю пахажѣти,
На широкумъ поли люблю жита жѣти.
Я да сваго брата хаджѣ ўже три лѣта,
Я да сваѣ сѣстры хаджѣ рѣчѣкъ шѣстый,
Я да свагѣ рѣду хаджѣ черезъ вѣду.
Въ вадѣ абмачѣсе, въ радѣ абсушѣсе,
А лихой свѣкрухи таки ни баѣсе.

188.

Зажурилася жонка па мўжови.

Залѣзла на печь, сказала: ни дўжаю!

Миленкїй ходить, бѣлы ручки ломить,

А мила на пѣчи ниць пи гаворить.

— „Уставай, мила, прпрієсь я пива!“

— Дай мнѣ пѣкой, бо я чуть жива!

А миленкїй ходить, бѣлы ручки ломить,

А мила на пѣчи дей ниць пи гаворить

— „Уставай, мила, прпрієсь я мѣду!“

— Дай, милый, пѣкой: галѣвки ни звѣду.

Миленкїй ходить, бѣлы ручки ломить,

А мила на пѣчи дей ниць пи гаворить.

— „Уставай, мила, прпрієсь я горилки!“

— Дай, милый, пѣкой: шукай сабѣ дѣвки!

А миленкїй ходить, бѣлы ручки ломить,

А мила на пѣчи дей ниць пи гаворить.

„Уставай, мила, прпрієсь я дубинку на тваю шпинку!“

А милая ўстала, якъ пи лижала,

Мілага ўзила дей нацалавала.

(М. Наревка, Пружанск. уѣзда.
Говоръ смѣшанный и искорченный).

189.

Па дварѣ криниченька, вадѣ прпріываить,

Любивъ казакъ двѣ дивчины, темеръ пакрдаить.

Адну любивъ, адну любивъ, другую пакринувъ, —

Расьтї, расьтї, дывчїннїчка, па другую зиму!

Раслѣ, раслѣ дывчїннїчка, на станѣчку стала,

Ждала, ждала казаченька, и плакати стала.

Ой, на той жа криниченьци пшаниченька взышла,

Уже жъ тая дывчїннїчка за другѣга взышла;

Ой, на той жа криниченьцы пшаница ўрадїла,

Уже тая дывчїннїчка дѣтакъ павадїла.

190.

Изъѣздивъ я кониченька, зъѣздивъ варанѡга,
Да тебе, дивчина, да тебе, небога!

Скажи, дѣвча, правду мнѣ, чи пойдѣшь ты за мене?

— Я табѣ казала, и твоему роду:

Не хадѣ да менѣ, не рабѣ заводу!

Я пасагу ни маю, за тебе ни думаю!

„Мнѣ твайго пасагу ни многа патреба,
Надгарѡдѣть насъ Богъ зъ высѡкага неба!

Ты дѣвчининька самая, якъ зоринька ясная!“

— Ой, теперь ты кажышь: якъ зоринька ясная!

Апаслѣ то скажышь: доленька нещасная!

Ой, хотъ ня ты, то мати: былѡ сиратѣ ни брати!

„Гѡди, дивчино, гѡди жартаватѣ,

Пѡйдимъ да цѣрквы, будимъ шлюбаватѣ!

Дадуть крыжа ў руки, штобъ ни брали разлуки!

Гѡди дивчина, гѡди жартаватѣ,

Пѡйдимъ да карчомки, будимъ пить—гуляти,

Нихай дѣвять варагѣ, патѡпчемъ ихъ падъ нагѣ.

Нихай дѣвять варагѣ, нихай гинуть падъ нагѣ.

(Пружанск. уѣз.).

191.

Вохъ, да бывъ да у насъ да багатый купецъ,

Вохъ, да бѣла у купца да двѣ дѡчари яго.

Вохъ, да старшая дочъ, то якъ тѣмная ночь,

Вохъ, да менчая дочъ, да якъ рожынька твитѣ.

Вохъ, да ў менчую дочъ улюбивса салдаты.

Вонъ салдаты, вонъ салдаты, вонъ салдатыкъ маладѣй.

Старшая менчую изманула патайкомъ:

„Ой, пайдѣмъ мы, сестра, на той беражѡкъ красѣнь.

Ой, увидимъ, сестра, чымъ той бѣрагъ украшѡнь!“

Вохъ, крашѡнь беражѡкъ да всѣ жовтымъ пескомъ,

Вохъ, на тому берагѣ да всѣ лѡтушка пльвѣ.

Вохъ, у той лѡтушки иссѣкнета галава.

Вохъ, да менчая дочъ всѣ пастукавае,

Всѣ пастукавае, пригавѡрывае:

Кобъ ты большы, сестра, да не зманывала!

Вохъ, да трудно да мнѣ
Въ гѣтамъ мѡры на днѣ,
Вохъ, да и маймѹ малѡдчику
На чужой старанѣ.

(Д. Ворожбиты, Селецк. вол., Пруж. уѣз.).
Займствованная. Передѣлка пѣвѣстнаго
романса половины XIX в.

192.

Ой, у поли вѣрба, подѣ вѣрбою вода,
Тамѣ дивчына водѹ брала, хорошая й молода.
Дѣвка воду берѣ, казакѣ коня ведѣ.
Пытаецца козакѣ дѣвки: сколь дорѡжанька йдѣ?
Чы съ-потѣ тое рѣки, дѣ стояли полкѣ,
Чы по той бокѣ быстренькой, дѣ полковникѣ стоявѣ,
Дѣ полковникѣ стоявѣ, намѣ записки дававѣ,
Насѣ, хлопцы навобранцы, вѣ одинѣ радѣ становлявѣ.
„Охѣ вы, хлопцы моѣ, навобранцы моѣ,
Ой, заспувайтѣ тую пѣсню, що подобная мнѣ!“
Хлопцы пѣсни поютъ,
Дѣвкамѣ жалю задаютъ,
Молодыя молодицы жѣ жалю помираютъ.

193.

Стоять вербы конѣць гребли,
Стоять вони стѣха,
Не стой, дѣвка, съ казаками —
Будѣ тобѣ лихо!
Я стояла, розмовляла,
Тѣмна ночка нашла,
Дурна дѣвка. нерозуѣна,
Зѣ однимѣ спати пошла.
Зѣ однимѣ спати, зѣ однимѣ спати,
Зѣ другимѣ розмовляти,
А трѣйтему скрыпка вѣ руки
На всю ночь гуляти.
Скрыпка съ клѣну, скрыпка съ клѣну,
А смычокѣ изѣ руты,
Якѣ заграе, сѣрцѣ вянѣ,
На Ёкраинѣ чути.

Ой, пойду я коло млина,
Чы не пойму лина?
Не съ кимъ сѣсти лина зѣсти —
Лихая година.
Ой, пойду я коло рѣчки,
Чы не пойму щуки, —
Ведэ козакъ дивчыноньку
За правую руку.
Одинъ ведэ, одинъ ведэ, а другому жалко,
Трѣйтій стоить, пытаетца:
Куды идэшъ, коханко?
Ой, въ мѣстѣчку въ Бэростѣчку,
На прыкрасномъ ганку,
Стоить козакъ прыкованный за дѣвку коханку.

194.

Ой, що жъ гѣто за вѣрба —
Семь лѣтъ бѣзъ корней росла?
Ой, що жъ гѣто за вдова —
Семь лѣтъ бѣзъ мужа была?
Семь лѣтъ бѣзъ мужа была,
Два купчыка любила.
Эй, два купчыка любила,
Два синочки вродила.
Эй, два синочки вродила —
Иванушу, Василя, (2)
По базары носила. (2),
И въ лавочку ступила,
Китаечку купила,
Своихъ дѣтокъ сповилà,
И въ корзинку вложила.
На Дунай рѣку знесла
И съ берега пустыла:
„Ой ты, Дувай, Дунаёкъ,
Колышы моихъ дѣтокъ!“

(Селецкая вол., Пружанск. уѣз.
Говоръ смѣшанный).

195.

Пытаецця козакъ дѣвки:

„Чи не будишь тужити,
Якъ я сяду та й поѣду
Ажъ до войска служити?“

— Ни по комъ я не тужила.

То й по тобѣ не буду,
Якъ выѣдишь за ворота,
То й о тобѣ забуду!

Якъ выѣхавъ козаченько

За новіи ворота,

Не взявъ, не взявъ дивчиноньку
А ни сонъ, ни работа.

Якъ выѣхавъ козаченько

А на жѳвтые пѣски,

Оглянувся назадъ себе —

Несѣ братичокъ вѣсьти:

„Ой, вернися пане—брате:

Отець—мати вмирае!“

— Ой, ей-Богу, не вернуса,

Нехай заразъ конае!

Якъ выѣхавъ козаченько

На зелѣные луги,

Оглянувся назадъ себе, —

Несе братичокъ дрѳги:

„Ой, вернися, пане брате:

Дивчинѳнька вмирае!“

— Буду бити коня, гнати,

Кобъ живую застати!

Якъ выѣхавъ козаченько

На високіи горы, —

Зазвонили по дивчѳни

Во всѣ чтыри звѳны.

Якъ выѣхавъ козаченько

На плиту каменнѳю —

Носять, носять дивчинѳньку

На рукахъ неживѳю.

Якъ узѣхавъ козаченько

На високу могилу:

„Разыйдися, сыра земля,
Нехъ зобачу дивчину!
Ты казала, дивчинонько,
Што не будишь тужити,
А тепѣрча въ сырой землѣ
Будишь тута гнѣти!“

196.

Ой, чѣвонъ, чѣвонъ, водѣци пѣвонъ,
Береги розривае,
Молодой козакъ. ще не женѣный
До войска отгѣжжае.
А за имъ, за имъ, старая мати:
„Муй сынѣньку, вернися!“
— Ой, не вернуса, не повернуса,
Поѣду, выслужуса!
Самъ я молодой, мой конь вороной,
Таки я выслужуса!
Чи дома не бувъ, чи коня не мивъ,
Чи мати не казала, —
Найменша сѣстра, недоросточокъ,
Ѣхати не казала:
„Берѣте сребро, берѣте злото,
Ще й коня вороного,
Но й не рухайте, не зачипайте
Козака молодого!“
Узяли сребро, узяли злото,
Ще й коня вороного:
И зарубали, и закопали
Козака молодого.

197.

И а въ саду вышня, чомъ не черешня,
Любився, кохався, чомъ не берешся?
Я тую вышню истяты мыслю,
Я тую дивчину узяты мыслю.
Слонцэ горонцэ, слонцэ горонцэ,
Ой, пасла Касюля волю на лѣнцэ.

Ой, пшишедъ до ней Ясюлѣ млоды:
„Ой, гонь, Касюлю, волю до воды!“
— Ой, не поgone, бо сень заросле!
„Ой, гонь, Касюлю, я те пшенѣсе!“
Не шеноси мене, не твоѣ жона,
Мовила наповть вронего коня.

Замѣстованная.

198.

Ходить козакъ по рыночку, то ѣ похаживае,
На чужіи хорошіи то ѣ поглядывае:
„Ѣ а чужіи хорошіи, якъ рожовый квѣтъ,
Моя мила невдалая завязала свѣтъ!“
Узявъ милу невдалую подъ билые бѣки,
Ѣ вивинувъ и вкинувъ въ той Дунай глубокий.
„Плынь, мила, невдалая, до dna головою,
Не нажився, не набывся роскоши съ тобою!“
Пробывъ рочокъ, пробывъ другій,
Пробывъ жа ѣ чотыри, —
Ой, пойду я до Дуная, до свѣи милѣи:
Приплынь, мила, невдалая, къ берегу ко мнѣ,
Плачуть, тужать, нарекають дитоньки твоѣ.“
— Ой, нехъ плачуть, нарекають дитоньки моѣ,
Наробывъ есь неславоньки на всѣй вѣкъ собѣ!

(С. Собятинo, Рогачск. вол.,
Брестскаго уѣз.).

199.

Ой, ни шуми, дубе, зелѣный байраче!
Прошу тебе, не здрадь мене, млоды козаче!
Якъ ты мене здрадишь, на вики загубишь,
Въ быстрой Дунай, въ быстрисенькій, на вики утопишь.
Будишь потопати, ручку подавати,
А я млада, якъ ягода, не буду ратовати.

200.

Ой, и тамъ, на гори, корчомка стояла,

Гей, люли-люли, корчомка стояла.

Ой, ѿ а въ туй корчомци три музыки йграе.

Гей, люли-люли, и т. д.

Одѣнь Иванюша, другій Степанюша, третій Василюша.

Третій Василюша на скрипонци йграе,

На скрипонци йграе, сестру замужъ дае.

— Оддай мене, брате, въ чужую деревню,

Въ чужую деревню, въ богатую хату,

Въ богатую хату, въ весѣлую *) семью!

Я въ богатуй хати люблю похожати,

Я весѣлуй семъи люблю догожати,

Тесовыи столы люблю помывати,

Обрусы кружасты люблю застилати,

Зоввоньки косати люблю заплетати,

Зъ молодыми деверями люблю жартовати!

Нимà брата рочокъ, нима брата другій,

Третій наступае, братикъ прижжае,

Въ ворота въижжае, зъ коня ни ссядае,

Зъ коня ни ссядае, шапки ни знимае,

Шапки ни знимае, день-добрый ни дае.

— „Понагайбу, (помогай Богъ) сестро, ти жива—здорова,

Ти жива—здорова, ти долинька добра?“

— Ой, брате, муй брате, ни зычу никѡму,

Ни зычу никому—ворогѹ своѡму:

Кошѹленька бѣла кровью накинѣла,

Хвартушѡкъ тонѣнькій той слѣзокъ повнѣнькій!

„Отѡ тоби, сестро, чужая деревня,

Чужая деревня, богатая хата,

Богатая хата, весѣлая семья!

Ты въ богатуй хати любишь похожати,

Ты весѣлуй семъи любишь догожати,

Тесовыи столы любишь помывати,

Обрусы кружасты любишь застилати,

Зоввоньки косати любишь заплетати,

Зъ деверями молодыми любишь жартовати,

Гей, люли-люли, любишь жартовати.

*) Вар.: великую.

201.

Ой, тамъ, коло млина, зацвила калина.
Дѣ тая дивчина, що мене любила?
Любила, любила, ще й впрно кохала,
Купила конька и подаровала.
Ой, й а туй коньчекъ великій зрадничекъ,
Выдоптавъ стеженьку черезъ пастуничекъ (видъ болота).
Ой, ни такъ выдоптавъ, ой, якъ повиносивъ.
Подумай, дивчино, чого тебе просивъ:
Я ў тебе просивъ вина рутвяного,
Ой, й а ты мни дала перстня золотого.

(С. Ставы, Волчан. вол. Брестск. у.).

202.

„Заѣздиў я ко́ня, заѣздиў друго́га,
Скажи мнѣ, дивча, што будя зъ гэтага:
Альбо будя правда, альбо нѣ —
Ни сушы́ сердца сабѣ и мнѣ!“
— Я табѣ казала,—ўсяму твайму роду:
Калі хочешъ брати,—бярй бизъ завбду.
Бо мнѣ паса́гу ни будя,
Мене возьму́ть и такъ люде.
„Мнѣ тваго паса́гу ни пыльне патрэба, —
Дасьць намъ Богъ найвышшый зъ высо́кага неба.
Ты мнѣ ў пасазі сама,—якъ на небе ясная зара!“
— Тяперича ка́жышъ, што зоранька ясная,
А патбмъ ты скажышъ: - долипка нищасная!
„А ни я то скажу, а ни май мати,
Каго мнѣ Богъ сү́дить—таго́ му́шу ўзяти.
Ой годи, диўчина, го́ди жартовати —
Пбйдимъ у цэркву, будимъ шлюбу брати.
Звяжуть намъ руки стуло́ю, будимъ мы жыти съ таббю,
Дадуть намъ крѣжыкъ у руки,
Кабъ не мѣли да смерти разлуки.

(Д. Некраши, Гродн. уѣз. Ср. № 190).

203.

Заѣздивъ Ясь коня, заѣздивъ другога,
Пытае дивчыны: „ти бѣде що съ тога?

Ой ти бѣде, ой ти нѣ,

Ни разрываѣ сэрдэнька мнѣ!“ (2 раза)

— Я тобѣ казала, а не твоѣму роду:

Ни хадѣ да мене, не рабѣ завѣду.

Въ мене пасагу не будѣ,

Вѣзмуть мене и такъ добры люде! (2 раза).

„Мнѣ твайго пасагу вѣцалѣ не трѣба,

Вынадгарѣдѣть мене Богъ зъ высѣкага неба.

Ты ѣ мене пасагъ сама,

Якъ на неби ясная зара!“ (2 раза).

— Теперъ ты кажышь, що зорынька ясна,

А пѣтымъ ты скажышь: дѣленька нищасна!

Калѣ ты ни скажышь, то мати:

Было бизъ пасагу ни брати. (2 раза).

(Дер. Новая-Свидилѣвка, Островской вол.
Сокольск. уѣз.)

204.

Охъ, зима май маразливая,

Не змарозъ мяне съ паходу идучи, канѣ видучѣ,

Шаблю нисучи, збрую вязучѣ.

Ой, я маладецъ пайду ѣ гарадѣць,

Здѣ сваго айца куплю агерца,

А здѣ мѣтары шубу дарагу,

А здѣ братѣйка шавковѣй платокъ,

А здѣ сѣстрачки рутьвяный вянѣкъ,

А здѣ жонушки драгнѣю плетъ, за яѣ привѣтъ,—

Зачимъ ня вышла варотъ атварѣтъ,

Канѣ адлажѣтъ, канѣ абрѣкъ дать.

А мнѣ маладому вячеру выдать.

Привяжу жану канѣ да хвастѣ,

А пуцу канѣ ѣ чистая поля.

Пуцаѣ жа мой конѣ прагулянтца,

А шѣльма жана дагадѣнтца.

Ўжѣ магѣ канѣ да стайни вядѣтъ,

А шѣльму жану да грѣбу кладѣтъ.

205.

Ой, глубокія калодязи,
Да кароткія ключи,
Спаткала мянè лихая доля,
Рана па ваду ідучи.
Я ишла, слёзкамі лила,
Да я ихъ ни ўтирала,
Трапіліся мнѣ лихія люди,
Да я ихъ ни атсылала.
Май матулька, май роднинька,
Пайду я ў лугъ утаплюся!
— Ой, ни тапіся, моё дитятка,
Бо ты душу загубишь!
Ой, вады-шь маё, да палавья,
Да чаму шъ ни гарэты?
Ай, лѣта шъ маё маладёнкія,
Да чаго шъ марна ідэты?
Кабъ да тыхъ валобу да ратай добрый,
Яны добра гарали бѣ,
Кабъ да дяўчыны кавалеръ добрый,
То гора гаравали бѣ.

206.

Ой, выйду на гулянку, стану, падумаю:
Пашла бѣ въ восинь замужъ—пасагу ни маю,
Кабъ я мѣла пасажаньку сивую каровку,
То я пашла бѣ замужъ ў чужую старонку.
— Ни плачь, дѣўка, ни плачь, красная: я самъ буду брати,
Я ни буду сь тебе пасажаньку вымавлѣти!
— Ты ня будишь вымавлѣть, будя твай мати,
Да будя мнѣ што-дня пасажанька вымавлѣти:
— Ой, вставай жа, нивѣста,—бадай ты ни ўстала,
Выжань стада да грамады, што зѣ дому нагнала!
— А я ўстала, падумала: нима чаго гнати —
Нима гайца, нима матки, нима каму дати.

(С. Котра, Гроднен. уѣз.).

207.

Паѣхавъ Данилушка на семь лѣтъ на войну.

А ўсѣ дружки зъ войны уже ѣдутъ,

Мого дружка каня вѣдутъ.

„Кобню ты мой вараненькій,

А гдѣ твой дръжекъ маладѣнькій?“

— Мой дръжекъ забить лѣжить,

Въ правой рѣкѣ шаблю дѣржить,

А лѣвую нахилѣя,

Съ таваришамъ размавлѣя:

Тавариши, братцы маѣ,

Вы скажіть маѣй жанѣ,

Кабъ ина па мнѣ ни тужила,

Скѣра замужъ выхаділа.

А якъ жа ей дѣбра будя,

То ина мянѣ забудя,

А якъ жа ей кѣпска будя,

Ни разъ, ни два плакать будя.

(Д. Колбасино, Горницкой вол. Гродн. у.
Образчикъ заимствованій, которыя здѣсь
имѣютъ большое распространіе).

208.

(Вариантъ).

Данилушка маладый

Семь лѣтъ въ дамѹ нѣ бывавъ,

Семь лѣтъ въ дамѹ нѣ бывавъ,

Ўсѣ на воўни ваіевавъ.

Ёго мати старенька

Да ўсю ноучку нѣ спала,

А што дѣнь, черезъ дѣнь

Ўсѣ листочки писала,

Да Данилушки слѣз:

„Данилушка маладый,

Варатісіе ты дамѣй.

Твоуя жоунка Катѣрина

Да ўсю вѣлю панялѣ:

Тваіѣ кони воурунѣя пазаіѣздивала,

Тваіѣ вѣлы поуловѣя пазабрывала,

Тваіѣ сукни ядвѣбнѣя павыфлѣндывала,

Тваіе шаблі залатыя павымажавала,
Тваіе мэды салодкія павып'атчывала!“
Данилушка маладыі да рассэрдивсіе,
Пры́хавъ Данилушка падъ новыя вароты,
Эй вышла Катэрына ў тонкуй бялуі кашульці
Данилушку сустра́й.
Якъ вынявъ жа Данилушка да и гострыі міечъ,
Охъ. изнявъ Катэрынушки галовку съ плечъ,
А самъ увскочивъ маладэнькіі да да новаі стаіёнкі —
Ёго коні воуруныя пазастаівалісіе,
Ёго во́лы поуловыя на абры буаць.
Ой, увскочивъ воунъ маладэнькіі
Да да новаі камоуркі —
Ёго мэды салодкія пазапліснывалі,
Ёго шаблі залатыя пазаржавлівалі,
Ёго сукні ядвабныя пазабўтлівалі.
Ой, увскочивъ маладэнькіі да новаі святліцы —
Ёго matka старэнькая да увъ креслі сідіць,
Ёго сына роуднэнькага на рукахъ дэражыць,
Ёго службыі вирнэнькія да увъ стóлі сідяць.
„Тэпэръ табі́, мая matka, тры грі́хы на душў:
Пэршыі грі́хъ, мая matka, што мой сынъ сирата;
Другіі грі́хъ, мая matka, — Катэрыны жаны пі́ць;
Третьіі грі́хъ, мая matka, што я самъ удавіецъ!“
Нэ канавшы криниченкі, да нэ п'іты вады,
Паслухавшы стараі матки, то нэ мі́сти жаны.

(С. Гожа, Гроднен в'я.).

209.

Ні брукуйце, галубы, на хаты,
Ні збуді́це мілага у п'ірн'аці,
Я й сама тую парў знаю,
Калі мілага буду буді́ць.
Ой, уставай, маё маліваньня,
Ужэ табі́ гатова сніданьня!
Калі хочышъ, мой мільнікіі, їсьці,
Велю табі́ за стóлікамъ с'їсьці;
Калі хочышъ, мой мільнікіі, п'іці,
Велю табі́ п'іва натачыці;

Каля хочишь, мой милый, гуляти,
Велю табѣ музыки наняти;
Кали хочишь, мой милинькій, спати,
Велю табѣ пасьтѣль бѣлу слати!
Ой, пасью руту на парожку,
Паѣхавъ мой милый у дарожку.
Ой, на дварѣ дробный дождикъ иде,
Мой милинькій ў дарожаньку ѣдя.
Ой, приѣхў мой милинькій позна,
Ёнъ раскидавъ пасьтѣль маю розна
„Ой, на кагò, мой милинькій, злўишь,
На што маю пасьтѣль бѣлиньку неўишь?
Ти на свагò татуля старòга,
Ти на свагò сыночка милога,
Ти на сваю матулю старую,
Ти на мяне—жану маладую?“
— Ни на тябѣ—жану маладую,
Ни на сваю матулю старую,
А на свагò татуля старòга,
Што жанивъ мянѣ маладòга.

210.

Быстра рѣчка нивяличка вадў разливая,
Ой, за мòрамъ, за Дунаямъ бяроза стаяла.
На бярозѣ, на кудравай, сядить лицò бяла,
Сядить, сядить лицо бяла, кричить, што прапала,
Ой, прапала, да прапала салдацкая слава.
Вохъ, на моры, вохъ, на синимъ салдаты бяльѣ мые,
Вохъ, ёнъ мые, вохъ, ёнъ мые, съ окалўшкамъ бѣлымъ.
Охъ, ни дѣла салдацкая тонка бяльѣ мыти,
Тольки дѣла салдацкая на вулячку выйти.
На вулячку, на крутую, стражай пастаяти,
Ў стражы, ў стражы пастаяти, ружьёмъ намахати.
Заказали салдѣтичкамъ съ Польщи выступати.
Пращай, да пращай, главная Польша, съ синими гарадами,
Заплакали мищаньчки горкими слезами.
Хто зъ насъ, да хто зъ насъ насмѣтца—слезьми абальѣтца,
Хто жъ насъ, хто жъ насъ пажалўе—медь-вина напѣтца.

211.

Ой, пайдѹ я дѹламъ-далинобю,
Зрублю, зламлю вербу съ калинобю,
На сустрѣчу два мѹлайцы са мною.
Спрашѹ, спрашѹ у малѹйчиковъ правды:
Да ѹ каторый бокъ да дарѹжка пашлѹ, —
Ти ѹ тѹмный лѹсь, ти ѹ чистая пѹля?
Ў тѹмнамъ лѹси ѹсѹ пень да калѹды,
Ў чистамъ пѹли ѹсѹ пшаница на доли.
А ѹ той пшаницы да кустокъ ракиѹтонъ,
Да ѹ томъ ракиѹтони да салавейка свѹща:
— Ой, нявѹста, да нявѹста, да дѹму, —
Заказали тваймѹ миламу ѹ дарѹгу.
Заказали да да вуйска служѹть,
Ти ни бѹдишь ты. май милая, тужѹть?
— Ой, ня буду, ой, ня буду, ой, милый, ня буду,
Якъ милый за варѹты, я те забуду!
Еще ни ѹспѹвъ милинькѹй на канѹ сѹсьть,
Ўжѹ ягѹ мила ни ѹсьть и ни пѹѹть.
Ўжѹ милинькѹй на канѹ сядѹя,
Ўжѹ ягѹ мила спѹвиди жадаѹя.
— Ой, варниса, мой милый, варниса,
Ще за мною вина, мѹду напѹса!
— Ой, ни варнуса, май мила, ни варнуса,
Я съ казаками кравѹвага пива напѹюса!

212.

Ў саду, ѹ саду—винаграду стаѹть коникъ на параду,
Нихто ямѹ сѹна ни палѹжыть,
Нихто ямѹ цѹны ни налѹжыть.
Наѹхали купцы съ Украины,
Янѹ ямѹ сѹна палажѹли.
Янѹ ямѹ цѹну налажѹли.
Адинъ купецъ даѹ сто талѹры,
Другѹй купецъ даѹ сто чатыры,
Третѹй купецъ сѹвъ, паѹхавъ:
„Ступай, кѹню, ступай чимъ шырѹбка,
Вытни капѹтѹнькамъ у варота,
Ти ни выйдѹ мила щѹра злота?“

Ой, ни вышла мила, вышла еи мати:
„Пакинь, пакинь, жувнерь, шурмавати:
Ужэ тваю милу схаранили,
Сь смолныхъ дѣшакъ трунѹ збудава́ли,
У вышнѣвамъ садочку пахавали“.
— Жувтый писокъ расхилиса,
Смолна труна атчиниса,
Мая мила акажыса!

213.

А Божа мой, Божа, Божа мой едынй,
Вынись мяне, Божа, сь чужэй Украйны,
Занесь мяне, Божа, на гайцовске поля.
На гайцовске поля, гдѣ радина мѡя.
А мая радина и пѣе и гуляя, всѣнька дѡбра мая,
А я маладая ни пью, ни гуляю, ничѡго ни маю,
Тулько хажѹ, плачу, своѣ лѣты трачу.
Закладай, мялянькѣй, кѡни варанѣя,
Паѣдимъ, нагонимъ лѣта маладыя.
Даганѣли лѣта ѹ калинавамъ мѡсьти:
— Вярнѣтиса, лѣта, хоть да мяне ѹ госьти!
— Были ѹ тябѣ ѹ сѣнѣхъ, были ѹ тябѣ ѹ хати,
Булѡ маладѣнькай лѣтувъ шанувати!
— Ой, ни винна я, винна мая мати,
Чамѹ ни вялѣла лѣтувъ шанувати!
— Ти я ни вялѣла, ти я ни казала,
Булѡ выбирати, кагѡ ты кажала!
— Ой, я выбирала, каго я хатѣла,
Тяперъ мая галѡвка да што-ли-дѣнь ни цѣла.

214.

Пайдѹ я зѣ гѡра ѹ чистая пѡля,
Шукаючи доли, доли маладѣцкай.
Ни знашовъ я доли, знашовъ рыбалѡвы.
„Рыбалѡвцы—хлопцы, прикрасны малѡйцы,
Закидайтя сѣти на быструю рѣчку,
А ѹзымайтя долю, долю маладѣцку!“
Ни зымали доли, а зымали рыбу.

Шука рыба грае, ёна пару мае.
Пайдѹ я зъ гора ў чистая поля,
Шукаючи доли, доли маладецкай.
Нв знашовъ я доли, знашовъ кустъ калины.
Калинушку дамлю, на ўдовушку гляжу:
Я ўдовушку люблю, дитѡкъ нинавѹжу!
— Кали любишь мянѣ, любя маѣ дѣти,
На маѣ дѣти мила паглядѣти.
А гдѣ тая рѣчка, што я ў ёй купавса,
А гдѣ тая дивчиначка, што я любававса?
А ўжэ тая рѣчка травой парасла,
А ўжэ тая дивчиначка за другѡга пайшла.
А я тую рѣчку трасьтѣмъ пиратычу,
А я тую дивчиначку да сѣ пираклѹчу.
А я тую рѣчку кѡламъ пиралажѹ,
А я тую дивчиначку да се пиравязѹ.
Закладайтя кони въ едбатныя (едвабныя) пасы,
Паѣдимъ да шлюбу прасъ тѣмныя лясы.
Закладайтя кони въ едбатныя шнуры,
Паѣдимъ да шлюбу празъ высокѹя муры.
Зилѣный дубочакъ, чомъ ты нахливса,
Маладый малойчикъ, чомъ ты зажуривса?
— Ой, я зажуривса, бизъ доли радѹвса,
Памѣрь айтець, мати, а я ни жанивса.
Ой, пайдѹ я, утаплѹса зъ высѡкага мѡсту,
Бо дѣвки ни любяць, што малага зросту.

215.

Зилѣный дубочакъ, чомъ ты ня развѹвса?
Маладый малойчикъ, чомъ ты ня жанивса?
На што мнѣ жанитиса, вясѣламу быти,
Чужѹи жоначки, якъ пирапѣлачки,
А мая ниўдала мнѣ свѣтъ завязала.
Якъ вазьмѹ ниўдалу падъ бѣлыи боки,
Якъ пушу ниўдалу ў той Дунай глубокий.
Вышлыви, ниўдала, хотъ вверхъ галавѡю,
А мнѣ маладѡму разлука зъ табою.
Пайду я дѡламъ, доламъ, далинѡю,
Ти ни цвятѣ верба, верба зъ калинѡю.

Я вѣрбачку зламлю, калинку пакину,
Я ўдовушку люблю, дѣтокъ нинавижу.
— Маладый малойчыкъ, не гарди диткамі:
Ты пуйдэшъ съ касю, дѣтки зъ грабелькамі;
Ты будишъ касіти, дѣтки загребати,
А я маладая абѣдъ гатавати.
Разбиласа лужа на чатыри рѣки,
Умёръ айцець, мати,—спрата на вѣки.

216.

Маладому малойчыку ночь ня спитца,
Да ўсё яму пухавая подушка снитца.
„Пазволь, пазволь, мой ойченьку, мнѣ жанитца!“
— Жанись, жанись, мой сынку Васильку,
Вазьми сабѣ ўдѣвку за жонку!
— А ўдѣванька ня дѣванька,
А ўдованька пасьтѣль сьтеля, ўсё ўздыхая,
Ўсё ўздыхая, першага мужа ўспаминая.
А дѣванька пасьтѣль сьтеля, ўсё спивая:
Пасьтѣль май тонка, бѣлинька, пухавая,
Съ кимъ я ночь буду начивать, маладая:
Ты съ казакомъ, ты зъ дваракомъ, ты съ касю,
Ты съ сваёю дивѣцкаю красатою?
Ни зъ казакомъ, ни зъ дваракѣмъ, ни съ касю,
Ано съ сваёй дивѣцкаю красатою.

217.

Церезъ тёмный лясъ сьтѣжачка да насъ,
Вохъ, ни адинъ я вытаптавъ, хѣдзячи да васъ.
А за млодыхъ лять я гуляти радъ,
Ни аднаму таваришу зъ кишени вымаць.
Хоть и выймя, такъ и ня згиня,
Да дивчины да сэрдэнька вадѣй заплыве.
„Дивчина май, напои мнѣ каня,
Зъ халоднай криничаньки, зъ пѣвнага вядра!“
— Якъ буду твай, напаю каня!
Коникъ ваду пѣе, кашытцамъ сячѣ,
Сьтиражыса, дивчинанька, бо ёнъ тябѣ забѣ!

— А хоть замѣрить, такъ ни ўдѣрить,
Злотый персытинь, руцьвянъ винець мянѣ абронить.
Коникъ вадѹ пѣе, сѣдликамъ трасѣ,
Зажди, зажди, дивчиначка, хоть рачокъ ищѣ.
— Што ты такій панъ, — дажыдати намъ,
Вшыстки твои маѣнтки — сурдуть и жупанъ!
„Што ты за пани, што гѣрдишъ нами,
Вшыстки твои маѣнтки — винець руцьвявнѣй“.
— А хоть руцьвявнѣй — на галовцы грѣе,
Бѣднаму малойчику сѣрдэнька мѣе.

218.

Тяклѣ рѣчка ў край мястѣчка,
А другая ў край Дуная.
Тамъ казаки кѣни пѣять,
Ты кони вадѹ ня плюць,
А за Дунай паглядѣють.
Тамъ казаки ў карты грають,
Съ сабѣй дѣвкѹ намавляють:
Охъ ты, дѣвка, ты дурная,
Иди зъ нами казаками:
Ў нашымъ бакѹ жысьць харѣша,
А ў насъ пѣля грашавѣе,
А ў насъ рѣчки мидавѣя,
А ў насъ гѣры сахарнѣя,
А ў насъ сады пладѣвыя!
Бдуть ў поля и ў другѣе,
На третѣе паступають,
Тамъ дивчиначка пытайтъ:
А гдѣ пѣля грашавѣе,
А гдѣ рѣчки мидавѣя,
А гдѣ гѣры сахарнѣя,
А гдѣ сады пладѣвыя?
— А вѣ рѣчки кривавѣя,
А вѣ гѣры трушавѣя,
У насъ сады садѣвѣя.

(С. Котра, Гроднен. уѣз.).

219.

На бітумъ гасьтінцы
Стаяла карчомка,
Мурамъ муравана,
Дылямъ дылявана.

А у той карчомцы
Да два чужаземцы
Пьють мёдъ и гарэлку,
Намаўляють дѣўку:
„Бдѣ ты, дѣўка, зъ нами,
Зъ нами, зъ жаўнерами.
Буде табѣ лўччай,
Якъ у радной мамы.
А ты ў сваей мамы
Ходишь ў сермажыни,
У насъ будишь хадить
Ў злоти, въ фармазыни“!

Дурная дѣўка была,
На каляску сѣла,
Зъ маладыми жаўнерами
У свѣтъ паѣхала.

Гэй, везли дѣўку празъ зелены лозы —
Абнимають дѣўку драбненькія слёзы.
Гэй, везли дѣўку жоўтыми пяскамі —
Варбчайса дѣўка да дому пѣшкамі.
Гэй, ввязали дѣўку да сосны касами,
Выкрасили бгень сь синяга крамёня,
Запалили сосну звёрху да ў карёня.
Якъ сосна гуджала, то дѣўка стаяла.
Якъ сосна згарѣла, дѣўка заплакала:
„Катбрая мати многа дбачакъ мае,
Пушай да карчомки часта ни пушае.
Бо тая карчомка—яна зрадливая,
Яна дѣўку зрадить и на агбнь пасадить.“

220.

Хмѣль на тычине, хмѣль да се ўе (въе),
„Ахъ, Божа шъ мой, мужъ мине бѣе!
Пріѣдь, пріѣдь, мой ойченьку,
Пріѣдь, пріѣдь, мой рбдненькій, пажалуй мине!“

А ойчанька, каня ўзяўшы, кале гаспадарки ды й агледяўшы:

„Бій, зятю, своя жона,

Своя жона, моя цурка, ды й привязаўшы“.

Хмѣль на тычынн, хмѣль да се ўе.

„Ахъ, Божа шъ мой, мужъ мине бѣе!

Пріѣдь, пріѣдь, мѡя matka,

Пріѣдь, пріѣдь, мая родна, пожалуй мине!“

А matka, каня ўзяўшы, кале гаспадарки ды й агледяўшы:

„Бій, зятю, своя жона,

Своя жона, мѡя цурка, ды й привязаўшы“.

Хмѣль на тычынн, хмѣль да се ўе... и т. д. такая же просьба къ сестрѣ и къ брату пожалѣть ее.

221.

А на поли два таполи,

А трейтій маленъкій.

Выжджае зъ диравенъки

Жаўнеръ маладенъкій.

Якъ вѣѣхаў за варѡта,

Нізенка скланиўса:

Выбачайтя, ўсѣ сусѣде,

Можа съ кимъ браниўса.

Дарѡжаньку пакрапляйтя,

Штобы ни курѡла,

Айцѣ й матку разважѣйтя,

Штобы ни жалѣла.

Дарѡжаньку пакрапляють,

Таки яна кўрить,

Айцѣ й матку разважають,

Таки яны тужаць.

(Д. Каменка, Круглянск. в. Сокольск. у.).

222.

Ой роду, мой роду, пѣють галубы вѡду.

„Пустьи мене, мой миленькій, атвѣдати роду!“

— Я тебе ни пушу и самъ ни пайдѡ,

Бо ты своему роду скажышь всю пригѡду!

„Ни буду казати, а ни гаварити,
Запытаю матки, што буду рабіти?“
Ввайшла у камору, и matka за мною;
Пытаеца шасьця, ти харашà доля?
„Я свои доли никбму ни зычу,
Хвартушбкь танёнкій ать слёзакь макрэнкій,
А кошуля бѣла у кривѣ скипѣла!“
—Ни наракай, дѣчка,—ты такь хатѣла!

(М. Новы-Дворъ, Сокольскаго уѣз.).

223.

Пійте, люди, гарѣлицу,
А вы, гуси, воду,
Та й летѣте, бѣлы гуси,
Тамъ да магò роду.
Не кажѣте, бѣлы гуси,
Што я тутъ гарую,
Да кажѣте, бѣлы гуси,
Што я тутъ паную.
Выщикнула квѣтку зъ рожи,
Пусьтила на воду —
Плыви, плыви, квѣтка зъ рожи,
Тамъ да магò роду.
Плыла, плыла квѣтка зъ рожи,
При бѣражку стала,
Пришла мати ваду брати,
Па квѣтцы пазнала.
Чомъ ты, квѣтка, чомъ ты зъ рожи,
На вадѣ збледѣла,
Ой, падббна, ой, падббна,
Ты семъ лѣтъ хварѣла.

(Д. Новы-Островъ, Савольск. у.).

224.

Ой, якъ буду та буду,
Та рабіти ни буду:
Вазьму сабѣ наймичку,
Сама сяду на печку.

Поѣхаў мой милый въ дарогу,
А я прапила карову,
Сама сяджѹ и журуса,
И милага баюса.

Приѣхавъ мой милый зъ дароги,
А я ямѹ на ноги,
А ёнъ мине цалуе
И карову даруе.

„Прапй, мила, другую,
Та я табѣ дарую,
Абы была здарова —
Буде дру́га карова!“

225.

Ой, добра тамѹ, ой, добра тамѹ,
Хто кахана ни знае,
Ба та ёнъ сабѣ, ба та ёнъ сабѣ
Спакбйну дочку мае.

Слбначка сходить, слбначка сходить,
Я ѹ диўчйнаньки сиджѹ,
Приду да до́му, приду да дому,
Самъ сибѣ нинавйджу.

Матуля лае, матуля лае,
А татѹль а щѣ горшъ:
Ни хади, сынку, ни хади, сынку,
Да диўчйнаньки большъ.

Запрагай валѣ, запрагай валѣ,
Да й види ѹ поля гара́ти,
Ти ни забудишъ, ти ни пакйнишъ
Диўчйнаньки кахати!

Выгаравъ стаи, выгаравъ двби,
Да стаѹ на трѣйтйя займати,
Я ни пакйну, такъ ни забуду
Мйлинкаи кахати.

Дай, Божа, слбнца, дай, Божа, слонца
И вельку пагбду:
Ти ни прибяжыть сѣрца ядына
Да зрою па вбду.

Бяжыть дяўчына, сэрца ядына,
Бѣлыми ножанька́ми,
Якъ я забáчу, сэрдэчня плачу
Дробнымн слезанька́ми.

(Им. Круглое, Романов. вол. Сокольск. у.).

226.

Па парэччу, па далiвн
Гóлубы литáють,
Я ў раскóшы ни ўжывáю,
Ўсѣ лѣта минають.
Якъ ў раскóшы ни ўжывáю
Ї гóра ни забуду,
А па чомъ я млóды лѣта
Спаминáти буду?

Слуги маё, слушки,
Слушки найвѣрнѣйшы,
Запрага́йця кони вроны,
Ктúры найбыстрѣйшы!
Кони маё, кони,
Кони варанья!
Ой, паѣдэмъ даганя́ти
Лѣта маладыя.

Даганя́ли лѣта
На липóвумъ мóсьти:
Зварнѣтиса, млоды лѣта,
Хоть да мине́ ў госьти!
— Ни вѣрнимса, ни вѣрнимса,
Ба нима да чагò,
Треба было́ шанавáти
Здарóвичка свагò.

227.

„Чомъ ты, коню, вадэ́ ни пѣэшъ,
Ба дарóшку чуишъ,
Чомъ ты, сынку Ясюлиньку,
Ў дома́ ни начуишъ?“

— А якъ жа шъ мнѣ, май мати,
Ў дома начавати,
А якъ прыде тёмна ночка —
Нѣ съ кимъ размаўляти.

„Маишъ, сынку Ясюльнъку,
Каня варанбога,
А якъ ввбйдишъ да ставнъки,
Гавары да яго“.

— Я да яго загавару,
А енъ ни гаворыть,
А якъ змышлю абъ дяўчйни, —
Сэрцэ—душа бблить.

„Пакинъ, сынку Ясюльнъку,
Абъ дѣўцы думати,
А якъ ввбйдишъ да хатанъки,
Здумай, што я мати!“

— Ни пакину, ни прастану,
Ашъ пбкиль дастану
Румянбого барзо личка
Й харбшаго стану.

(Д. Круглое, Сокольск. у.).

228.

Ай, у вдбванъки тры сыночки былб,
Ай, да ўдбванъки тры листочки прышлб.

Ўзяла ўдовка, прачитала,
Бѣлыя рѣчки заломала:

„Сынкѣ маѣ, вы милѣсйнъкйе,
На што шъ вы ўсѣ тры равнѣсйнъкйе?“

Самый старшый вымавлѣицца,
Сирадбльшый выгавбрванцца.

Самый мѣншый ни спираицца,
Ў тую службу прыбираицца.

Старша сестронка каня сядлая,
А серадольша хўсты качая,

А сама менша братка пытая:

„Кеды, братишку, ў гасьтйни будишъ?“

— Тѣды, сестронка, ў гасьтйни буду,

Якъ зъ мора каминъ на верхъ выплывя,
Якъ злота пѣро на дно патаня!

229.

А зъ вечѡра матка пахаджала,
Свагѡ сына сътиха навучала:
„Муси, сынку, нагайки ни маишь,
Што ты сваѡ жонки ни карайшь?“
— Ай, маю я нагайку маленку,
Буду карать жонку маладеяку!
А зъ вечора камора гримѣла,
А ў паўночи пасьтѣль гаварыла, —
Свитаючи, Гануля нижива.
„Мати шъ маѡ, мати, парадничка ў хати,
Парадь жа мнѣ, дѣ жонку схавати?“
-- Завязѡй ты жонку ў чистая пѡля,
Скажуть люди, што пшаницу пѡля.
„Кабъ ты, мати, была изнитѣла,
Якъ маѡй Ганули галоўка злитѣла!“
Завѡзъ ее ў чистая пѡля,
А самъ скочивъ на торхъ да Янова.
А ў Янови швагрѡ пахаджають,
Маладѡга Ясюлинька витають:
„Вітамъ те, вітамъ, Ясю-Ясюленьку,
А дѣ шъ падѣвъ млоду Гануленьку?“
— Ў чистумъ поли пшаничаньку пѡля,
То падѡбна Гануленька мѡя.
Прыѣхаў Ясюленька зъ Янова,
Пытаецца: „ти Гануля дома?“
— Што-то, сынку, была бъ за навіна,
Жѡбы ўмарла да дѡму прыбыла?
„Дайте шъ мнѣ паўгарца гарѣлки,
Я паѣду да другоѡ дѣвки!“
— На што табѣ паўгарца гарѣлки,
На што табѣ да другоѡ дѣвки?
„Ай, дайте шъ мнѣ тую скрыпку звонку,
Нехъ зайграю сваѡ долю горку!“

(Д. Неросно, Романов. вол., Сокольск. у.)

230.

Ранѡ пташачка невеличкая
Па дарѡшки скѡча,

Дурная дѣвка, нвразумная,
Па кавалеру плача.

Ахъ, ни я плачу, ни я журуса,
Самы слѣски льюцца.

Охъ, зыди, зыди, ясный мѣсячикъ, да й на окблѹ,
Выйди дѣвчина—сѣрца едина,
Промови хоть слѡва!

— Якъ жэ шѣ мнѣ выйти, якъ жэ шѣ прамѡвить,—
Насъ люди знаютъ, насъ пасуждають
Да й па цѣламу свѣту!

„Пусъ люди знаютъ, пусъ пасуждають,
А я те любиў и любити буду, мой ружовый квѣте!“

231.

Вылетѣли гуси съ-падъ бѣлага броду,
Пасѣли надъ Дўнай, памутїли воу.

Бадай тые гуси марносьтю прапали,
Якъ мы любилса, тѣрасъ перастали.

Якъ мы любилса, якъ верабѣе ў стрѣси,
А якъ разышлиса, якъ ягадки ў лѣси.

Якъ мы любилса, насъ matka ни знала,
А якъ разышлиса, якъ тѣмная хмѣра.

Съ тае тѣмнай хмары дробный дожджыкъ буде,
Зъ нашу любѡсьти ничѡга ни буде.

232.

Ў чистумъ поли подъ калинаю
Тамъ казаченька убитый лежить,
Ой, Божа мой, убитый лежить,
Надъ имъ коникъ вараный стайтъ.

Надъ имъ коникъ вараный стайтъ,
Еня капїтамъ сыру землю бѣе,
Еня сваймў пану вадѣ дастае.

Ой, табѣ, кѡню, вадѣ ни дастаъ,
Табѣ, казаченьку, отъ земле ни ўстаъ.

Бяжы ты, кѡню, смугѡмъ—берагѡмъ,
Забяжы, коню, да магѡ двара.
Тамъ да те вїдѣ старѣя жана,
Старѣя жана—то мати май.

Будя йна ў тибѣ правданьки пытати,
Будя йна тибѣ абрѣкамъ витати:
 Ни кажы, кѣню, што забить ляжѹ,
 А скажы, коню, што въ войску служу.
Выслужыў сабѣ да й Волынаньку,
И ў чыстумъ поли да й магіланьку.

233.

А на поли дожджыкъ, а ў сѣнѣхъ слиска,
Падсѹнса, дяўчѣнанька, ты да минѣ блиска.
 Ни падвинуса,—матки баюса,
 Пасьтѣлку сѣтелю, спатъ кладавлюса.
А на бѣлуй пасѣтели Ясенька ляжыть,
Ў лѣвуй рѹчаньцы скрыпачку дяржыть.
 Дѣ тая дяўчина, што минѣ кахала,
 Ни такъ кахала, якъ жалавала:
 Купила конька, падаравала.
Ай, той канічакъ велькій збраднічакъ:
Вытаптаў рутаньку—цѣлыи граднічакъ.
 Ни такъ вытаптаў, яко выкасиў,
 Ясенька ў Каси вѣночка прасиў.
(Д. Мостихи, Маковлян. в., Сокольск. у.).

234.

Эй, штобы я мѣў малярѣ сваѣ,
 Вымаляваў бы милую сабѣ.
Вымаляваў бы на канцѣ стала,
 Паглядаў бы я якъ на сакала.
Вымаляваў бы хотъ на дѣщачку,
 Паглядаў бы я якъ на пташачку.
Вымаляваў бы хотъ на той сѣтянѣ,
 Надъ тымъ лѣжанькамъ, а гдѣ спати мнѣ.

235.

Вчѣрай была суботанька,
А дѣсей нидѣля, —
Чаму ў тибѣ, кавалѣру,
Кашулька ни бѣла?

— Сестра ма́ла, matka ста́ра,
Я самъ ни вымыю,
Пераплыну Нёмань—рэчку,
Стану на песочку,
Тамъ вымыю бѣлю́синьку
Самъ сабѣ сарб́чку,
Тамъ вымыю, вѣмаглюю
Ц ѣ скрыню схав́аю,
Нехай т́о́я лю́ди знають,
Што жонки ни маю.

236.

Ни ўважа́йця, дѣвачке,
Што я ашарпа́ўса,
Ба мой бацька та́кiй быў,
Та й я ѣ ягò ўдавса.
 Ни ўважа́йця, хлопцы,
 Што я дворна дѣвка,
 Хвартухъ маю паркалёвы́й,
 А тварь, якъ чахёрка.
Ни ўважа́йця, дѣваньке,
Што я та́кiй малы́й,
Маю губы, якъ цымбалы,
А носъ, якъ тромбѣ́ца.

(Им. Круглое, Роман. вол. Сокольск. у.).

237.

А ўжэ восень настала,
Эй, зимна р́бса напала.
 Зимна роса—а я боса —
 Эй, ѣ ручки, ѣ ножки озябла.
А скинь, Ясю, шу́баньку,
Эй, накрый маю ножа́ньку.
 А скинь, Ясю, другую,
 Эй, накрый минѣ самую.

(Д. Положково, Горницк. в., Гродн. у.).

238.

Ай, зъ гарэ, зъ гарэ, тамъ далино́ю,
Ѓдя Ясенька вечерыно́ю.

Ѓдя, Ясь, Ѓдя, Маня лёнь по́ля,
Яся гаво́рыть—Маня сми́ецца.

Будь ты, Марыня, Ясютку рада,
Упу́сьть коника да сваго́ сада.

„Ба твой коничакъ о́стра каваны́й,
Выдапча зэ́льля, съ карашака́ми!“

Было́ ни рубати сухой лещины,
Было́ ни любити мло́дай дяўчы́ны.

Су́ха лещина по пече скача,
Мло́да дяўчина па вѣнку плача.

(Бол. Кальсдорфъ, Роман. вол. Сок. у.).

239.

Густый гаю, густый гаю,
Да ўжэ ни прагляну,
Упусьтила галу́бавька,
Да ўжэ ни спаймаю.

Пусьти, матка, пусьти, матка,
У гай пагукати,
Ти ни пры́дя мой миленькый
Шарыхъ валбо́у па́сьти.

Пасэ́цася, шары валэ,
Ни ббйтиса воўка,
А я пайдў да дяўчины —
Ти змыта галоўка.

А ти змыта, ти ни змыта,
Абы перамы́та;
Рўса ко́са да во́ласа
Шавко́мъ перавы́та.

Ай пи, матка, тую во́ду,
Што я нанасы́ла,
Люби, матка, таго́ зятя,
Што я палюби́ла.

Ни разливай, матка, вадэ́ —
Мнѣ́ тяжка насы́ти,
Ни разлучай мине́, матка,
Зь дру́гимъ му́жамъ жы́ти.

240.

Служыла Кася ў Альббви, (Львовѣ),
А Ясенька ў Кракбви,
Кася па Ясю журыла,
Пару вяночкаў увіла.

Пару вяночкаў увіла,
На быстрый Дунай пусьтила:
Плыньце, вяночки, да млыну,
Дѣ мой Ясенька прабыва.

Ясенька зѣ млыну выходить,
Пару вяночкаў знаходить;
Пару вяночкаў, якъ злота,
То мбей Каси работа.

Плыньця, вяночки, вразъ нѣзадъ,
Да маей Каси на обѣдъ.
Касенька обѣдъ гатуя,
Яся на коню фильгуя.

Касенька обѣдъ выдае,
Яся на коню канѣе.

Што я, нищасна, зрабѣла —
Пры его смерти ни бѣла?

Скажѣтя, люди, што рабѣть:
Ти мнѣ па Ясю тужыть,
Ти харашенька хадѣть?

— Хадѣ, Касенька, ў зелѣни,
Та пбйдишъ замужъ въ ясени,
Хадѣ, Касенька, у сѣни,
Та пбйдишъ замужъ у зѣми.

241.

Ай, въ Янбви на рыначку
Слахатъ навѣна:
Маладая бандарбвна
Привялѣ сѣна.

А ў нидѣлю ранюсенько
Сына радѣла,
Ў панидѣлакъ ранибтанька
Ў Дунай пусьтѣла.

„Плывай, плывай, мой сынаньку,
На ўсихъ бирагахъ,
Пашла шъ мая ниславанька
Па ўсихъ старанахъ!“

Заказаў панъ ўсिमъ паненкамъ
Да сонду несці,
На свайхъ галованькахъ
Вяночки несці.

Ўси паненки, ўси паненки
Да сонду ишли,
На свайхъ галованькахъ
Вяночки несли.

Адна тая бандаровна
Ена ззѣду йшла,
На свайй галованьцы
Винка ни нисла.

Ена ўчѡра зъ вечѡра
Хвѡра была,
На сваю галованьку
Винка ни ўвила.

242.

„Ай, дѣванька-рыбанька, дѣ идэшъ?
Скажы, скажы праўданьку, дѣ жывэшъ?
— На томъ бакѹ рѣчаньки, для вадѣ;
Збудавала хатаньку зъ лебедѣ.

Паставила хатаньку, хатицу
Зъ нимудраго деравца—зъ метлицы.
Паставлю я кроквицы на хати
Ни зъ мудраго деравца—зъ метлицы.

„Ай, дѣванька-рыбанька, атчинй,
Сама сабѣ крывданьки ни чини!“
— Ай, ни буду, ни буду атчиняць,
Ба ты схѡчашъ нѡчаньку ў мине начавать!

„Ай, дѣванька-рыбанька, ни буду,
А якъ зыдѣ мѣсячикъ, паѣду.
А якъ зыдѣ мѣсячикъ и зара —
Бывай, бывай, дѣвчина, здарѡва!“

243.

„А што жа ты, мая сестра, думала,
Якъ на тую узку кладку ступала?“
— Ай, думала, мой братіюку, танути,
Ни за тую п'янічаньку идучи.
А п'яніца-низбажніца ў каршмѣ п'є,
А якъ прѣдя да дѣманьку, жонку б'є.
Якъ прыѣхаў мой братіюка зъ Альбѣва,
Пытанца, ти п'яніца у дома.
„С'ѣтиха, с'ѣтиха, мой братіюку, гавары,
Хатя маю п'янічаньку ни збуди.
Якъ ты маю п'янічаньку разбудишь,
Та ты маю галѣваньку патрудишь!“
— Ой, прывыкай, мая сестра, прывыкай,
Та празъ дзвері, празъ вакѣнца умыкай!
„Ай, ўмыкала, мой братіюку, ўмыкала,
Ў сусѣданьки падъ вакѣнкамъ стаяла.
Ни смѣла я сусѣданьки будіти:
Будя мне сусѣданька судіти“.

244.

Літiць, літiць, да й дѣвѣ гусаньки,
Да абѣдѣви бѣлюсіньки.
„Станьце, станьце, да ни лятѣце,
Да й за мною пагаварѣце:
Ти ни былі на маёй старанѣ?
Ти ни плача бѣтцѣ; матка па мнѣ?“
— Плача, плача, забиванца,
Слѣзанькамі абліванца:
Діця маё да й раднісінька!
Якъ тамъ табѣ да й нуднўсінька,
Празъ парѣги пірахѣдзячи,
Чужымъ людямъ да й нагѣдзячи.

245.

Зімачка шъ мая, марозлівая,
Прашу я тѣбе, ни змарозъ мне,
Пахѣдамъ йдучи, машарўючы,
У правуй ручаньцы шаблю нисучы.

Шабилька мая ахвицёрская,
Красатà мая кавалерская.

Дарую матцы каня варанбга,
А сястрè раднбй персьтинь залатой,
А шальмѣ-жанѣ пугу дратянѹ (дротяную),
Ба шальма-жана ни вѣрна была:

Медь-вино пила, каню давала,
Конь вина ни ниў—на траву палиў.
Та й тая трава разгарэласа,
А шальма—жана ражжурыласа.

Ўжэ шь магб каня да стайни вядуць,
А шальму—жану да грббу кладуць.

246.

Ни падумати, ни пагадати,
Каго па матку паслати.
Паслать салавья зь дбўгага сила
Ў борь па матаньку.

Паслать зязюлька, зёткую иташку:

Ляти ў барбчакъ, сять на жовтый пясбчакъ
Да й закуй галаснёнъка!

А ще зязюлька ни далитая,
А ўжэ матанька прамавляя:
„Ни магу ўстати, раданьки дати,
Да свагб я дитяти!

Мае вочаньки шавкомъ зашыты:

Ни магу я праглянуть.

Мае губаньки замурдаваны:

Ни магу я прамовить.

Мае нбжаньки шавкомъ звязаны:
Ни магу я ўстати, раданьки дати,
Да свагб я дитяти!“

247.

Па новыхъ сѣняхъ хадїла,
Свае сыночки будила:
„Ўстаньте, сыночки, ни спете,
Сваю сестронку ганете.

Ай, даганёте ў поўлѣсу,
Та ни рабёте гбласу!“
— Ай, ни вернуса, братецъ мой,
Ба я згубила винець свой!
„Будимъ, сестронка, тайти,
Будимъ въ виночку хадіти!“
— Ай, ни ўтбишъ, братецъ мой,
Ба я стратила винець свой!

(Им. Мостихи, Сокольскаго у.).

248.

Ой, у мѣсьти Бресьти, ў слаўнамъ гбради,
Тамъ стаяла войська, войська маскўўська.
Шапэреди войська маёръ палкавоў.

„Чаго тужишъ, плачешъ, салдатъ маладой?“

— Якъ жа жъ мнѣ ни плакаць,

Якъ жа жъ ни тужыць:

Ато каля мене три листы ляжыць.

Ой, адинъ листочыкъ—матуля бальна,

Ай, другіі листочыкъ—ойчынька памёръ,

А третій листочыкъ—жана прочъ пашла,

А мнѣ маладому жэлю задала!

„Ни плачь, салдатку, ни плачь, маладой!

Тольки ано три дни, якъ у раду быў:

Ато твой ойчынька такъ, якъ дубочыкъ,

А твая матуля такъ, якъ калина,

А твая жонка сына раділа,

Тябе маладога ў госьти прасіла“.

249.

Ой, съ падъ гаю, съ падъ зялёнага

Вылітило дивятіра штушаняць,

Поняслі яны гасударскій приказъ,

Штобъ гасударъ бѣлу бумагу писаў,

По ўсёй Польщи па губэрняхъ разаслаў:

Штобъ рэкруты сабіраліся,

Штобъ падъ мѣру станавіліся.

У кагò два браты, то пявольна ўзяць,

У кагò штэри, то хотъ зараць два бери.

Старшій братиць выкуповуйтца,
А сяредній выгаворуйтца,
Самый мѣньшій выбирайтца.
Плача братиць, ямѹ каня видучи,
Плача ойтиць, сядѣлушка кладучи.
Плача мѣти, прибираючи:
Плача систра, выпрауляючи.
„Ахъ, мой братиць, мой наймѣльшанькїй!
Прибудь, прибудь хоть разъ въ госьти на рачокъ
(годокъ)“.

— Ни ў такія сястрѣ, руки я папаў,
Штобъ да смерти атца й матку павидѣу.
Каля бору та дарѣжка идѣть,
Да й тудю усе рѣкрутовъ жануть,
На рѣкруты по сту пѣлакъ нясуть.
Бѣдшый рѣкрутъ адну дѣнюжку имѣу,
Епъ и тую аддау на барабанушки,
Штобъ барабанъ ямѹ ў зоры выбивау,
Ойцу й матцы да й на жѣлабу,
Гасудару на парѣдаванья.

250.

Ай, у поли вирба,
И падъ ею вадѣ.
Тамъ дѣванька вадѣ брала,
Харашѣя, маладѣ.

Дѣўка воду бяре,
Казакъ кѣня вадѣ,
Пытайтца казакъ дѣўки:
Куды дарѣжка идѣ?

Пашлѣ гѣта дарога
Па край магѣ гарѣда,
Па край таѣ гуличаньки,
Дѣ палкуўникъ стаить.

„Вы салдаты маѣ,
Вы рѣкруты маѣ!
Заспивайтя тую пѣсню,
Катѣра харѣша мнѣ!“

— Ажанися, сынку, вазьми сабѣ жонку;
Вазьми сабѣ да й жѣначку—ахвицѣрську дочку!

— Ахвицэрска дачка ни май рүүначка:

Ходить, ходить па гулавьцы, якъ каралюначка.

А ни зъ ею пастаять, а ни зъ ею пагадять,

Тольки стати, шапку зняти,

Да й „день-добрый“ сказать.

— „Добрый вечаръ людямъ добрымъ на чужой старань!

Тя аддасй, май матка, сваю дочку за мянэ?“

— Жалка, жалка, мой сьняку, тваго добрага славца:

Май дочка ни людская—ходить на ночь да шавца!

„Ни бось, мати, ни бось, мати:

Буду бити и карати, будя ў дома начивати,

Лёскавая (орёховая) дубяжина будя запняти“.

(Д. Леоновичи, Волков. уёз.).

251.

(Вариантъ).

Ай, у поли вярба,

Падъ вярбою вада,

Тамъ дяўчына ваду брала,

Харашая, малада.

Дёўка вёду бярэ,

Кбзакъ коня вяде,

Пытаицца у дяўчыны:

„Скуль дарожанька йде?“

— Ой, дарожанька йде

Сь-падъ Дунаю, сь-падъ раки,

Сь-падъ вишнёвага саду,

Гдѣ стаяли три палкы“.

Самъ палкоўникъ стайть,

У рукахъ списы дяржыть,

Маладыя малойчики

У парадъ станають.

„Ахъ, вы хлопцы мае,

Навабранцы мае!

Заспывайтя тую пѣсню,

Што харбшая мнѣ!“

Далѣ отдельной пѣсней:

„Па садочку хаджѹ,

Рўту-мяту саджѹ,

Дакўль, дакўль, май матка,

Ни жанаты хаджѹ?“

— „Ажаніся, сѣнку,
Памагай табѣ Богъ:
Вазьми жонку—Вольнушку,
Ахвицѣрску дачку!“

— Ахвицѣрска дачка
Ўсе вирѣўня май:
Ходить яна па рыначку
Ўсе заручаная.

Ни мнѣ зь ёю пастаяць,
Ни мнѣ зь ёю пагадаць,
Ни мнѣ, зь ёю сашѣдчися,
„Добры вѣчоръ“ аддаць.

„Добры вѣчоръ увсिमъ людямъ
На чужой старанѣ.

Ти аддаси, мая матка,
Сваю дочку за мянѣ?“

— Дякуй, дякуй, мой сынѣчку,
За харѣши слаўца, —
Мая дочка распўсначка:
Ходить на начь да шаўца.

„Ни бѣсь, ни бѣсь, мая матка,
Охъ, ни будить хадить:
Ёсьць у мянѣ нагаюшка, —
Яна яе адучить;

Ёсьць у мянѣ нагаюшка
Сь сыраўцова рамянца:
Будя, будя начавати
Твая ў дома дачка.

(С. Горностаевичи, Волкоў. у.).

252.

Ой, у полі яліна,

Ой, у полі яліна,

Ой, у полі, край Дунаю, яліна.

Наѣхали казакі, (2 раза)

Наѣхали, край-Дунаю, казакі.

Стали ночку начевать, (2 раза)

Стали ночку, край-Дунаю, начевать и т. д.

Яркої агонь раскладать,

Вячѣрушку наставлять.

Па вячэри ляглі спаць
Ўсё казакі паснулі,
Адинъ кóзакъ ни заснуў
Пашоў, каня излавіў,
Излавіўши, напаіў,
Напаіўши, асидлаў,
Асидлаўши, ёнъ самъ сёў,
Усю вармію праўхаў.
„Уставайця, казакі,
Пара на вайнў ступаць.
А штобы намъ Богъ памóгъ,
Тагó турка званваць,
Ягó землю адабраць,
Айца й матушки видаць.

253.

Пакатіўся туманъ па далу,
Гей-и-гей, да гей, туманъ па далу!
И а ў томъ тумани
Три палкі стаіць,
Гей-и-гей, да гей, три палкі стаіць.
А ў аднóмъ палўшку
Коники вржаць,
А ў другóмъ палўшку
Шабельки звиняць,
А ў трейтёмъ палўшку
Братъ брата забіў.
А забіўши братійка,
Сёў листы пісаць.
Написаўши листочки,
Стаў да маткі слаць.
Ой, ни ўспёла матушка
Листоў расчитаць,
Да й на свайгó сыночка
Сильна нарикаць.
„А мой жа-жъ ты сыначку,
Што ты нарабіў?
Да й ты свайгó братійка
Да й на смерць забіў!“

— Ой, я табѣ, матушка.
Усю праўду скажу:
Ой, вѣхали мы зь імъ
На паненьскій дворъ,
Звалилася шапанька
Зь галованьки ў долъ.
А я ў яго спрашиваў,
Кабъ шапку падаў,
А ёнъ жа мнѣ шапаньки
Да ёнъ ни падаў,
А я яму шабилькай
Галованьку зняў,
Гей-и-гей, да гей, галованьку зняў.

254.

Ой, паслала мянѣ мати (2 раза)
У лѣсъ калину ламати.
Калинушка схинўлася (2 раза),
А я молада жжахнўлася.
„Пастой, дѣўча, ни жахайся,—(2 раза)
Ти умѣишь пасьтѣль слати?
Умѣтимишь пасьтѣль слати, (2 раза)
Да ни будишь на ей спати.
Стайтимишь кала ложка, (2 раза)
Да й забалить табѣ ножка,
Стайтимишь кала друга, (2 раза)
Да й забалить табѣ друга!“
Тоя мати дачўлася, (2 раза)
Стала инѣ листы писать.
Стала мати листы писать (2 раза)
Да да дачкѣ пасылати:
„Ни гляди, дачка, милога, (2 раза)
Вярнїся назадъ да дому!“
— Ой, якъ жа мнѣ ни глядѣти, (2 раза)
Ой, абсѣли мянѣ дѣти,
Ой, абсѣли мянѣ дѣти, (2 раза)
Якъ калинушку у цвѣти.
Было жъ мянѣ ни давати, (2 раза)
Было жъ мянѣ прикапати

Надъ зялёной бучинбю, (2 раза)

Якъ я была дяўчинбю.

То бъ ты мянѣ призабыла, (2 раза)

Што я ў тебе дачка была.

255.

Ой, пасѣю я жита жменю,

Другую ячменю, —

Ой, завязала жъ май лиха дѡля

Рўчаньки бизъ раменю.

Ой, рамбнъ-зельля, рамонъ-зельля,

Да ў кудравачки вѣтца,

Ой, дѣсь май лиха дѡля

Битымъ шлягамъ валачѣтца.

Ой, нихай идѣ, нихай идѣ,

Нихай валачѣтца,

Тамъ за рўчаньку, тамъ за быструю,

Тамъ за Дунай забѣтца.

Ой, я думала маладѣнькая,

Да што збращка зрѡя,

Ажъ то жъ милый, чарнабрѣвый,

На сѣвамъ канѣ грѡя.

Ой, пакидѡй милый, пакидѡй милый,

На сѣвамъ канѣ грати,

Ой, прашу́ тебе и кличу тебе

Да сябѣ вячѣрати!

— Вячѣрай, мила, вячѣрай, мила,

Да й вячѣрай здарѡва,

Ўже мнѣ заказана, ўже мнѣ записана

На Украинну дарѡга.

Табѣ дарѡга, табѣ дарѡга,

А мнѣ гасѣтѣницъ битый;

Табѣ хўстачка, табѣ бѣлая,

А мнѣ вянѡчакъ звитый.

256.

Ой, зацвила калинушка ў лузи,

Тяпѣрь май галѡванька ў тузи,

Ой, паламалася палица у плузи.

Ти йсьти мнѣ да лѣсу палицу часати,
Ти йсьти да дяўчины на ўсю ночь гулати?

Кину палицу въ зялёну крапиву,
А самъ да дяўчины на ўсю вичаріну.
Казаченька къ брами падъижжяя,
Малала дяўчына браму зачиняя.

„Дяўчинанька, атчини мнѣ браму,
Пустьти казаченька да да свайгò дому!“

— Няхай табѣ тая браму атчиняя,
Катора съ табою размòваньку мая!

„Дяўчинанька, атчини мнѣ стайню,
Я сває коники на стайни пастаўлю!“

— Ой, я стайни да ни станавила,
Кабъ я тває кони на стайни ставила!

„Дяўчинанька, атчини мнѣ сѣни, —
Мянè маладòга сабаки заѣли!“

— Няхай ядуть, няхай заядють,
Мянè маладёнскую йншія кахють!

257.

А ў нòвай дяреўни салдаты стаяли,

Вохъ люли-люли, салдаты стаяли,

Да ўсè маладыя, да ўсè прекрасныя,

Адинъ Василюшка, а другій Иванюшка,

Другій Иванюшка, трейтій Стифанюшка.

Стифанюшка хòдить, на скрыпаньцы грая,

Василюшка сядить, сестру забаўляя:

„Расьтй, расьтй, сестра, тонка, висока:

Аддамъ тябè замужъ ў новую дяреўню,

Ў новую дяреўню, въ вясёлую сямью,

Въ вясёлую сямью, ў багатую хату,

Й а ў багатай хати люблю пахажати,

Дѣ заловиць многа, люблю жита жати,

Дѣ девяровъ многа, люблю жартавати.

Хто табѣ харòшій?—Ясинька харòшій!

Хто табѣ пригожій?—Ясинька пригожій!

Кала стайни хòдить, стайню атчиняя,

Стайню атчиняя, коника сидляя.

На каня садітца, то конь висялітца,
Кала бруку ёдя, бруки абрастають,
Кала саду ёдя, сады расцвитають,
Сады расцвитають, пташачки спивають,
Вохь люли-люли, пташачки спивають.

258.

Ни сячи дуба, да й зялёнага, (2 раза).
Ни давай мянè да й за старага. (2 р. и т. д.)
За старымъ буду—гаравать буду,
Зь маладымъ буду—красавать буду,
Па вишнёвымъ саду пажажать буду,
Суху рыбаньку гатавать буду.
Суха рыбанька ни ўварилася,
Я съ свякроўкаю пасварилася.
А сягодні я пасварилася,
Назаўтра рана пагадзілася.

259.

Кажуть люди, што мой мужь добрый,—
Бадай яму такій вёкь доўгій!
А я яму кашулиньку шію,
А ёнь мянè кулакомъ у шію.
А я яму да й бялёнькую,
А ёнь мянè маладёнью;
А я ягó ись карчмы валакў,
А ёнь мянè булавою па бакў.

260.

Тёмна ночка нявидная, (2 раза)
Вохь, тёмна ночка нявидная!
Сонь галóўку размаряя (морить),
Конь вароньй спатыкаа,
На даліну припадаа.
Пуцу каня на даліну, (2 р.)
А самь лягу на часину,

На часиву, на малую, (2 раза)
На гадівушку другую.
Гадіванька щаслівянська, (2 р.)
Пришла къ ямѹ дяучіванька,
Да й вырвала травичиньку, (2 р.)
Ударила па личаньку.
„Вставай, казакъ, полна спати, (2 р.)
Бдуть турки ваввати,
Твойго каня забирати.
Каня возьмутъ, другий будя. (2 р.)
Тябѣ забьють, жаль мнѣ будя!“
— Мўси, дѣўка, мянѣ любишь, (2 р.)
Кали рана мянѣ бўдишь?
„Кабъ я тябе ни любила, (2 р.)
То бъ я рана ни будила.
Я те, казакъ, вѣрня люблю, (2 р.)
Я съ табою край свѣтъ прайду!“
Вохъ ты, дѣўка маладая, (2 р.)
Маладая, ты дурная:
Будишь хадить, ўсѣ блудити, (2 р.)
Па ўсѣмъ свѣти ўсѣ брадїти.
Будишь хадить, нарикати (2 р.)
Сваю долю праклинати.
Ўсѣ жаўнѣры карасѣры (2 р.)
Скора ў паходъ заказали,
Скора ў паходъ заказали, (2)
Намъ падарачки давали.
А тамъ люди ўсѣ гардїя, (2)
А мы хлопцы маладїя,
А мы хлопцы маладїя, (2)
Кони наши вараня,
Кони наши варанїя, (2)
Сѣдлы наши залатя.
Сѣдлы наши золотя, (2)
Бичи наши шавкавїя,
Бичи наши шавкавїя,
А мы хлопцы маладїя.

(М. Изабеллино, Волков. уѣз.)

Запись 1871 г.

261.

Гей, съ-падъ гаю съ-падъ зелѣнаа (зеленаго)
Вылетая жоўтакрыла пташачка,
Гей, гей, жоўтакрыла пташачка.
Вынасіла гасударскій указъ.
Што у довушки тры сынбчки раслò.
Пашлй яны да ў вишнѣў садъ гулять,
Да вѣрызали сабѣ да па дўдаццы:
Катòраа (котораго) да галаснѣй будя йграць,
Таò (того) трѣба ў царску службу аддать,
Гей, гей, ў царску службу аддать.

262.

За Буланавай рако́й стаяў гула́нъ маладо́й.
Ёнъ ни пиў, ни гуляў, сваò коника пасаў,
Су́ху траўку рваў, да на агòнь ускладаў.
Пирадь смертю гула́нъ размаўляти стаў,
Сваò тяжкія раны пиравязывати стаў,
У варанба каня да разпытывати стаў:
Ай ты, конь, да ты мой, бяжы па дарòжцы дамòй.
Ма́й мама стòра, варòты атчиняла,
Да у варанба каня разпытывать стала:
„Ахъ ты, конь, да ты мой, дѣ таваришь твой?“
— Ахъ, таваришь мой за Буланавай рако́й;
Ой, забила яго куля быстрая,
Ой сы́тала галаву шабля гострая!

263.

Ў чистумъ по́ли вѣтирь вѣя,
Вѣтирь вѣя, павива́я,
Сбу́ца грѣя, прыгрыва́я.
Ба́тька сына выпраўляя:
Ё́дь ты, сынку, ать мине́,
Бо выпада́я на тибѣ.
Старша систра каня вяде́,
А сирадо́льша сядло́ нясе́,

А сама меньша зъ братамъ идѣ,
Порце нясѣ и разпѣтывая:
„Каля, братя, ў гасѣтяхъ будишь?“
— Вазьми, систра, пяску зъ гары,
Да пасѣй пясокъ на камѣни;
Екъ съ пяску рута зыдѣ,
Тайды братиць ў гасѣтяхъ будѣ.

(Волковск. у.і.)

264.

Стаяла бероза тонка да высѣка,
Гей-гей, тонка да висока!
На корень ина глыбѣка,
На лисѣтя широка, гей, гей и т. д.
На гэтай берозы ўсѣ й кукобушки кують,
Ўсѣ й кукобушки кують,
Да салавѣйчыки свищуть,
Салавѣйчыки свищуть,
Ўсѣ й малѣйчыковъ вищуть.
Екъ свистали, такъ свистали,
Малѣйчыкавъ изыскали.
Малѣйчыкавъ изыскали,
Назадъ рѣчаньки звизѣли.
Назадъ рѣчаньки й звизѣли,
Па хурманачки паслалі.
Самы сѣли па задѣчку,
Ракрутѣка ў пѣрадѣчку,
Сѣры кони паганѣйтя,
На ракрутѣка паглядѣйтя,
Штобъ и кони ни ўтамили,
Ракрутѣка ни згубили.
Вязуть мянѣ да прѣму,
А я думувъ, што й да дѣму;
Вязуть мянѣ да палѣцы (полиціи),
А я думувъ да сястрицы;
Вязуть мянѣ да машыны,
А я думувъ да радзімы (родины).
Пасаділи на сталѣчку,
Брѣють маю галѣвачку.
Адинъ кажа: брѣй затылакъ!

Другій кажа: брїй до луба!
Штобъ да дому ни ўтикавъ,
Атцу жалю ни задававъ,
Матцы слёзакъ ни ўранявъ!
Лѣпшы дома цѣпамъ бухаць,
Екъ на вайнѣ мўштравъ слухаць.
Лѣпшы дома грабелькамі,
Екъ на вайнѣ шабелькамі.
Лѣпшы дома хлѣбъ авсяный,
Екъ на вайнѣ пытливáный,
Гей, гей, екъ на вайнѣ пытливáный!

(М. Свислочь).

265.

Ти ты, казакъ, ўпїўса, ти зъ дарбжкн збїўса,
Варанбму конику на гриво схилюса?
Кала кбня хбдїть, да кбня гавбрїть:
„Прадамъ тибѣ, кбню, за малую цѣну,
На мѣдъ, на гарѣлку, на харошу дѣўку!“
— Ни прадай ты мянѣ, здумай самъ абъ сїбѣ:
Кудеми ўтикали, дѣ мы прабывали:
На Прускуй границы, да ў царскуй зямлицы!
Кудеми ўтикали кразъ ббры, кразъ лясы,
Кразъ той гай зялёный, кразъ садокъ вишнёвый.
А въ вишнёвумъ сади братъ съ сястрою хбдїть,
Братъ съ сястрою хбдїть, патїху гавбрїть:
„Ахдамъ, тябе, сѣстро, да ў чужыя люди,
Да ў чужыя люди, да ў нову дярѣўню,
Да въ вялику сѣмью, да ў багату хату,
Куды буду ѣздїть, буду заѣжджати, здарбва пытати:
Да ти жыва, сѣстро, да ти здарбва?“
— Ой, жыва, жыва, али ни здарова,
Ни здарова, пабита галбва,
Кашуленка бѣла крбўлю акїпѣла,²
Хвартўшекъ билѣнькїй атъ слѣзакъ макрѣнькїй.

(Волковск. у.)

266.

Ни ходи, казача, кругомъ бирагами,
Ни сушы сардэнюшка чорными брывами:
 Чорны брови маю, да ня ажанюса,
 Ой, пайдѹ да рэчаньки зъ горушка ўтаплюса!
Ни тапѣсь, казача, бо душѹ загубишь,
Вѣма, павиньчаймаса, вѣрнинька сардэнька.
 Вхали виньчатца—нимà папà ў дома:
 Тя тваѣ нищасьтя, ти май нидоля,
Идѣмъ, сардэнька, да ў чистая поля!
Пашбѹ казакъ гарою. дѣвка далинбою,
Разцвѣи казакъ рѣжаю, дѣвка калинбою.
 На казаку рожа стала псыхати,
 На дѣванцы калинушка стала разцвитати.
Прышла яѣ мати калину ламати:
„Устань, устань, Марўсянька, да свайгѹ дитяти!“
 — Ни магѹ устати, ни ручакъ разняти:
 Сыра земля, смѹлна дѹшка—тяжанько устати.

267.

Павѣнь, павѣнь, буйный вѣтру, да зъ за крутой гарѣ,
Прыбуди, прыбуди, мой милый чарнабрѣвый, да съ щужой
[стараны!“

Якъ я маю павивати, кали крутая гарà,
Якъ я маю прыбывати, кали чужая старана!
Я думала, што мѣсячикъ свѣтитъ,
Ано милый чарнабрѣвый па сивумъ капѣ лѣтитъ.
„Гѹди, милый чарнабрѣвый, на сивумъ канѣ литатъ,
Иди да мянѣ маладѹи вячѣраньку вячѣратъ!“
— Ой, вячѣрай, май милая, адна,
Ёсьть у мянѣ луччи твѣѹ, нагатѹя дѣи мянѣ!
Ой, ёть сабѣ, мой мѣлянькѣи, гдѣ вячѣру згатавѣвъ,
А я пайдѹ шукать сабѣ, што за мною (со мною) гаварѹ.
Теперь я маладѣнька ни дѣванька, ни ўдавà,
Люди кажутъ и гаворать: ахвицѣрская жанà!

268.

Люблю я уланика, люблю маладѹга,
Дарую я уланику канѣ варанѹга,

Каня варапога. сядѣлачка нова
Справлю я, Марусица, камбраньку нову,
Камбраньку нову, весь дворъ на памбѣсти,
Прыжджай, уланику, хоть да мянѣ ў госьти.
Еще ни прыѣхаў. а назадъ адѣжджая,
Маладая Марусянька ўжэ плача, ўрыдая,
Маладога уланика зъ дому ни пушая:
„Пыраначуй, уланику, хоть почку за мною!“
— Я ратъ, Марусица, почку начавати,
Да баюса, Марусица, кали бѣ ни заспати.
Збуди мяне рана, еще ни свитала.
Штобы барабанщики ў барабанъ ни били,
Штобы музыкантики на скрипкахъ ни грали!
Прачнувся уланикъ, аношъ свѣтъ бялѣнькій:
Ахъ ты, разпраклятая, што ты парабѣла,
Маладога уланика рана ни збудила:
Ужэ барабанщики ў барабанъ забили,
Ужэ музыкантики на скрипкахъ заграли!
На табѣ, уланику, чырвонага шолку,
Ужэ тябе, уланику, ни прымуць да пѣлку.

269.

Ой, пайдѣ я лугамъ, лугамъ,
Гдѣ мой милый гарѣ плугамъ.
А ёнъ гарѣ, а я плачу,
Што нищасну долю бачу.
Ой, пайдѣ я ў камяницѣ, накапаю каранѣцу.
Пирамѣю на рацѣ да напару ў малацѣ,
Да панясѣ мужу ѣсьти, ти ни скажа ёнъ мнѣ сѣсьти.
Ёнъ наѣвся, ёнъ напився; да на ролю павалився.
„Чаму, мужу, ни гарѣшъ, чаму да мянѣ ни гаворышъ?“
— Якъ мнѣ табѣ гаварѣти, кали мнѣ трудно жыти.
А я стану падумаю, што ни сваю парѣ маю.
На што мяне сватаў у начѣ, капъ выпирила табѣ вочы,
Было свататъ ў бѣлыи день,
Было пытать добрыхъ людей:
Наши люди ни татары,
Усю правданьку бѣ рассказали.
Хоть ни любя чарнабрыва, да работы ни лянѣва.

270.

Въ вышнёвымъ садочку (2 раза каждая строчка)	За дворъ выижжяя, Сестру спатыкяя
Братъ съ сястрою ходить,	Пытанта сестры:
Тихинька гаворить:	Ти жыва, здарова,
„Выдай мянѣ замужь	„Ти добрая жытя?“
Ў чужую дярвеню,	— Ни пытайся, братка,
Ў багатуу хату	Ти жыва, здарова,
Въ велькую дружину,	Да пытайся, братка,
Кабъ я тамъ хадила	Ти добрая доля?
И усимъ дагадила,	Хустынька бяленька
Да тибѣ, браточку,	Ать слюзакъ мокрѣнька,
Ў госьти прихадила!“	Кашулѣнька бѣла
Жджэ братка нядѣльки,	Кровью акипѣла,
Жджэ братка другою.	Хвартушакъ шырокій
На трейтей нядѣльки	Ни сходить на бѣки.
Каня асидлая,	(С. Верейки, Волков. уѣз.).

271.

Па садочку пахажаю,	Стайть милая, якъ злѣта,
Да самъ сибѣ разважаю,	Падѣжжаю падъ акѣнца, —
Што далѣка милу маю,	Стайть мила, щира сѣрца,
Ни да ѳе листъ писати,	Падѣжжаю я падъ сѣни, —
Ни да ѳе каня слати.	Стайть мила на папѣры,
Листъ писати, люди бачать,	Подѣжжаю падъ ганѣчекъ,
Каня слати, — мѣсяць свѣтитъ.	Выди, выди, каханѣчка!
Подѣжжаю падъ варѣты,	(Д. Жарна, Волков. уѣз.)

272.

Бѣли бни въ Ябланѣви,	„Устань, устань, сѣнку Яську,
Пѣли ѳтку шаўковую,	Да запраги ты паозку,
Пѣли, ѣли, ни платили,	Да заѣтъ ты паўдарѣги,
Младу Касю намавѣли.	Да нарѣби имъ трывѣги,
На пабзку посадили,	Да заѣтъ ты у паўлясу,
Да Аршава аташчѣли.	Нараби ты имъ галасу!“
Встала мати да съ пасьтѣли, —	Да Аршава даяжжѣли,
Нѣма Кася на кудѣли.	А въ Аршава ѳси пастѣли,

Младу Касю ўси пазна́ли, „А день добрый, Кася наша!
Злата, срэбра адабра́ли. Дѣ падѣла швагра Яся?“
Ходить Кася па рынб́очку, — Швагеръ Яся у пивніцы,
Носить д́ітя ў хвартушб́очку. Піе пиво у шклянніцы.

Д. Занцевичи, Верейков. вол. Волков. уѣз.
Запис. отъ старухи).

273.

Пзъ гаю, гаю казакъ выижжа́я,
У лѣвай р́учаньцы скр́ипаньку трима́я,
Струна стру́ни гб́ласъ надава́я,
Сьт́иха мати сына навуча́я:
„Азми, сынку, казацку нагайку,
Слиши милу, якъ чорную галку!“
А зъ змирка́нню святліца звині́ла,
А пу́вочи милая ўмира́ла,
А свитанку прибра́на лижа́ла.
Стайт́ь миль, якъ вора́нъ чарне́нькій,
Ляж́іть мила, якъ лебидь бяле́нька.
„Ой ты, мати, пара́дничка ў хати!
Пара́дила, якъ милу списа́ти,
Пара́дь минѣ, гдѣ яе схавати?“
— Схавай, сынку, въ вышнѣвумъ садочку,
Паса́дь на ей хоть калино́чку:
Будуть табѣ калины рад́іти,
Будишь да яе што-дня прихад́іти.
Паѣду я торгу таргавати,
Будуть мяне шва́герки пыта́ти:
„Ти здаро́ва Гану́ленька наша?“
— Ой, у по́лю пшани́чиньку жала,
Пшани́чинька ручку налягала.

(М. Свислочь).

274.

Ой, паві́ўса баркунъ да съ травою,
Ажани́ўса стары́й зъ маладо́ю.
Пашо́ў ста́рый да ў по́ля гарати,
Маладая да карчмы гуля́ти.
Иде ста́рый да съ по́ля зъ гараня,
Маладая съ карчомки зъ гуля́ня.

„Дѣ ты, мила, дѣ ты пабижала,
Ти ты ў карчмѣ зъ роду ни бывала?“
— Ни разъ, ни два, ў лѣси начавала,
Съ калиною сътиха размаўляла:
„Ты, калина, о ты, жбўтый цвѣтя,
Скажи, скажи, якъ мнѣ жить на свѣти:
Ти мнѣ млбдай въ вадў патанўти,
Ти да рбду назатъ павярнўти?“
— И у вбду глѣбій ни патапай,
Сваймў роду ниславы ни задавай.

275.

„Ой, татулю, татулю, камў каня купўишъ .
И такъ жаласна плачишъ?“
— Гэта табѣ, сўнаньку:
Ты паўдишъ на вбйнаньку, на чужую старбнаньку!
„Ой, матулю, матулю, камў шїишъ кашўлю
И такъ жаласна плачишъ?“
— Гэта табѣ, сўнаньку:
Ты паўдишъ на вбйнаньку, на чужую старбнаньку!
„Ой, систрбнка, систрбнка, камў рубишъ хўстачку
И такъ жаласна плачишъ?“
— Гэта табѣ, брбтаньку:
Ты паўдишъ на вбйнаньку, на чужую старбнаньку!
„Ой, братўню, братўню, камў капя сидланшъ
И такъ жаласна плачишъ?“
— Гэта табѣ, братаньку:
Ты паўдишъ на вбйнаньку, на чужую старбнаньку,
Панясешъ свае ношки на турецкїя дарбшки,
Панясешъ свае плѣчки на турецкїя мѣчки.

(Волков. уѣз.).

276.

✓ Якъ никбму такъ, никбму,
Якъ бурлаку маладбму!
Гэй-гэй, якъ бурлаку маладому.
Бурлакъ поля абрабляя,
Ажъ потъ вочи заливая.
Гэй-гэй, ажъ потъ вочи заливая.

Пры́дя дамо́й—хазя́й ля́, хазя́юшка нарака́я:
„Дѣ ты, бурлакъ, валачи́ўся, што па поя́сь абмачи́ўся?“
— Па гарба́дахъ, па пшаница́хъ, па харо́шыхъ мала-
[ди́цахъ!
„Ступай, бурлакъ, на хвата́ру, дасе́ть хазя́юшка вяче́ру!“
— Тры дни ў печи ни налила, вячерати ни варыла:
А ни барщу, ни галушакъ, лажы́сь, бурлакъ, бизъ падушакъ!
Еще бурлакъ ни лажы́ўся,
Ўжэ хазя́инъ прабуды́ўся.
„Ўставай, бурлакъ, валы́ гнати, ўжэ часъ-пара́ устанати!“
Еще ни часъ и ни пара́, и ни зышла ясна зарá.
Устаў бурлакъ патихе́нъку, пагнаў валы́ памале́нъку.
„Валы́ шъ маё палавья́, ёжча траву шавкав́ую,
Пе́тя ваду́ зраёв́ую, знайтя́ службу бурлацќую!“
Тамъ па́дъ лѣсамъ, та па́дъ гаёмъ,
Бѣлы́й сняжо́къ выпада́я,
Бурлакъ ноги падыма́я.
Бурлакъ ноги падыма́я,
Айца й матку пра́клина́я:
„На што шъ мине́ паради́ла,
За бурлака ахрысьтила?
Ти такія кумы брали, щасья́-доли ни давали?
Гэй-гэй, щасья́-доли ни давали.

(Волков. у. Пѣсня очень распространенная).

277.

Вышла зора́ изъ вече́ра, разыгралася.
— „Дѣ ты, милый, чарнабры́вый, выбира́нсься?“
— Выбираю́сь, мая́ мила, въ вяли́ку даро́гу!
„Пираначу́й, мой мили́нъкій, хоть одну но́чаньку за мною!“
— Ой, радъ ба я, мая́ мила, хоть чатыры начавáть,
Да баюса, мая́ мила, капъ пахо́ду ни ўтирать.
— „Ни бось, ни бось, мой мили́нъкій, я ты рана разбуджу́:
Якъ першы́й пѣвинь заспивая, я ў дарожку нараджу́!“
— Вставай, милый, чарнабры́вый, бо сусѣди малатя́ть,
Бо тваё вѣрны слухки на паво́зцы сидя́ть,
Шувко́выя павадочки ў правыхъ ручкахъ диржа́ть.

(Д. Незбодичи).

278.

А што-жа шь то за трава,
Въ маймѹ саду палигла,—
Ай люли, да люли,
Въ майму саду палигла.
А што-жа шь то за милый,
Што далёка ать мине,
Ай люли, да люли,
Што далёка ать мине.

А ни листу написать,
А ни самой паѣхать. Ай

[люли...

Написала бь я листы,
Да ни знаю, кимь паслать?

[Ай люли...

Паслала бь я малюга,
Ёнь дарюжки ни знае,
Ай люли, да люли,
Малый листы сътирае.
Паслать туды малайца,—
Маладецъ запѣтца,
Ай люли, да люли—
Зь дарюжки сабѣтца.

Паслала бь я старюга.
Старый туды ни зайдеть,
Ай люли, да люли,
На дарюжки прападеть.
Закладайтя мнѣ каня,
Ой, паѣду я сама, ай люли...
Закладайтя сивюга,
Я паѣду да милюга, ай люли...

Черезь быстру рѣчаньку
Падай, милый, ручаньку, ай

[люли...

Черезь тёмный лясюкъ
Падай, милый, галасюкъ! Ай

[люли...

Якъ мнѣ зь милымь пастаять,
То мнѣ нѹжки ни балять, ай

[люли...

Якъ мнѣ зь милымь гаварыть,
Мнѣ галуѹка ни балить,
Ай люли, да люли,
Мнѣ галуѹка ни балить.

279.

Лятѣвъ камарь изь дубючка,
Разшыбь сабѣ галювачку.
Тимь-тамь, тимь-тамь, галювачку.

Прылятѣла муха зь хаты
Камарыка ратавати.

„Камарыку, рѣдний братя,
Гдѣ жь мнѣ тябѣ пахавати?“

— Пахавай ты мяне ў лѣси.

При зелѣнамь при гарѣси.

Прыдуть дѣвки гарэхь рвати,

Будуть мяне спаминати,

Што на свѣти ни видати:

„А што шь гэта за пакѣйникь?“

Ти гинарале, ти налкѣйникь?“

— Гэта ляжыць тоя тѣла,
Што ўчэра зъ дуба лятѣла.
Тымъ-тамъ, тымъ-тамъ, ой лятѣла.

280.

Пашовъ казакъ па гарэшки, Ўзявъ дывчѣну ля патѣшки. Ёнъ гарэшки шипля, шипля, Дывчѣнинцы въ хвартухъ	А ты будишь слязіцами!— Пыталаса дывчѣнинка Маладога казачинька: „Чимъ мы будимъ ўтиратися?“ — А я буду рушничкамі, А ты, дывчѣна, кулачкамі!— Пыталаса дывчѣнинка Маладога казачинька: „Што мы будимъ абѣдати?“ — А я буду бѣлу булку, А ты будишь думать думку!— Пыталаса дывчѣнинка Маладога казачинька: „Дѣ мы цяперъ паѣдима?“ — Я паѣду къ свайму рѣду, А те кину ў быстру вѣду.
Ёнъ гарэшки адрываѣя, Дывчѣнинку намавляѣя. Пыталаса дывчѣнинка Маладога казачинька: „Дѣ мы будимъ начавати?“ — А мы будимъ начавати Пры папѣвай синажати! Пыталаса дывчѣнинка Маладога казачинька: „Чимъ мы будимъ умуватися?“ — А я буду вадіцаю,	

281.

Пашла баба па сялѣ Дабывати кисялю. Ни дабыла кисялю, Да дабыла гувса, Ни дабыла сухѣга, Да дабыла сырѣга. А ссыпала той гавѣсь На халѣдную печь. Ай, сохъ той гавѣсь Цѣлый мѣсяць увесь. Пашла баба па сялѣ Дабывати жарѣнъ. Ни дабыла камяннѣхъ, Да дабыла лубяннѣхъ. Змалѣла той гавѣсь,	Да зѣрнати ўвесь. Рацинѣла той кисель На халѣдной вадѣ, У дубѣвай дижѣ. Ой кисъ той кисель Павтарѣста нидѣль. Милая кисель цадила, Да мѣлага ўсѣ прасѣла. А ўжѣ кисель клякатѣть, А ўжѣ мѣлага душа рагатѣть. А ўжѣ кисель атставляѣть, А ўжѣ мѣлага прыбирѣть. А ўжѣ кисель наливатѣь, А ўжѣ мѣлага праважѣть.
---	--

282.

Адала мянè мати да за нявы́растка.

А я тагò нявырастка зразу ни любила:

Ой, тры нядѣлиньки зь имъ ни гавары́ла.

На чатьвѣрту пидѣленьку стала гавары́ти,

Стала минè радíма ў гасьтíну прасíти.

„Запрагай, нявырòсьтя, каня варанòга —

Ой, паѣдимъ у гасьтíну да роду магò!“

Прыѣхали зь нявырòсткамъ да тёмнага лѣсу:

„Тяцѣръ станьма, нявырòсьтя, а спачíньма троху!“

Прывязала нявырòстка да сасны плячíма,

Да сасны плячíма, да лѣсу вачíма,

Сама сѣла, паѣхала да рòду ў гасьтíну.

Ой, гашу́са я нядѣлю, гашу́са другую,

А на трэ́тю я нядѣлю паѣду да дому.

Прыѣхала маладая да стала гукати,

Стала нявырòстка да сябѣ прыкликати:

„Мужу—нявырòсьтя! ти спишъ, ти драма́ишъ,

Маладòй жань зь гасьтíны чекáешъ?“

— Ой, мила, мила, ня сплю, ни драма́ю:

Тябѣ маладòй зь гасьтíны чекáю.

Ой, пада́й, мила, пада́й вады́ пити!

„Ой, ни дамъ. милый, ни дамъ вады́ пити,

Бо ты будишъ лю́демъ гавары́ти!“

— Ой, даль-бугъ, мила, гавары́ть ня буду;

Тваю гасьтíну на вѣкъ ни забуду!

(Д. Романовцы, Вольовыск. у.).

283.

✓ Зелёный дубчакъ на Дунай схиливсѣ,

Маладый малойчикъ, чагò зажуры́всѣ:

Ти валы́ прапали, ти зь дарожки збiвсѣ?

— Валы́ ни прапали, зь дарожки ни збiвсѣ,

Отець, мати памѣрли, а я ни жанiвсѣ!

Гòра маё, гòра, нищасная доля,

Я зь гэтага гòра пайдù ў чиста пòля,

Пайдù ў чиста пòля, шукать сабѣ доли.

Ни знашовъ я доли, знашовъ быстру рѣчку,

А ў той быстрой рѣццы плывуть рыбаковцы.

Рыбаловцы, хлопцы, харашы малойцы!
Закідайця сѣтку у быструю рѣчку,
А злапайця долю хлопцу маладому!“

 Ни злапали доли, да злапали щуку.
 Щука рыба грая, бо параньку мая,
 А я маладѣнькій параньки ни маю.
А мая пара гдѣсь-то пѣе, гуляя,
А я маладѣнькій слѣзки паливаю.

284.

Дарма, Ясю, хѣдишь, дарма ножки бѣешъ,
 Ни пайду за тебе, бо ты водку пѣешъ.
Ни пій, Ясю, водки, а ни гарѣлачки,
 Ни кахай дивчыны, а ни сусѣдачки.

Гарѣлочка дурна, заведѣ да гумна,
 А ў гумни салѡма, нарѡбить сарѡму.
Якъ въ салѡми спала, то ни чимъ ни дѡала,
 Якъ завяли ў сѣна—сѣна мянѣ зѣла:
На такѡ мякѡна, заплача дитѡна.

 „Саколя, саколя, высѡка литѡишь,
Чамѡ ты, саколя, правды мнѣ ни кѡжышь?“
— Ой, ти мнѣ залгати, ти правду сказати:
Паѣхала Гандзя шлюбу шлюбавати!

 „Закладайця, братцы, каня варанѡга,
Паѣду, забачу, ти Гандзя звинчана!“

Падъ касьтѣль зижжаю, шапаньку знимаю,
Шапаньку знимаю, слѣзаньки ўтираю.

Вайшѡвъ да касьтѣла, ставъ между лавкѡми,
Стайтъ мая Гандзя мижъ паненкѡми.

На ей сукни новы, новы атласѡвы,
Стайтъ мая Гандзя смутна, ни вясѣла.

Аглянься ты, Гандзѣ, першыи Ясѣ стѡи,
Паклѡнься ты ѣму панѡжай калѡна,

Папрасѡ ты ѣго на сваѣ вясѣльля.

— Висялися, Гандзю, якъ табѣ Богъ даѣ,
А мнѣ, маладѡму, вырѡсьця другѡя.

285.

Ой, чуть, чуть, гдѣ дѣваньки пьють,
Да вясёлая гўличанька, кудэю яны идуть:
Пыламъ запала, дёрнамъ зарасла,
Чарвобнаю да калвнаю пазависала.
Ой, якъ я схачу, дёрпа пратапчу,
Чырвоную калинушку ў пучки павяжу.
Ў пучки павяжу, на базаръ павязу,
За тую калинушку дэньги палучу.
За тья дэньги питы, гулять буду,
Свайгò милага чарнобрывага спаминать буду.
Дбай, мати, дбай, дачку замужъ аддай,
Ни абы за якòга,—бо мнѣ ўроды жаль;
Бо май ўрòда, якъ быстра вòда,
Лицо маё да румяная—харòшая ўрòда.

286.

Гаю мой, гаю, съ табой размавляю,
Любивъ я дивчину, тыперъ ни займаю,
А хоть и займаю, таки ни такую,
Прыхилю да себе, таки ни люблюю.
Тёмна пòчка, тёмна, ещє тямнѣй будя,
Ой, гавòратъ люди, свякроў добра будя,
Свякроў добра будя, рано ўставать будя,
Мянє маладую рана будить будя.
Свякроў рана ўстала, мянє ни збудила,
Пашла да сусѣда, мянє асудила.
А я млада ўстала, сильна заплакала,
Ой, заняла валы, на пашу пагнала.
Загнала валы ў глыбоку даліну,
Сама заплакала ў нищасну гадіну.
Палилися слёзы, якъ зъ бѣлой бярозы,
Ой, учувъ мой мильй въ вилікай дарòзи.
„Кали май мила, жанй валы да хаты,
Кали зязюлинька, лятй ў лѣсь наватй,
Кали май мила, вращу я дв хаты.

(Д. Подозераны, Волков. у.).

287.

Жанà мужа ни любила,

Ўзяла ягò, загубила.

Прїѣхали яго брãтейки:

„Братавãя, ты лебѣдушка наша,

Гдѣ жь ты нашага брãтейка падѣла?“

— Деверãтки, вы сакòлики маè,

Паѣхавъ жа да ў далекїй прїемъ,

Да Богъ знãя—да ти вѣрнетца ёнь.

„Братавãя, ты лебѣдушка наша:

Што жь у тебе да за кроў на сьтянѣ?“

— Деверãтки, вы сакòлики маè:

Нарѣзала и курей и гусей,

Спадѣвалася да на многа гасьтѣй!

„Братавãя, ты лебѣдушка наша:

Што жь у тебе да за госьти былї?“

— Деверãтки, вы сакòлики маè:

Ись павнòцы рыбалоўчики,

А зь вечера ўсѣ папрудначки!

„Братавãя, ты лебѣдушка наша:

Пакажи намъ рыбы—лебеда!“

— Деверãтки, вы сакòлики маè:

Палажила у камòри падъ вакнòмъ,

И накрыла бѣлымъ тонкимъ палатнòмъ!

„Братавãя, ты лебѣдушка наша:

Адамкнї ты новую камору,

Пакажи намъ а бѣлаго лебеда!“

— Деверãтки, вы сакòлики маè:

Загубила залатыя ключи,

Ў чистамъ поли пшанїчачку пòлючи!

„Братавãя, ты лебѣдушка наша:

Есть у рынку прамудрыя слесарї:

Янї зрòбятъ залатыя ключи!“

— Деверãтки, вы сакòлики маè:

Ни рабїтя залатыхъ ключовъ,

Да зрабїтя вы гострую мечь,

И знемѣтя мнѣ галòваньку съ плечь!

288.

Баліть мая галбаванька, видно я помрѹ,
Ой, пайдѣтя, приведѣтя, кагò я люблю!

Выкапайтя калòдизя на маёмъ дварѹ,
Ти ни прѣдя дивчининька ка мнѣ па вадѹ.
Ажъ прихòдить дивчининька раннѣй ада ўсїхъ,
И набрала ведѣрачка пòвнѣй ада ўсїхъ.

Ажъ выхòдить на гўлачку—арлїмъ воду пьють,
Да ўже маю дивчининьку падъ ручки ведѹть.
Адинъ ведѣ падъ ручаньку, другїй за рукавъ,
Трѣтїй стайть, ручки ломить, любивъ. да ни ўзявъ.

Шкадà, шкадà маїхъ нòжакъ, што я къ ей ўрачавъ,
Шкадà, шкадà маїхъ ручакъ, што яè обнимавъ;
Шкадà, шкадà маїхъ вустъ, што яè цалававъ,
Шкадà залатыхъ персьтєнкавъ, што ей дарававъ.

289.

Дѣ были лугї, тамъ сягодня пòля,
Я ни зайшла сама, занисла ниволя.
Занисла ниволя ў чужїя край,

А я ў чужїхъ краяхъ вòленьки ни маю.
Тольки має воли, што плачу давòли,
Тольки має пары, што воченьки въ твары.
Ў тябè милый, тєлерь, а ў менè три грòши:

Поўдимъ да карчòмки абòя харòши.
А съ карчòмки йдўчи, памалу ступаю:
Ни гнѣвайся, милый, што я тябè лаю!
Хоть я тябè лаю, то лиха ни мыслю,

Шанўї мужикъ жонки, якъ у саду вишни!
Ой, у саду вишни нада паливати,
Добру жòнку ўзявши, нада шанавати,
А лядàку ўзявши, битъ нада, карати.

290.

Стаяла вирба у канцї двара, што я посадила,
Да нїма майгò мїлїнькага, што я вѣрня любила
Да нїма майгò мїленькага, ружòвага цвѣту,
Не съ кимъ мнѣ стати, размавлїти, да да бѣлага свѣту.

„Да ти ты пыламъ запылѣвса, ти мятѣлицаю,
Чаму ты ня ходишь маей гулицаю?“
— Якъ жа мнѣ хадѣти, кали люди засудили?
Нихай судать и гаворать, хоть па цѣламъ свѣти,
Я тябѣ любовь и любить буду, мой ружбовый цвѣтя.
Охъ, ты умри зъ вечѡра, а я памрѣ зранка,
Да нихай насъ пахавають хоть у ваднѣ ямку;
Да нихай насъ пахавають галава зъ галавѡю,
Да будимъ лижати мы рѣзамъ аббе;
Да нихай насъ пахавають и крижа паставять,
Да штобъ усѣ дивѣлися, што мы вѣрня любѣлися.

291.

А дѣ тая криничинька, што халѡдная вадѣ,
А дѣ тая калинушка, што чирвѡная была?
Усѣ цвѣты зацвилѣ и чирвѡна калина,
На калини малина, на малини салавѣй.
Прилятѣли салавѣй да съ чужой старанѣ,
Ўзель, ўзель салавѣйка а на крылышка сваѣ,
Да заняслѣ салавѣйка на чужую старанѣ;
Засадили салавѣйка ў новую клѣтачку.
Ой, ни дали салавѣйку ни питъ и ни ѣсьти,
Заставили салавѣйка красныя пѣсенки пѣть,
Хѡчуть тагѡ салавѣйка съ писталѣта ўбити.
Йшли хлопцы навабранцы, стали плакать и рыдать:
„На што тагѡ салавѣйка съ писталѣтушка ўбивать?
А хто жъ будя, а хто жъ будя па садочку щибитатъ,
А хто будя на калини ягалѡчки абиратъ?“
Нагнѣвався мой мѣлинькій бизъ причѣны на мянѣ,
Якъ побѣдемъ мы жѣта жати—адажнѣтца атъ мянѣ;
Якъ сѣдимъ мы палѣднати—ни гаворить да мянѣ;
Якъ пасѣтялѡ пасѣтѣль бѣлу, атвѣрнитца атъ мянѣ:
Ни дышъ, ни дышъ, мая мила, сваймъ дѣхомъ на мянѣ!
Я самъ знаю й люди кѣжуть, што ня любишь ты мянѣ:
Якъ пойдешъ ты до сусѣда, абсуждаешъ тамъ мянѣ.

292.

Ой, вѡлы, маѣ вѡлы, да вы палавѣя,
Чаму жъ вы ни гарѣтѣ?

Ой, лита жъ має маладѣцкія,
Чаму жъ вы мърня йдетѣ?
Ой, вѣлы має палавѣнькія,
Да ўже вы изгараліса!
Ой, лита вы має маладѣцкія,
Да ўже вы сьтираліса (потерялись).
Ой, и млинъ мѣля и вада вѣрня,
А кола хѣчить стати.
Ой, ѣдя, матка, той казачинька,
Што хѣчить мянѣ ўзятя.
— Ой, пихай ѣдя, ни зайжжая
На маѣ падвѣрійка,
Хай ни захѣдить, ни засидая
За маѣ застѣлійка:
Ни маю свѣцы ни дагарачка,
Чимъ яго асвятити,
Ни маю вина зялёнаго кўпка,
Чимъ яго напайти;
Ни маю лѣжи, бѣлыхъ пярінувъ,
Гдѣ яго палажити!
Малый пташачикъ, нивялічачкій,
Па ракітничку скіча,
Дурна дивчина, ниразумная,
Па кавалерахъ плача.
Ой, я ни плачу, ой, я ни тужу,
А самы слѣзы лютца,
Што атъ мѣлага писимца нима,
А адъ нилѣбага шлютца.

(С. Заполье, Словимск. уѣз.).

293.

Ой, ни стой, ни стой, сырый дубъ, надъ вадбю,
Да ни калаті вадіцы падъ сабою!
Да тая вада ни пѣти, ни варити,
Ано жъ тольки чѣрнай гальцы плиты.
Ой, чорна галка, чорнинькая,
Да скажы правду, гдѣ мая милинькая?
— Твая мила за мѣрамъ, за вадбю,
Вымувантца зѣльличкамъ—купиною,
Вытирайтца хўстою едвобною.

294.

А ў бару лягчынявья (лещипинья),
Любивъ старый дявчинипьку.

О, я роду ни такога,
Кабъ я пашла за староба.

А я роду шляхецкага,
Люблю сына атецкага.

Атецкій сынъ въ карты грая,
Мнѣ маладбй вино дае.

Ой, я млада вино пила,
Хвартухъ тонкій памачыла.

Павѣй, вѣтрикъ тихусинькій,
Павышь хвартухъ тавкусинькій,

Щобъ мачиха ни пазнала,
Курвай менѣ ни назвала:

„Гдѣ ты, дочко, вино пила,
Хвартухъ тонкій памачыла?“

295.

Выступае тёмна хмара
Зь-падъ тёмной асины,
Парадыла да ўдобанька
Харбшага сына.

Парадила ена его
У тёмнуи noci,
Дала ему бѣла личка
Синенькія очи

„Не трэ было, май мати,
Синихъ ачѣй давати,—
Зачитали, записали
Ў рекруты узяти!“

Канцѣ села стайтъ яваръ
Барзда зелененькій,
Уѣжжае, уѣжжае рекрутъ ма-
[ладенькій.

Выѣхавъ ёнъ за вароты,
Низенька скланівся:
Працай, працай. ўся радима,
Може съ кимъ бранився!

Пакрапляйте дарбжаньку
Дробными краплями,
Разважайте айца й матку
Разными славами!“

— Пакрапляли дарбжаньку,
Таки жъ ена пылить,
Разважали айца й матку—
Таки жъ яны тужать.

(С. Алексѣевна Слоним. у.
Говоръ смѣшанный).

296.

Ахъ ты, дяўчына зарўчинная,
Чагò-жъ такъ ходишь засмўчинная?
 Чагò-жъ такъ ходишь, славами блудишь,
 Сама ни знаишь, кагò ты любишь?
„Ой, знаю, знаю, кагò кахаю,
Только ни знаю, съ кимъ жита маю!
 Ты присягаўся пирада мною,
 Твая присяга пирадъ табюю.
Ты на присягу сваю ни дбаишь.
Ты сабѣ милую ившую маишь!“
 — Адну я тебе на свѣти маю,
 Адну я тебе на свѣти кахаю,
Адну я тебе пригарнѹ къ сабѣ.
 Ахъ, Божа, Божа: далась пазнацься,
 Ни дай намъ, Божа, съ табюю растацься.
Далась пазнацься,—чамѹ ни злўчишь:
На што насъ, Божа, такъ дбўга мучишь?

297.

Ой, пайдѹ, пайдѹ, гдѣ зроду ни хадила,—
Ти ни знайдѹ, кагò вѣрня любила.
 Кагò любила, то за людя пусьтила,
 Кагò ни знала, съ тымъ на шлюби стала
Ой, стала, стала съ сѣваю барадюю,
Што ёнъ ни гòднѣ гаварить са мною.
 Ягò барада, якъ на вулицы смѣтъя
 Маё личика, якъ на калини цвѣтъ.
Ягò барада туманамъ припадая,
Маё личико, якъ мачокъ зацвѣта.
 Ой, ни стой, ни стой, сухій дубъ, надъ вадюю,
Да ни падымай вадѣцы падъ сабюю.
 Ой, нильзя, нильзя той вадѣцы пити,
Только лъзя, ильзя чорнымъ галачкамъ плѣсьти.
 Чорная галка, чорнинькая,
 Да гдѣ дѣлася май милинькая?
Милая май за мбрамъ, за вадюю
Вымывайтца зѣлѣйкомъ купинюю,
 Вытирайтца хўстаю шалкавюю.

(Ср. № 290).

298.

Плылі качки ў три радочки,
Адна за другою.
Гей, гей, доля мая,
Гдѣ-жъ ты вадобю заплыла?
Ти ў такім я день радзіўся,
Ти ў такім я день хрысціўся
Ты такія кумы бралі,
Што мяѣ щасця ні ўгадалі.
Тя-жъ ты мянѣ, мая мати,
Ў цэркву ні насіла,
Што ты минѣ маладобу
Доли ні ўпрасіла?
— Ахъ, насіла, мой сыночакъ,
Богу малілася,
Така-жъ табѣ, мой сыночакъ,
Доля суділася.
Гей, гей, доля мая и т. д.

299.

А мой-жа-жъ ты барвіначку,
На гарбдичъ пахиліўся,
А мой милый чарнабрывый,
Съ Украины пакланіўся.
А што-жъ па тѣмъ барвіначку,
Кали на ёмъ цвѣту нимаць,
А што-жъ па тѣмъ паклоначку,
Кали ягò тутà нимаць.
А ў гарбди сѣна, да ўжэ пачарнѣла;
А гдѣ-жъ маѣ мила сэрца вячэрати сѣла?
Ўжэ вячэрать сѣла й мяне ўспаминая,
Личка-жъ маѣ бѣлінькая
Слёзанькамі абливаа.

300.

Тёмный гаю, тёмный гаю, тёмный—ни праглану;
Упусьтіла галубочка да ўжэ-жъ ни паймаю.

Хоть паймаю, ни паймаю, але ни такога:

Ёнъ самъ сивый, крыльля бѣлы,—хлопца маладога.

Пусьти мянѣ, май мати, у той садъ гуляти:

Ти ня приди мой мѣлянкѣй сивыхъ валоу пасьвить.

„Пасѣтеса, сивы валы, ни бѣйтися воўка

А я пайдѹ да дяўчины, ти змыта галоўка?“

А хоть змыта, ти ня мыта, абѣ ни прабѣта,

Руса касѣ да пѣяса шѣўкамъ пиравита;

„Ти ты чула, май мила, якъ я тябѣ кликаў,

Мима твайхъ варѣтичакъ сивымъ канѣмъ вѣхаў?“

— Хоть я чула, ти ня чула, ни адзывалася,

Милѣ (мела) хату, милѣ сѣни, да засмялася.

Вышла мати вадѹ брѣти, да й дагадалася.

„Ой, чаго-жъ ты, моя доню, чаго смиялася?“

— Дурна была-бѣ, май матка, кабъ я призналася!

Ни разливай, мати, вадѹ, бо тышка насити,

Ни разлучай зъ маймъ дрѹгамъ, бо тышка забыти.

Сама вадѹ нанасѣла, сама й пить я буду;

Сама дружка палюбила, сама жыть зъ имъ буду.

(С. Шилович, Словим. 5.).

301.

Хажѹ—пахажѣю па чистаму полю,

Ой, я сѣю-разсявѣю сваю гѣрку долю.

Расьтѣ, расьтѣ, горка доля,

Частыми кустами,

Цвитѣ, цвитѣ, горка доля,

Ружными цвѣтами!

Цвити, цвити, горка доля,

Якъ той василѣчакъ,

Цвити, цвити, горка доля,

Якъ милый дружочакъ.

302.

Ой, гѣра мни, гѣра: жаль маладѣсьти,—

Прайшли маѣ лѣты, да ўсѣ ни ў любѣсьти.

Збрачка взыйшла, я спати ни йшла;

Взыйшла другая, я й очхнѹлася —

Адъ милѣнькага адварнѹлася.

„Да чаго жъ, милая, тяжко ўздыхайшь?

Ти ты, милая, хлѣба-соли ни маишь?“

— Ой, я хлѣбъ маю, соли занихаю,

За тобой нялюбымъ да быту ни маю!

Пайдѹ да матки да папытаюся,

Ти пазволить matka зъ нялюбымъ быти.

— „Да живи, дитятка, да живи, нибога,

Дяля добрыхъ людей, дяля Цана Бога!“

— „Да лѣпай мни, matka, горкій палынъ ѣсьти,

Нужви зъ нялюбымъ за стѣбликамъ сѣсьти.

Да лѣпай мнѣ, matka, круты горы капати,

Нужви ня зъ любымъ вѣкъ свуй каратати! ..“

303.

Съ-падъ ельничку, съ-падъ бярезничку,

Вылитала пташка ярьская,

Няслà письмò гасударская,

Штобы губэрны атпирáлися,

Штобы рэкруты набирáлися.

Было ўдавѹ тры сынѹчка,

Прыйшло да ўдавы тры листочка.

Стала ўдава листочки читать,

Стали ўдаву дробныя слѣзки абливáть.

„Сынкѹ маѹ, наймилѣйшыѹ!

Катѹраму вамъ на Русь, на вайнѹ:

Ти старшаму, ти силидѹршаму,

Ти самаму а найменьшаму?“ —

— Старшый кажа: „мнѣ ня хочитца!“

Силидѹршый кажа: „мнѣ ня злѹчитца!“

Старшый кажа: „ѹ мяне дѣтки малы!“

Силидѹршый кажа: „ѹ мяне жѹбна малада!“

А самый меньшый сабирáятца,

Зъ милай matkaю пращáятца...

(На этомъ пѣснѹ оканчивается)

304.

Выйду я маладѣнькая на крутую гарѹ,

Стану я, да ўзгляну я падъ ясную зарѹ.

Я думала, маладёнкая, што сакóликъ литáя,
Адно милый да чарнабрýвий
На сивумъ кóнику гуляя.

„Да кидай, милый, да кидай, чарнабрывый,
На сивумъ конику гуляти.
Да йди, милый, да йди, чарнабрýвий,
Да вячэраньку вячэраты!“

-- Вячерай, мила, вячерай, здарóва, коли ты наварыла, —
Вотъ тяперъ мнѣ, маладёнкаму, да дарóжка вялóма!

Табѣ дарóжка, а мнѣ госьтницъ битый,
Табѣ хусточка, табѣ бѣлая, а мнѣ вяно́къ витый.

Я па вишнёвумъ садочку гуляла,

На вяно́къ квѣтки збирала,

Я на вишаньку спатыкнулася.

Па терэшаньку (черешню) упала:

Я палюби́ла прайдѣ-свѣта—да на вѣ́ки прапа́ла.

(Д. Старыя, Дворецкой вол., Слонимск. у.)

305.

Зязю́линька садава́я, чаму́ ра́на ни кавáла?

Зязю́линька спазнилася, ли́ха доля ўчапíлася,

Прапа́въ мой вѣ́къ, якъ ма́кавъ цвѣ́тъ.

Пасѣю я лёнъ надъ вадóю,

Зышовъ мой лёнъ зъ либядóю.

Тавары́шки паўставáли,

Свой лёнъ чиста паўрыва́ли,

А я млада спазнилася, —

Ли́ха доля ўчапíлася.

Ни жаль жа мнѣ та́я льни́цы,

Ну жаль жа мнѣ либяди́цы,

Што адби́лася а́тъ радíцы

306.

Да пайдú я кала рѣчки,

Тамъ плава́я стадо качо́къ.

Анна анну (одна) нагапáя,

Бо всякая па́ру ма́я.

Анна вúтинька старáя,

Ева́ па́ры ни ма́я.

Пайдú я кала лу́га,

Шукáючи сваго́ дру́га.

Ни нашла я сваго́ дру́га, —

Анно сви́ца тихи́й салавѣ́йка.

Салавѣ́йка ви́шэй бору,

А дру́гъ идѣ́бли́жэй къ́ до́му.

(Д. Климовичи, Старовес. вол., Слон. у.)

307.

Маладая—малодачка каля лѣсу жита жала,
Падъ мѣжкаю дитя клала.

Пришоў да яго мядзвѣдъ сивый:

— „Маладая малодачка, дитя плача!

Радъ бывъ бы забаўляти,

Да баюся, кабъ ни ўдрати!“

— Ой, Мисюхна, мой батюхна,

Да ни бярѣ майго дитяти,

Да пайди ты ў дубрѳваньку,

Вазьми маю карѳваньку,

Да лысую, падласую

Майго батьки пасажѳную!

(Изъ цѳкла живныхъ).

308.

Кобъ я была зазѳлькаю, умѳла литати,

Цалятѳла бѳ на Украинѳ—свайго мѳлага шукати.

А я свайго мѳленькага то й на шапцы пазнаю,—

На ёмъ шапка калпакѳва, а хусточка китайкѳва,

Самъ бильявый, усъ чарнявый—яго тихая размѳва.

309.

Дяўчѳнинька, сэрца мѳе,

Я зѳ табѳю закахаўся,

Кобъ вы мяне абсудѳли,

Я ни спадиваўся.

Вѳтирѳ вѳя, сонца грѳя.

Я стаю на ганку,

Рѳсый вѳласъ, синѳй поясъ

На маёмъ каханьку.

Рыкнула карѳванька,

Между стаѳинки йдучѳ,

Заплакала дяўчѳнинька,

Падъ вакѳшкамъ сидучѳ.

— Ты рычѳ, ни рычѳ, —

Ни пайдѳ дайти;

Нѳма майго мѳлинькага,

Нѳ зѳ кимъ гаврѳти.

Ой, я рыбку варѳла,

Шѳму шумавѳла,

Мѳла сабѳ мѳлинькага,

Да ни шанавѳла.

Буду рыбку варѳти,

Шѳму шумавѳти, —

Вярнѳ, Божа, мѳлинькага,

Буду шанавѳти.

310.

А у поли, при дарбзи ширбай,
Тамъ стаяла бярозанька, тонка а висока.
Абламали гальлячкó вятрэ буйныя,
Высушили бярозу дождже дробныя.
А ў горади Бресьтю, слазнамъ мястэчку,
Тамъ стаяла ярмія Руська Маскоўська.
Каля тып ярмеи стайў маёръ палкавій,
Каля таго маёра стайў саржанъ маладый.
Берэ, берэ грибушкй, да ўсё залатыя,
Да чэша ёнь конички усё жъ вараныя.
Пачесаўши конички, ёнь заплакаў сільня.
Пришоў да яго маёръ палкавій:
— „Чаго плачишь, тужишь, саржанъ маладый?“
— Ой, якъ жа мнѣ ни плакать, маёръ маладый.
Пришло мнѣ три письме,—ни зваю, якъ жить:
А первая письмачкó—ойчанька памёръ,
А другоя письмачкó—матушка слаба,
А трейтая письмачкó—жана ўпроць пашла!
— „Да ня плачь, ни тужй, саржанъ маладый.
Да ўже трейтій день таму, якъ я ўдома быў:
Да твой родный ойчанька, якъ дубъ здаровый,
Твая родная матушка палуччи яго,
Твая милая жана сына радїла,
Маладога саржанта ў госьти прасїла.“

311.

О, што жъ гэта за верба,	Да ў китайку спавила,
Што бэзъ кобрана расла?	У карабець ўлажїла,
О, што жъ гэта за ўдава,	Ў тихій Дўнай пусьтила.
Што семъ лѣтъ бэзъ мужа жила?	„Охъ ты, Дўнай, ни шуми, Маяхъ дѣтакъ ни збуди, Нихай маё дѣтки спяць, Бо нѣкаму калыхать!
И по канторахъ хадїла,	Охъ ты, тихая вада,
И два купчики любила,	Прамывай дїтямъ глаза,
И два сыночки радїла,	А ты, рыба, рыба суомъ, Напитай майхъ сыновъ.
Сама имя имъ дала:	
Иванюша, Василя.	
На базары насїла	
И ў лавушку ступила.	
Китаюшку купила.	

А жбу́тинькія пясочки.
Забавляйтѣ вы сыночки!“
Въ васимна́дцатамъ гадѹ
Вышла ўдава па вадѹ.
Стала ўдава вадѹ браць,
Стаў карабець приплываць.
Ахъ, у туомъ карабцѹ
Два диньщика малайцы.
Адинъ садіть у насѹ,
Другій садіть у далѹ,
Узирайтѣ на ўдаву:

„Охъ ты, ўдава, ты ўдава,
Да ти любишь ты мянѣ,
Да ти пуйдишь за мянѣ?“
— Я за тябѣ сама йду,
За другога дочь даю!
„Охъ ты ўдбвушка, ўдава,
Дурна твая галава:
За сына сама идешъ,
За другога дочь даешъ!“
(С. Порѣчьѣ, Слонимск. гѣз.)

312.

Во у лузи-лужочку
Калинушка зацвила,
Ни парбю матушка
Свайгò сына ўрадила,
Ни сабраўши рòзуму,
Ў салдатики аддала,
Ў салдаты—салдатики,
На чужую старòнку.
А якъ вышла й матушка
Ўсѣ й на крўтянку гарѹ,
Сѣла й пала матушка
На крўтянкумъ бяражкѹ,
Якъ гукнѹла матушка
Сваймъ ёмкимъ галаскòмъ:
„Чимъ вы, рабятушки,
Смутны ни вясѣлья?“
— Нашыя й палкоўнички
Бязъ вина шумяць-грымяць,
Хочутъ насъ, рабятушакъ,
Заграницу выслать,
На Русь, на Русь на вайнѹ,
Усѣ ў чужую старавѹ!“

(С. Охоново, Слоним. г.)

313.

Да павѣнь, вѣтру, да пагòдушка,
Съ тихай старавѹ!

Да развѣнь. вѣтру. да рабинушку,
Да кучаравую!
Да ня вѣзравши. гарабѣнушку
Нильзя заламать.
Да ня вызнавши красны дѣвушки,
Нильзя замужь брать.
Да ўже вызрала гарабѣнушка—
Мѣжна заламать.
Да ўже вызнали красну дѣвушку —
Мѣжна замужь брать
Да за рѣчкаю. да за бѣстраю,
Зялѣнь садъ растѣть.
Да й у томъ саду. да й у томъ зялѣнамъ
Дѣвки гуляють:
Да ўже шъ магѣ мѣлинъкага
Да й намавляють.
Нагаварѣли, да намовили,
Да й къ вяцѣ вядуть,
Да ўже магѣ да мѣлинъкага
Да ў полкъ аддають.
На ягѣ плечкахъ да папрѣжачки
Да смѣтнянька ляжать.
А ягѣ ручки, да чѣсьтянькія
Шабельку чѣсьтятъ.
А ягѣ очки, да сѣнянькія
Слѣзаньки роняць.

(Д. Долгая, Бытен. вол., Словн. у.)

IV.

Говоры окаящіе.

314.

Бўла се́би вдова́ молодá,
Породы́ла сы́на сокола́,
Породы́вши, охрысты́ла,
Охрысты́вши, выгодова́ла,
Выгодова́вши, у світь пу́стыла.

Нэма́ сына́ ни рочо́къ, ни два.
На трэ́тій рочо́къ і́дзе сыночо́къ,
Везэ́ са́би полюбо́ўночку,
Сваю́й ма́тоньцэ́ нэвѣ́сточку.

Ма́ты сы́номъ зрадова́лася,
А нэвѣ́сточкой зляка́лася.
Ма́ты сы́на вино́мъ витала́,
А нэвѣ́стоньцэ́ отруй дала́.

Сынъ́ вина́ нэ́ пиў, на коня́ вылиў,
А отру́тоньку по́ половы́ны:

„Будэ́мъ лэ́жаты́ въ одной моги́лы!“

Похова́ла ма́ты сына́ передъ алта́рыкомъ,
А нэвѣ́сточку на свента́рыку.

По сы́новэ́ выросъ́ зелены́ яворъ,
А по нэвистэ́ бы́ла бероза́.

Яворъ́ съ-подъ алта́рыка вывѣ́аецца,

До берозо́ньки добѣ́аецца,

Вэршо́къ зъ вэршко́мъ стыка́ецца,

А листо́къ зъ листко́мъ злипа́ецца.

Ма́тэра сэрца́ скипа́ецца:

„Божэ́ му́й, Божэ́ му́й! што́ шъ́ я зроби́ла:

Што́ свои́ дыткы́ я разлучы́ла?

Што́бъ́ я гэ́то зна́ла,

Я́ бь́ свои́хъ дыто́къ нэ́ разлуча́ла!“

315.

Учера зъ вичѡра мисяць змѣниўся,
Якимуша до ўдовы прышоў, сусѣдъ надивиўся.
Прышоў Якимуша до ўдовы на раду:
„Порадь мэнэ, удовонька, якъ на свѣтэ жыты?“
— Иды, Якимуша, до дому свою жўнку биты!
Прышоў Якимуша до дому, стаў жўнку биты.
Наказаўшы жѣну, пошоў до ўдовы:
„Порадь мэнэ, удовонька, дэ жъ ей подыты?“
— Напаль печы, затўль кѡминь, скажы, што згорыла!
Альбо выведь въ чысто пѡлэ, скажы, што здурыла!
Вэдэ Якимуша жѣну въ чысто пѡлэ.
А за ёю дыгки ей, якъ ясны сокѡлы.
Зобачыла сусидѡчка зъ трэтий хаты дытки:
— „Мои жъ вы маленькiя, а дэ жъ ваша маты?“
— Пошла маты въ лисъ по калину,
Забожылась, захрыстылась, што я васъ покину!
Заковала зозўленька у лиси, на прўти.
Ведуть, ведуть Якимушу у жэлїзвой путы.
Ходыть, ходыть Якимуша у мiсьти на рiнку,
Кличэ, кличэ ёго ўдѡва къ соби на горылку.
„Пы, удовонька, ты сама горылку, —
Заховала мэнэ ўдѡва у мѡрэ на вiки!

316.

Горѡю идў, долиною валяюся,
Отъ рѡду пошла, до рѡду нэ вѣрнуса.
Горѡю идў—зробылося мѡре:
„Чи знаешь, матко,—якое мое горе?“
— Себъ я, довько, твое гѡре знала,
То я бъ тѡби за два рѡчка не оддала!
„Хочь бо я, матко, хочь тры лiта ходыла,
Такi бъ мэнэ лихая дѡля зловыла!
Хочь бы я, матко, колi лисѡчка лижала,
Лихая дѡля мэнэ бъ за рўчку дiржала.
Че жъ бы я колi матки ходыла,
Лихая дѡля мэнэ бъ за рўчку водыла!

Травою иду, трава прохляеца,
До рѣду прышла—родина чураецца!
— Нэ чурайся, моя родина, мэнэ,
Нэ прышла я напытыся до тэбэ;
Нэ прышла жь я ни пыты, ни йсты,
Но прышла жь я ближэ родыны сьсты;
Нэ прышла ни вичираты, ни обидаты,
Но прышла родыны отвідаты.
Моя родина великій банкѣтъ мае,
Госьти частуе, мэнэ вспоминае:
„Дэсь нашэ дитя лихую дблю мае,
Що она разь на рочбь у насъ бывае!“
Пойду я горбю-долинбю,
Найду я вѣрбоньку зь калинбю.
Вылымлю я што найвышшую квѣтку,
Ци завѣсу я подь батынькову клѣтку (клѣтъ).
— „Ты, батоньку, пій горылочку, усѣ выпивай,
Мэнэ нѣщасную нэ вспоминай!
Я прышла до тэбэ, журылася,
Покўль прышла оть тэбэ,
Лихая доля ўтопылася!“

(С. Свищи, Пружан. ўѣз.
Спорадическое смягчение *д* и *т*).

317.

Батько добрый, батько добрый, а маты лихая,
Нэ пускае на гулицу, бо я молодая.
— „Пусты мэнэ, моя матко, хочь кудэльки прасты,
Чы нэ прыдэ муой мыленькый сывыхь волоу пасты!“
— Пасѣтэса, сывы волы, да й нэ буютэса вѣўка;
Ой, пуойду я до дѣвчыны—ой, чы змита голоўка?
— „Ой, хочь мита, хочь нэ мита, альбы нэ набита;
Росты, коса, до пбеса, шоўкомь пэрэвита.“
Мэлà сѣьны, мэлà хату, да й засмѣяласа;
Вышла маты воды браты, да й догадаласа.
„Ой, пы маты, тую воду, що я наносыла,
Шануй, маты, того зятя, що я полюбыла!“
— Ой, нэ буду воды пыты, буду розливаты,
Нэ любѣго зятя маю, буду розлучаты!

— „Нэ розлучишъ, моя матко, бо нэ твоя воля,
А кого я полюбыла, така моя доля!“

(Д. Жичняъ, Ревятч. вол., Пружан. у.
Ср. №№ 5. 239. 300).

318.

Ой, маты сына да й оженыла,
А пэвисточки да й нэ злюбыла.
 Оддала сына да й на войноньку,
 А нэвисточку да й на службоньку:
„Ой, нэхай сынокъ войско звоюе,
А нэвисточка службы спрабуе!“
 Ой, пришовъ сынокъ да й изъ войноньки,
 А нэвисточка да й изъ службоньки.
Посадыла маты сына за новымъ столомъ,
А нэвисточку да й на порози,
Да й на порози, якъ на морози;
 Частуе сына пывомъ и вынбмъ,
 А нэвисточку гуркимъ полынбмъ.
„Мыленька моя, пэрэйды судà,
И зольемо мы пыво съ полынбмъ,
То й выпьемо мы по половынцѣ,
Будэмъ лежати въ одной могилци!“
 Ой, якъ выпыли, то й похворіли,
 А похворівши, то й повмырали,
 Якъ повмырали, ихъ поховали:
Поховала маты сына пудъ цэрковкою,
А нэвисточку пудъ звонницею;
 Посадыла на сынови зэлёный яворъ,
 А на нэвистоци білу липоньку.
Ростуть воны, нахыляютця,
Вэршокъ зъ вэршкомъ стуляютця.
 А маты ходыть, рученьки ломыть:
 Доля жъ моя да й нэщаслива!
Що жъ я тэпэръ то й наробыла:
Двое дытокъ я потравыла.

319.

Що колись була ярая пшениця,
То тепера всі луги,
Ой, що колись були вірні товариши,
То тепера вороги.
Ой, я полемь іду, то песни пую, —
Разлигаютьця луги,
А въ село вѣйжаю, то щиренько плачу, —
Вси тіштэся вороги.
І сонце нэ гріе, и виторъ нэ віе,
Сама роса опадэ.
Потішилися мои вороженьки,
Що сирота пропадэ.
„Нэ тіштэся, мои вороженьки,
Мни бідному сироті:
Маєтэ й вы диты, якъ ружовы квіты,
Побачитэ на собі.

(Д. Мошковичи, Реватич. вол., Пружан ґ.)

320.

Тамъ у пѣлы калынонька стояла,
Тамъ дывчына съ козакомъ размувляла,
Якъ стояла, размувляла, къ сѣрдэньку прыгортала.
Я думала, що мый будэ, анно козакъ домувъ ідэ.
„Нэ ідъ, нэ ідъ, козачэньку, вэрныся:
Е у мэны мэдъ-горылка,—напыйся!“
— Сама, дывчына, напывайся,
Ізъ гіншымы займайся,
Вжэ ты мэны забувайся!
„Нэ ідъ, нэ ідъ, козачэньку, вэрныся:
Е у мэны вышнёвый садъ,—проходыся!“
— Сама, дывчыно, прохожайся,
Ізъ гіншымы займайся,
Вжэ ты мэны забувайся!
„Нэ ідъ, нэ ідъ, козачэньку, ты мостомъ:
Закыдана дорбжэнька хворостомъ!“
— А я свои служкы маю, дорожэньку прочищаю!
„Нэ идъ, не идъ, козачэньку, горама:
Закыдана дорожэнька чарамы!“

— А я чарывъ нэ боюся, я съ чарамы размынўся.
Большъ до тэбэ нэ вэрнуся!

321.

„Чого, голубэ, такой засмутѣный, чомъ нэвэсѣлый?“
— Ой, якъ же мны весѣлому бўты,
Моя голубка прострылѣная.
Кобъ на Дунаи, то жаль мны, ны жаль,
А то на мбры, въ шѣвковуй трави!
„Чого, козачэ, такой засмутѣный, чомъ нэвэсѣлый?“
— Ой, якъ же мны вэсѣлому буть:
Любывъ дывчыну, то людэ взялы,
Що бъ гѣто далѣкый, то жаль мны, ны жаль,
А то чэрэзъ двырѣ ўзявъ товаришь мый.
Съ вѣдрамы идэ, добрый-дэнь дае,
Водыцю нэсэ, ручэнькой махае,
Мое сэрдэнько якъ ножыкомъ крае.

(Л. Вѣжвя, Городечная. в. Пружан. у.).

322.

Ой, вѣлы зѣ моѣ половѣнькые,
Цэмъ витэ не горэтэ?
Ой, лита моѣ молодѣнькые,
Цэмъ ви марне жѣ швѣта идэтэ?
Ой, гукни, хлопѣчь, гукни, молодой,
На вѣлы половѣнькые:
Цы сэ не вэрнуть и не повэрнуть
Лита молодѣнькые! ¹⁾
Ой, гукнувъ хлопѣчь, гукнувъ молодой,
На вѣлы полове,
Ой, не вэрнулише, вжэ й нэ вернучша
Лита молодые!

¹⁾ Вар. Цы не вэрнучша и не повэрнучша лита молодѣнькые.

323.

„Штарики шпѣвали“...

Цанъ Косчѣцко слузыть у хранцужа,
Слузыть у хранцужа туолько жа одѣзу,
Слузыть жа одѣзу, плацэ жа Пуольшкую мѣзу.
Ахъ, плацэ, плацэ,—око нэ ўсыхае,
Поточкого пана заўды проклинае:
„Ахъ, Поточкій цанэ, воеводы сыну,
Жапропѣсчиў Польшцу и ўшу Украйну!“
Москали Польшцу ўшу розмизовали,
А розмизоваўсы, ўшіѣ дўсы шписа́ли,
Насымъ сбчкимъ дбрэ прыказа́ли.
А насы сбчки дбрэ вышлѣхали,
Ушіѣ дусы шписали,
Хлопчи молодые ў рѣкруты побралаи.

(Д. Цорна-Вольская, Бѣльск. уѣз. Необходимо имѣть въ виду, что Костюшко—мѣстный уроженецъ,—Кобринскаго уѣзда).

324.

Ой, гукъ, мати, гукъ,
Куды хлопчи йдутъ,
Вешѣлая тая гулицбнька,
Куды вбни йдутъ.
Я въ ойца была и въ ойца зросла.
Ой взэ-зѣ тая—тая гулицбнька
Тэрномъ заросла.
Тэрномъ заросла, пѣломъ припала,
Цэрвною кѣлиною понавѣсона.
Якъ я захоцѣ—тэрно вышѣцѣ,
Цэрвонѣю кѣлинбньку въ пѣцки повязѣ.
„Ой, дбай, мати, дбай,
Дбцку жѣмузѣ дай,
Не дай мѣнѣ ляда за якого,
Бо юрбды заль!“
— Ахъ, дбню моя, выбирай шамѣ,
Выбирай, доню моя, добрую долю,
Бо спѣ зѣ молодѣ!

„Я выбирала, та й не выбрала, —
Жла доля моя:
Не вэліль отáчь, не казала мати,
Шáма шоббѣ ёго полюбила —
Нѣтъ на кóго нарыкати!“

325.

Ой, штояла вэрба,	Зашпѣвайтэ тое пѣшни,
Пудъ вэрбою вода,	Цо хорóсая мнѣ!“
Тамъ дѣвцына воду брала,	По саду я ходзѹ,
Хороса, молода.	Дэрэвіну садзѹ,
Дѣвка воду бэрэ,	Ой, есцэ-зѣ я, моя мати,
Кбзакъ кóня вэдэ,	Не зэвѣный ходзѹ!
Пытаэчэ кбзакъ дѣвку:	„Озэнішэ, сынку,
Куды дорога йдэ?	Ожьми сóббѣ дѣвкѹ,
— Ой, йдэ дорога	Ожьми сóббѣ паненóцку,
Край тое воды,	Удовиву доцку!“
Цэрэзъ тое край дороги,	Удовина доцка,
Гдѣ штояли пулкѣ.	Она мнѣ нэ рóвня:
Тамъ пулковникъ штояль,	Ходить сóббѣ по рыноцку,
Вшимъ росписки даваль,	Яко королевня.
А вшэ хлопчи молодые	А ни мнѣ-зѣ ёю штать,
А вшэ въ радѣ штановляль:	А ни мнѣ погадать,—
„Ахъ вы, хлопче моє!	Тылько сáнопьку сдыйняўсы,
Новобранче моє!	И дзьянь добрый сказать!

326.

„Нуче, зниче, не штóйче,
А Пана Бога ше бóйче!“
— А мы знéмо, не штóимъ,
А Пана Бога ше бóвимъ!
Зебы насъ панъ дбалый былъ,
Юзъ бы давно зыто ззолъ.
А то насъ панъ не дбалый,
Нимà хлѣба й кова́лы.

(Изъ цыкла жывныхъ).

327.

Шивый голуббцокъ по полю литае,
По полю литае, паропьки суктае.

Ахъ, я нэсцасный на швѣти,
Треба мни пары глядѣти.

Только-зъ моѣ пары, цо опэньки кары,
Только зъ моѣ мовы, цо цорны бровы.

Молодоць мэнэ минаѣ.

Сэрдэнько пары нэ маѣ.

„Заѣзждилъ коника, заѣзждилъ сивбого,
Ѣзждяци до тэбэ, дѣвцыно-нэбого:

Ой, скáзи, скáзи правду мнѣ,

Ой, цы ты будесь моя, ой, цы нѣ?“

— Я тобѣ казала и твоѣму роду,
Нэ ходи до мэнэ, не роби завбду,—

У мэнэ посагу нэ будэ,

Ожмуть зэ мэнэ й такъ людэ!

„Мнѣ твого посагу нэ наибольшъ потреба,
Нагородитъ панъ Бугъ зъ высокóго нэба.

Ты у мэнэ посагъ сáмая,

Якъ на нэби збра ясная!“

— Ой, тэрáзь ты кáзэсь, цо зорá яснай,
А потомъ ты скáзэсь: доля нэсцасная!

Хоць нэ ты сказэсь, то матй:

Было прэсь посагу нэ братй!

„Нэ ўважай, дѣвцыно, цо матуля казэ,
Мы будэмо зыти, якъ кшэндзъ руки связэ.

Кшэндзъ руки связэ стулою,

А я буду зыти шъ тобою.

Пойдэмъ до цэркóвки, будутъ шлюбъ давати,
Мусьсь ты, дѣвцыно, вшю правду скажати.

Сказэсь мнѣ правду, а я тобѣ,

Пришягну я тобѣ, а ты мнѣ!“

„Ой мати, мати, на цо зъ доганяти,
Кеды я не мѣлъ, которое ўжати.

Тую ўзэ я бралъ, цо любилъ,

Которую мнѣ Богъ судилъ!“

328.

Пуйдѹ-зѹ я, пуйдѹ то й у поле горати,
Цы нѹ жабуду о дѣвцыни думати.

А съ тое тѹги и зѹ великого залю,

Пуйду втоплюше до быштрого Дунаю!

— Нѹ йды ты, сыну, на вѣкъ дусѹ сгубись,

Бѣри-зѹ ты тую, котору вѣрне любись!

Горѹ-зѹ я горѹ, то й помѣзы гуренькѹми,

Цѣ дѣвцына съ цорными оцѣнькѹми.

„Цы ты, дѣвцыно, якѣ цѣры знѣєшь,

Цо я до тѣбѣ велику тугу маѹ?“

— Зѣбѹ ты нѹ вѣдалѹ, якѹ ити въ шѣни до хаты,

Ой, якѹ я нѹ вѣмѹ, якѹ кого царовати.

Ой, зѣбы я тые цѣроньки жнала,

Нѹ такого бѹ дурака сцаровѣла:

Сцаровѣла бѹ я да й шолдѣчкаго сына,

Зѣбѹ я молода пансцыны нѹ робила!

Сцаровѣла бѹ я да й мѣльничкаго сына,

Зѣбѹ на мѣнѣ камѣнь—вода робила!

(С. Городискъ, Бѣльскаго у.).

Вѹ „Rocznik'ѹ towarzystwa przujasioł nauk w Wilnie“ т. I. вѣкто Л. Чарковскѣй утверждаетъ, что западная часть Бѣльскаго уѣзда населена поляками. Изъ приведенныхъ текстовъ, которые проверены мною на мѣстѣ, видно, что утверждение г. Чарковскаго несправедливо. См. также свадебныя пѣсни (стр. 13—16), ниже слѣдующія записи (№№ 329, 330) и сказку „Мачей“.

329.

Тамѹ на гѣри, на долини,

Голубы литають,

Сце роскѣси не узѣла,

Взе лѣта спинають.

Сце роскоси не узѣла,

Гѣра не забуду,

Поцѣмѹ зе я свое лѣта

Вспоминати буду.

Ой, урву я зѹ рози квѣтку

И пусцу на воду,—

Плыни, плыни, зѹ рози квѣтка,

Азѹ до мого роду!

Плыла, плыла и доплыла,

При берези стала,

Высла мати воды брати,

По квѣтцы познала.

„Ой, ци зе ты, мое дѣтя,

Вѹ недужи лѣзѣла,

Ой, сто зѹ твоя зѹ рози квѣтка

На водѣ завѣла?“

— Не лѣзѣла, моя мати,

Ни дня, ни години,

Попалася вѹ лихи руки

Невѣрной друзинѣ.

(Ср. № 379).

330.

При дорогѣ цересь уродился,
Десь мой милый въ корцомцѣ запися,
А приселся до дому сварился:

„Мати, мати, порадница въ хати,
Порадь зе мнѣ. якъ милу карати?“
— Возьми, сыну, сырую нагайку,
Спися милу, якъ цорную галку!

До полночи мила говорила,
На свитаню милая заснула.

„Мати, мати, порадница въ хати!
Порадѣлась, якъ милу скарати,
Теразь порадь, якъ милу збудити?“

— Маесь, сыну, малую дитѣну,
Збуди, збуди, цорнобриву:
Устань, мила, устань, цорнобрива,—
Расплакалася малая дитина!

„Мати, мати, якъ мнѣ утикати,
Коли дали взе до двора знати?“

На милую зъ дуба дѣсцки тесуть,
Миленькаго розоньками цѣсуть;
Миленькую у гробъ укладають,
Миленькому головку стинають.

Такъ тые хлопцы пропадають,

Сто зеняться, а матокъ слухають. (Ср. № 229).

(Малешевская вол., Вѣльск. у., Бобровскій,
Матер. ч. I, 647—649).

331.

„Ой, чумаче, чумаче, Твое житье собаче: Чомъ нэ сѣишь, нэ орешъ, Чого рано зъ Рыму (съ Крыму) — Охъ, я рано зъ Рыму йду, Всю челеденьку вѣду, Оно нымъ одного — Брата мого рудного. Вунъ застаўся на долу, Продае суль на вагѣ.	Ой, що жъ тамъ за вага? — Помэръ чумакъ—голова. Що жъ намъ тѣперъ робыты, Чымъ намъ волю кормыты? Идтѣ, хлопцы, на базаръ, Купитѣ косу изъ костѣмъ, Накоситѣ черотѣ, Да заварѣтѣ вѣчеру, Да укинтѣ шупакѣ, Споманѣтѣ чумака
--	--

332.

Да ныхай батько знае,
За кого дочкѹ замужь дѣе,
Розуму не довѣвши,
Роботы нѣ наѹчивши.
Чи нѣ жаль ёму будѣ,
Якъ учѣтумуть людѣ

Сырѣю дубыною, гуркою калы-
[ною.
Кому калына гурка,
Охъ, а мни солодѣнька,
У чужого батѣнька, у лыхого
[свѣкорка.

333.

Зацвитають сады вышнѣвыи
Разнымы цвѣтамы,
Заплывае сѣне мѣрѣ
Да всѣ кораблямы.
Тамъ гулялы хлопцы,
Дивчатѣ намовлялы:
„Которая липшая дивка,
То ходы изъ намы.
Мы купымо красной дивцы
Чѣрэвѣчки на ножки,
Пѣрсьтѣнокъ на ручку!“
Уже тую красную дивку
Да вѣдутъ пудъ ручки,
Уже тую красную дивку
Вынцѣмъ напоили,
Напоивши красную дивку,
Да й спать положили:

„Поспы соби, красная дивка,
Доспысься до гѣра!“
Проснулася красная дивка
Ажно сѣрѣдъ мора;
Просылася хлопцывѣ—матро-
[сывѣ:

„Пустытѣ до роду!
Пустытѣ до роду,
Зѣ родомъ побачитысь!“
— Уже тоби, красная дивка,
Зѣ родомъ нѣ бачицца,
Уже тоби, красная дивка,
Зѣ матросомъ вынчатысь,
Уже тоби, красная дивка,
Нѣ жаты, нѣ косыты,—
Зѣ матросами жыты!

334.

Ой, да ходыѹ да жунеръ сямъ лить по Дону,
А на бсьмый рукъ москаль домой йдѣ.
Эй, захватыла ёго нучь у тѣмнымъ лиси.
Эй, привязаѹ вунъ куня до явора,
А самъ люгъ вунъ спаты коло нугъ коня.
Эй, прилѣтила до ёго лютая змѣя:
„Чи ты спышь, жунеръ, чи такъ лѣжишь?“
— Эй, я ны сплю, нѣ дрямлю, да я такъ лѣжу,
Да я такъ лѣжу, думу думую,
Думу думую про свою жону.
Эй, а моя да жона законъ змыныла,
Законъ змыныла, замужъ пошла,
Замужъ выйшовши, сына вродыла.

335.

Ой, у лузи, лузи стояла бэроза,
Край тэн бэрозы стойў улань гожий.
Край того улана три дивки стояло.
Ой, одна дивчина улана любила.
Другая дивчина кошулю пошила,
Трейтяя дивчина постиль билу слала,
Постиль билу слала, да й очаровала.
Выйшла за ворота, да й заголосыла,
Уланьского сына на рукахъ носыла.
„Ой, сынку, муй сынку, ныма ў моры лёду,
Ныма ў тэбэ сынку, руднэнького роду.
Ой, сынку, муй сынку, ныма ў моры конца,
Ныма ў тэбэ, сынку, руднэнького ойма.
Улань сэломъ идэ, пудкувками лящить,
За имъ вороженьки, якъ собаки брешуть.
Улань прижжае, родына вытае:
„Здоровъ, здоровъ, улань,—дивка дитя мае!
Улань до дивчины, дивчина хворуе.
Бэрэ за ручэньку, въ лыченько цалуе:
„Бодай ты, дивчина, такъ марнэ пропала,
Чому ты до сэбэ дохторивъ нэ звала?—
— Ныхай тэбэ позвэ лыхая годына,
Вырыклэся мэнэ вся моя родына!
Ой, вырыкся отэць и рудная маты,
На чужуй сторони трэба пропадаты!

336.

Зелёная горишина, чого зашумила?
Молодая дивчинонька, чого ты змарнила?
— Хочь змарнила, нэ змарнила, самы слёзы льлюцца.
Що до мэнэ молодэи нэлюбый шлюцца.
Ой, шлитэся, нэ шлитэся, я жь ваша нэ буду,
Кому дала праву ручку, то за тымъ я буду.
Зь кимъ стояла, размовляла, тому й нялася,
Коло кого сміялася, тому попалася.
Одынъ стоить за порогомъ, другий за дворами,
Одынъ сыла тысячами, а другий слёзами.

Бодай тобі, товаришу, тисячи пропали,
Якъ я любиў красну дивку,—гіньчому попала.
Бодай тобі, товаришу, пудь мусть головою,
Якъ я любиў красну дивку за тихую мову.
Бодай тобі, товаришу, у сырий пысбчокъ,
Якъ я любиў красну дивку за тихій голосочокъ.

337.

А ў поли крыныца—водица сочїцца.
Що хорошій козакъ, то всѣ лѣдащица:
Нѣ хочѣ робыты, а нѣ гороваты,
Оно до корчомки пыты, гуляты,
Пыты, гуляты, дивокъ намовляты.
„Зь намы, дивка, зь намы, зь намы—козакамы,
Добрѣ тобі будѣ, липшѣ, якъ ў твої мамы!“
Ой, взяли дивчину за бїлыи руки,
Повѣлы дивчину до тѣмного бору,
Привѣязали дивку до сосны плѣчима,
До сосны плѣчима, до бору очима,
Да й вїсыкли огню изъ била крамѣня,
Путпалїлы сосну зь вѣрха до корѣня.
Сосна догорае, дивка промовляє:
„Ныхай же той чуче, хто ў бору ночуче!
Колы дочки маѣ, нихай наючаѣ,
Ныхай зь козакамы спатоньки нѣ ляже,
Ныхай козаковы правдоньки нѣ скаже!“

338.

Ой, я пѣяна, я пѣяна, да й до дому нѣ зайду.
Заковала зазуленька у вышнѣвому саду.
Ой, зазуленька куче, соловейко тѣе чуче.
Ой, Бугъ знае, Бугъ видае, дѣ муй милый ночуче.
Ой, колы ў дорозы, заховай ёго, Боже,
А колы вунѣ пѣе, гуляе,—покарай ёго, Боже!
Покарай ёго, Боже, хочь мѣю быдѣю,
Колы вунѣ пѣѣ, гуляѣ изъ чужою жоною.

339.

Щука—рыба ў моры гуляе до воли,
Бувъ у вдовы одынь сынъ, да ны давъ Бугъ доли.
Выйшовъ за ворота, стоить, якъ сырота,
Ныхто жъ ёго ны займае, бо доли ны мае.
„Продай, маты, коня, коня вороного,
Да жени своего сына, сына молодого!“
Нэ схотила маты коня продаваты,
Записала своего сына въ москали оддаты ¹⁾.
Въ москали оддае, слёзъмы облывае,
Лэтыть ороль зъ чужихъ стеронъ, да й того пытае:
„Ой ты, орлэ сывий, высѣко лэтаешъ.
Ой, чи часто мого сына у войску выдаешъ?“
— Чи то жъ твуй сынъ, матко, въ поли спочивае:
Надъ имъ сэдѣть ясный сѣкиль, голѣвку стыскае.
Ударылась маты объ полы рукамы,
Побигла маты до свей хаты:
„Сынки мой, сынки, сынки соловэйки,
За тымъ я васъ ны женила, що вы молодэньки.
Ны дай Боже смэрты въ чужимъ краи вмэрты,
Нымъ жъ кому доховаты москалёвэй смэрты.
Воронъ прылэтае, смэрты доховае,
Било тило обѣдае, косты покидае.

¹⁾ В а р і а н т ы:

Шкода, шкода, сынку,
Коня продаваты,
Записала зъ маленькосты
Въ солдаты оддаты.
Нэхай, матко, пышуть,
А я нэ боюся:
Самъ я молодэнькій,
То я выслужуся.
Нэ дай, Боже, смэрты.
На чужини вмэрты,

Бо нікому доглядаты
Солдацкэй смэрты.
Воронъ прилэтае,
Смэрты доглядае,
Билэ тило обырае,
Косты покидае.
Ой, якъ вышла маты
Въ Дунай воду браты —
Лэтыть ороль и т. д. (С. Молодово).

... Шкодовала маты коня продаваты,
Записали ий сына въ солдаты оддаты. (С. Болотъ).

340.

„Умру жъ я, матко, празъ ўдовыную дочку!“

— Ны вмырай, сыночку, да готуй студнёчку:

Чи ны прыдутъ люды ў студню воду браты,

Чи ны придэ тая, дочка ўдовыная!

Увси люды прышлы ў студню воду браты,

Оно нымъ тэй, дочки удовыной.

„Умру, матко, умру празъ ўдовыную дочку!“

— Ны вмырай, сыночку, да будуй корчмочку:

Чи ны прыдутъ люды ў корчму вутки пыты,

Чи ны придэ тая, дочка ўдовыная.

Увси люды прышлы ў корчму вутки пыты,

Оно нымъ тэй, дочки ўдовыной.

„Умру, маты, умру празъ ўдовыную дочку!“

— Ны вмырай, сыночку, да будуй цэрквочку:

Чи ны придэ тая, дочка ўдовыная.

Увси люды прышлы у цэркву молатыся;

Ажъ прыхдыть тая, дочка ўдовыная.

„Добрый вэчуръ, дивчина!“—Здоровъ, мое сэрцэ!

„Тэперъ же жъ мы будэмъ зъ тобою вынчацца!“

341.

Ой, посию лёнъ ў сэбэ на дворы,

Якъ унадыўся да козаченько на сывымъ коні.

Ой, посию лёнъ ў сэбэ за дворомъ,

Якъ унадыўся да козаченько, потоптаў той лёнъ.

Ой, посию лёнъ ў сэбэ на пэчй,

Якъ унадыўся да козаченько ны ў дэнь, да ў ночі.

Ой, уже жъ той лёнъ козакъ искосыў,

Ой, и хто жъ ему, молодэнькому, полудэнь носыў?

Ой, уже жъ той лёнъ козакъ изорваў, —

Ой, и хтожъ ёму, молодэнькому, волю погоняў?

342.

„Дрэма дрэмэ, кужаль прадэ,

Кужаль прадэ, тонко вэдэ!“

— Я нэ дрэму, кужаль прадэ!

„Молодая молодыца,

Кідай кужаль на полыцу,

Ходы зъ нами на юлицу,

На юлицу погуляты,

Добрыхъ людэй послухаты!“

— Я нэ пойду на юлицу,	Свекоръ каже: мэдвэдица!
Дитя мало ў колыбэли,	А свекруха: похмурныца!
Свёкоръ—батько на постэли!	Дэвэръ кажэ: лэпэтуха!
Свёкоръ дитя поколыша:	А золвица: эленуха!
Що колыхнэ, дубцэмъ махнэ,	Молодая молодыца,
Дубцэмъ махнэ, тяжко зотхнэ:	На што того нэ згадала:
„Спы, дытына, спы малая!	Мэдвэдица ў лису живэ,
Нэхай маты погуляе,	Похмурныца—тэмна нучка,
Добрыхъ людэй послухае,	Лэпэтуха—ластовочка,
Мэнэ свёкра спомынае!“	Эленуха—дубровэнька!

343.

Въ старомъ сэлэ, въ новой корчмэ,
Я самъ тамъ буў, коня забуў,
Ни такъ забуў, якъ самъ пропыў.
Пропыў коня вороного, до дому йду по другою.
Пидь полою сидло нису, пидь другою—нагаечку.
„Продай, мыла, намэточку, выкупъ коня изъ шиночку.
Якъ выкупишь, люблю тэбэ, нэ выкупишь,—забью тэбэ!“
— Якъ будэшъ быты, буду роду говорыты,
Якъ будэшъ глумытыся, буду роду журытыся,
Буду роду журытыся, будэ мой родъ сварытыся.
Якъ зозулька по Ёкраины, я молада мыжъ родными;
Якъ зозулька мыжъ пташочки, я молодэнька мыжъ сестрочки;
Якъ зозулька мыжъ соловэйки, я молодэнька мыжъ братэйки.

344.

„Чого, мыла, тыломъ лэжишь?
Одвэрныся лицомъ до мэнэ,—
Скажу тобі сонъ дывнэнькый:
Маты лэжить бэзъ надэя,
Батько умрэ бэзъ спбвэды!“
— Нэхай умрэ, нэ жаль будэ,
Винъ же мэнэ нэ жаловаў,
За пъяныцу замужъ оддаў,
За пъяныцу, за нэлюбу:
На двурь идэ, двурь чорнэе,
Ў хату идэ, сэрцэ мліе.

345.

Добрая годына на свиты настала,
Нэ одна сырота бэзъ матки остала (2).
Пошла сырота по свиты блукаты,
По свиту блукаты, матёнки шукаты.
Споткаў ей Господь Богъ на Пеццарской горы.
— Куды йдэшъ, сыротà? Ты далеко зайдэшъ,
Своей матки рудной по ўвэсь вискъ нэ найдэшъ!
Ўжэ твоя матёнка на високуй горы,
На високуй горы, у печатанымъ гробі!
Пошла сырота зъ горы да ў долину,
Ой, нашла сырота матчину могылу.
Припала къ могылы, та й стала плакаты.
Якъ зачула маты, та й стала пытаты:
„Ой, хто жъ гэто плачэ на моёму гробі?“
— Ой, я, матко, сырота—озьми мэнэ къ сѡбі!
„Ой, лишъ же мни дитя, тяжкій камэнь зняты,
Чимъ тэбэ, сыроту, до сэбэ узяты.
Ой, иды, сырота, мачохи благаты,
Чи ны мѡгла бѣ тоби кўски (коски) рочесаты.“
— Кулько я, матэнько, мачохи благала,
Таки мни мачѡха та й кўски нэ чесала!
„Иды, сырота, мачохи просыты,
Чи ны мѡгла бѣ тоби голоўку измыты!“
— Кулько я, матэнько, ў мачохи просыла,
Таки мни мачоха голоўку нэ змыла!
„Иды, сырота, мачохи благаты,
Чи ны мѡгла бѣ тоби сорѡчки даты.“
— Кулько я, матэнько, мачохи благала,
Таки мни мачоха сорѡчки нэ дала.
Ой, лишъ же мни, матко, ў сыруй зэмни гныты,
Чимъ на гэтымъ свиты зѣ мачохѡю жыты;
Вона своимъ дыткамъ кашу изъ молочкомъ дае,
А мэнэ, сыроту, отъ хлиба прогоняе.

346.

Ой, волы мой половэнькин,
Чомъ нэ горэтэ?
Ой, дитя мой молодэнькин,
Чомъ вы марно идэтэ?

Щобъ до тыхъ волыў да ратай добрый,
То бѣ воны горáлы,
Щобъ до ратая диўчина гожа,
То бѣ воны горováлы.
Ой, у стэпѹ я кони пасу,
Да зэлізныя пѹта;
Ой, кобъ же нэ ты, сэрцэ диўчина,
То я нэ буў бы тутá.
Ой, у стэпѹ я волю пасу,
Да зэлизное кóло;
Выйды, сэрцэ диўчина,
Да промовѣ до мэнэ слово.
— Рада бѣ я выйты зѣ тобою говорвты:
Говóрать люды, блиски сусидэ,
Мни тэбэ нэ любыты.
„Нэхай говóрать хочь по билому свиту,
Я тэбэ любыў и любыты буду,
Муй нарожóвый цвиту!
Ой, коло гаю побыгаю, я ў гаи нэ бываю,
А я до тэбэ, сэрцэ диўчина,
Свататыся думáю“.
— Ой, хочь сватайся, хочь нэ сватайся,
Нэ оддасть мэнэ маты;
Выростэ коса ныжэй пояса,
Таки буду гуляты!
„Гуляй, диўчина, гуляй, молада,
Колы гуляецца,
А якъ лыхая доля ймэцца,
Гулявньне мянэцца.
Мала пташечка, нэвелычка,
По рокíтнячку скаче,
Дурная диўка, малоумная,
По кавалиру плаче.
Нэ плачь, диўчина, нэ плачь, молада,
Нэ клопочи гульвóньки,
Найдуцца люды, озьмутъ тэбэ,
Изъ чужéи сторонки.

(С. Здитово, Слонимск. у.).

347.

Въ с. Зубачахъ, Брестск. у. пісня поется въ слѣдующемъ видѣ:

Ой, волю мои половенькіи,

Чомъ витэ ны оретэ?

Ой, лита мои молодецкіи,

Чомъ витэ марно йдэтэ?

— Ой, орали бѣ мы, ны стояли бѣ мы,

Кобъ кому погоняты,

Ой, ишли бѣ лита съ бѣлого свѣта,

Кобъ кому шановаты!

Мала пташенька, нывылычынъка,

По ялинонці скаче,

Дурна дывчина, бэзрозумная,

По козаковы плаче.

Ой, якъ же бо мни то й ны плакаты, —

Самы слезонькы льютця:

Ой, одъ милого вистоньки нымъ, —

Одъ нэлубого шлютця.

(Ср. № 3).

348.

Послала мэнэ маты,

Ў тыхій Дунай воды браты.

Ой, я воды ны набрала.

Ў тыхій Дунай сама ўпала.

Пришла маты шукаты, Дунайка пытаты:

„Ой, Дунаю, Дунаю, якъ я зваты тэбэ маю:

Чи я тэбэ Дунайкакомъ, чи вичнымъ потонныкомъ?“

— Не зови Дунайкакомъ нэ вичнымъ потонныкомъ, —

Зови мэнэ зятёмъ, своимъ руднымъ дитятёмъ.

Бо ны я ей хотыў, да мни Бугъ ей судыў,

Прэчистая Маты да вэлила ей ўзаты.

349.

Ой посіявъ я пшениченьку, До гіншой идэшъ.

Ще й ярый овесь, Выстэлю чирвоною китаечкою

Нэ по правди, да муй миленькій, Да й коло воротъ,

Со мною живэшъ, Якъ ты итымэшъ до гіншой,

Коло мого оконька Кобъ нэ ўмараў ногъ.

350.

Що жъ ты, матко, наробыла, А ў Турови на мурови,
Мэнэ рано нэ збудыла? А ў Варшави на рыночку,
Чужи диўки рано ўсталаы. Хбдыть Ванька по бэрэжку.
Щасте—долю разобралы. Чи ты, Ванюша, рыбу ловишь,
Я молода знузнѣлася. Чи ты люды пэрэвозышь?
Щастя доли умылася, Мой жъ, витэ, пэрэвозы,—
Щастя—доли умылась, Обливають мэнэ слэзы.
Лиха доля ўдэлылася.

351.

Чорнымъ очкамъ пора спаты,
Моимъ трэба рано ўстаты,
Да коники осидлаты,
На Ўкраину поихаты.
Я пойду на Ўкраину,
Тэбэ, шельмо, тутъ покину.
Якъ подъѣхаў подъ ворота,
Стоить мила луччи злота.
Мила мэнэ нэ узнала,
Да паномъ мэнэ назвала.
А я, мила, нэ паночокъ,
Та твуй вирный коханочокъ.
Вѣгукнула на служеньки,
Ўзяла коня до стаенки,
Ўзяла коня до стаенки,
А милого до свѣтѣнки.
Дала коню овса, сина,
А мылому мэду, вина.
Мыла стала конэць стола,
До милого а нэ слова.
Чого, мыла, зажалѣла?
Чи голоўка заболѣла?
Чи жаль коню овса, сина,
Нэмылому мэду, вина?“
— Жаль же мни молодосьти.
Що нэ любышь по щиросьти,
Жаль же мни ўсёго свѣта,
Що йдутъ жарно мои лѣта.

352.

Выйду я, молодэнька, на круту горѹ,
Чеше баринъ (парень) жоўтые кудры, свою головѹ,
Чеше вунъ кудры, да приглаживае,
На чужія жонки хороши поглядывае.
А чужи жонки да хорошія, такъ якъ розовый цвѣтъ:
А моя жонка нэўдалая завязала мни свѣтъ.
Озьму да нэўдалую за билу ручку,
Да повэду нэўдалую ў быструю ричку.
— Пэрэплыну быстру ричку да обсушуся,
До тэбэ, нэвирна дружина, по вѣкъ нэ вэрнуся.

(С. Здытово, Словимск. у.
Парѣдка слышится *ѡ* и *ѣ* мягкіе).

353.

Ой, оддала мене матэнька далеко отъ сэбэ,
Наказала мни не буваты николи у сэбэ (2).
Ой, живу я литечко, живу другое —
На третье схилялося, - стало мни нуднэнько (2).
Ой, позычу, позычу у зозули крылэчокъ,
Ой, полечу въ матёнчинъ садочокъ. (2)
Якъ начну куваты — весь садокъ зголошу,
Якъ стану плакаты - весь листокъ измочу (2).
Чуе тое матэнька, за водою идучи,
Чуе тое братечокъ, отъ кбній идучи (2).
„Ой, подай, подай, маты, гаевый дручокъ,
Ой, ударю, вдарю зозуленьку у правый бочокъ!“ (2)
Ой, не бы, не бы зозуленьку у правый бочокъ:
Нэмашъ мого дитятка вже третій рочокъ (2).
„Ой, жаль же мни, матэнько, па тэбэ, —
Не казала не буваты николи ў сэбэ!“ (2)
— Не жалуйся, дятятко, на мэнэ —
Ужэ я посылала пусланька по тэбэ —
Писала листоньки до тэбэ.

(Д. Леваши).

354.

Зеленая черемшина, чомъ нэ горѣшь, ано кúрышь,
Молодая сэрце-дывчинѣнько, чомъ нэ робвшь, ано тужышь?
Жебъ я была подпалена, я бѣ горыла, нэ курыла;
Суды, Божэ, кого вирно люблю,—я бѣ робыла бѣ, нэ тужыла.
Ой, литило два голубы зѣ моря, вѣды напившись;
Мундровало пара кавалировъ зѣ Рогачъ, нэ женившись:
Дай намъ Боже зайты до Медвѣжикъ,
Тамъ мы дивку намовили бѣ!
Ой, дайтэ човна, черезъ море переплѣвсты,
Просы Бога, сэрце-дывчинѣнько, жебъ я вѣ войску не загинувъ.
Нэхай тыи гинуть, що стары—бородаты,
Ано витэ вазадъ вэрнитэся, молоды нежонаты.

355.

Ой, що то за трава,
Що по сáду полягла,
Ухъ-а, и-ха-ха, що по сáду полягла?
Що по саду полягла, —
Сынимъ цвитомъ зацвыла, ухъ-а, и т. д.
Ой що то за жона—вѣ ей мужа то й нема?
Чи мни листоньки писаты,
Чи мни посланьця послаты?
Послала-бѣ я малѣго —
Малый пíсьма нэ знае,
Малый пíсьма нѣ знае,
Но каждыго пытае.
Послала-бѣ я старого —
Старый тúды вы зайдэ,
Старый тúды ны зайдэ —
На дорѣзы пропадэ.
Послала-бѣ я молодця,
Но молодэць запьѣтця,
Но молодэць запьѣтця,—
Съ козаками побьѣтця.
Запрягу я коня—
Ой, пойдю я сама.

Черезъ быстру ричиньку —
 Подай, мылый, рученьку,
Черезъ темный лисокъ —
 Подай, мылый, голосокъ.
Поставила йсты безъ убруса,
 Сама сила, якъ покуса,
Сама сила, подперлася,
 Звалылася,—що выплася.
А мой мылый захворывъ,—
 Кысыляку захотывъ.
Роцыныла кысылъ
 Ще й на сорокъ нидиль.
Вжы муй кысылъ киснэ, киснэ,
 Мылого за сэрцэ тиснэ,
Вже муй кысылъ раскипывъ,
 А мой милый отрупывъ.
Якъ на лавци лежавъ,—
 То мни було кроху жаль.
Якъ изъ лавки зыйшовъ,
 Вжэ мни жаль одыйшовъ.
Якъ вывели за сэло,
 То мни стало высэлò.
Ноженьками тупъ-тупъ,
 Лэжы, старый, тутъ-туть,
А я сама молодэнька,
 Гуляты радэнька,
Ухъ-а, и-ха-ха, гуляты радэнька!

356.

Ой, лияли гусоньки, лияли либыдоньки,
Летячй, говорыли: жэ мы свить злинули,
Жэ мы свить злинули, нигдэ такъ нэ бачили,
Нигдэ такъ нэ бачили, якъ у вь тыхъ Медвѣжикахъ:
Молодци, якъ мисяцы, дывоньки, якъ зороньки,
Гулоньки позамэтены, дывоньки позаплитены,
На нужкахъ черэвички, на ручкахъ пырстынэчки!
Лияли гусоньки, лияли либыдоньки,
Летячй, говорыли: жэ мы свить излинули,
Жэ мы свить излинули, нигдэ такъ нэ бачили,

Нигдѣ такъ нѣ бачилы, якъ у въ тыхъ Микуличахъ:
Молодци, якъ жеребци, дывоньки, якъ совоньки,
Гулоньки ны замѣтѣны, дывоньки ны заплѣтѣны,
На пугахъ—хочь рицу свй, на рукахъ—хочь ридьку сады.

357.

А нашъ Васылько розумный бувъ:
Прычипывъ жорна до пояса,
Прычипывъ жорна до пояса
И политивъ пудъ ныбыса.
И круны дэрэ, и кашу варыть —
Своей Марьюльцы живуть парыть.
Кашу варыть и сучку дѣить,
Своей Марьюльцы живуть гѣить.

358.

На широкуй гулицы
Журѣлися молодци,
Що мы ны жонаты,
По поясъ бородаты:
Ны на гулицю выйты,
Ны съ тѣсцѣмъ говорыты —
Ны съ тѣсцѣмъ наговорытыся,
Ны пыва напытыся.

359.

На пычи горчокъ новый зъ водою,
Ны люблю старого, бо зъ бородою.
Люблю мыдочокъ, бо солодѣнькй,
Люблю я хлопчика, бо молодѣнькй.
На лужку сыдыть, обуваецця,
Пырыдъ имъ дывчина умываецця.
Ой, гѣды, гѣды умыватыся,
Идимо на лужко обниматыся.
Обуимъ нужку, обуимъ дрѹгу,
Обуимъ другую, я тѣбѣ, сэрце, любѹю.

Тамъ, у въ коморы, за двырчыкамы,
Стоить лужэчко съ подушычкамы.
На тумъ лужэньку Пванко лэжить,
А въ правуй рученци скрипоньку дэржить
Тая скрипонька жалосно грае:
Съ кимъ моя Ганна спаты лягае?
Ой, зъ Богомъ, зъ Богомъ—сама съ собою,
Правая рученька пудъ головою
На двуры дощикъ, а въ сивёхъ слизко,
Поклунися Ганна Иванку низко.
Ганна рада, въ долони плещэ:
Вырнѣся, Иванко, дамъ буси ёщэ!

360.

Ой, знаты, знаты, хто лóбыть польку, —
Выдоптавъ стэжэньку чэрэзъ хвасольку!
Ой, знаты, знаты, хто лóбыть руську,—
Выдоптавъ стэжэньку чэрэзъ пытрúшку.
Ой, знаты, знаты, хто лóбыть Наталку,—
Выдоптавъ стэжэньку чэрэзъ татарку.

361.

По-подъ лисомъ дороженька бита,
Той дорожкой все рекруттики идуть,
По-на плечахъ все железо несуть,
На желизи все написано:
Гдѣ два братцы—тамъ не нужно ихъ брать,
Гдѣ чотыри съ лошадыми забирать.
Одѣнь братецъ выкупляетця,
Другий братецъ отговариваетця,
Третий братецъ вымувлѣетця.
А четвертый забиратця.
„Постой, сынку, лошаdkу выведù!“
— Веди, папа, для сэбэ и для мэнэ!
„Постой, сынку, лошаdkу напою!“
— Попой же, папа, для сэбэ и для мэнэ!
„Постой, сынку, лошаdkу сѣдлай!“
— Сѣдлай, папа, для сэбэ и для мэнэ!

„Постой, братецъ, рубашкѹ сошью!“
— Шой же, сѣстра, для сэбэ и для мэнэ!
„Постой, братецъ, рубашкѹ вымою!“
— Мой же, сѣстра, для сэбэ и для мэнэ!
Альбо жъ мнѣ жить да не жить ---
Иду я государю служить.

(Каждая строка поется два раза).

362.

Ой, пойду я коло млына,—
Млынъ мэлэ, млынъ мэлэ,
Нагнѣвався мой милэнькій
На мэнэ, на мэнэ.
Выкочу я бочку мэдочку, вѣна двѣ,
Ти нэ пэрэпрошу я своего милэнького до себи?
— А мы пыво принэсэмо,
Свого милэнького до домоньку привэдэмо!
— Вашэ пыво выпьемо,
Вашэго милэнького нэ дамо.
— А мы пырѳговъ напэчемо,
Зновъ своего милэнького до домоньку привэдэмо!
— Ваши пыроги ззѣмо,
Вашэго милэнького нэ дамо.
— А мы горылки принэсэмъ,
Свого милэнького до домоньку привэдэмъ!
— Вашу горылку выпьемо,
Вашэго милэнького нэ дамо... и т. д....
(Приносится сыръ, масло, вино).
Чи пэрэпрошу, чи нэ пэрэпрошу, то нэ дбаю,
Али своего молодого по голосу познаю.

(Изъ цикла свадебныхъ).

363.

Ё у поли лозы, подъ ёю морозы,
Нѣгды хлопцевъ нэ минають Дивоцкія слэзы,
Дивоцкія слэзы нѣгды нэ минають,
Якъ упадутъ на билъ камэнь, камэнь разбивають.
Ё у поли жнывка, полъ ею пэринка,
Тамъ дывчина жито жала, сама чэрнобровка.

Жала она, жала, все по колосочку,
 Познавала милэнького все по голосочку.
 Идэ ей милэнькій: „Богъ до поможэньки!“
 Она ёму отказала: „бувай здоровый. сэрце!“
 — А бодай ты, дывчино, нидыльки дождала,
 Якъ ты мэнэ молодого сэрдэнькомъ назвала!

364.

Ё у поли лыпа, подъ ею вода,
 Дывчинонька молодая, чомъ доли нэмà?
 Була ў мэнэ доля, маты пропыла,
 За лихого кавалира замужъ оддала.
 Кличэ маты вэчэраты, — вэчэрай сама,
 А я пойду до корчомки до билого дня.
 Пёршы півни заспивали, я въ корчомци пью,
 Други пивни заспивали, а я гуляю,
 Трети пивни заспивали, я зъ корчомки йду.
 Зодбсила дывырка въ вышнёвомъ саду.
 „Мыла братовая, жаль же мни тэбэ —
 Наготовивъ твуй мылэнькій нагайку на тэбэ!“
 — Дывырыку-соколыку, бороны мэнэ:
 Ё у мэнэ пасъ етвabный, —будэ для тэбэ!
 Ой, учувъ той мылэнькій, постэль стэлючи,
 Що мылая говорыла, съ корчомки йдучи.
 „А я той же пасъ етвabный самъ схожу,
 А я твой били плечи нагайкой спишу!“
 — Ой, нэ будэшъ мэнэ быты, будэшъ любыты!

365.

Ой, пойду я по-подъ садомъ,	Чи нэ скажэ вунъ мпи сьсты.
А тамъ плывэ качбкъ стадо.	Занэсу я ёму пыты,
Одна другу погоняе.	Чи нэ станэ говорыты.
Соби каждая пàру мàе.	Якъ наився и напывся,
Ой, пойду я по-подъ лугомъ.	То й на ролю повалився.
Тамъ мий мылый горэ плугомъ.	„Чомъ нэ встаешъ и нэ брэшъ,
Ой, вунъ горэ волянъками,	И до мэнэ нэ говорышь?“
Дрыбными скыбанъками.	— А я лёжу и думàю:
Занэсу я ёму исты,	„Нэ по мысли жинку маю!“

— А и въ роду родылася,
Поганому сулылася.
Нэ вылизли въ тэбэ очн,
Нэ бравъ ты мэнэ въ ночи.
Но сватавъ мэнэ по дню,
И зобравши всю родню.
Родынонька зобралася,
Мэду й вина напылася,

И на мэнэ дывылася.
Було свичку запалиты
И сусида запросыты,
И сусиды нэ татары,
Що запытавъ, то й сказали бѣ

Въ Кобрин. у. добавленіе:
Ой, хто каже, що мій мужъ добрый,
Бодай тому вить надовгий!

366.

Иванъ на пэчи родився,
Зробивъ соби самотужки.—
И зъ пэчи спустывся.
Пошовъ на ледъ.
И ледъ обломывся,
И сокирку затопивъ,
И табаку замочивъ—
До крышки!
Кажуть ёму у пэчи палиты,
Табаку сушыты.
Вунъ у пэчи запаливъ,
И чупринку осмоливъ —
До крышки!

Ажъ то тамъ пыроги сажають,
Ивана очн съ синій поглядяють.
Помаленьку досягавъ,
И все зъ пэчи повыймавъ—
И все зъивъ!
Ажъ то тамъ пыроговъ нэ стало,
Полизъ вунъ на горѹ по сало.
Ажъ тамъ сала нэ доставъ,
Съ горы съ дробиною упавъ—
Забився!
Кличуть ёго до хаты,
Онъ нэ можэ устаты —
Забився!

(Шостея и въ коляды).

367.

Низко слонко, пизко, пизко на заходзѣ,
Пасла Касюля волы на гродзѣ.
Пришелъ до ея Ясенько млдый:
Женьмо, Касюле, волы до воды!
Она его просить на милость Бога:
Слонко на заходзѣ, далека дрога!
— Не бойся, Касю, далекой дороги,
Мамъ я коника на четыре ноги.

(Запис. отъ католички).

368.

„Пусты мэнэ, мылай,
До броду по воду,
Повидаты роду!“
— А я самъ ны пойду,
И тэбэ ны пуцу,
Бо ты скажешъ роду
Всю мою пригуду.
„Ны буду казаты
И ны говорыты,
Якъ будутъ пытаты,
То я выйду съ хаты.
Матуля за мною:
„Ти живая, доню,
Ти жива, здорова,
Ти добрая доля?“
— Ны зычу ныкому,

Ны роду своему:
Хвартушокъ тоненькйй
Отъ слюзокъ мокрѣнъкйй,
Постиль билая
Кровью змаравая!
„Ны нарыкйй. доню, —
Сама выновата:
Ны хотыла оддаты, —
Ты стала плакаты:
„Оддай мэнэ, маты,
Въ нову деревню,
Въ сямъйсту хату:
Я въ новой деревни
Люблю похожаты,
А въ сямъйстуй хаты
Люблю жартоваты!“

369.

Ой гай, маты, ой гай, маты, ой гай зылененькйй,
Ой, выхавъ изъ Рогачъ солдатъ молодѣнъкйй.

Ихавъ сэлomъ, ихавъ сэлomъ, нызенько склонывся:

„Выбачайтэ вся громада: можэ съ кимъ бранывся!“

Покроплѣйтэ дороженьку, жебъ и ны курила,

Розважѣйтэ мою матку, жебы ны тужыла!“

Покроплѣютъ дороженьку, — вона таки курить,

Розважѣютъ мою матку, таки вона тужыть.

„Коли придышь, коли придышь, мой сыноньку, въ госты?“

— Якъ выростэ, моя маты, трава на помосты!

Ростэ трава, ростэ трава, стала высыхаты,

Вышла маты за ворота сына выглядаты.

Скочивъ пивынь на ворота, сказавъ ко-ко-ри-ку,

Нэ увидишь, маты, сына отныни до вику.

(С. Рогачи, Брестск. у.).

370.

Пудъ ялиною, пудъ зеленою, сывый кунь разыигрався,
Молодый Иванюсинька на войну выбирався.
Якъ выбирався, то всямъ клапявся: отцови, матюнцы,
Ще туй дивчыны, молодюсенькуй Тэклюси.
А якъ выхавъ за ворота, низэнько вклонывся,
Выйшла за имъ его матюнка: „ахъ, мой сынку, вырныся!“

371.

„Чого иржэшъ, сывый коню, ты дорогу чуешъ?
Чимъ ты, сыну Васылину, въ дома ны ночуешъ?“
— Якъ я маю, моя маты, въ дома ночоваты,
Якъ настане тымна нучка—ны съ кымъ розмовляты!
„Маишь, сыну Васылину, коня вороного,
Якъ настанэ тымна нучка—говоры до ёго!“
— Якъ я маю, моя маты, съ ковёмъ розмовляты,
Якъ усяду, то й поиду дывчыны шукаты.
Одна гора высокая, а другая ныска,
Одна дывка далёкая, а другая близка.
А у тэй далёкеи волы и коровы,
А у мэи близыпъкеи чернюсеньки бровы.
Ой, выйду я на гулицю—сюды, туды глэну:
Одна нысэ палюхй, а друга сметану.
А я тую, съ палюхамы, людямъ подарую,
А я тую, съ сметаною, соби завербую.

372.

На двory дощыкъ, въ синехъ калюжа,
Нагнйвалася жена на мужа,
Нагнйвалася, ны говорыла,
Улизла на пичку и захворила.
Мыленькй хóдыть, рученькы лóмыть,
Мылая до его ныць ны говóрыть.
„Уставай, мыла: принюсь я пыва!“
— Ны встану, ны могу, бо болыть шпына!
„Уставай, мыла: принюсь я мэду!“
— Ны встану, ны могу, головы ны звезу.

„Уставай, мыла, прийюсь горылки!“

— Ны встану, ны могу, шукай собы дивки.

„Уставай, мыла, привись я кія!“

— А тыи кіи всё дубовыи.

На твою шпыну все здоровыи!“

— Ой, деку, мылый, що догадався.

На мою шпыну кія постарався!

Ой, я зроблюся соломыною.

Выскочу до хлопцювъ ще й любыною.

Якъ я выскочу, то й покочуся,

Ныхай я съ хлопцями хочь забачуся.

(С. Зубачи, Половецк. вол., Брестск. у.).

373.

Ой, по горахъ, по долинахъ

Сывый голубокъ литае (3),

Товарыша выкликае:

„Товарышу, ридный братъ,

Выкличь, выкличь дивку съ хаты (3),—

Чогось маю я пытаты: (3)

Чи ны была ий маты? (2)“

— Ой ны была, научыла,

Жебъ съ козакомъ ны стояла (2).

Одёнъ хлопцыцъ росшатався,

До дивчины исховився (2).

А соцькыи то узнали,

Дивци двѣри поломали (3),

И тамъ хлопця излапали (3),

Назадъ рученьки звязали (2).

Посадыли на возочокъ,

И завззли въ городочокъ (3),

Поставыли на кружочокъ (2).

На кружочку поставыли,

На столочку посадыли (3),

Головоньку оголили (3),

Мѣдомъ, выномъ напоили (3),

Да и спаты положили (2):

„Ой, спы, рѣкрутъ, высыплайся,

И на муштры прыбырайся!“ (2).

— Ой, Боже мій, Боже мыйй,
Якый же я ныщясливый! (2).
Чого ны знавъ батько й маты,
То я мушу тое знаты (2)!

Ныщяслива моя доля,
Що нэ жыты мни у дома,
Тылько жыты у неволи,
Та й въ солдацькому наборы!

374.

Соловійку маленький,
Соловійку сівинький,
Твій голосокъ тонэнький (2).
Ны прылетай подь окно,
Ны щыбэчи жялосно,
Ны задавай жялю мни,
Що я въ чужій сторони,
Що я въ чужій сторони,
Бэзь батэнька, бэзь родни (2),
А нэ роду, а нэ плоду,
Якъ тэй камэнь у воду (2).
Якъ камэнёвы зогныть,
Такъ мни въ вйску трудно жить (2).
Якъ камэнёвы лыжаты,
Такъ мни въ вйску прывыкаты (2).
Ой, найму-жь я подводу,
И пойдю до роду (2).
Подъихавъ я подь сыло,
Стало-жь бо мни высёло (2).
Якъ захавъ я на двиръ,
Ажь выхóдитъ отэць мій (2).
Ажь выхóдитъ и маты,
Сына свого вытаты (2)
„Охъ, мій сынку рожоный,
Дэ твій дружокъ винчоный?“ (2).
— Я вынчався пры полку,
Взявъ шáбэльку до боку,
Чорный кывэръ на боку.

Матко жъ моя ридная (2),
На що жъ мэнэ родыла,
Лиху доленьку дала,
И въ рэкруты оддала?
„Ой, сынку жъ мій рожоный:
Ны я тэбэ оддала,—
Ну оддала гормада.
Вражыцькая порада.

375.

Выйшла хмара половая,
А за ею сыва,
Породыла бидна вдова
На славоньку сына.
Породыла жъ вона ёго
Тэмнышкэи нocy,
Дала ёму било личько

И чорныи очы.
„Ой, було жъ мни, моя маты,
Личька нэ былиты,
Було жъ мэнэ, моя маты,
Щясьтёмъ надарыты,
Кобъ же мни молодому
Рэкрутомъ нэ буты.

376.

Ой, изъ-за горы, горы высокби
Покотылося коло.
„Ой, выйды, выйды, сэрцэ дывчинонько,
Промовъ до мэнэ слово!“
— Ой, якъ я маю до тэбэ выходыты,
Казали мни люды, близькыи сусиды,
Кобъ тэбэ ны любыты.
„Ой, ныхай говорятъ, та й нихай говорятъ,
Все соби на бызголовье!
Якъ мы любылися, любытыся будюмъ,
Дай намъ, Боже, здорыве!“
Ой, дэсь пойхало мое хлопчынятко,
Та й и не завыдаты:
На бѣтумъ гостынци, на жовтумъ пысочку,
Два слядочки ёго знаты!
Скочу я въ садочокъ, вырву я листочокъ,
Накрыю, накрыю, своего мыленького
Та й накрыю слядочокъ.

Кобъ по тымъ слидочку пташеньки ны ходыли,
Кобъ мого мылого (2) гыншыи ны любыли.
Кобъ по тымъ слидочку
Пташеньки ны топтали,
Кобъ мого мылого (2) гыншыи ны кохали.

377.

Ой, зъ вэчора хмароньки надыйшли,
О повночи дрыбный дощыкъ зыйшовъ,
На свытани папороть зацвыла,
Съ папороти сывъ кынь выбыгае,
На коныку молодэць играе.
Розыгрався сывъ кынь подъ молодцёмъ,
И вскочывъ въ новэнькый городэць,
И выдоптавъ дывоцькее зильле.
Ой, выдоптавъ зильле лилю,
Ой, выдоптавъ рутку паневію.
Выйшла дивка зильля оглядаты,
Стала вона коня проклинаты:
— Бодай, коныкъ, нужэньки поламавъ,
Биль молодэць, бодай каржа зламавъ?
— Ны проклинай, дивко, коня мого,
Живы будюмъ, зильля роздобудюмъ,
Якъ помремо, тое покынемо.

(Каждая строка повторяется два раза).

378.

По подлісью дороженька быта,
Дрыбнынькымы слезонькамы влита.
Ой, тамъ — тэю дороженькою,
Ой, тамъ ишовъ та й солдацькый походъ.
Попэрэды два рыкрутыки ийшли,
На рученькахъ то й зылизе нэсли,
На зылізахъ понапысовано:
„Дэ два браты, тамъ нэ надо браты,
Дэ чогыри, тамъ съ конемъ забраты“.
Чэрэзъ сэло, тамъ живила вдова,
Тамъ до ея сбыралась старшына:

„Которого, маты, сына дасы:
Чы старшого, чы подстаршого,
Чы мѣньшого, чы подмѣньшого?“
— У старшого диты маленькыи,
Въ подстаршого жинка молодая,
А въ третёго дивка заручона.
Наимѣньшый сынъ выбираетця,
Съ ойцомъ, зъ маткою прощаетця.
Выйшла маты на дороженьку:
„Вырнысь, сыну, то й до домоньку, —
Змѣю тобі я головоньку!“
— Е у поли буйнынькыи дощы,
Вымоють мни головоньку мою воны;
Е у лугу трымылёвы корчи,
Вычешуть мни головоньку воны;
Е у поли буйнынькыи витры,
Высушать мни головоньку воны.
(Каждая строка 2 раза).

379.

Ой, заковала сыва зозуленька
То й въ вышнёвумъ садочку,
Ой, выражала маты своего сына
Въ далекую стороночку.
„Ой, идь же, идь ты, мій мылый сыночку,
И долго ны обавляйся:
За ныдѣленьку, ти жъ бо за другую,
До дому ворочайся!“
— Ой, ны вырнуса, моя матуленьку,
Ны вырнуса, ны вырнуса,
Бо вже мій конычокъ. сывый, нывѣличокъ,
Въ воротихъ спотыкнувся.
„Ой, ны бы, сыну, коня въ головоньку,
То ны будэ спотыкаты.
Ой, ны зрадъ, сыну, чужей дывчыны,
То ны будэ Бигъ караты!“
— Ой, ще жъ я ны бывъ коня въ головоньку,
Чого винъ спотыкае?
Ще жъ я ны зрадывъ чужей дывчыны,
За що жъ мэнэ Бигъ карае?

380.

Черезъ дорогу то кума моя,
Ой, дытоньки, то душа моя.
Вже я съ кумою розкумуюся,
Зь ей сыночкомъ повынчаюся
Хотила маты сына жыныты,
И нывистоньки нызनावыдыты.
Послала сына въ поле ораты,
А нывистоньку хустоньки праты.
Ой, прала, прала, перепырала,
Чужая маты ны сподабала.
Дала сынови скляночку пыва,
А нывистоньци та й отрутоньки.
Сынъ свое пыво подь коня выливъ,
Тую трутоньку обое пылй.
Ой, пылй, пылй, повпывалися,
Оббе разомъ повалилися.
„Ой, Боже, Боже, що жъ я зробыла,
Що двое дытынокъ разомъ струйла?“
— Знала есь, маты, якъ насъ труиты,
А тэпэръ вйдай, якъ схороныты.
Поховай сына у овтароньку,
А нывистоньку на цвынтароньку.
Посады надъ сыномъ зылений яворъ,
На нывистоньци билую липу.
Якъ воны росли, позросталися,
Такъ мон дытки похылялися.
И кохалися, и любылися,
Оббе разомъ повалилися.

(С. Лумва, Половецк. вол., Брестск. у.).

381.

Ой, ныхто ны такій, якъ тая Ганнуса,
Хочъ я ей люблю—зачынаты боюся.
Ой, ны такъ Ганнуса, якъ Ганнусина маты,—
Ны пұстыть Ганнуса на гулицу постояты.
„Добре тобі було подаруночки браты,
А тэпэръ ны хочэшъ зо мною постояты.

Добре тобі було гостыпчыки йсты,
А тэпэръ ны хочешъ коло мэпэ сйсты!“
— Ны мнўго, ны мнўго подаруночковъ брала:
Симъ паръ чырывычокъ—я ще ихъ ны здоптала.
Ны мнўго, ны мнўго гостыпчыкувъ йла:
Симъ купъ обаранкувъ—то я ихъ зогнола.
А тын чырвычки ў коморы на скрыни,
Оддай ихъ, матіонко,—ныхай винъ зь ими згинэ!
„Ой, будэшъ, ой, будэшъ, Гапнусенько, тужыты,
Ой, якъ я пойду ажъ до вуйска службыты!“
— Я ны буду тужыты, мій Ясеньку. ны буду,
Якъ ты за ворота, то я тэбэ забуду!
Молодый Ясенько конычэнька выводыть,
Молода Гапнуса очынькамы поводыть.
Молодый Ясенько конычэнька сёдлае,
Молода Гапнуса изъ жалю умливае.
„Хочь ты трісны, пўкны, якъ сырая лицына,—
Я ны твій каваліръ, ты ны моя дывчына!“

382.

Сюды дорожэнька, туды дорожэнька,
Туды Ваня хёдыть ажъ до ворожэньки.
Ворожэнька пьва, правды ны казала,
Сь кимъ я молодая нўчку почувала.
Ночувала пэршу вь зылёному жыты,—
Сь кимъ нўчь ночувала, сь тымъ думаю жыты.
Ночувала другу вь зылёному лугу,—
Таки я сь тобою, мій наймыльшый другу!
Ночувала третю вь зылёнэнькуй мяты,—
Сь кимъ я почувала, сь тымъ я буду слаты.
Ночувала чытвэрту вь вышнёвумъ садочку,—
Таки я сь тобою, отцовскій сыночку.
Ночувала пьятю вь зылёномъ барвынку,
Таки я сь тобою, гыцлю, педовірку.

383.

Дывчынонька по садоньку ходыла,
Козачэнька за ручэньку водыла,

Дрибны ягодкы збырала,
Козачэнька годувала,
Все думала, що мій будэ.
Ой, пудь гору, козачэнько, пудь гору,
А я ёго очынькамы провожу,
Очынькамы чорнынькымы,
Слёзонькамы друбнынькымы.
„Ой, вырніся, козачэньку, вырніся,
Солодкого мэду и вына напыся!“
— Твое пыво мни ны дыво,
Дывнійшое слóвце твóе,
Слóвце твóе нывирібе.
Есть у поли крынычэнька здруёва,
Ой, тамъ быжыть та й водыця здорова.
Тамъ я стану и напыюся,
Слёзонькамы умыюся,
Викъ до тэбэ ны вырнўся.

384.

Ой, ты вэрбонько, ой ты зэлэнэнька,
Ой, рано-ранэнько, ой ты зэлэнэнька!
Чомъ такъ на тоби все витэчко гнэтця?
(Притѣвь послѣ каждой строки).
— Ой, нэхай гнэтця, хочь и поламлётця,
А мнѣ молодому гинша розовѣтця!
„Чомъ же, Иванко, молодъ нэ женився:
Вже твоя дывчына росла, пэрэрóсла,
Росла, пэрэрóсла, поставила кросна:
Кросна дубовыи, нытки валовыи!
Що бэрдэчкомъ стўкнэ--сорокъ нытокъ пўкнэ,
Що на пбнужь стўпэ, то Ивапка збудэ,
Що чóвнемъ кивэ, но мало нэ сгинэ!
А вже твои круцы выносили крукы,
А вже твои грóшы щурь поносылы,
Вже твою дывчыну гипшы полюбылы.“
— Нэхай соби люблять, али ны цалують,
А мни молодому личынька ны псують,
Ой, рано-ранэнько, личынька ны псують.

385.

Плыва́въ човночокъ по рицця,
Плакавъ Олесько по дивци:
„Якъ я Теклюси ны возьму,
Та и женытыся ны буду, —
Пойду до рички, утоплюся, (2)
На гострый камень пробьюся,
На жежку кропыву спэкуся,
На колючій осётъ сколюся, —
Таки до Теклюси добыюся“.

386.

Ой, чія то бэрэзонька въ поли рано подмытёна, —
Ой лёнь-лилія!
Олеськова бэрэзонька въ поли рано подмытёна (припѣвъ).
Тамъ Олесь съ торгомъ стоить, съ червичкамы,
Всімъ дивонькамъ распродае,
А Ганвульки даромъ дае.
Ой лёнь-лилія!

(Рогач. вол., Брестск. у.).

387.

Бѣжи, кѣню, дорогѣю солдац-	А онъ скаже новы вѣсты.
[кѣю.	Одны вѣсты то й такіи:
Якъ забѣжишь подѣ ворота,	Ужанився сынъ у вуйську,
Стукны, брукны съ копытѣчка,	Узявъ соби круля дѣчку,
Кѣбъ копыта забручили,	У чистѣму полю могилѣчку.
Кѣбъ ворота зазвѣнили.	— Вѣзьмы, маты, пыску жмѣню,
Выйдѣ къ тоби стѣра жѣна,	Пѣсїй его на камѣню.
Стѣра жѣна, матка мѣя,	Якъ той пысокъ жытомъ
Возьмѣ коня за гривоньку,	[зыйдѣ,
Завыдѣ кѣня до стаѣньки,	Тоды твуй сынъ зѣ вуйска
А дасть кѣню пыты, исты.	[уридѣ.

388.

Тамъ, на загумѣньи, яліна стояла,
На туй ялиноци зазуленька кувала.
Кує она, кує, соловіи тоє чує,
Богъ знає, Богъ видає, дэ муй мылий ночує?
Если при корчомци, то скарай ёго Боже,
Если при дорози, то приньсы ёго Боже.
Ой, піе онъ, піе у нувуй корчомци,
Плѣтыть таярами молодуй шинкароньци.
Кобъ тая шинкарка марнэ запропала.
Одъ мого мужа вси таяры одобрала!

389.

„Ой ты, дивчино, гарда и пышна,
Чомъ ты до мѣнэ зъ вѣчора нэ пришла?“
— Ой, я нэ пришла, боюся морозу,
Я свои нужки били поморожу!
„Ой ты, дивчино, ны буйся морозу,
Я твой нужки у шапоньку вложу.
Моя шапонька та й ны дорогая —
Четыре воли изъ двора пригнала,
Четыре воли, четыре коровы,
На твои, дивчино, на чорныи бровы.
Ой ты, дивчино, чирвона калыно,
Якъ мни на тѣбэ дывытыся мило!
Ой ты, дивчино, ярая рутко,
Ой, сядай, сядай на човоны хутко!“
Еще дивчина на човонъ ны сила,
А вже човона вода затопыла.
Ой, яшло, ишло три козаки зъ мѣста,
Ой, изъ мѣста то изъ Одѣста:
„Ой, ратуй, козаченьку, ратуй,
Будэшъ миты одъ ойца заплату!“
— Нэ хочу я заплатоньки браты,
Тулько щобъ съ тобою до шлюбоньку статы!..

(С. Токари, Высоко-Литов. вол., Врестск. у.).

390.

Сниги падуть, морозъ будэ,
Розвывайся, сухій дубэ!

„Я морозу ны боюся,
На три части розовьюся,
На три части широкія,
На дороги далёкія!“

Той дорóгой козакъ йдетъ,
Подъ козакомъ коныкъ блу-
[дыть.

Проблудывся винъ до гаю,
До быстрэнького Дунаю.

Ставъ конычокъ воду пыты,
Козачэнько ручки мыты.
Еще коныкъ ны напывся,
Вжэ козачыкъ утопывся.

„Ой, щэ жъ бо я ны втопывся,
За калыноньку вхватывся,

За калыну чырвоную,
За дивчыну молодую.

„Дивчынонько, моя мыла,
За що жъ тэбэ маты была?“

— Ой, за то мнэ маты была,
Щобъ по ночкамъ ны ходыла,
Щобъ по ночкамъ ны ходыла,
Кавалирувъ ны любыла.

Якъ ходыла, ходыть буду,
Якъ любыла, любыть буду.

Бо въ казака тулько думки,
Якъ на сынимъ мори шумки,
Бо въ казака тулько ласки,
Якъ на сынимъ мори краски.

Козакъ ййдэ воёваты, —
Моя дочка гороваты!

(М. Волчанъ. Брестск. у.)

391.

Гдэсь надъ мій двиръ въ воротэчка зозуля лэтила,
Нэ данъ мэнэ мій батэнько за кого хотила.

Одавъ мэнэ мій батэнько та й за воеводу,
Во чужій край-сторонэньку, далэко одъ роду.

Полэтила бъ я пташкою, да крылэць нэ маю,
Сохну, чахну на чужбыны, съ гóра умыраю.

Ой, зорву жъ я зъ рожы квитку, та й пуцу на воду:

„Плывы, плывы, зъ рожы квитка, ажъ до мого роду!“

Плыла, плыла зъ рожы квитка, та й стала кружыцца,
Вышла маты воду браты, та й стала журыцца:

„Ой, ажъ гдэсь ты, моя доню, въ нэдузи лэжала,

Що зорвана зъ рожы квитка на води завяла!“

— Нэ лэжала, моя матко, ны дня, ны годыны, —

Попалася въ лыхы людэ, нэвирнуй дружныны!

392.

Черезъ морэ глубокое.
Черезъ полэ широкое
Ишло вуйско вэлыкое.
Вперэдъ вѣйска сивъ кунь
[бэжыть,
На коньку жовнирѣ сэдуть.
Дыржыть соби дывусычку,
Красну панну Ганусычку.
Ей коса до пояса,
Коню гриву покрывае,
Кунь копытомъ наступае.
„Подай, брате, гостры мэчы,
Врижу косу ажъ по плэчы,
Пуцу косу у Дунаю, —
Плывы, коса, ажъ до краю!“
А въ нэдилю поранэнько

Вышла маты воду браты.
И выдэрцэмъ промахнула, —
На вэрхъ коса выплынула.
„Я думала, мое дытя,
Мое дытя туркы взялы, —
Мое дытя у Дунаю,
Ей косы вода нбсыть,
Ей очы пэсокъ точыть!“
— Продай, матко, сукни новы,
Выкупъ мэнэ изъ нэволы!
„Сэбъ ты, доню, нэ дождала,
Сэбъ я сукни продавала,
Изъ нэволы выкупала!
Нэ слухала мэи мовы,
Тэпэръ жывы у нэволы.
(Д. Полятычи, Прусск. в., Кобрин. у.л.

393.

Замэла хату, замэла сѣны,
Та й стала на порози,
Ой, якъ здумаю дывоцьку
[роскошъ,
Полютця дрибны слэзы.
Стоить човонъ, водыцы
[повонъ,
Бэрогы розбываэ,
Молодый козакъ, да й
[нэвынчэный,
До вуйска выѣжжяе.
Ой, якъ выхавъ за воротэчка,
На коня похылывса:
А за имъ, за имъ старая маты:
„Нэ идъ, сынку, вэрныса!“
— Ой, нэ вэрнуса, моя
[матусю,
Мыслэнки нэ покину:
Самъ молодэнькый, кунь
[воронэнькый, —

Въ чужыны нэ загыну!
Ой, якъ выхавъ за тыхий
[Дунай,
Ставъ коня попасаты,
А за имъ, за имъ вражыи паны,
Хочуть въ нэволю взяты.
„Озьмитэ срибло, озьмитэ
[злото,
Ще й коня вороного —
Нэ зачицайтэ, нэ зачипайтэ,
Козака молодого!“
— Озьмэмо срибло, озьмэмо
[злото,
Ще й коня вороного,
Нэ покынэмо, нэ покынэмо
Козака молодого!
„Ой, заржы, заржы, муй си-
[вый коню,
Дорогою идучи, —
Нэхай почбе моя дывчина,

Изъ руты вынки выючй“.

Ой, якъ почюла, тежко здыхнула,
Сылнэнько заплакала:
„Дэ ты, Ясю, бувъ, чѣмъ не
[прыхавъ,
Якъ я лысты пысала?
Цы дома нэ бувъ, цы коня
нэ мивъ,
Цы маты нэ пускала?“
— Бувъ жэ я дома,
Мивъ жэ я коня,
Мэнэ маты пускала,—
Старшая сэстра,
Бодай нэ зросла,
Сыдэлэчко сховала.

„Ой, нэ идъ, нэ идъ,
А муй братыку,
До тэи дывчинѳньки:
Ё того цыту
По всѣму свыту —
Соби другую найдэш!“
— Ой, хочъ я найду,
Моя сэстрино,
Зъ воламы, зъ коровамы,
Таки нэ знайлу
Соби другэи
Изъ чорнымы бровамы...
(С. Каменецъ-Жировицкій,
Врестск. у. Запись 1873 г.).

394.

Очки мои чорнэнькйя,
Пропала я зъ вамы —
Гей я, гей, пропала я зъ вамы!
Нэ хочетэ ночеваты
Ни ноченькы самы,
Гей я, гей, ни ноченькы самы!
Хоть хотыте, нэ хотыте,
Мушу привыкаты.
(Привѣвъ послѣ каждый двухъ строкъ).
Ой, поихавъ мйй миленькый
У поле гораты.
А я соби молодэнька
До корчомкы гуляты.

Настучала, набручала,
Що горэшъ погано.
— Ой, нэ ўважај, моя мила,
Копъ соха горала.
Оно ўважај, моя мила,
Копъ скрипэнька грала,
Гей, копъ твоя била постэлъ
Пыломъ нэ запала,
Ой, копъ твоя била ручка
Другихъ нэ займала.
Гей я, гей, другихъ нэ зай-
[мала.

395.

Да й у полю вэрба росла,
Куды гляну, всюды красно.
Куды гляну, всюды красно,
Тылько доленька нэщасна.
Погавого мужа маю,
Будэ биты, сама знаю.
„Нэ бы мэнэ въ тэмной ночи,
А съ коморы до обору,

Бо полюбьэшъ чорны очи,
Набы мэнэ, якъ дэнь билый,
Оборѳныгъ братикъ рыдный.
„Радъ бы, сэстро, боронѳты,
То не смйю подступиты.
Втекај, сэстро, до коморы,
А съ коморы до обору,

А съ обори до стодолы,
Спробуй соби щастя-доли!
— Вже я, братэ, утэкала,
Щастя-доли пробовала.
Тамъ у мисти, на риночку,
Стоять корчма зъ барвиночку.
Ой, тамъ теща пьё, гуляе,
Къ соби зятя намовляе:

„Ой, зятэньку, мій сынбоньку,
Нэ бы мою дитябоньку!“
— Було, матко, сама быты.
Свою дочку научиты,
Копъ нэ ходыла въ корчму питы.
Зъ дворакамы нэ любиты,
Съ казакамы нэ мувиты.

396.

Е у саду вышэнька,
Е у саду червона.
Вышня къ вышни хилитця,
А мни, бидной сыроти,
Нэ до кого хилитьця:
Сонцэ—мисяць високо,
Ойтець—маты далёко,
А сёстронко въ нэволи,
Нэ прибудэ никбли,
А мой мужъ при полку,
Связавъ шовкомъ головку.
„Пойды, мила, до Дунаю,

Купай зилья розмаю!—
— Я розмаю нэ знаю,
Всяко зилья купаю.
Накупаю травою,
Зостаюся вдовою,
Накупаю дробными,
Зостаюся зъ малыми.
На калыни жовтый цвить.
Будэ сиротъ повэнь свить,
Будэ той цвить опадать,
Будуть сироты плакать.

397.

И дворякъ идэ, гулица гудэ,
Вэрбонька, развивайся.
На козакови пара жупанывъ,
Дывчина, утишайся.
На козакови пара жупанывъ,
Семъ рублый у калытцы:
Я тэбэ люблю, я тэбэ возьму
Хоть у одной свитцы.
„Ой ты, козаче, ой ты, дворяче,
Нэ будэшъ мэнэ браты:
Бо я нэ маю одъ мого батька
До тэбэ коровъ гнаты!“
— Ой ты, дывчино, мое сэрдэнько,
Нэ говори мни тóго:
Я тэбэ люблю, я тэбэ возьму,
Опротъ тэбэ никого!

Хбдыть свекруха по новыхъ сняхъ,
Нэвистоньку б́удить:

„Вставай, нэвистка, вставай, молода,

Бо уже есь выпалась:

Возьми дойницу, подой коровы,

Що отъ батька пригнала!“

— Ой, копъ тоби, моя свекрухо,

Тяжко было конаты.

Якъ я нэ мила одъ своего батька

До тэбе коровъ гнаты!

398.

Ахъ ты, вдова молода,
Породила два сына —
Иванюшу й Василя.

Въ китаечку повила,
И въ корабликъ вложила,
И на Дунай пустила:

„Ахъ ты, Дунайска вода,
Гляди жъ моихъ два сына —
Иванюшу й Василя!

Ахъ ты, жовтый песочокъ,
Гляди жъ моихъ дѣточокъ!“

Тридцатаго и году

Вышла вдова по воду.

Стала воду набирать,
Ставъ корабликъ приплывать.

А у тому корабли
Стоять столы дубовы,

По-за тыми столами
Сидять паны рядами.
Сталы ряду рядиты,
Кого въ рекруты взяты.

Въ кого чотыри, въ кого пять,
То тыхъ бр́аты нэ велять,

А у довы одинъ сынъ,
То той пйде подъ аршинъ.

Сталы лоба бр́еты,

Стала маты плакаты.

„Нэ плачь, матко, нэ рыдай,

Ще нэ били въ барабанъ.

Якъ удэрать въ барабанъ, —

Матко, батюшко, прощай!

Якъ удэрать зъ ручницы,

Прощай, братцы—сестрицы!

399.

Охъ, нэ шумы, луже,
Зеленый байраче,
Нэ плачь, нэ журися,
Молодой козаче!

Якъ мни нэ шумиты,

Зеленому лугу,

Якъ мни ни плакаты

По милому другу.

Сосиды близкии,
Вороги тяжкии,
Нэ велять ходыты,
Дывчину любыты.

Ой, умру я, мила,

А ты будэшъ житы,

Приды, подывися,

Гди буду лежаты.

Приды, подывися,
Дэ й махни рукою,
Охъ, то людэ скажуть —
Любылись съ тобою.

Пусты мэвэ, маты,
У садъ погуляты,
Свого миленького
Кости позбираты.

Кости позбирала,
Въ хвартушокъ поклала,
На тихомъ Дунаю
Переполокала,

Шовковымъ платочкою
Поперетирала,
У новую скрыню,
Взявши, поховала:

Що на скрыню гляну,
Милого згадаю,
На скрыню запруса,
Слезками зальюся,
Слезками зальюся,
Хвартушкомъ утруса.

(С. Прилуки. Мѣдвян. вол.
Брестск. уѣз. Запись 1873 г.)

400.

Изъ-за горы тихій витѣрь вѣе,
Тамъ удовонька пшынычнюку сѣе.
Ой, ще вдова до дому ны дойшла,
А вже ий пшыныця зыйшла;
Ще вдова на лавы ны сила,
А вже ий пшыныця поспила.
Пошла вдова пшыныци глядиты,
Нашла вдова зозульчины диты.
Ой, сэбъ ёму тры литы хвориты,
Хто то забравъ зозульчины диты.
Прилытивъ чорный воронъ зъ мора,
Забравъ диткѣ до явбра.

401.

Кажы, маты, коню даты,
Бо вже часъ на войну ихаты.
Иду полэ, йду другэ,
На третюмъ ратай орэ.
„Помогай, Бугъ, ратайнику!“
— Помогай, Бугъ, жолнироньку!
„Которэ тутъ вуйско ишло?“
— Пошыроду козацькое,
А призяду поляцькое!

Попыроду коныкъ быжить,
На коныку сыдло лыжить,
 На сыдловы козакъ сыдыть,
 Въ правуй руци квитку дыржить.
Съ тѣи квитки ричка тычѣ,
По сынови маты плачѣ.
 „Ны плачѣ, матко, ны журыся,
 Ще я на смѣрть ны рубився:
Мои руки на три штуки,
Мое тило на дробный макъ,
Мое сѣрце выймутъ и такъ.
 Изробѣтѣ трунку трупу
 Бызь оконѣць, бызь двырѣць, —
 Бо вже жисты конѣць!“

402.

Ныма въ свити такъ никѣму,
Якъ бурлаку молодому,
 Гей—гей, якъ бурлаку молодому!
Бурлакъ хѣдыть, заробляе,
А хозяйинъ ёго лае. (Припѣвъ).
 Замочився, заросывся:
 „Дѣ ты, бурлакъ, волочився?“
— По горѣдахъ, по пшыныцяхъ,
По хорошихъ молодыцяхъ!
 Пришовъ бурлакъ да й до хаты:
 „Дай, хозяйка, вычираты!“
— Ны топыла, ны варила,
Ныма чого вычираты.
Лягай, бурлакъ, хочъ такъ спаты.
 Лягай, бурлакъ, хочъ на лавы
 До порога головамы,
 Взавтра рано за воламы.
Ой, ще бурлакъ ны послався,
Вже хозяйинъ да й проспався.
 Ой, ще бурлакъ ны розувся,
 А хозяйинъ да й прочнувся.
„Вставай, бурлакъ, годы спаты,
Вже часъ-пора волы гнаты!“

Яромъ, яромъ за товаромъ,
А лугамы за воламы.
Волы жъ мои половыи,
Ижтэ траву луговую,
Питэ воду крынычную.

Билы снышки выпадають,
Бурлакъ ноги подымае.
Зимна роса нападае,
Отца—матку проклинае:
„На що мэнэ породыла
И бурлакомъ нарадыла?
Ой, ны маешъ такъ ныкому,
Якъ бурлаку молодому!“
Гей—гей, якъ бурлаку молодому!

(С. Верхолѣсье, Кобрня. у. Ср. № 276).

403.

В а р і а н т ь.

Нэма въ свиты буюльшъ ныкому,
Якъ бурлаку молодому:
Якъ дэнь, якъ нуючь роботае, ажъ пують очи заливае.
Пришовъ бурлакъ ажъ до хаты:
„Дай, хозяейка, вэчераты!“
— Нэ топыла, нэ варила, нэма чого вэчераты.
Нэма чого вэчераты, лягай, бурлакъ, хочъ такъ спаты,
Хочъ на земли, хочъ на лавы, до порога ногамы,
До порога ногамы—взавтра рано за воламы.
Еще бурлакъ нэ роззувся, а хозяейнъ вже и прочнувся,
Еще бурлакъ нэ послався, а хозяейнъ вже проспався.
„Вставай, бурлакъ, полно спаты,
Вже чясь-пора волы гнаты“.
Бурлакъ волы выганяе, билий сныжокъ нападае,
Бурлакъ матэрь проклинае:
„Проклятая маты була, на щео мэне уродыла,
На щео мэне уродыла и бурлакомъ нарадыла?“
Дэ ты, бурлакъ, волочився, щео по поясъ замочився?
— Яромъ, яромъ за товаромъ, а лугамы за воламы.

(Кобрняск. уѣз.).

404.

Коло млына стояла калына, —
Стояла, стояла!
Коло калыны пташычки ходылы,
Ходылы, ходылы.
Мынэ молодого дывчата любылы,
Любылы, любылы.
Одна люббыть, другая шануе,
Шануе. шануе.
Третья хобыть, кубкомъ выно нобыть,
Частуе, частуе.
Ны жаль же мни того кубка,
Съ тымъ выномъ. съ тымъ выномъ,
Тылько жаль мни, що я повынчався
Съ тымъ брыдомъ, съ тымъ брыдомъ.
Ны ей продаты, а ны проминяты,—
То жъ быда, то жъ быда.
Только мушу жыты, свуй вискъ пропадаты,
До суда, до суда.

405.

Васылъ, Васылына, хороша дытна,
Йдэ полэмъ сывымъ конэмъ. дывытыся мыло.
Дэ кунь быжыть, зымля стучыть, кунь дорогу чую,
Бугъ зна, Бугъ видае, дэ Васылъ ночую,
Ночую Васылына въ лисэ при дорозэ,
Прывязавшы конычынька до былыи бырозы.
Прыды, прыды, Васылына, прыды обидаты,
Якъ ны прыдышь обидаты то хоть прыды отвидаты.
Якъ ны прыдышь отвидаты, выславонька будэ,
И затонышь, Васылына, дэ воды ны будэ.
Васылъ тонэ, Васылъ тонэ, я хустовькой машэ,
Хобыть дывче по бырыжку. били ручки ламнэ:
„Ны жаль жэ мни гэи хустки, и ны вышыванья,
Оно жаль мни Васылыны и ёго коханья!“

(Д. Батча, Прусков. вол., Кобрин. у.).

406.

Ой, бувъ Сава въ Нэмировы въ пана на обиды,
Якъ нэ знавъ, такъ нэ видавъ о своуй обиды.

Якъ прѣвихавъ нашъ панъ Сава до своего дому,

Пытаецця чэлядоньки: „чы горазъ у дому?“

— Горазъ, горазъ, пане Саво, щаслива годына:
Ваша жонка, наша пани, породыла сына.

Горазъ, горазъ, пане Саво, оно тюулько страшно,—

Выглядають гайдамахи изъ-за горы часто!

— „Пойды, хлопчэ, пойды, малый, паточы мни мэду,
Туга жъ бо мни на сэрдэньку, головки нэ звэду!“

Еще хлопэць, еще малый ключювъ добырае,

А вжэ ляхы-гайдамахи на двюръ наѣжчаютъ.

Еще хлопэць, еще малый нэ выйшовъ съ пывныцы,

А вжэ ляхивъ-гайдамахувъ повныей свитлицы.

„На дцэнь добрый, пане Саво, соби якъ ся маешъ,

Хорошіей госты маешъ, чымъ насъ привытаешъ?“

— Вытавъ бы васъ мэдомъ, выномъ,—не схочэтэ пыты,
Ви тэ-жъ мэнэ нагадали изъ свита згубыты.

Якъ хопывся нашъ панъ Сава до гостроеи брони,

Ёго ляхы, ухватывшы, подняли до горы.

Якъ хопывся нашъ панъ Сава до гострого мечя,

Ёго ляхы, поспѣшывши, вхопыли за плечы.

„А дэ-жъ твоеи, пане Саво, коны вороньей,

Щео ты побравъ зъ Украйны а все стэповьей?“

А дэ-жъ твоеи, пане Саво, волы половьей,

Щео ты побравъ зъ Украйны, а все плуговьей?

А дэ-жъ твоеи, пане Саво, малеваны скрыни,

Щео ты побравъ отъ тыхъ панувъ, щео тэбэ просыли?“

407.

Ой зима, зима, морозяная,

Ой зима, зима морозяная—гей!

Знаю я тэбэ, зморозышь мэнэ,

Знаю я тэбэ, зморозышь мэнэ, гей!

По воду йдучи, коня вэдучи, гей! (2 раза)

А въ мого коня золота грива, гей!

Въ мэнэ молодця кудрушки вьютця, гей!

За моеи кудры дивушки бьютца, гей!
Витэ дивыцы и красавыцы, гей!
И нэ битэся, нэ сваритэся, гей!
За моеи кудры погодитэся, гей!
Ой, была въ мэнэ мылая моя, гей!
Жюнка мужыка и нэ злюбыла, гей!
Завэла у садъ, спать положила, гей!
А сама съ саду пришла до дому, гей!
Сила за столомъ и пышэ пэромъ, гей!
„Трудно жъ бо мни жыть зъ лихымъ мужыкомъ, гей!
Еще труднй жыть, якъ такого нить, гей!
Ой, пойду я въ садъ кликаты назадъ, гей!
Вставай, мыленькй, вжэ дэнъ биленькй, гей!
Бо вжэ свить-зора, вставаты порэ, гей!
Бо вжэ свить-зора, вставаты порэ, гей!“

(Кобрин. уѣз. Запись 187^н г.).

408.

Ой, якъ выйду я молода	Ой, якъ выйду я молода
Да й за новыи ворота,	Да й за новыи ворота.
Ой, якъ попушу човнычѣкъ	Ой, якъ покочу выночѣкъ
Да й пудъ зелёный гаёчокъ,	Да й пудъ зелёный гаёчокъ,
Ой, пудъ гаёчокъ зелёный,	Ой, пудъ гаёчокъ зелёный,
Ще й пудъ садочокъ чирвоный.	Ще й пудъ садочокъ чирвоный.
Скиль муй човнычѣкъ вырынэ,	Скиль муй выночѣкъ вырынэ,
Стыль муй нэлюбый вындэ,	Стыль муй мыленькй вындэ,
На коростявымъ коню,	На вороному кѣныку,
На соломянымъ сэдѣлку.	На золотому сэдѣлку.

409.

Ой, у лисы сухой дубъ розвывся,
Ой, тамъ мылый зъ мылэю сварывся.
„Маты, маты, порадыця въ хаты:
Дорай ты мни, якъ жынку караты!“
— Озьмы, сынку, нагайку дротянку,
Счерны жынку, якъ чорную галку!
Й а зъ вэчора комора звэнила,
А съ пывночи нагайка шумила,
Якъ дэнъ билый, то й мыла ныжыва.

„Маты, маты, порадыця въ хаты:
Дорайла, якъ жынку караты,
Тэперъ дорай, якъ ий збудыты!“
— Озьмы, сынку, малую дэтынку,
Збуды, збуды молодую жынку!
„Вставай, мыла, бо плачэ дытына!“
— Ныхай плачэ батьковы на втѣху,
Я ны встану до судного вику!
„Вставай, мыла, вжэ ныва зродыла!“
— Ныхай родыть, ныхай вылягае,
Хто посіявъ, той и позбырае!...

410.

Коля луга, коля броду	Будэшъ мѣты чоловика,
Пьють голубы сывы воду.	Будэ журбы ажъ до вика:
Напывшыся, колынулы,	Будэ быты лозыною,
Крылэчкамы стрэпэнулы,	Называты дружыною;
На Украйну залынулы,	Будэ быты пагайкою,
Коханечко спомэнулы:	Называты гультайкою;
„Якъ мы, сэрцэ, любылыся —	Будэ быты билимъ цвитомъ,
Сухы дубы розвалыся,	Называты пустосьмихомъ;
Якъ мы, сэрцэ, пэрэсталы,	Будэ быты, ще й учыты,
То й зелены повсыхалы!“	Запрагаты волочыты;
А въ горобы вэрба росла,	Будэ быты, ще й караты,
Нэ журыся, дивко красна:	Запрагаты ще й гораты.

411.

Ой, нэ ходы, Васэлына, въ четвергъ по вэчэры,
Ой, нэ носы, Васэлына, свыстѣль у кашэни.
О чы то жъ твуй свыстелыше, що хоропэ грае,
Намъ дэвочкамъ молбдочкамъ да й добра-ночъ дае.
„Ой, добра-ночъ усимъ на ночъ, уси вэтэ чуйтэ:
Далекіи до дому йдитэ, блиськіи ночуйтэ!“
За воротами зелэнь яворъ, шырокая ныва,
Мызъ усимы дэвочкамы одна моя мыла.
Ой, хочъ мыла, хочъ нэ мыла, альбы говорыла,
Ой, якъ сяду вэчэраты, вэчэра нэ мыла.
Ой, зацвэла калыныця въ густому чыроті,
Нэ гнивайся, Васэлына, иды вэчэраты.

Ой, хочь гнивайсь, хочь нэ гнивайсь, — нэ буду просыты. —

Ой, нашюю шовкомъ хустку — нэ будэшъ носыты.

Нэ жаль жэ мни тэи хустки, того нашывавя,

Да жаль жэ мни, Васэлышко, й а й мого кохавя.

Ой, зыйду я на толóку, толóка шырóка,

Ой, у мого Васэлыны хустка коля бока.

Ой, выйду я на лилію, лилія лиліе,

Ой, у мого Васэлыны хусточка биліе.

Ой, выйду я на толóку, розсыплю горішки.

Тэпэрчычка мынаюцьця дывоцькіи смійшки.

Ой, выйду жь я на лилію, розгорну я карты.

Тэпэрчычка мынаюцьця дывоцькіи жарты.

(Д. Заставье. Бездѣжск. вол., Кобрин. у.).

412.

Ой, пійду я по-надъ лугомъ, —

Тамъ мій мылій орэ плугомъ.

Я му исты прыносила,

Тамъ чужая жинка была.

И наився, и напывся,

Коло плуга положився.

„Чомъ ты лэжишъ, чомъ нэ орэшъ,

Чомъ зо мною нэ говоришъ?“

— А я лэжу и думаю,

Що погану жинку маю!

„Я погана вродылася,

И погана хрэстылася,

Сваталысь мы въ дэнь, нэ въ ночи —

Повылизлы бь тоби очи,

Сваталысь мы въ билу двыну —

Позводылесь всю родыну.

(С. Блоты, Кобрин. у.).

413.

Ой, пойду я въ полэ жаты, А свикорко на порози

У тымъ поли польнѹ мнѹго, Розливае дрибны слѣзы.

Ой, приду-жь я до домоньку, Ворожитэ, вороженьки,

У мэнэ дома ворогівь мнѹго. Да на свое безголовьечко,

Одынъ ворогъ на покутьти, А я буду пыты й исты

Другій ворогъ у запэчку, Да на свое на здоровьечко.

414.

Ой, зеленый лужэ, шырокіі байрачэ,
Да чого плачэшъ, тужышъ, молодой козаче?
— Ой, нэ я жъ то плачу, плачуть черны очи,
Нэ дають спокою а ны въ дэнь, ны въ ночи.
Ой, люблю дивчину, якъ вирную душу,
А за ворогаы покінуты мұшу.
Ой, умру я, мила, а ты будэшъ жыва,
Прійдэшъ, одвидашъ, дэ моя могила.
Ой, моя могила край синёго моря,
Ой, тамъ лэжыть моя тыхая розмова.
Прідэшъ на могилу—нэ ступай ногою,
Бо тяжко мни, важко розмовлять съ тобою.
Прідэшъ на могилу, нэ кидай зымлею,
Бо тяжко мни, важко лэжаты пидъ ею.

415.

Шумыть, гудэ у хмароньцы,
Чи на дощикъ, чи на витроньки?
Загнивався мій мыленькій,
Чи на мэнэ, чи на дитоньки?
Якъ на мэнэ молодую,
Трэба ёго пэрэпросыты,
Якъ на дитки малэнькіи,
Трэба ёго посвариты.

416.

Сюды луги й туды луги,	Прихилюса до бэрозки —
Да нідэ воды напытыса,	Мни бэрозка нэ матэнька,
Ой, у мэнэ роду мныго,	Зъ витромъ шумыть и говёрить,
Да до никого прихилытыса.	До мэнэ словця нэ мовыть.
Прихилюса до яворка —	Прихилюса до дубочка —
Мни яворко нэ батэнько,	Мни дубочокъ нэ браточокъ,
Зъ витромъ шумыть и говёрить,	Зъ витромъ шумыть и говёрить,
До мэнэ словця нэ мовыть.	А до мэнэ словця нэ мовыть.

417.

Въ поли витѣрь віе, Кришталеву оболоночку.
А ў долины похилѣецца, Потомылыса били руки,
Ни йдѣ мылуй съ Украины, Оболону отчиняючи,
Черѣзъ людѣ отклонѣецца. Прогляділа чорны очи,
Куплю тобі поклоночку, Мылѣнького выглядѣючи.

418.

Ой, наваривъ козакъ пыва,
Да й заправывъ головѣцею.
Лишь мни було дывчиною,
Нижъ тѣпера молодыцею.
Якъ я була дывчиною,
То вси мѣнѣ козаки знали,
Якъ тѣпера молодыцею,
Уси на мѣнѣ вороги стали.
Одынъ ворогъ на покутьти,
Другій ворогъ да й на запѣчку,
Третій ворогъ на порози,
Облывае дрибны слѣзы.

419.

Була Польша, була Польша, А за ею окомѣны:
Да стала Расѣя, „Панщѣно, вѣрныса!“
Нѣ заступыть сынъ за батька, — Нѣ вѣрнуса, нѣ вѣрнуса,
А батько за сына. Бо нѣма до кѣго,
Пошовъ батько изъ сохою, Будѣ хлопа шановѣты,
А сынъ зъ бороною, Якъ здоровья свого!
Попшла маты на ланъ жаты, — Нѣ вѣрнуса, нѣ вѣрнуса,
А дочка до гною. Бо нѣма до кѣго, —
Ой, ковала зозуленька, Тѣперъ мѣнѣ посылайтѣ
Ковала, ковала, Хочь до мирового!
Якъ панщина—даромщина Подякуйтѣ жъ Богу й цару,
Одъ папа ўтикѣла. И туй же царицы, —
Утикѣла панщинѣнька, Закопалы панщинѣньку
Ажъ горы траслыся, На Прусскуй граныци.

(С. Молодово, Кобринскаго уѣз.).

420.

В а р і а н т ь.

Ой, колісь була въ Болуть	Іі а й снопы носыты,
	[Польша, Стоить вѣтъ зъ сотныкамі,
Й а й тѣперъ Росія,	Хочуть же насъ быты!
Нѣ заступыть сынъ за батька.	А въ пѣдлю поранѣнько,
А батько за сына.	Сонько зыходыть,
Пошовъ батько молотыты,	Уже ваша панщинбѣнка
А сынъ изъ косою,	Пзъ двора выходыть.
Пошла мати на ланъ (моргъ)	Умыкала панщинбѣнка,
	[жаты Ажъ горы траслыся,
Разомъ изъ дочкою.	А за ею вражи ляхи:
Ой, жнуть воны, пожинають.	„Панцино, вѣрныся!“
Друбный дощикъ идѣ,	— Нѣ вѣрнуса, вражи ляхи,
Оглянулись назадъ сѣбѣ,	Нѣмаѣ до кѣго,
Ажъ окономъ идѣ.	Тѣперъ мѣнѣ посылайтѣ
„Ой, що витѣ, вражи людѣ,	Ажъ до мировѣго.
Що ви наробылы:	Дяку Богу, дяку царю,
Чому витѣ за погоды	Шѣ й Руськой царѣцы,
Снопувъ нѣ носылы?“	Закопалы панщинбѣнку
— Ой, якъ же намъ, нашъ	На Пруськой гранѣци.
	[панбѣнку, (С. Волотъ, Кобрыв. у.).

Въ гродненской губерніи записано еще два варианта настоящей пѣсни: въ с. Здитовѣ Слонимскаго уѣз., и въ Павловской вол. Бѣдъскаго уѣзда. Оба они представляютъ сокращеніе предыдущаго номера, съ нѣкоторою перестановкою куплетовъ. См. также „Бѣлор. Сборн.“ Романова, вып. VII, стр. 10, 31.

421.

„Зъѣздывъ я коныченька, зъѣздывъ вороного
До тѣбѣ, дивчинонько, до тѣбѣ, небого.

Скажи, дивча, правду мни:

Чи пуйдѣшъ ты за мѣнѣ?“

— Я тоби казала и твоему роду:

Нѣ ходы до мѣнѣ, нѣ роботы захоуду!

Я посагу нѣ маю, за тѣбѣ пѣ думаю!

„Мни твоего посагу та й зовсимъ нѣ трѣба,
Знагорѣдыть Панъ-Бугъ зъ высокаго нѣба,

Ты у мэнэ посагъ самая, такъ, якъ зоренька ясная!⁴

— Ой, тэперъ ты кажешь: „посагу нэ трэба!“

А пótымъ ты скажешь: „скаравъ Пань-Бугъ зъ нэба!“

Ой, тэперъ ты кажешь: якъ зоренька ясна!

А пótымъ ты скажешь: доленька нэщасна!

Сэ нэ ты скажешь, то маты:

Булò бэзъ посага нэ брáты!

„Ой, гòды, дивчино, гòды жартоваты,

Пўйдэмъ до цэрковкы, будэмъ шлюбы браты:

Звяжуть руки стулòю, щòбъ житы намъ съ тобою,

Дадуть свичку у руки ¹⁾, щòбъ нэ булò разлуку.

Ой, годы, дивчино, годы жартоваты,

Пўйдэмъ до корчомкы, будэмъ пыть, гуляты.

Нэхъ жэ знають ворогы —

Подопьемъ ихъ подъ ногы!

(Д. Перковъ, Прусков. вол., Кобрин. у.).

422.

Туга моя, туга бызь вирнаго друга:

Отпала польця отъ сохы, отъ плуга.

Самъ жэ я ны знаю, що мыни роботы:

Чы мни йты до лису польци рубаты,

Чы йты до дивчыны на всю нучку спаты?

Польци рубаты—то вэльмэ втомлюся,

До дивчыны спаты—ума набыруся!

423.

Колё грэблы стоётъ вэрбы.

Стоеть зылынэнькы,

Цьють козаки горулòньку,

Вся тры молодэнькы.

Ой, гулэлы, размовлэлы,

Тэмна нучка найшла, —

Дурна була дивчынонька,

Зь имы спаты пошла.

Одынъ кажэ: „лежмо, лежмо!“

Другый:—„розмовлеймо!“

А въ трэтёго скрыпка въ руч-

[кахъ—

„На всю нучь гулэймо!“

А скрыпонька зъ бырвиночку,

А смычокъ изъ руткы,

Екъ заграэ—сэрцэ вьёнэ,—

На всю Польщу чуты!

Ой, пуйду жь я колё млына,

¹⁾ Вар. Дадуть перстэнь на руки.

Ой, спойму я лына, —	Одынъ выдэ, одынъ выдэ,
Ны съ кымъ систы, лына	А другому жалко,
[зьясты—	Трэтій стойть, руки ломыть:
Лыхая годына!	„Куды идэшъ, коханко?“
Ой, пойду жъ я колё ричкы,	Ой, на мисты, на рыночку,
Ой, спойму я щучку, —	У новому ганку,
Выдэ козакъ дивчынбнъку	Прыковалы козачынька
За правую ручку.	За дивку—коханку.

424.

Сію рэтьку, сію рэтьку,	Генчы озялѣ.
Сію, полываю:	Ой, чыи жъ то крынычынькы
Росты, рэтька чыпурная,	Орлы воду пьютъ?
На зыму схаваю!	— А вжэ мою дивчынбнъку
Ой, ны буду рэтькы исты,—	До шлюбу выдуть.
Кажуть люды: гурка!	Одышъ выдэ за ручыньку,
Ой, ны буду жынытыся, —	Другый за рукавъ,
Будэ быты жунка!	Трэтій глѣнэ— сэрцэ вѣнэ:
Запрагаймо, батьку, півня,	Любывъ та й ны взевъ!
Цэ й чубату курку,	„Пойдымо до костелу —
Пойдымо на Вкраину	‘Ты жъ будышъ моя!“
По богату дивку.	Вона стала, отказала:
Плывэ човонъ, воды повонъ,	— Ны правда твоя!
Похѣтуитця,	„Екъ станымо на ручныкѣ,
Идэ козакъ до дивчыны,	Ты жъ будышъ моя!“
Попѣтуитця:	Вона стала, отказала:
„Ой, чыя то хата скраю,	— Ны правда твоя!
Вѣтѣръ ны розвѣныть, —	„Екъ налбжетъ срибный
Сама маты лопкы мѣить,	[прѣстинь,
А дочка ны вмѣить.	Ты жъ будышъ моя!“
Повѣшала карэлыны,	Вона стала, отказала:
Кэпъ хлопцы любылы,	— Ны правда твоя!
Ны есть жэ то карэлына—	„Екъ налбжетъ срибный вы-
Зылена ялына!	[нець,
Ой, чыи жъ то крынычынькы	Ты жъ будышъ моя!“
Пыскы заныслѣ?	Вона стала, заплакала:
— А вжэ мою дивчынбнъку	— Ны чыя—твоя!

425.

Бувайтэ здорovy, вси дугы, добровы,
Ой, дэ походылы мой билы ногы!

Ой, дэ походылы —ны будуть ходыты,
Кого я любыла, ны буду любыты.

Ой, кого любыла, за люды пустыла,
А кого ны знала, съ тымъ на шлюбу стала.

Ой, шлюбу муй, шлюбу, шлюбу-шлюбованье,
Ой, я погубыла все свое коханье!

Бувайтэ здорovy, Прышыхуськы ¹⁾ люды,
Прошу ны судыты, екъ мынэ ны будэ!

Вспомынайтэ мынэ добрымы словамы,
Дэ той хлопыць дився съ чорнымы бровамы:

Чы ёго забылы, чы въ полонь занётый,

Що ёго ны выдно екъ будынь, екъ свето?

— Мынэ ны забылы, въ полонь ны занётый,

Но мни нывольныка екъ будынь, екъ свето.

(Л. Пришихосты, Антопольской вол., Кобрян. у.)

426.

На поповому поплавы
Чорны галонькы плавалы.

Ой, дэсь взэвся сылежёнъ
Да й до чорнэнькихъ галочокъ:

Тыи галочки розогнавъ,
Що найчырнйшшу соби взявъ.

„Ой пусты, нусты, сылежёнъ,
То я полычѹ до галбкѹ!“

— Ой я ны пуцу, ны пуцу,
Пока пирьичко опуцу!

На Вавулыцькымъ грудочку
Стоять дывочокъ таночокъ.

Ой, дэсь взэвся жинышокъ
Да до хорошихъ дывочокъ:

Тыи дывочки розогнавъ,
Що найхорйшшу соби взявъ.

¹⁾ Название селения.

„Ой, пусты, пусты, жинышокъ,
 То й я побыжу до дывокъ!“
 — Ой, я ны пуцу, ны пуцу,
 Покры кисоньку роспуцу,
 Покры кисоньку роспуцу,
 Покры слизоньку розэлю!
 Роспуцу киску по плычку,
 Розэлю слизку по лычку,
 Твою кисоньку на шлыку,
 Твою слизоньку на зимку,
 Твою слизоньку на зимку,
 Тэба, молоду. за жинку.

(С. Вавуличы, Кобрин. уѣз.
 Собственно, свадебная, но поется и внѣ обряда).

427.

Ой, снігъ идэ, морозъ будэ. Розывайся, сухой дубэ! — Я морозу нэ боюся, Маю голье, розовьюся. Маю голье высокое, Зрожу листе широкое. Идэ козакъ, журбу журить, Путь козакѡмъ коныкъ блу- [дыть.	„Ты, калино червоная, Усимъ людомъ ты горькая, Мни молодцу солодкаая! Нэ дала мни затонуты. Молодому загынуты, Нэ дала мни потопаты, Якъ рюднэвьякая маты. Запій, запій, соловэйку, Закуй, закуй, зозуленку, Закуй, закуй коло хаты, Чи нэ выйдэ дивча съ хаты, Щось я маю юй казаты: Чи нэ бѣла ей маты?“ — Ой, хочь была, хочь нэ была, Нэ на лихо вона вчила: Щобъ съ козакомъ нэ стояла, Ёму правды нэ казала.
Прыблудывся до Дунаю, Якъ до быстренького краю. Ставь конычокъ воду пыты, Козаченько руки мыты: Ещэ коныкъ нэ напывся, Вже козаченько втопывся. Нэ по правды вюнъ втопывся, За калиноньку вхопывся.	

428.

Ой, за гаемъ, за Дунаемъ, Иванюша съ конемъ грае, Иванюшо дивча лае. Я въ Дунаи купалася, На бэрэжку сушилася, На три шляхи дывылася.	Идутъ ляхи на три трахи, А москали на чотыри, Шабэлькамы засвытыли, Хустонькамы землю вкрыли, Слезонькамы примочили.
--	--

429.

Калыно-малыно, чомъ нэ зеленіешъ:
Чи суши боишься, чи лугу жаліешъ?
Суши нэ боюся, лугу нэ жалію,
Дэ я посажена, тамъ я зеленію.
„Козаче молодче, чого зажурился:
Чи ойця жаліешъ, чи войны боишься?“
— Ойця нэ жалію, войны нэ боюся, —
Любывъ я дивчину, тэпэръ остаюся.
Якъ мы любылися, то маты нэ знала.
Тэпэръ растаёмось, якъ чорная хмара.
Чорна хмара идэ, дрюбный дощыкъ пюйдэ,
Зъ нашого кохавья нычбого нэ будэ.
Зъ нашого кохавья нэ славы, нэ вжитку,
Чорнымъ очкамъ спанья, ножкамъ опочывку.
Идэ козакъ, идэ, ставъ кюнь воду пьты —
Бидна моя головонька—нэ съ кимъ говориты.

430.

Купы жъ бо мни, моя матко, за три гроши голку,
За чотыри золотыи чэрвоного шолку,
За пятого золотого бѣлого идвабу:
Буду шиты, вышиваты мылому рубаху.
Шовкомъ шила, шовкомъ шила, а бѣлью рубыла,
То ля того мыленького, що вирно любыла.
Ой, выдыця, я нэ тужу и я нэ журуся,
А якъ выйду на гулицу, одъ витру валюся.
Ой, вѣдыця, я нэ тужу, вѣдыця—нэ плачу,
— За дрюбнымы слэзонькамы стэжэнькы нэ бачу.

431.

Въ нашюмъ сѣли новына:	Ой, шрінхавъ копытанъ,
Жона мужа продала,	Вси кватыры попысавъ,
Два гѣлиры узяла.	Самъ до вдовы на нучь ставъ.
Покупыла жеребця,	Пытаеця у вдовы:
Пойхала до ойця,	„Чи ё въ тэбэ стодола,
Выбыраты молодця.	А въ стодолы сторона?“

— Е у мэнэ стодола,
И въ стодоли сторона,
Коныченькамъ постоять,
Козаченькамъ погулять!
Дивчинонька зачула,
У садочокъ скочила,
Выкопала корэня
Съ пюдъ билого камэня,
Полокала у рици,
Наварила въ молоци,

Полокала у броду,
Наварила у мэду.
Приставыла до жару:
„Кыпы, корэнь, помалу!“
Еще корэнь нэ ўкипивъ,
Вже молодэць прилетивъ.
„Ой, що тэбэ принэсло:
Чи сидэлко, чи весло?“
— Принюсь мэнэ сывий кюнь
До дивчины на спокуй.

(Брестск. уѣз.).

432.

Гой, засядае наша бысыдбонька —
Да й горилоньку пыты,
Гой, зажурылысь наши вороженьки,
Чимъ мы будымо платыты?
Ой, мы будымъ пыты
И Бога хвалыты,
Дай намъ, Боже, на здорыве,
Нашимъ вороженькамъ —
Що намъ лыхо мыслять,
Дай имъ, Боже, бызголове.

433.

Ой, у пблю, у полю,	Гетый загунъ докыну!
Ой, тамъ орэ ратай самъ.	Ще жъ до конца ны дойшовъ,
Прыижжае Крапля панъ.	Вже камэня я нашовъ,
„Ой ратаю, ратаю,	Здойнявъ ёго легэнько,
Нащо орешъ въ полю самъ?“	Цѣлывъ въ пана въ сердэнь
— Кобъ ты бувъ добрый панъ,	„Ой, ратаю, ратаю,
Ни ихавъ бы въ поле самъ,	Не ховай мэнэ въ полю,
Ты ихавъ бы съ панамы,	Сховай мэнэ пры шляху,
Съ прыпышнымы ляхамы!	Пры бытому гостыню,
„Що жъ ты ратай за такой,	Руткы, мяты посадки,
Протывъ пана поступывъ:	Крапляй— пана спомыны:
Альбо волы выкладай,	„Гэто лыжитъ Крапляй панъ,
Альбо шыю подъ нижъ дай!“	Забывъ ёго ратай самъ“.
— Пожды, панэ, зъ годыну,	

434.

Ой, дэ б'я я, дэ б'я я изъ досадоньки пошла?

Ой, ой пойду я до сусідкы пудь окно.

А муй мылуй у сусідкы за столомъ,

Шье мэдъ-горилку крышталевымъ стаканомъ.

„Ой, гбды, мылуй, мэдъ-горилоньки пыты,

Ходы до дому господарки глядиты!“

— Ой, бодай ты жъ, мыла, изъ розумоньку зышла,

Ой, якъ ты жъ мэнэ у сусидонькы знашла.

435.

Скаче соловэйчикъ въ лисы на калыны,

Я молода плачу, плачу на чужыны:

Оддалы мэнэ и забулы мэнэ,

Чи ны жаль же вамъ мэнэ?

Рубайтэ быросты, застылайтэ мосты,

Йдэ, йдэ батэнько въ госты.

Ой, йдэ, йдэ, ворота мынае,

Мэнэ молодую жаль обмырае.

А у мэнэ звычай, козацькый обычай:

Хочь я бачу, алэ нэ заплачу.

(С. Береза, Стрягов. вол., Кобрин. у.).

436.

— „Ой, якъ жэ мни, моя матко, спаты хочэця,

Якъ у мойй головоньцы сонъ морочыця!

Позвўль жэ мни, моя матко, ожэнытыся,—

Перэстанэ головоньцы морочытыся!“

— Ожэныся, мій сыночку, за сывы волы,—

Но нэ бэры, мій сыночку, красной вдовы:

Бо вдовушка—ны дивўшка, ны дивбцькый станъ,

Ой, якъ станэ постиль слаты—стэлэ цилый дэнь,

А якъ станэ нарэкаты—нахопыця дэнь.

Ныма цвितку цвितнйшого, якъ на калыны,—

Ныма правды вэрниійшой, якъ у дивчыны.

На калыны билэнькый цвितъ въ лугу падае,—

Дивчынбнька правду кажэ,—Бугъ помагае.

На калыны билэнькый цвитъ, щэ й чэрвоны ягодоцки,

У дивчыны щира правда,—щэ й чорны очки.

437.

Ой, ны шумятэ, лугы,
Ны задавайтэ тугы!
Я сама тугу маю, —
Мылого ны выдаю.
Пошовъ мылый мій за лисъ,
Чорны очэнькы занисъ.
Ой, за лисъ, за дубрѳву
Занисъ тихую розмѳву,
Уси жартонькы забравъ,
Сэрдэньку жалю задавъ.
Выйду я на доружку,
Глянупъ въ долынужку.
Ой, тамъ мылый мій йидэ,
Чэтыры кони выдэ.
Чэтыры кони выдэ,
Самъ на пятому йидэ,

На кони вороному,
На сэдли золотому.
Прыйихавъ до Дунаю,
До быстрого краю.
Ой, ставъ коныкъ воду пыты,
Ставъ мылый руки мыты.
Ой, щэ кунь ны напывся,
А вжэ мылый утопывся.
„Щэ жэ бо я ны втопывся:
За калыну вхопывся!
Ты, калыно-малыно,
Чэрвоная ягодино!
Ны дала мыни втонуты,
Въ чужимъ краю загинуты,
Ны дала мыни упасты,
Въ чужимъ краю пропасты!“

438.

Ой, казалы людэ, свёкровъ добра будэ,
А свёкровъ лыхая, ны маты родная:
Сама рано встала,—мэнэ ны збудыла,
Пошла до сусида, мэнэ осудыла:
„Чужьи волыкы ходять по дубровы,
А моя нывистка щэ спыть у каморы!“
А я молодэнька тое усэ знала,
На другый дэнёчокъ сама рано встала,
Сама рано встала, волыкы погнала.
Волыкы жынучы, сымьно заплакала,
Свого мылэнького зъ вуйська выгядала.
Йидэ мій мылэнькый зъ вуйська зъ Украйны,
Зачувъ мій голосокъ за чэтыры мылы.
— „Сэ сыва зозулька,—лэты ў гай коваты,
Сэ моя мылая—пэрэстань плакаты!“
— Ой, я плачу, плачу, я вэльмэ рыдаю,
Тэбэ зъ Украйны що-дэнь выгядаю!
„Гѳды вжэ плакаты, гѳды вжэ тужыты,
Ходимъ до домбеньку—будэмо жыты!“

439.

У саду-садочку, въ зелёному лугу,
Говорыла мыла вірному другу:

„Ой, умру я, мылый, въ выдилю ранѣнько,
Ой, убэрэшъ, мылый, мэнэ хорошэнько:

Влбжышь на мэнэ вышыту сорбчку,
Поховаэшъ мэнэ въ вышнёвумъ садочку (2).
Высэплэшъ могулу жовтэнькымъ пысочкомъ.

Посадышь въ гóловци чэрвону калыну,
А въ биленькыхъ ножкахъ зелёный барвинокъ.

Якъ будэшъ, мылый, сыны жэныты,
То прыйдэшъ до мэнэ калыны ломыты;

Якъ будэшъ, мылый, дбчки отдаваты,

То прыйдэшъ до мэнэ барвиночку жаты!“

У выдилю ранэнько сбнынько зыхбдыть —
Вжэ мылэнькый по садбчку хбдыть.

По садочку хбдыть—мылэнькую ббдыть:

„Вставай, моя мыла, бо плачэ дытына!“

— Ныхай соби плачэ—воно пырэстанэ, —
Вжэ до тэбэ, мылый, ныкблы ны встану.

„Вставай, моя мыла, бо вродыла ныва!“

— Ныхай соби родыть, ашъ у кóсы вьэця,
Вжэ моя голóвонька во викъ ны звьдэця!

440.

Ой, выйду я на горúшку,

Стану, подывлюсь на зорúшку.

Ой, зора ясна, а дивка красна,

Но ейи доля всэ нэщасна.

Ой, чы въ такой часъ родылася,

Ой, чы въ такой часъ хрыстылася,

Ой, чы такы кумы булы,

Що мни доли ны далы.

Ой, можэ тому маты вынна,

Що мэнэ рано ны збудыла?

Ой, товаришкы рано встали,

Усю долэньку розобрали!

Ой, пройшовъ мій викъ,

Якъ макувь цвить:

Въ ночы цвытэ, въ дэнь опадэ —

Такъ жэ мій викъ марно идэ!

441.

Ны шумная дубровушка шумнэнько шумѣла.
Молодэнькуй дивчыноньци головонька болила!
Хочь болила, ны болила — самы слёзы люща,
Що до мэнэ молодби нывдалыи шлюця.
Ой, шлитэся, ны шлитэся, — я ны ваша буду:
Кому дала билу ручку — съ тымъ и жыты буду!
Одынъ стоить на ганбчку — талярэмы сыплэ,
Другый стоить за плычыма, — слэзонькамы хлыплэ.
Бодай въ тэбэ, товаришу, талярэувъ ны стало, —
Екъ я любывъ дивчыноньку, — тоби шкода стало!
Ой, бодай ты, товаришу, во вѣкъ ны розжывся,
Екъ я любывъ дивчыноньку, а ты ожынывся!

442.

Прилитыла зозуленька зъ темного лисочку,
Сила, пала, заковала въ зелёнумъ садочку.
Ой, якъ вышла Опрасонька ей запытаты:
Чы щэ довго молодэнькой суждэного ждаты?
А зозуля куэ, куэ коло ей двора:
„Будешь ждаты суждэного туюлько до вечора!“
— Бодай жэ ты, зозуленько, симъ лить ны кувала,
Що ты мини, молодэнькой, правды нэ сказала!

443.

Витёръ вѣе морозъ бѣдэ!	Ой, щэ коныкъ ны напывся,
Розывайся, сухій дубэ!	А вжэ козакъ утопывся.
Я мороза ны боюся:	Козакъ тонэ, фўстка плавлэ,
Маю вѣтье — розовьюся!	Дивчынонька руки ламлэ!
Розывайтэсь, сухы лозы,	„Чы ты, дивчэ, мэнэ любышь, —
Козаковы у дорозы!	Надо мною руки ламлэшъ?“
Козакъ ййдэ, журбу журыть,	— Сэбъ я тэбэ ны любыла,
Подъ козакомъ коныкъ	То бъ я ручёкъ ны ломыла.
	[блудыть Я козака вирно люблю,
Прыблудылы до Дунаю,	За козакомъ крузь свить
До быстрэнького краю.	[пуйду.
Ой, ставъ коныкъ водѣ пѣты,	(Д. Подольсье, Кобрин. у.).
Козачэнько руки мыты.	

444.

Ой, сама я, сама на чужбыни!
Ныхто въ мэнэ въ гостѣхъ ны буває!
Колы братокъ буває—ны вчащae!
Ой, якъ учащae, — ны вгощae!
Ой, якъ угощae,—ны ночуе!
Ой, якъ заночуе,—ны всыпляе,
По новій свѣтѣльци похожае,
Ридну сѣстрѣночку пробужае:
„Уставай, сѣстрѣночко,—дзень билэнъкый!
Вжэ одѣжае братъ роднэнъкый“.
Сѣстрѣночка брата пытаеця:
„Колы, братокъ, въ мэнэ въ гостюхъ будэшъ?“
— Якъ сухая грѣша розовѣца,—
Тоды братъ у тѣбэ въ гостюхъ будэ:
Якъ бытая (шоссейная) дорога роскуеця,—
Тоды братъ до сѣстры въ госты прыбѣця!“
(Д. Евсѣмовичи. Подолѣск. вол., Кобрин. у.).

445.

Ой, за гаемъ, за Дунаемъ, Козакъ зъ конѣмъ грае, Розгнѣвилъ мылэнъкого, — Мэнэ нэ займае. „Ой, я тѣбэ нэ займаю,— Свѣтатысь думāju!“ — Я до тѣбэ нэ хылюся, — Ныслáвы боюся! „Сама собя, дывчинѣночко, Нэслáвэнъку рѣбышъ, Що пизнѣночко, нэ ранѣночко, Съ йўлэнъки выхѣдышъ!“ — Якъ я маю, козаченько, Рано выходыты, Бэрэшъ мэнэ за рученьку, • Хочешъ намовлѣты! „Ой, нэ слухай, дывчинѣночко, Моѣи намѣвы, Держи розумъ, пámэть добру,	Въ своѣй головѣныцы!“ — Ой, мѣла я пámэть лобру Пустыла на воду, Нэ вважала на худѣбу, Вважала на врѣду. И а до тѣя худѣбонъки Трэба рано встаты, А я люблю, молодая, До свѣтэнъку спаты! Въ коньци грѣбли стоить [вэрба, Що я посадыла, Нѣма тѣго, що я ёго Вирнѣночко любыла. Въ коньци грѣбли стоить вэрба, Що я полывала, Нѣма тѣго, що я ёго Вврвѣночко кохала!
--	---

446.

Зее мисяць, зее, помижь зоронькамы,
 Засядае муй мыленький съ чужимы жонкамы.
 Нэхай засядае, нэхай насыдыцьця,
 На чужіе, хорошіе, нэхай надывицьця.
 А чужимъ, хорошимъ, горылку купляе,
 А на мэнэ, молодую, нагайку готуе.
 Хочь готуй, нэ готуй, а нэ будэш быты,
 Ой, е въ мэнэ мій батэнько—будэ бороньты!
 Нэ сэчй, нэ рубай зелэного дуба, —
 Булò мэнэ й а й нэ браты, коли я нэ люба.
 Нэ сэчй, нэ рубай зелэныя вышні, —
 Булò мэнэ й а й нэ браты, колы нэ подь мыслы.
 Нэ сэчй, нэ рубай билыи бэрозы, —
 Булò мэнэ нэ зражаты нэ цянымъ — твэрбызмъ.
 Нэ сэчй, нэ рубай зелэного гориха,
 Бодай ты зь коня впавъ, якъ до мэнэ йхавъ.

447.

На гулыци каложа,	„Ой, чимъ тэбэ, моя мыла,
Лэжить баба нэдужа:	Ой, чимъ тэбэ прохмэлыты:
Чи пшэныцю жала,	Чи чэрвонымъ выномъ,
Чи ячмíнь вязала,	Чи солодкымъ мэдомъ,
Чи въ корчбмци гуляла?	Чи гиркою горылкою?“
— Я пшэныци нэ жала,	— Ой, нэ чэрвонымъ выномъ,
Ячмíню нэ вязала.	Ци нэ солодкымъ мэлómъ,—
Булà на рыночку, пылè горы-	Набий мэнэ игрушэю,
[лочку,	Набий ищэ колючэю,
На похмíльи лэжала.	Кобъ нэ була ледашэю.

448.

„Ой, плыла ютонька быстреею водою, —
 Выйды, дывчинько, розмовся зо мною!“
 — Ой, нэ разь я, нэ два, зь тобою стояла,
 Таки я тоби правды нэ казала.
 Ой, тоди я тоби всю правду скажу,
 Якъ мою рученьку зь твоею звяжуть!
 Якъ стали дывчины рученьки вязаты,
 То стала дывчина всю правду казаты.

Мысли моя, мысли, на що вытэ вышлы,
Подъ моимъ нэлюбимъ сывый коныкъ быстрый,
Сывый коныкъ быстрый, золотая збрóня,
Що ты донымала, дывчинонька мб́я.
„Ой, я донымала гбрóньку кошаты,
Ныжъ зъ тымъ нэлюбимъ на шлюбоньку статы!
Ой, я донымала гиркый полынь исты,
Ныжъ зъ тымъ нэлюбимъ за столькомъ с́сты.
Гбрóньку зкопаю, сяду зопоч́ну,
За нэлюба пб́йду—на вики загыну.
Пол́ню наймся, водыци напыюся,
За нэлюба пойду, на вики втоплюся!“

449.

Соловэйко рабокрылый,
Скажи, скажи, дэ муй мылый?
— Соловэйко на калыны,
А муй мылый на Вкрайны.
Соловэйко рабокрылый,
Скажи, скажи, дэ муй мылый?
— Соловэйко на бэрбзы,
А муй мылый у дорб́зы.
На сывому коню грае,
И на сонце погляд́ае:
Чи высоко сонце всходыть?
Моя мыла см́тно ходыть
Знаты, знаты, по лыч́еньку,
Що нэ спала всю ноч́еньку,
Знаты, знаты, по билóму,
Що нуд́ыла по милб́му.
Билу пост́иль застыла́ла,
Мыленька́го дожидала.
Билу пост́ильку заслала, —
Нэма того, що кохала.
Ой, нэма и нэ будэ, —
Россудылы лыхы людэ,
Россудылы, розлучылы,
Кобъ мы въ пары нэ ходылы,
Кобъ мы въ пары нэ ходылы,
Однэ др́угэ нэ любылы.

450.

Ой, посію ярую пшеницю, Голубэнька сыва,
Ще й ярый овэсь, Китайкою двирь,
Ой, нэ по правды ты, мое ко- Кобь нэ помуравь я
[ханье, Жовтыхъ чоботочковъ,
Зо мною живэшъ: Золотыхъ подкывъ!
Придэ тэмна нычка, „Ой, кобь же ты, мылай,
Тэмна нэ видная, Голубэньку сывай,
До другэи йдэшъ, Того нэ дождавъ,
Мэнэ молодую, Кобь же жь ты мою
Голубку сывую, Червону китайку
Въ головоньку бьешъ. Ножкамы топтавъ.
— Ой, застылай, мыла,

451.

Ой, ужэ вэчорь, вэчорь й а й вэчорье,
Ныченька тымнэнька́я,
Розыходытця наша бэсэда, —
Головонько бидная.

Ой, нэ жаль мни тэи бэсэды,
Якъ тыхэи розмовы,
Що погубылы ворбны коны
Золотые подковы.

Ой, золотые та й и подковы,
Ще й и зализные пута,
Ой, кобь же нэ ты, сэрецэ дывчино,
То нэ бувъ бы я тута.

Ой, свэты, свэты, ясный мисяцю,
Зь вэчэрню зорою,
Кобь було выдно нашой бэсэды,
Якъ итымэ до дому.

Ой, свэты, свэты, ясный мисяцю,
Що найвыше окбло,
Ой, промовъ, промовъ, сэрецэ дывчино,
Ой, хочь однёе слово.

„Ой, якъ я маю, мое сэрдэнько,
До тэбэ говориты,
Сацують людэ, рахують людэ —
Мни тэбэ нэ любыты!“

— Нэхай сацують, нэхай рахують,
Хочь по цилому свиту,
Я тэбэ любывь, любыты буду,
Ты муй рожовый цвиту.

452.

Бэроза моя кудравая,	Отомкны скрыны грошовые!
Лыстычко твоё широкое,	Ой, якъ отомкнэшъ—люблю
Вытьтичко твоё довгёнкое.	[тэбэ,
Доленька моя нещасная.	Якъ нэ отомкнэшъ—забыю тэбэ!—
Казали, муй мужь нэ пьяныця:	Ой, жена мужа злякалася,
У корчми нэ пывь—коня про-	У вышнёвый садъ сховалася.
	[пывь, Дывчатка, мои подружечкы,
Пропывь конька вороного,	Узьмытэ мэнэ подь рученькы,
Ой, вороного, сэдланого.	Ой, завэдитэ въ комбреньку,
Пришовь до дому, розжалывся,	На билую постыленьку,
Ой, розжалывся, расплавався:	Ой, привэдитэ мыленького,
„Ой, жена моя, любезная,	Нэхай муй мылый подывыцьця,
Ой, возьмы ключи золотые,	Ёго сэрдэнько прихыліцьця.

453.

Ой, въ мѣстэчку въ Бэрэстэчку капэлія грала,
Молодая бондаривья всю нычку гуляла.
Ой, гуляла бондаривья до зыходу сонця,
Ажъ побачивь пань Ганевскій, сэдячи въ окэнци.
„Слугы мои, слугы мои, бэритэ вэсэльця,
Ой, ловитэ бондаривью, дрежить моё сэрцэ!—
Ой, казалы бондаривьи стары бабы зтыха:
„Ой, утыкай, бондаривья, бо наробышъ лыха!“
Утыкала бондаривья крутымы горама,
А за ёю пань Ганевскій зь двыма дворакамы.
Ой, и понявь двораченко, пригорнувъ до сэбэ:
„Нэ бійсь, нэ бійсь, бондаривья, пань нашъ любыть тэбэ!
Ой, чи будэшъ, бондаривья, въ сырій зэмлі гныты,
Чи изь намы, дворакамы, мэдъ горылку пыты?“
— Лучче буду, двораченки, въ сыруй зэмлі гныты,
Ныжъ изь вама, дворакамы, мэдъ-горылку пыты!

Утыкала бондаривна изъ корчмы до саду,
Забывъ, забывъ панъ Ганевскій зъ ручици (ручницы)
[изразу.

Ой, въ нашей бондаривни хвартухъ розмэрѣжки, —
Ой, дэ ий поводѣлы. тамъ кровавы стѣжки!
Ой, въ нашей бондаривны жѣвты черэвычки, —
Ой, дэ ий поводѣлы. тамъ кровавы рѣчки.
Ой, якъ вривавъ старый бондаръ у зэмлю ногамы:
О тѣ тоби, моя доню, пыты зъ дворакамы!
Якъ уривавъ старый бондаръ у стыгъ головою:
О тѣ тоби, моя доню, нэ жыты зо мною!

454.

Въ полы вышенька колыхалася,
Дочка въ матэри годовалася,
Тримѣ мѣламы умывалася.
Однимъ мылася—то й былявая,
Другимъ мылася—то й червоная,
Трѣтимъ мылася—приудалася,
Всімъ молодчикамъ зподобалася.
„Нэ дай, братъ, сѣстру куды хочецьця.
Но оддай, братъ, сѣстру куды судыцьця.
Нэ за старого, нэ за малого,
За молодчика приудалога.
За молодчикомъ красовать буду,
Въ вышнёвомъ саду ночовать буду,
Кокорузэньку готовить буду.
Кокорузэнька нэ вварилася.
Изъ свѣкружною посварилася,
На другой дэнѣкъ помырѣлася.

455.

Ой, у саду вышня зъ-подъ кореня вышла,
Скажи, скажи, дывча, правду, що маешъ на мысли!
Ой, я нэ казала, казаты нэ буду,
Горевала я зъ тобою, тэпэръ сама буду.
Ой, на гори овэсь, й а й въ долини жито,
Подъ билою бэрбзою козака забыто.

Ой, хочь его быто, на смѣрть нѣ забыто,
Червоною кытайкою оченькы накрыто.
Ой, пришла дывчина зъ чорнымы очима,
Кытаенку однімала, та й заголосила:
„Ой, устань, козаче, устань, молодѣнькый,
Ходыть, блудыть по дубровы твуй кынь воронѣнькый!“
— Ой, нѣхай и блудыть, покуль напасѣцьця, —
Бо вже моя головонька на свить нѣ звѣдецьця!
Прихбдыть другая, тая ны такая:
Подняла кытаечку въ уста цюловала.
Ой, пришла дывчина изъ новыи хаты,
Якъ подняла кытаечку, та й стала караты:
„Ой було жъ пасъ, вражій сынѣ, пасъ трохъ нѣ кохаты!
Ой, одную любывъ, а потымъ другую,
За третюю чорнявую въ зѣмлицю сырую“ *).

456.

Ой, нѣ стуй, нѣ стуй, вѣрбонько, надъ водою,
Бо нѣ гожая водыця подъ тобою:
Ны ий пыты, ны йстонькы звариты,
Ой, ино тылько чорнымъ галонькамъ пыты.
„Ой ты, галонька, чорная, чорнѣнькая.
Ой, скажи бо мни, дѣ моя мыленькая?“
— Твоя мылая у лисы надъ водою,
Умываецьця зильечкомъ купыною.
„Ой, зилье, зилье, дорогое насинье,
Ой, скажи бо мни, дѣ тѣбѣ посадыты?“
— Посады мѣнѣ въ камѣнный камѣннѣйци,
Полывай мѣнѣ мѣдъ-выномъ зъ шкляныци!

*) Въ с. Здитовѣ варьируется такъ:

Зъ одную любывся, зъ другую кохався,
А зъ третюю чорнявою въ сырую зѣмлю попався!
Устань, козаченько, устань, молодѣнькый:
Ходыть—блудыть по долини твуй кынь воронѣнькый.
— Ныхай же вунъ ходыть, выхай же вунъ блудыть,
Есть у мѣнѣ стара матка, та й по мни затужить.
Ныхай же вунъ ходыть, выхай напасѣцьця,
Бидна жъ моя головонька повикъ нѣ звѣдетца.

„Ой, лишь буду батэнька частоваты,
Ой, ныжъ тэбэ, квитыньку, полываты.
Квитонька званэ, то другая будэ,
Батэнько умре, мни другого нэ будэ!“

457.

Ой, въ нэдилю поранэнько	Я нэ йду исты, пыты,
Приснывся мни сонъ дывнэнь-	Онò йду говориты.
	[кый, Ой, ё въ мэнэ хлибъ у возы,
Що вже умэръ братъ роднэнь-	Будэ обидь у дорозы;
	[кый. Ой, ё въ мэнэ татарина ¹⁾ ,
„Ой, запрагай, мыльй, коны,	Будэ мэни вэчорина!“
Пойдэмо до родыны!“	Вышовъ братокъ на йўлоньку,
Мыльй коня запрагае,	Знявъ шапоньку и зклонывся:
Братъ по двору похожае.	„Прощай, сэстро, помыльвся!“
Заихалы въ воротычка,	Озявъ коня за гривоньку,
Сыдыть братъ въ оконычку,	А сэструньку до свэтёлки.
Зъ дэткамы обидае,	Ой, давъ коню овса, сина,
Зъ жоною розмовляе:	А сэструнци мэдү, вина.
„Пріймай, мыла, хлибъ зо столà,	„Ой, ижъ, коню, овэсь, сино,
Бо вже йдэ сэстра моя!“	Пый, сыструнько, мэдъ и вино,
Сэстра тое та й почула,	Пый, сыструнько, упывайся,
Назадъ коны завернула:	Мое словцо забывайся!“
„Нэ бійся, братокъ,	— Буду пыты, выпываты,
Зъ хлибомъ, зъ силью,	Трудно словцѣ забуваты!

458.

Въ чистому полю стояла яворина,
Ой, тамъ дывчина зъ козакомъ говорила.
„Ой, гоже, гоже, принэсы его Боже!
Й а й сэ нэ его, то товариша его,
Попытаюся я здоровьечка его.
Ой, чи вунъ лэжить, чи помырать думае?“
— Сй, я нэ лэжу, помырать нэ думаю,
Сэрцэ-дывчину покынуты думаю,
Кэрезъ ворогы, кэрезъ быстрые воды,
Сэрцэ-дывчино, я тэбэ любыть гды.

1) Лукъ.

459.

На добранучъ усимъ на пучъ.	Пытаецьця сынъ матыра,
Ой, бо вже я идѹ спаты.	Которую дывку взяты:
Ю въ воротюхъ стоить зэлынь	„Ой, чи тую, матко, браты,
	[яворъ, Що головка гладка,
Тамъ я буду ночоваты.	Ой, чи тую. матко, браты,
Зэлынь яворъ, зэлынь яворъ,	Що замѣтна хатка?
Щэ червона калына,	Ой, чи тую, матко, браты,
Мыжъ увсими дывочкамы	Що хороше танцюе,
Една дывчина мыла.	Ой, чи тую, матко, браты,
Ой, хочъ мыла, хочъ нэ мыла.	Що вирнэпко працое?“
Ой, альбы чернобрыва.	— Ой, нэ тую, сынку, бэры.
Клыче маты вэчераты,	Що головонька гладка,
Мни вэчэра нэ мыла.	Ёно тую, сынку, бэры,
„Ой, вэчерай, моя матко.	Що замѣтна хатка.
Ой, колы паварила.	Ой, нэ тую, сынку, бэры.
А я пойду до дывчины,	Що хороше танцюе,
Бо мни дывчина мыла!“	Ёно тую, сынку, бэры,
Ой, котывся зэлынь крышталь,	Що вирнэпко працое!
Та й по всимъ сѣнымъ жыты,	

460.

Ой, въ нэдилю рано хороше море грало,
 Коло того мора дороженька ложбна,
 Дороженька ложона, калыною сажона.
 Ой, тамъ ѣхавъ козакъ на ворономъ коню.
 „Постый, коню, напыйся, я молодой вмыюся!“
 Ой, ще коныкъ нэ напывсь, а вже козакъ утопывсь.
 Ой, ще козакъ нэ втопывсь, за калыну вхопывсь.
 „Ты, калыно—малыно, ягода червоная,
 Ой, нэ дала втонуты, въ чужомъ краю згнуты.
 Ой, коню муй вороный, вывезь мэнэ зъ того краю!
 Якъ вывезэшъ, коню, то дамъ тобі исты,
 Былэнького овса исты, крынычныи воды пыты;
 Якъ нэ вывезэшъ, коню, то я дамъ тобі исты,
 Болутного сина исты, луговэй воды пыты.
 Ой, коню муй вороный, ой чи я тобі тяжкый,
 Чи я тобі тяжкый, чи мои два сэрмяжкы?“

— Ой, ты мни нэ тяжкый, нэ твои двѣ сэрмяжки,
Ёно мэни тяжко—дороженька—сто мылы,
Дороженька—сто мылы, корчомкы шляговые.
Ой, ты пуйдэшъ на мэдъ-горилку,
Ой, мни дасы, коню. й а й соломэнькы жминьку;
Ой, ты выйдэшъ зъ корчомкы и вѣсвыснэшъ, выгукнэшъ,
На мэнэ, коня, сядэшъ. острыжкамы звяжешъ.
Ой, и тые острыжки упылыся мни до кусткы,
Ой, до билый кусткы, до червоной крови!

461.

Рубайте лэщиву на тую дывчину.
„Дывчино моя, чимъ ты нэ вэсэла,
Чимъ ты нэ вышла ще вчора зъ вэчора?“
— Нэ выйду, козаче, боюся морозу,
Бо я молодая ножкы поморожу!
„Ны бійся, дывчино, бѣлого морозу.
Я на твои ножкы черевычкы зложу,
На тэбэ самую шубу дорогую.
Тая шубонька бэрэдзо дорогая:
За чотыри волы вона купленая,
За чотыри волы, ще за двѣ коровы,
За билые лыцы, ще за чорны бровы.
Пошла дывчина до броду по воху,
Ой, надывылася на козацьку вроду.
Ще дывчина воды нэ набрала,
Вже козацьку вбрѣду собі сподобала.
„Ой ты, дывчино, ой ты, баламутко,
Сядай зъ нами у човонэць хутко!“
Ой, ще дывчина въ човонъ нэ сила,
Ой, вже шука рыба човонъ затопыла.
Одынъ козакъ каже: шука рыба грае!
А другый каже: дывче потопае!
Третій каже: подай тычѣну,
Будэмъ ратоваты хорошу дывчѣну!“
— Ой, ратуй, ратуй, молодой козаче,
То будэшъ миты отъ маткы заплату,
Отъ маткы заплату, отъ батька подяку.
„Ой, я нэ хочу отъ маткы заплаты,

Отъ маткы заплаты. отъ батька подякы.
Оно я хочу на шлюбоньку статы!“
— Ой, луччи буду въ мѣри потопаты.
Ныжъ зъ тымъ нѣлюбымъ на шлюбоньку статы!
Въ мори потонувши, къ бѣрожку приплыну.
За нѣлюба пуйду—на вѣкы загыну!
Въ мори потонувши, водыци напыюся,
За нѣлюба пуйду—слѣзками обыльюся!

462.

Ой, дума моя за думѣю,
Пошовъ муй мылый за другѣю.
 А я молода зосталася,
 Слѣзоньками облылася.
Ой, полылася у мѣнѣ слѣзы.
Та якъ росыця зъ бѣрозы.
 Ой, выйду жъ бо я на гѣрушку,
 Стану, подывлюся на зѣрушку—сы зора ясна?
Ой, зорѣ ясна, дывча красна,
Я жъ, молодая, замужъ пошла,
Лыха долѣнька мѣнѣ знашла.
 Чи я въ такой часъ родылася,
 Чи я въ такой часъ христылася,
Чи то такыя кумы йшлы,
Що мни долѣнькы нѣ привѣслы,
 Чи то такыя бабы бралы,
 Що мни долѣнькы нѣ вгадалы?
А всѣ жъ то тому маты вѣвѣнна,
Що мѣнѣ рано нѣ збудыла.
 Вы, компаночки, рано встали,
 Добру долѣньку розобралы,
А я молода спузнылася,
А лыха долѣнька судылася.

463.

Ой, коню муй, коню, коню жовтогривый!
Ой, сыну муй, сыну, сыну уродливый,
Хочъ ты уродливый, такы нѣщасливый!

Ой, Боже муй, Боже, що я наробыла бь:
Ой, кобъ я нагнала горылынькы, пыва,
Кобъ я ожинила удалого сына.
Ой, онó стала пыво вариты,
Ой, пришли сыночка подъ розгамы быты.
Вэлы ёго мистомъ, вэлы гулицёю,
Завязалы ручки назадъ сырецею.
Витёръ поывае, сыриця всыхае,
Моёму сынови рученькы зтягае.
Ой, Боже муй, Боже, пэжива я буду,
Зъ вэликаго жалю помыраты буду.
Кобъ же я знала, колы умыраты,
Наняла бь столяривъ ёвора рубаты,
Ёвора рубаты, труну будоваты.
Збудовалы трўпу на вси шыры боки,
Кобъ стояла труна двадцать шыры роки.
Пётый наступае, труна промовляе: ¹⁾
Докиль же я буду порожна стояты?
— Ой, Боже муй, Боже, що буду робыты:
Збудовалы труну, нётъ кого вложиты.
Уложила бь батька—за батька грихъ будэ, ²⁾
Уложила бь матку—нэ будэ поридку,
Уложила бь брата—вь брата пона хата, ³⁾
Уложила бь сэстрыньку—вь сэстры дэтэй много.
Уложила бь мылого—трудно жить бэзь ёго;
Лэгла бь я самая дытына малая.
„Мыла молодая, лягай ты самая,
Лягай ты самая, хочъ ты молодая, ⁴⁾
Хочъ ты молодая, дытына малая:
Малую дытыну выгодують людэ,
А мни молодому дру́га мыла будэ!“

.464.

Ой, суды мни, Боже, року дослужиты,
Ой, то вже жь нэ буду по службы ходыты.
Бо хлибъ заслужоный всюды вымовлённый:

¹⁾ Варианты: А на пятомъ році стала промовляты. ²⁾ Выликий жалъ будэ. ³⁾ Вылика утрата. ⁴⁾ Тамъ лишъ тобі будэ. (Подолъс. в. Кобрив. у.)

Укровать кусочокъ, якъ клёнывъ листьчокъ,
Ой, ще попытае: чи всёго изъила?
Якъ я ёго краю, тяженько вздыхаю,
Якъ я ёго вкушу, заплакаты мушу.
Нэ зымъ я у хаты, но зымъ за двэрима,
Нэ зымъ я зъ водою, промочу слэзбю.

465.

Лытивъ воронъ зъ чужихъ сторонъ, нэ взявъ исты, пыты, —
Ой, трудно тый сыротоньцы на чужини житы.
Батько чужій, батько чужій, й а й маты чужая,
Ныхто мэнэ нэ жалует, що я молодая.
Ой, лэтила зозулэнька кэрэзь садъ куючи,
Ой, плакала сыротонька на службоньку йдучи.
Зачувъ тое й а й самъ Господь зъ высокого нэба,
Пытаецьця сыротонькы: ой, що тоби треба?
Давъ я тоби ручки, ножки и свитлые очи,
Ой, знай, робы, сыротынько, до тёмныи ночи.
Ой, хочъ бы я, мўцный Боже, дэнь и нучъ робыла,
Таки моя роботонька ныкому нэ мыла.
Ой, хочъ бы я, мўцный Боже, муры муровала,
Таки скаже чужа маты. що въ корчми гуляла.

466.

Ой, мати сына та й ожиныла,
Молоду нэвїсточку нэзнавыдыла.
Послала сына й а й на войноньку,
Молодую нэвїстоньку билый лїнь полоты.
„Нэ ополэшъ лѣну, то й нэ йды до дбму,
Стань у чистомъ пблї й а й калынобю.
Ой, шовъ сынокъ й а й до домоньку,
Зобачивъ калыноньку та й въ три мылы.
Ой, пришовъ до дому, нэ кажэ ныкбму,
Свойй рыднуй матэньцы до билыхъ ножекъ:
„Ой ты, мать моя, й а й свить прокатавъ,
Такѣи калыночки ныгдэ нэ выдавъ!“
— Ой, озьмы, сынку, йбстру сокыру,
Да идѣ вытны, вырубай тую калыну!

Якъ уризавъ разъ—похылылася,
Якъ уризавъ другый разъ—заговорила:
„Ой, нэ бый мэна—я мыла твоя!
Бо мни учиныла матуля твоя.“

467.

Зыйшовъ мѣсяць и зоря, вѣдуть вѣйта до двора,
А сѣцкаго до пана, кобъ я була кохана.
Хочуть лысты пысаты, кого въ солдаты браты:
Ой, узялы бѣ богача - богачъ вѣкупыцьця.
Ой, узялы бѣ розумця то вынѣ вѣбаецця.
Но возьмихо такого, що нэ мае ныкого,
Ой, ны брата, ны сѣстры, нэма кому надвѣсты!
Сѣстра тое зачула и браткови знать дала.
„Ўтыкай, братыку. ўтыкай, хочуть ў солдаты браты!“
Одынѣ чѣботъ на нози, а другий чѣботъ у руди,
Уже братокъ въ дорози.
Оно братокъ за сны, а вже сѣцкый сѣ вѣйтомъ засилы.
Ўтыкай, братокъ, въ обору, а зѣ оборы въ стодѣлу,
Изъ оборы въ стодѣлу, на жѣтнюю сторону,
Изъ стороны та й на тукъ прикрывъ мэна жѣтний снуць.
И снопочка поднялы, и Ванюшу узялы.
Ой, узялы молодойця отъ матушки, отъ оцьця.
Ручкы, ножкы звязалы и завѣлы до брамы.
И завѣлы до брамы и зхотилы поправы:
И ланцѣжка подкую, и люлечку закуру.

468.

Ой, зиль моя презелѣная,
Сторонбѣнка нэ вѣсѣлая!
Я жѣ по тоби нэ нахожуся,
На мого мужа нэ нагляжуся,
Въ ночя сплечй, а въ дѣнь рѣблечи.
Зобачила соколѣнка лѣтучи:
„Соколѣнко, ты братѣшечку¹⁾ мый,
Чи бувъ, чи нэ бувъ въ мою сторону:
Ой, чи тужить отѣць—маты по мни?“

1) Т мажкое слышится отчетливо.

— Тужить, тужить, розбиваецця,
Дочки въ госты сподываецця:
„Прибуди, приходи, моя дочко, до мэнэ.
То ты будэшъ любымъ гостэмъ у мэнэ!“
Плаче, тужить, розбиваецця,
Дочки въ госты сподываецця.
Плаче, тужить, на лужечку ложить,
Праву ручку на сэрдэньку дэржить.
„Кобъ я знала, кобъ я видала,
То я бъ замужъ никола бъ нэ пошла.
Въ свого батька ажъ до смэрты була.
По свэтэлцы ¹⁾ розпохаживала бъ,
Жовту косу та й розчэсывала бъ.
„Ой ты, моя жовтая коса,
Ой, кому жъ ты зподобалася:
Чи маёру, чи полкóвнику,
Чи хлопцэвы полюбóвнику?“

469.

Въ зелёномъ лугу зацвэла калына,
Молодая дывчина наробыла дыва,
Наробыла дыва, наварила пыва,
Вона козаченька къ соби принадыла.
Ой, ще зъ козаченько въ вэлыкой дорози,
Вже дывчинóнька зъ пывомъ на порози.
„Козаче, молодче, знаты утомывся,
На тоби, козаче, хочъ пыва напыйся!“
Ой, ще козаченько пыва нэ напывся,
Правою ручкою за сэрцэ вхопывся.
„Ой, шо жъ то за пыво,
Що мэнэ, козака, за сэрцэ зхопыло?“
— Козаче, молодче, дурный розумъ маешъ,
Що ты на чужини дывчину кохаешъ!
Нэ стуй надъ ричкою, нэ махай ручкою,
Ты мэнэ зрадыла свёю природою.
Нэ стуй надъ лэсбóчкомъ, нэ махай лыстбóчкомъ,
Ты мэнэ зрадыла своимъ голосочкомъ.

¹⁾ Т̄ мягкое слышится отчетливо.

470.

Ой, въ лугу, лугу трава зеленая,
Оддавъ мэнэ батько, ще жъ я молодая.
Ще я молодая. ще я нэ доросла,
Сподобыла мэнэ дблэнъка нэщасна.
Була въ мэнэ коса, коса до пояса,
Якъ ставъ мыльй быты, вырвавъ до волбса.
Пошовъ муй мыленькый въ вышнёвый садочокъ,
За имъ дывчинонька, за имъ у слыдочокъ.
За имъ дывчинонька, за имъ убижала,
На бытумъ гостынци ночоваты стала.
На бытумъ гостынци дывчина заснула.
Найхалы купцы, дывчина нэ чула.
Найхалы купцы, а все молодые,
Подъ ими коныкы, а все вороные,
На коныкахъ сидла, а все золотые.
„И встань, дывчинонько, и встань, обудыся,
На насъ, козаченькы, на насъ надывыся!“
Дывчинонька встала, ручки заламала,
Ручки заламала, сильно заплакала:
„Ай, Боже муй, Боже, дэ муй мыльй дився:
Чи й въ зеленомъ лугу мыльй утопывся,
Чи въ шинкарбчкы въ корчми запывся?“
Сэбъ въ лугу втопывся, то бь лугы шумилы,
Сэбъ въ шинкарочки,—шкляночки дзвонылы бь.

471.

Выкопайтэ крыныченьку, дэ холодная вода.
Увси сады зацвыталы, ще червона калына.
На калыноньцы малына, на малыны соловэй,
Винъ шебэче—скоро дені.
Налынули соколушки ¹⁾ изъ чужей стороны,
Ой, узялы соловэйка й а й подь крыльешкы свои, ²⁾
Ой, завэслы соловэйка у чужую сторону, ³⁾
Засадылы соловэйка у новую клитоньку,
Ой, нэ дали соловэйку й а й нэ исты, нэ пыты,

¹⁾ Вар.—Соколики. ²⁾ На свои крылечка. ³⁾ Ажъ до своего стадычка.

Заказалы соловэйку нову пісэньку пты:
„Запій, запій, соловэйку, хочь одну новую,
То мы тэбе занэсэмо ажъ у твою сторону!“
Зачынае соловэйко нову писэньку пты,
Наряжають піштолнты, хочуть ёго забыты.
Нашлы хлопцы новобранцы, стали плакать и рыгать: ¹⁾
„За що, на що, соловэйка зъ піштолнта забывать?
Хто намъ будэ въ лятню пору по садочкамъ щебэтать,
На калыны, на малыны ягодонькы обирать?·
Нагнивався муй мыленькый бэзъ прычыны на мэнэ: ²⁾
Ой, зайдэмо жита жаты, отожняцьця одъ мэнэ,
Якъ сядэмо вэчераты ³⁾,—нэ гаворыць до мэнэ,
Якъ зайдэмо въ кровать спаты—одвэрнэцьця одъ мэнэ,
Ой, якъ зайдэ до сусида—осуждае ёмъ мэнэ.
Сама знаю, людэ кажуть, шо нэ любыць вунь мэнэ. ⁴⁾

472.

Ой, нэ ходы, Васэлына, пизно по вэчэры,
Ой, нэ носы, Васэлыно, скріпонькы въ кэшэны.
Бо скріпонька изъ лыпонькы голаснэнько грае,
Всімъ дэвочкамъ, молодочкамъ, на добра-нучь дае.
На добра-нучь, а всімъ на нучь, бо вже я йду спаты.
Зваты, знаты, Васэлыно, шо нэ рудна маты:
Выражае Васэлыну й а й въ полэ орэты.
Оре, оре Васэлына на шыры зогоны,
Пустывъ волю на дубровы, самъ пошовъ до дому.

¹⁾ Плакать, нармкать. ²⁾ А мій мылай, чорнобрывый нагнивався на мэнэ. ³⁾ Якъ я вару вычыраты.

⁴⁾ „Нэ дышъ, нэ дышъ, моя мыла,
Своимъ духомъ на мэнэ,
Вже жъ ты тое добрэ знаешъ,
Що ны люблю я тэба.

Свыты, свыты, ясный мисяць,
И ты, ясная зоры,
Прощай, прощай, моя мыла,
Прощай, душынька моя!

Прощай, прощай, моя мыла,

Прощай душынька моя:

Я пойду на Вкрайну,

Ты зоставься сама. (С. Рогачи, Брестск. уѣз.).

На тихому Дунаевы човонъ воду гонять.
Молодэнькый Васэлына свэй маткы прбсыть:
„Ой ты, моя матко рыдна, чийи мни причину,
Пріймы мою дружиноньку за рудну дэтыну!“
— Нэ такая, муй сыноньку, годына настала.
Кобъ чужая дэтынонька за рудную стала!

473.

Зэлена дуброва отъ сонця завяла,
А я молодая за старого пошла.
 Умрэ старый, умрэ, за молодця пойду,
 Таки я соби ліпшу долю знайдú.
Ой, якъ я жъ пойду за старого граба,
То я зроблюся за повго́да баба,
 Ой, якъ же пойду за молодяты́ну,
 То я приведу до року дэты́ну.
Умэръ муй старэнькый, за молодця пошла,
Я соби гіршу долю нашла.
 Якъ за старимъ була—пырогы въ куточку,
 Тэпэръ за молодымъ—дубына по плечку.
Якъ за старимъ була—горилка въ кубчкú,
Тэпэръ за молодымъ кончукъ на колбчкú.
 Зайду на могылу, я плачу годыну:
 „Ой, встань, муй старэнькый, безъ тэбэ загыну!
Устань, муй старэнькый, мое малеванье,
Бо вже мэнае наше панованье:
 Зайду до стодолы—ны сина, соломы,
 Зайду до коморы—нэ хлиба, нэ солы.
Зайду на дривутьню—нэ дровъ, нэ лучины —
Не вартъ ты, козаче, гэтэи дывчины!“
 Бодай запропала чужая сторона,
 Що ныгды нэ выйдэ дывчина вэсэла.
Ой, хочъ вона выйдэ, таки нэ вэсэла:
Ручкы заламаны, очкы заплаканы.
 Ручкы заламаны—щó доля лыхая,
 Очкы заплаканы—щó маты чужая.

474.

Сады мой, сады, сады зеленые!
Въ одному саду зозулька ковала,
А й въ другому саду—соловэй шебэче,
И а й въ третьему саду—сынъ зъ маткой говорить:
— Ой, сыну мій, сыну, сыну наймылійшій.
Скажи мни, сыну, хто тоби вирпійшій:
Чи тэща, чи жона, чи маты рожона?
„Ой, мни тэща мыла—для мого привиту,
И а й мни жинка мыла—для любого цвиту,
А мни маты мыла—що мэнэ вродыла,
Плакала, рыгала, смэрти дожидала,
Смэртэлну сорочку на сэбэ надивала.
Ой, вона ныченькы ныгды нэ доспала,
Зъ ўстёлочокъ ножокъ выгды нэ вымала.
Ой, вона сыночка соби годовала,
У военну службу служиты оддала!“
— Тяжко було, сынку, мни тэбэ родыты.
А тэпэръ ще тежчей ы въ війску служиты!

475.

Ой, густые травы, широки Дунай,
Идэ козаченько, на коныку грае.
Ой, идэ вонъ, идэ, вси ган мэнэе,
Гдэ дывчину бачить, туды занэжэе.
„Дывчино, Олэне, гов ри до мэнэ!“
— Нэ буду, козаче, бо дэтына плаче!
Ой, Боже мій, Боже, що буду робыты:
Чи косу чесаты, чи дытя вповывати?
Кбсоньку вчесала, гребэвэць заткнула,
Вышла на йўлоньку, тяженько зотхнула.
Ой, Боже муй, Боже, дэ муй мылий дився:
Чи въ шинкарочки упывся, чи въ лугу втопывся?
Кобъ въ лугу втопывся, то бь лугы шумилы,
Кобъ у шинкарбчы—шклянбчы звэнылы бь,
Кобъ въ новуй церковцы—то бь дякы спывалы бь,
Кобъ у сусидбчы—то музыкы бь граы.

476.

Въ огороды бэрвіночки.	„Прибудь, прибудь, муй мы-
Въ огороды ростылаюцьця,	[лѣпый,
Гдэсь муй мылый кэрэзь	Хочь на часокъ. на годыночку!—
[людэ,	Ой. Боже муй едыный,
Кэрэзь людэ покловяецця.	Що я тэпэръ наробыла,—
Що жь по тому бэрвіночку,	Що я свого мыленького.
Коли на вѣбъ ягодокъ нѣма.	Лыхымъ словомъ розогнывѣла.
Що жь по тому поклоночку,	Ой, ты мэнэ разь ударивъ,
Коли его самого нѣма!	А й я тэбэ та й проклянала:
Напышу я картыночку,	Тэпэръ же я рада бь була,
И пошлю я на Вкраиночку:	Кобъ на рочокъ разь увыдала.

477.

„Чимъ ты, соловэйко, рано нэ спываешъ,
 Чи ты, соловэйко, голосу нэ маешъ?“
 — Потэрэвъ я голосъ въ вышнѣвумъ садочку,
 Въ вышнѣвумъ садочку, въ зелѣнумъ лысточку.
 „Чимъ ты, каваліру, нэ пьешъ, нэ гуляешъ,
 Чи ты, каваліру, доленьки нэ маешъ?“
 — Потэрэвъ я долю крэзь свою своволю,
 Кэрэзь молодыцы, прекрасны дэвицы.

478.

Въ полю вѣшонька колыхалася,
 Дочка въ матэри годовалася,
 Тримà мѣламы умывалася.
 Однимъ мылася—то былѣвая,
 Другимъ мылася—то й червоная,
 Третимъ мылася—приудалася,
 Ой, всимъ хлопцямъ сподобалася.
 Ідэ молодэць на сывомъ коню,
 Стойтъ дѣвушка на своімъ двори.
 Вунъ на коньку увываецця,
 Пэредъ дивкою выхваляецця:
 Куплю шапочку за двацаточку,
 Куплю чоботы за штыры злоты,
 Куплю корабэль за цилый рубэль.

Куплю корабель изъ картыною,
Посажу жону изъ дэтыною.
Корабель плывэ изъ картыною,
А жона сыдыть изъ дэтыною.
А жона сыдыть, якъ свичка горить,
А дэтыночка—якъ калыночка.

479.

Въ конци сэла стоить вэрба, стоить вона зтѣха,
Ны стуй, дывче, зъ козакамы, будэ тоби лыхо!
Ой, стояла, розмовляла, тѣмна нучка найшла,
Дурна була дывчинонька—зѣ ими спаты пошла.
Зѣ однимъ спаты, зѣ однимъ спаты, зѣ другимъ розмовляты,
А третему скрипку въ руки—на всю нучѣ гуляты.
Скрипка зѣ лыпкы, скрипка зѣ лыпкы, а смычокъ изъ рѣты,
Якъ заграе, волосъ вяне, на Вкраины чуты.
Ой, пойду я коло млына, ой, пойму я лына,
Нѣтъ зѣ кимъ систы, лына зѣйсты, лыхая годына.
Ой, пойду я коло ричкы, ой, поймаю щучку,—
Вэдэ козакъ дывчиноньку за билую ручку.
Одынѣ вэдэ, одынѣ вэдэ, а другому жель, жель,
Третий стоить, ручки ломыть, що любывѣ, нэ взявѣ.

(С. Болотъ, Кобрин. у.).

480.

Вышла хмарка чорнѣнькая,	Убырайса, вдовынѣ сынэ,
Вышла хмарка сына,	Сѣйчасѣ походѣ будэ!“
Породыла удовонька	— Я морозу нэ боюса,
Хорошого сына	Завтра розовьюса;
Породыла вона ёго	Я походу нэ боюса,
У самуй пувночи,	Сѣйчасѣ убѣруса!
Дала ёму билэ личко	Выкропляютѣ дороженьку,
И чѣрныи очи.	Ой, щобѣ нэ курила,
Будѣ-жѣ-бо мни, моя матко,	Розважайтѣ отца й матку,
Личка нэ даваты,	Щобы нэ тужила!
Бо вже мѣнэ записалы	„Выкроплялы дороженьку,
Вѣ солдаты оддаты.	Таки вона курить,
„Розывайса, сухий дубѣ,	Розважалы отца й матку,
Завтра морозѣ будэ,	Таки вони тужать!“

Ой, галочки чэрвэнькіі
 Всэ полэ покрылы.
 Два козаки молоды
 Жалю наробылы.

„Вы, галочки чэрвэнькіі,
 Пудымітэсь вгору,
 Два козаки молоды,
 Вэрнитэсь до дому!“

— Ой, рады мы пуднятыса—
 Тумань наступае,
 Ой, рады мы вэрнутыса—
 Гусударь нэ пускае.

Нэ такъ гусударь,
 Якъ гусударска маты,
 Хоче зь намы молодцамы
 Турка звоёваты.

481.

Ой, у дворы новина:
 Клычуть вуйта до двора,
 А соцкого до пана.
 Сталы въ дворы гадаты,
 Кого въ рэкруты взяты.
 „Вбѣзмэмъ, пане, спроту,
 Мэнчей будэ клопоту,—
 Що ни брата, ни сэстры,
 И нікому провэсты!“
 Я съ хаты въ комору,
 А съ коморы да пудъ стрыпъ,
 Накрывъ мэнэ грэцкій сныпъ.

Пришовъ соцкій, пришовъ вуйтъ,
 Знялы зь мэнэ грэцкій сныпъ.
 И ноженьки заковалы,
 Назадъ руки завъязалы,
 И пудводу заказалы
 Поставилы у куточку, —
 Скидай рэкрутъ и сорочку.
 Поставилы до міры. —
 Руки, ноги помлілы.
 И до міры нэ дойшовъ,
 А въ солдатушки пошовъ.

482.

У садочку, подъ грушкою,
 Стоявъ баринъ съ дивушкою.
 „Ты, дивушка симилитушка,
 Одгадай мни сэмъ загадокъ:
 Якъ одганэшъ—моя будэшъ,
 Нэ одганэшъ—дурна будэшъ:
 Що жь то ростэ бэзъ корэня?
 Що то вьеця край дэрева?
 Що те палыть бэзъ поломня?
 Що то грае, голосъ мае?
 Що то плаче, слэзъ нэ мае?
 Що то лэтыть бэзъ витру?
 Що то бэжить бэзъ прогону,
 Що то свэтыть ясну зорю?“

— Дуракъ, дуракъ маёрскій
 [сынъ.
 И ще дуракъ нэ помалу,
 Чи я тоби не одгану:
 Камэнь ростэ бэзъ корэня,
 А хміль вьеця край дэрева,
 Сонце палыть бэзъ поломня,
 Скрипка грае, голосъ мае,
 Соколъ плаче, слэзъ нэ мае,
 Стрила лэтыть бэзъ витру,
 Вода бэжить бэзъ прогону,
 Мисяць свэтыть ясну зорю.

(М. Іваново, Кобрин. у.
 Записъ 1878 г.)

V.

ПРИПѢВЫ,

вытынáнья, выдрыгáнцы, вѣтанки, подскóки, вытѹшки,
околѹшки. брандѹшки.

Приводимые ниже куплеты поются главнымъ образомъ на пирушкахъ, свадьбахъ, игрицахъ, вообще — когда танцуютъ. Если ихъ поютъ нарни, то припѣвы сопровождаются при-
свистомъ и гиканьемъ.

1. Мукѹ сѣю, крѹпэ тачѹ, Я Грица люблю,
Я за Грица замужъ хачѹ. Я за Грица пайдѹ,
Крѹпэ сѣю, апалáю, А у Грица крамнѣца,
Грица люблю и кахáю. Што хóчу—куплю.
(И. Мостихи, Сокольск. у.)

2. Чѣе пшолы па садѹ,
Мае па садбóчку,
А хто лóбитъ далёкую.
А я сусѣдбóчку.
А я тую далёкую
Тычамъ ператычу.
А я свайó сусѣдбóчку
Да сё пераклѣчу.
(Им. Круглое, Сокольск. у.)

3. Хатя я ўдóма,
Тыкѣ я паня,
Маю я вóликавъ
Чатыры пары.
Чатыры пары
Аднадэ мáсьти,
Наймѹ я пастѹшку
Воляки пáсьти.
Куплю ёй сукню,
Шáпаньку в боты,
Напасё вóляки—
Пдѣ да рабóты.

4. Я сидѣла кале печи, Круны сѣю, гарбѣхъ тачу.
 Била мене мати ў плечи: Я за Рыца (Грица) замужъ хачу!
 Не учіса танцаваць, — Сватай мене, мой ты Рыцу:
 Да учиса кросны ткать! Казаў батько—дамъ телицу,
 Я работу ўсэнку ўмѣю: Дамъ телицу и теля,
 Кале печи руки грѣю, Беры мене, крутеля.
(М. Свислочь.)
-
5. Ой, шумить дубина, Одна была, одна была,
 Да листочкаў нема, Да й падраласа,
 Маладая дѣўчынанька, Дѣ дубінай палапила,
 Да сарбчки нема! Тамъ асталаса.
(М. Пзабеллино, Волков. у.)
-
6. Жаль жа мнѣ на Татяну, Жаль жа мнѣ на Татяну,
 Жаль жа мнѣ на яе: Жаль жа мнѣ на яе,
 Зѣзьдиў я конька, Стаптаў я бѣткы,
 Ъздючы да яе. Хбдячы да яе.
 Я ў Татяны начаваў, Я ў Татяны начаваў,
 Я ў Татяны ўпійусе, Я ў Татяны ўпійусе,
 Я ў Татяны маладѣи Я ў Татяны маладѣи
 Суртучка забыўсе. Шаначки забыўсе.
-
7. Го, папѣва намичка Та па грѣшу, та па двѣ,
 Прадавала яблычка, Кабъ харѣшая была.
-
8. Охъ, дятіна, ты дятіна, О, папѣва крывабока,
 Кабъ харѣшая дяўчына: А дякоба касавѣка,
 Ти папѣва, ти дякоба. А мужыцка пекна ўбрана,
 Ти харѣша мужыкоба. Якъ паглянишь—сѣрца ўяне.
-
9. Ой, йди, дою, на балѣню, Ена кажа: „Красько! Красько!“
 Займи бычка да й да дому. А енъ яе рашкомъ, рашкомъ.
 Му, бычокъ, му! Му, бычокъ, му!
 Дайтя бычку таго сѣна, Ена кажа: „Малѣй, Малѣй!“
 Што дяўчына накасила. А енъ яе далай, далай.
 Му, бычокъ, му! Му, бычокъ, му!

10. За Рамана́мъ добра жы́ть, Улажы́ў ру́ки у кишóни, —
За Рамана́мъ па́нства: Усе́ яго хазя́йства.
-
11. На бачо́нку стаю́, А ў кишóни дэ́нихъ нё́тъ,
Слёзы ко́бятца, Выпить хóчатца.
-
12. А ша́пка на такó, И танэ́ссыньку,
Рамань у садóчку, П бэлэ́ссыньку,
Любй мянэ́, Раманэ́ць, А хтò шь мянэ́ паца́луя
Пашы́ю сарóчку. Маладэ́ссыньку?
-
13. Ой, тамъ, на гарэ́, Казакъ зь дэ́ўкаю ша́люць,
Вблики пасу́тца, Кудра́пки трасу́тца.
-
14. И шумі́ть, и гудэ́, „Гуля́й, гуля́й, дяўчы́пінька,
Дрёмны́ дэ́жджыкъ идэ́. Я да хаты завяду́!“
А хтò шь мянэ́, малад́ую, — Хтò да хаты завядэ́,
Да да хаты завядэ́. То паўзала́бога,
Абазва́ўсе казакъ Хтò за мно́ю спати ля́жэ —
На салóтку мя́дзю: Каня́ варанóга!
-
15. Сё́ю крупы́, мукó тачу́. Пирава́рчу папалёты,
Я за Ры́ца (Гри́ца) замушъ Ты ни пры́дя хтò ў залёты.
[хачу́!]
-
16. Дяўчы́пінька наша кра́сна, Добра́ будя тамъ ю́й тка́ти
Паста́вила ў лэ́си кра́сна. И зь мле́нькымъ пагуля́ти.
-
17. Ой, той жа мнѣ́ ни да лу́шы Ой, той жа мнѣ́ спадаба́ўсе,
Штò ў серма́зи да кажуси́, Штò ў гу́зика зашпыла́ўсе.
-
18. Въ вага́роді зэ́льмячка, Хоть я тябе́ ни вазьму́,
Люблю́ тябе́, дэ́вачка, Такі́ хлопца́ў падражню́.
-

19. А ты, хлопчыкъ, ты бѣ- Скинъ сапожки, хадѣ босый,
[лявый. Люблю тебя, што харошый.
Люблю тебя, што кудравый.
-
20. Ой, ѣла мъядѣкъ, Я ни знала, што ты дурень.
Ды й пакáпалася, Ды й паквáпилася.
-
21. Ой, пасѣю гарѣхъ Ещѣ гарѣхъ ни паспáў. —
На высѣкуй гарѣ. Аднѣ лапатѣчки,
Куплю, куплю чаравички Патаптáла чаравички, —
Сваей мѣлуу жанѣ. Аднѣ пирадѣчки!
-
22. Ой ты, днѣчá нивялѣчка, Ни такъ лѣчка, якъ ты сама,
Спадабáла тваѣ лѣчка, На папѣры выписана!
-
23. Ой, вы — маѣ хлопцы, Бо я прастужусѣ.
Я вáша Маруся, Не вядѣтя у лябяду—
Ни вядѣтя ў бадакѣ, Лябядá халѣдна,
Бо я пакалюсѣ. Пастялѣтя свѣой жыкѣтъ,
Ни вядѣтя ў лябяду, Бо я благородна!
-
24. Го, Панáсь валѣ пасѣ, Ать куткá, да куткá —
Катярѣна бѣчки, Чаравичкаў ни куска.
Пачакáй, ни ўтякáй, А мой дядька Василь
Куплю чаравички! Чаравички пашыў,
Ать парѣга, да парѣга А дядина Гануля
Чаравички папарѣла, Чаравички абўла.
-
25. Ти я табѣ ни казáла, На пачѣ гарачѣ,
Мой ты Тадаўшка: На прыпячку ўско (узко).
-
26. На гўлицы калюжа, Якъ музыки зачўя,
Ляжытъ баба нидўжа, То й лѣжачы танцўя!
-

27. „Охъ ты, жаўнёръ, жаў- Сь пёрцамъ рыбки нагатую!“
 [пёраньку, — А ня буду рыбки їсьці,—
 Пріѣдь за мяѣ ў нядѣ- Сь пёрцамъ рыбка горка;
 [линьку. Я ня буду жавітиса,—
 Хоть ни ў тую, та ў другую. Бўдя біти жонка.
-
28. На гўлицы да мятэлицы За сабю да бычочка вядэ.
 [мятэ, А бычочакъ да ўпирэйтца,
 Красна дѣўшка па воду пдэ, Казакъ зъ дѣўцы заручэйтца.
-
29. Ой, на гарэ, на впры, Я й на баби ніць ни ўтрачу:
 Да ўсімъ хлопцамъ Прадамъ бабу, куплю клічу;
 Да на дѣўшцы далі. Кляча здохня—скўру злушлю,
 А мяѣ, хлопцу, Скўру прадамъ—дѣўку куплю.
 Стару бабушку далі.
-
30. На мяжы, на мяжы, Ой, узяў мянэ той,
 Капўсту саділа. Кагэ я ни знала.
 Ой, ни ўзяў мянэ той, Теразь той пираборъ,
 Кагэ я любіла. Штэ пирабирала.
-
31. Грыць жа мянэ, май мати, А чорныя да рабѣты,
 Грыць жа мянэ палюбиў, Чырвоныя да танцѣў,
 Грыць жа мяѣ, май мати, Кобъ я яму выдавала
 Чаравички купіў. Штэ-нядѣли го-ца-цѣ!
-
32. Чіе пчолы па дуброви, Чіе пчолы па дуброви,
 А мае ў садочку, А мае на рынку,
 А хто любіть далёкую, А хто любіть далёкую,
 А я сусѣдочку. А я Катярынку. (Ср. № 2).
-
33. II капуста май. Загнѣваўсэ мой мільнянкій,—
 II качаньнэ мае. Прасіти ня буду.
 Харбшая дяўчынэнька— Я на яго рась, рась,
 Каханьнэ мае. Ёнъ на мянэ двѣйчы,
 На капусту ваду нашу. Ни садиса калэ мянэ —
 На руту ня буду, Плову табѣ въ вочы!
-

34. Унадиўсѣ багатырѣ
Да ўбѣган дѣўки,
Пытанца таразь люди,
Ти мая прысѣўки?
Яна иму отказала
А добрыя вѣсьти:
Чортъ да тебе, багатыру,
Пайде хлѣба вѣсти!
-
35. Охѣ ты, тѣжыкѣ,
Гдѣ ты быў?
— За гарэю вѣтку пиў:
Выпиў румку, выпиў двѣ,
Запумѣла ў галавѣ.
-
36. Гэта такѣ, мая мѣла,
Гэта такѣ, чарнабрыва!
Я съ табою жыць ня буду,
Таки тябѣ любіць буду!
-
37. Саджѣ рѣдѣку, саджѣ
[рѣдѣку,
Саджѣ, паливаю,
Расьтѣ, рѣдѣка, вялікая,
На зиму схаваю.
Я ня буду рѣдѣки вѣсти,
Кажуть люди—гѣрка,
Я ня буду жанітсе.
Будя бити жонка.
-
38. Мы выпили, закусили,
Самы сабѣ падивіли:
Што мы добрага рѣду,
Пьемъ гарэлачку якъ вѣду.
-
39. У папѣвуі любядѣ
Качался мидвядѣ,
Выкачалі Рамана.
Пашѣў Раманъ да пана:
„Што шѣ мнѣ, пана, рабѣти.
Кабрага жаніти?
Адѣнъ вѣўца (овцы) пасѣ,
Другіі свѣіне пасѣ,
Трѣітій сядѣть на камѣни,
Дѣржыть дудку у кишэні!“
— Ой, повѣшу дудѣ
На зялѣнумъ дубѣ,
Нихай вѣтѣрѣ навивая,
Нихай дуда сама йграя!
Охѣ ты, дудка мая,
Висялѣшка мая,
Висялі ты мянѣ
На чужой старанѣ!
-
40. Бугай бѣитѣ, бугай бѣитѣ,
А гнядѣі рыкаѣ,
А Данила вязѣ мѣла.
А Змятѣохъ играѣ.
-
41. Тутѣ и рѣчка, тутѣ и стаў,
Любиў мянѣ Станислаў
И я ягѣ любила,
Ды свадиўцу згубѣла.

42. Ой, пайдѹ я на рыначакъ Тая жь дѣвка-красавица
 Люльку купавати, Люльку старгавала.
 Сюды гляну, аглянусѣ, — За люличку капѣячку,
 Не съ кимъ таргавати. За цыбучокъ грѣшыкъ.
 Ашъ тамъ дѣвка-красавица Паглядѣтя на мянѣ,—
 Крапивучку жала, Якій я харошый!
-
43. Ой, тамъ на гарѣ Баба задамъ выкидая.
 Дѣтъ бабай гарѣ (орѣтъ), „Тпру, стой, май мила,
 А другая прыбѣгая: Кабъ ты воза ни пабила,
 „Запражи, дѣтку, мянѣ!“ Ни атѣсь, ни калѣсь,
 Дѣтъ бабу запрагая. Кабъ воўкъ тябе ни панѣсь!“
-
44. Авѣчушки, да камлѣтушки, Вы на мянѣ маладую
 Да хто шъ васъ напасѣ. Ни надѣйтисѣ.
 Маѣ ластушки: Чаўныкъ свища,
 Сестра мала, сестра мала. Дирки йща,
 А я маладая, Та ў нисъ, та ўгарѹ,
 А я маладая, Та па бѣрдачку, —
 Бросны ткала, Прыжымай, прыжымай,
 Бросны ткутца, Маѣ сѣрдачка!
 Панажѣ гнутца. — Ой, я сыжымала,
 Што до мянѣ маладѣи Къ сѣрцу прыжымала,
 Ниудалыя шлутца. Прыжымала малайца
 А хоть плѣтесѣ, Къ свайму сѣрданьку!
 Хоть ни плѣтесѣ,
-
45. Била мянѣ мати зранку. А падъ вѣчаръ кулакамы,
 Да пабила на мнѣ дранку Кабъ ни зналасъ зъ двара-
 (лучину). [камы.
-
46. Бадай тагѣ кавалѣ Якъ ѣнъ мянѣ, маладѹ,
 Мятѣлица замялѣ: Да пакатѣѹ на лядѹ.
-
47. Бѣла жѣнка мужыкѣ, Дяку табѣ, мила.
 Руки закасаѹшы, Што памалу й била;
 А ѣнъ жа ей пакланѣѹсѣ, Куплю табѣ гарнецъ мѣду
 Шапачку изняѹшы. И паўгарца пѣва.
-

54. „Дабры-вечарь, дѣўчанка, Ящѣ къ таму збўдую
Куды йдѣшь? Святліцу
Скажи, скажи праўданьку. Зь высокага дэрава—
Дѣ живѣшь?.. Зь мятлицы.
— Ой, я живу каля рѣчки. Ящѣ жь къ таму
Ли вады, Сѣначки приляту
Збўдавала хатэньку Зь харошага дэрава
Зь лібяды. Зь асату.

(Д. Саковны, Коссов вол., Слоним. у.).

55. Тамъ на гулицы на дб- Чиравички юй атѣць пакупивъ.
 [шатцы, Кобъ харошый маладецъ патю-
Тамъ дивчина а палбщитца, [бивъ,
Палбщитца. вымувантца, А матуля то й паньчошки дала,
Въ чиравички обувантца. Кобъ харошая дивчина была.

56. Дармо, Ясю, хбдишь, Ни пй, Ясю, вотки,
Дармо пошки бѣешь: А ни гарэлбчки.
Ни пайдѣ за тѣбе. Ни кахай дивчины.
Бо ты вотку пѣешь. А ни сусѣдбчки!

57. За работу атѣць бивъ. Я за тѣя гармонь граю,
За гуляничка хваливъ: Што паслѣдній дѣнь гуляю,
Я такому маладцу Я за тѣя вотку пью.
Гармоніку пакуплю. Што ў салдатки пайдѣ!

58. Я сидѣла падъ вакбш- Вхавъ мальчикъ изъ Альбона
 [камъ, (Львова),
Прапа бѣленькій ленокъ, И захавъ въ Гарадбкъ,
Я сматрѣла у вакбшка, Тамъ дивчонка раскрасотка
Чи мой миленькій идѣтъ. Прадаѣтъ слаткій медокъ.

(Замѣтвованія).

59. Распарбвся чиравикъ на Я думала, што ѣнь къ дѣв-
 [назѣ, [камъ бяжытъ,
Зажурився мой миленькій Алянуса—кала ббку ляжытъ.
[а па мвѣ.

60. Съю руту, съю мяту Еще замужъ ни пайдѹ,
 Паць березинѡю Рачѡкъ пагуляю.
 Расьтѹ рута, расьтѹ, мята. Еще замужъ ни пайдѹ,
 Ровная за мною (со мною). Буду весны ждати,
 А я руту пакашѹ, Расьтѹ, касѹ, да паясѹ.
 Мяту пажжынаю, Я буду гуляти!

61. Ой, на гарѣ гуска. Чи яго зарѣжма,
 На далини плюска. Чи яго прадайма.
 Дѣсь узяѹся гусачокъ — Охъ, чи яго паничѡмъ
 Да дѡму ни пѹска. На абѣдъ аддайма?^а
 „Мати май, мати, — Яго ни зарѣжма,
 Што ямѹ зрабѹти, Яго ни прадайма,
 Што ня хѡча гусачокъ Анѡ яго паничѡмъ
 Да дѡму хадѹти: На абѣдъ аддайма!

62. Я стаяла зь рѡднымъ бра- „Люди кажуць, што ўпилася.
 [тамъ, Я ўпилася, лѣдва ўстѡю,
 Люди кажуць, што съ сал- Ни за чиѣ, то за свѡе:
 [дѹтамъ. Май кўрачка знеслася,
 Я да плѡту припарлася, За яѣчка я ўпилася.

63. Гуляй, гуляй, мой каханку, Сива вовна пакручѡна,
 Сѹва вѡвна на баранку, А дивчѹна заручѡна.

64. А ўсѣ куры на сидѡли, Мѣсячику, мѣсячику,
 А пѣвнѹ на стѡзи, Ни свѹтѹ никѡму,
 А ўсѣ хлопцы на гулицы, Анѡ маймѹ мѹленькаму,
 А мой у дарѡзи. Екъ ѣдя да дѡму!

(М. Наревка).

65. Ой, ты дубѡ-дубѡ, А изъ мѡнѡ, бѡрѡзѡньки,
 А я бѡрѡзѡнька, Мѡтѡлонька будѡ.
 Ой, ты пьянѡ, ой, ты пьяпѡ, Ой, ты быѹ на мѡду,
 А я твѡрозѡнька. А я на горѣльци,
 А изъ тѡбѡ, дубѡ, Ой, ты спаѹ на лѡду,
 Ничѡго не будѡ, А я на постельци.

66. Сѣю рѹту, сѣю мятѹ Мятѹ пожжинаю,
Подѣ бэрэзинюю, А ў пучочки повязѹ,
Рости, рута, рости мята, На зиму сховаю,
Роминая со мною Еще замужъ не пойду,
А я рутѹ покошѹ, Рочокъ погуляю. (См. № 60).
-
67. Дэ ты мэнэ повэдэшъ, Дэ ты мэнэ повэдэшъ,
Таку молодёнку: До стодолы спати?
Чи ў садочокъ гулѣти. Нигды бѹси не дала.
Ў травѹ зеленёнку? Ныни мѹшу дати.
-
68. Ой, чія то съ конца хата, Семъ папѹшокъ титюну,
На гулицѹ двэри, — И торба зъ люльками.
Чи не тоэ ди чинёнки, А ў недѣлю ранкомъ
Што богата вельми? Горѣлочки склянку,
Ё у еѣ скрыня Титюну на люльку,
А съ трэма замками, Дивчину Ганульку.
-
69. Мое поле не оранэ, Приди, приди, мой миленькй,
Але жито рѣдять, До мэнэ до сѣнй,
А я хлопца не любила — Бо ўже мои сѣстреньки
Самъ до мэнэ хѣдять. Вьсти посѣли.
Похилѣла клёнъ—дерево Приди, приди, мой миленькй,
На мое окѣнцэ, До мэнэ до хаты,
Я думала—нелюбъ хѣдять, Бо ўже мои ворожёнки
А тѣ мое сэрцэ. Полягали спати.
-
70. Горохъ, маты, горохъ, маты, Тымъ я ёго полюбила,
Горохъ — не полова, Што вонъ не пьянѣця.
Тымъ я ёго полюбила, Горохъ, маты, горохъ, маты,
Што тихая мова. Горохъ, да не гречка,
Горохъ, маты, горохъ, маты, Тымъ я ёго полюбила,
Горохъ—не капуста, Што повны засѣчка.
Тымъ я ёго полюбила. Горохъ, маты, горохъ, маты,
Што вонъ не роспѹста. Горохъ—не овѣсь,
Горохъ, маты, горохъ, маты, Тымъ я ёго полюбила,
Горохъ — не пшенѣця, Што вонъ не якъ пѣсь.
-

71. Задумаў я жанітиса. На паліцы вареницы —
 Думаваў жёнку ўзяти.— Я ўсё погляджаю.
 Не достае дэсяць гробшій— Погасілі свѣтло ў хаты,
 Мўшу пазычати. Полягáли спати, —
 Дэсяць гробшій не хватае, Я за тья вареницы,
 А пять пазычаю, Да и драла съ хаты.
 На Украіні двўчынёнка.— Утекаваў я. утекаваў я.
 Жэнітца думаю. Церезь огороды.
 Ой, пошовъ я ў дивоенубэ Забрытаваўся въ гарбузёньні,
 (въ сваты), Наробивъ я шкоды.
 Сказали мнѣ сѣсьти.— Двўчынята, моладіцы,
 Поставілі зь мундурамі Вэга добры людэ,
 Картошечкі фьсьти. Выбрытайце зь гарбузёньня,
 А я тья картошечкі Гарпець водкі будэ.
 Сьтїха пофдаю, (С. Клевішкі, Бѣльск. у.).

72. Ой, умёръ мой мужикъ, Ёго жунка взбѣсилася --
 И на лаўци лежить, По горылку бѣжить.
 Ёго жўнка взбѣсилася— И горылку вэсэ,
 По музыку бѣжить. И музыку вэдэ:
 Ой, умёръ мой мужикъ, „О тэпэръ я погуляю —
 И на лаўци лежить, Нэ боюся тэбэ!“
 (С. Райскъ, Вѣльск. у.)

73. Катэрына грецкў вяжала, Въ Катэрыны цорныё бровы,
 Катэрына правдў кажала, Катэрына добра до мобы,
 Въ Катэрыны цорныё оци, Въ Катэрыны бѣлая нбзка,
 Катэрына добра до нбци, Катэрына добра до лбзка.
 (Шолька, прифвѣ къ танцамъ).

74. Ты въ мэнэ кошилъ, Я тобѣ дала,
 Я въ тэбэ зяла, Поцѣловала.
 Ты въ мэнэ прошилъ. А ты ше нацалъ,
 Я тобѣ дала. Жъ мэнэ шміяти.
 (Вальсь).

75. Тамъ, жа гаимъ, гаимъ, Попрошѣла козацѣнка
 Гаимъ жаленѣнькимъ, На дѣдочы грати.
 Тамъ горала дивцынѣнка Козацѣнко грае.
 Волякомъ царѣнькимъ. Оцками моргае,
 Горала. горала, То на мѣи вѣды.
 Не ўмѣла нукати, То на цѣрны бровы.
 (Польск.).
 (С. Городскъ, Бѣльск. у.).
-
76. Ой, знаты, знаты, Скѣльчився, сторбывся,
 Хто ныжонатый: Веимъ зажурывся:
 Крѣспѣнькій, бѣленькій, И мысѣчкою.
 Панычоватый. И ложѣчкою,
 Ой, знаты, знаты, Ще й тѣю дурнѣю
 Хто оженився: Колышечкѣю.
-
77. Якъ я нѣ женився, Якъ я оженився,
 То я бувъ высѣлый: Ми пригода стала:
 Ни просѣлы диты хлиба. Свини хату розвалѣлы.
 А ны жѣнка соли. Жѣнка съ пѣчи впала.
 (Д. Мелѣжниц, Брест. у.).
-
78. Ой, ходила Марьюлька по Нѣхай свого Яковця забудѣ!
 [ровѣ. Ой, ходыла Марьюлька по саду,
 Ой, гоныла кѣчора до домѣ: И садыла подѣ тынкомъ росаду:
 Гиля, гиля, качору, до домѣ, „Росты. росты, росада, въ тры
 Прѣдамъ тебѣ жыдовы ру- [лысты,
 [домѣ. Ты старайся, Яковцю, ко-
 Я качора, качора продала, [лышкѣ!
 За качѣра рублика узяла, — Жебы была Марьюлька
 За конѣйку музыку наняла. [здорова —
 Заиграй же мѣзыка ду-ду-ду, Е у мѣнѣ колышка готова.
 (С. Рогачи, Брестск. у.).
-
79. Ой, чыя то дывчина—попова,
 На горѣды морковку полола.
 Ой, полола морковку-пыстырнѣкъ,
 И загнала въ ножѣньку будяка.
 Хѣдѣ моя ножѣнька зѣ будякомъ.
 Такъ и мое сѣрдѣнько за дякомъ.
 Ой, пойдѣтѣ хлопчыки, по дякѣ,—
 Пыхай выймѣ зѣ ножѣньки будякѣ.
 (Д. Леваши, Брестск. уѣз.).

80. Ой, гукъ, матко, гукъ. Ой, дбай, матко, дбай,
Дэ молбйцы идуть, Мэнэ замужь дай,
И хорошая тая гулыца. Ны давай мэнэ за лыцащого,
Дэ воны живутъ. Бо мни ўроды жаль.
-

- /81. Хвалылася попадыя, Одна ббса, друга кбса,
Що хорбши дочки: Трайтя бызь сорочки.
-

82. И соха ў земнй, Ны чысалася, ны ўмывалася,
А воны ў ярмй, А таки жь мни, молодому,
Таки жь бо мни, молодому, Сподобалася.
Да дывчина на ўмй! (С. Здитово. Слов. у.)
-

83. Дудка въ дудки вочувавъ, Дудка дудку нагонывъ,
Дудка въ дудки дудку Нагонывшы, поповывъ.
[вкравъ.]
-

84. За горою зайчики трублять,
Мынэ, маты, хлопци нэ люблять.
Купы, маты, шубу хорошу,
То я буду въ шуби холыты,
Будуть мынэ хлопци любиты.
-

85. У нашей Зини На хвартухъ щадыла,
Хвартухъ на вси сйны. Служыла три роки
Ны пыла й ны йла, На хвартухъ шырокий.
-

86. Танцевала свиня зь вовкомъ,
Вышывала хвартухъ шовкомъ.
„Пожды, вовче, обырнўся,
Чи въ хорбше я вбырўся?“
-

87. Якъ стояло въ мышкў жыто, Якъ ны стало чого йсты,
То й гуляла наложыто, То й годы я въ танець лйзты.
-

88. Одъ ныділи до ныділи Отъ суботы до суботы
Сэбъ кошули булы бѣлы, Сэбъ ны мѣла я роботы.
-
89. Черэзъ ричку ишла,
Тобакирку нысла,
Клычу хлопцивъ до табаки,
Сама бѣкомъ пошла.
-
90. Отъ порога до порога
Черэвыки попорола,
А муѣ батько чыботарь
Черэвыки полатавъ.
-
91. „Дывчинѡнько, чѣя ты,
Чи ны пуйдэшъ гуляты?“
— Нэ пытайся, чѣя я,
Якъ ты пуйдэшъ, пуйду й я!
-
92. А то муѣ вызэ гнуй,
А то мой дѹша, —
Чырвѡная кытаенька
Коло капылюша.
-
93. Якъ идѹ, такъ идѹ,
Якъ сокѣрка по ледѹ.
Тымъ я тэбэ полюбыла,
Що хоршый на выду.
-
94. Сырый дубъ, сырый дубъ,
Сырая голяка,
Тымъ я тэбэ полюбыла,
Що добра гуляка.
-
95. Витерь вѣе, сонце грѣе,
Я й на горочки стою.
Мыый идэ, поцылуе
Та й коханочку свою.
-
96. Я й на ганочку стою,
Слѣзы кѡтяцьця,
Мэнэ замужъ оддають —
Мни нэ хочецьця.
-
97. Сэбъ у мэнэ таки бровы,
Якъ у мѣя братовѡи,
Якъ за мѣю братовою
Ходять хлопци черэдѡю!
Сэбъ у мэнэ таки очи,
Якъ у того Юзька,
Выкыкала бѣ, выморгала бѣ
Панычика зѣ вуйська!
Сэбъ у мэнэ таки очи,
Якъ у того Йванка,
Выкыкала бѣ, выморгала бѣ
Панычика зѣ ганка.
-

98. Ихавъ козакъ съ снопама, — Хочъ я брыдка й погана,
 Пшлѣ дывки съ сырнами. А муѣ батько богачъ,
 Вунъ на одну задывѣвся. Штыры волю на обѣры,
 Въ ёго возыкъ поломывся. А пѣтый водокачъ!
 „Не жаль же мни тѣго вѣза, „Ой, бисъ тѣбѣ забыры
 Кобъ хочъ цычина хо- Съ твоимъ батькомъ богачомъ:
 [рѣша. Твои волю поздыхають,
 А то брыдка и погана, Ты достанышь товкачомъ!“
 Ц мни вѣза поломала!“ (Танецъ—полька)
-
99. Ой, муѣ же жъ ты Мыко- Хату мѣсти, сини мѣсти,
 [лаю, Ц до плуга йсты нѣсти,
 Дѣ я тѣбѣ поховаю? А муѣ милый мукѣ сѣе,
 Оха-оха, голя-голя. А я рада, що вунъ вмѣе,
 Головѣнька бѣдна мѣя! Дыжѣ мышѣ, дыжѣ мышѣ,
 Поховаю пудъ вырѣю, Ц дытуну колышу,
 Ц накрѣю хвонѣю! У пичи огонь палае,
 Оха-оха, голя-голя. Дитя съ плачу помирае,
 Головѣнька бѣдна мѣя! Оха-оха, голя-голя,
 Сѣ бѣ я звала бидѣ гѣту, Головѣнька бѣдна мѣя!
 То я замужъ ны пошла бѣ. (С. Береза, Стриговецкой вол.,
 (Припѣвъ). Кофринск. уѣзд.)
-
100. Ой, лисъ, дубѣна, Була въ мѣпѣ кошѣленька,
 Ц лѣсѣчкѣ нѣмѣ, Да й подрѣлася,
 Хорошая дивчѣнонька, Сѣбѣ мни маты налатѣла,
 Да кошѣли нѣма. То бѣ убрѣлася.
-
101. Ой, подѣ мостомъ Моя щѣбѣтѣхо!
 Рыба зѣ хвостомъ, — Ой, нѣ выйду, козѣченьку,
 Й а й на мосту сухо, Маты нѣ пускае,
 Выйды, выйды, дивчи- Коса рѣса нѣ чѣсана,
 [нонько, Кошѣля нѣ бѣла.
-
102. Заевѣты, ясний мѣсяць, Ой, нѣ свѣты, ясний мѣсяць,
 Нѣхай вѣдно живѣ, Нѣ свѣты выкѣму,
 Хорошому кавалѣру, Хорошому кавалѣру,
 Якъ до дѣвѣкъ идѣ. Якъ идѣ до дому.

103. Кэрэзь садъ, выноградъ,
Кэрэзь бондарыньку,
Вэдэ старый бородатый
Молодую живку.
И вэдэ, и нэсэ,
И строицьця быты,
- Пытаецьця чужихъ людэй,
Що ий робыты:
Ой, и быты, нэ прыбыты,
Жэты (жать) нэ нагнацьця,
Якъ зачучэ мызыченьки,
Подъ ббки бэрэцьця.
-
104. Ой, я пьенэнька́я
И рохматынькая.
- Ой, наставлю ножки,
Якъ кбзочка рожки.
-
105. Ой, скакала, дропоты́ла,
За старого нэ хотила,
- Бо въ старого борода.
Ёго жывка молодá.
-
106. Ой, пойду я въ дубы́ну
Удалася мни дубына знáты.
- Ой, я тую дубы́ну страшину́,
[спáты, Хвартушы́ну жблудивъ на-
[бэрү.
-
107. Якъ я булá у бáтэнька,
То я булá рыва,
- Кэрэзь садъ, выноградъ,
Сама пэрелизла.
-
108. Тэпэръ же мни погулётъ,
Тэпэръ же мни грайтэ,
- Потоптала чэрэвчы́кы, —
На другіе дайтэ.
-
109. На болóты косарі́ косять,
Дивчыноньки грабэлёкъ
[просять.
- Дивчынонька грабэлёкъ нэ
[дала,
Козачэнька до сбрóма довлá.
-
110. Ой, лэтила пава,
На ворóтюхъ пала,
Хочь на мэнэ люды брэ-
[шуть,
Тагы я цыка́ва.
- Хочь на мэнэ людэ брэшуть,
Хочь на мэнэ устаю́ть.
Мылэпкбго поцылүю.
Бо губы́ньки пристаю́ть
-
111. Ой, у мого батька
Новая хата,
- Ё сазокъ изъ сльвбкъ,
Въ огороды рывка.
-

112. Любы мэнэ, Сымонэць, Продавала, торговала,
Любы мэнэ, сынку, Упылась на рынку.
-
113. Богатаго чэрэшенька, Богатая, храпатая,
Богатаго вышня, Губы надувае,
Богатаго дивчынонька А ўббгая, хорбшая,
На гўлыцю вышла. Къ сэрцю пригортае.
-
114. Чи у васъ такъ, якъ у насъ, А дэвчата зажурилысь,
Пошлы хлопцы на баласть, По хлопцамъ зануждылысь.
(Появилась въ 1907 году, когда стали ходить
на работы на желѣзную дорогу).
-
115. Купы, маты, шнуровыцы, Нэхай хлопцы нэ смэюцьця.
Подвязаты бѣлы цыцы. Ны то хлопцы, якъ дивчата,
Нэхай цыцы нэ трасуцьця, Що малая, а цыцата.
-
116. Ой, на горѣ, на горѣ, Подъ явбромъ кавалеръ
Тамъ стоялы яворы, Соби дивку намовлѣвъ.
-
117. Ой, нэ ходы ты до мэнэ, Кобъ любыла будь-якого.
Бо то скажутъ—любышь Я нэ така, якый ты,
[мэнэ. По двухъ разомъ любыты.
Ой, я роду нэ такога,
-
118. Ой, ишовъ я дорбгою, Любывъ же я хорбшую,
Та й и въ яму упавъ, Та й цыганку увзявъ.
-
119. Пусты, маты, на сэлò, Молòдчика полюблю.
Я нэ забавлюся, Назадъ завернуся.
-
120. Сэчй мэнэ, рубай мэнэ, Ой, нэ будэ господара.
За мызыку нэ дай мэнэ. Ой, той муляръ муры мурить,
Изъ мызыки, изъ муляра, А мызыка людэ дурить.
-

121. На пэчй, на пэчй, Кобъ такая до роботы,
Нарослы опэньки, Якъ до походэньки.
-
122. На гулыци дви курицы Сыдятъ дівки въ окэнбчку,
Зъ пѣтушкомъ грибуцьця, И зъ ёго смыюцьця.
-
123. Чи я жъ нэ хорбша, Чомъ мэнэ нэ лобышь,
Чи врбда нэ паныска: Придура шатаньска?
-
124. Дывылыся хлопцы зъ Дывылыся крузь (сквозь)
[ббку, [стэну.
Чи хорбша—бэзь урбку, Чи хорбша на стану.
-
125. Сама грэблю выкопала, Сама хлбця полюбыла,
Самá высыпала, Сама высватала.
-
126. Отступыся, надолугий, Ой, ты жъ бо мни нэ догбдышь,
Лэжить одынъ, лэже другий, Мои ноги захолебдышь.
-
127. Ой, чія ты, дивчинонько, По дорозы ручки, ножки
Чи ны Сыдорова: Порозкыдувала.
-
128. „Ой, мать моя, мать, — Ой, дочь, пошла прочь.
Въ мэнэ ножкы болятъ!“ Ты робыты нэ хочь!
-
129. Ёшла зъ корчмы, упылася, Отò дбрэ, отò ладно:
Нашла штаны, завылася. Нашла собй завывално!
-
130. Коло пичкы на лавочки, Бабка бабку попыхнула,
Тамъ сэдило три бабочки. Бабка нбжку навыхнула.
-
131. Хатою йду, на пичь лизу. А хто мэнэ вёрно лобыть,
А по хаты тинь идэ. Той на пичцы йзнайдэ.
-

132. „Ой, мать моя, мать,
Я горошку хочу!“
— Пожды, доню, до суботы,
Покуль намолочу!

Пришла суботонька
Горохъ молотыты,
Пошла маты до кума
Дытыны христыты.

133. Пришовъ кумъ до кумы,
Кума гречку полэ:
„Добрэ, кумэ, що пришовъ,
Муй поихавъ въ полэ!
Ой, що тоби, кумэ, даты:
Чи сыръ, чи сметаны,

Ой, навару вареныковъ,
И ще масла достану!“
Вареныковъ наварила,
Хлопцывъ накормыла:
Иштэ, хлопцы, умачайтэ,
На марныцю выбачайтэ.

134. Тавцовалы мыши,
Пыва наваривши,

А щурй за ними,
Хвосты залупывши.

135. Ой, у млыни, у млыни,
Батька былы, мэвэ нй.
Кэрезъ плуть утыкавъ,

Каптанчика подравъ,
И гузи погубывъ,
И дивчину полюбывъ.

136. Ой, нэ быйтэ мэвэ,
Нэ сваритэ мэвэ,
Колы я вамъ накучила,
То й отдайтэ мэвэ.

Ой, отдайтэ мэвэ
За Волбсыка,
Кобъ я була молодая
И хорошенькая.

137. Ой, чия то дивчинонька
Такая хорбша:

Опоразалась мотузкомъ,
Совпли коло нбса.

138. Ой, чия жъ то дивчинонька
Кэрезъ полэ бэжить,

До работы нэ прибыты,
А до хлопцувъ ражить.

139. Ай, подь мостомъ
Рыба зъ хвостомъ,
Иштэ кому ловыты,
Ой, у Болуть хлопцувъ

Иштэ кому любыты:
То вошивы, то паршивы,
То малого зрбсту,
Ой, гдэ идуть, воши бьютъ,
И чешуть коросту.

[мниго,

140. Ой, выйду я на горѹ,
Возьмѹся подь бѣки,
Дывѣтыся, молодѣцы,
Якыѣ я высокѣй.
Я ѣ высокѣй и хорошѣй,
Хорошого стану,
Ой, чого я захочѹ,
Того я достану.

141. Ё мого батька подь лыпкою
Висять гроши зь калыткою.
Таки есьть, таки есьть,
Таки выймэ, таки дасьть *).

142. Чортъ забэри богачѣкъ,
Вь кого много сорочѣкъ,
А вь мэнэ однѣнька,
И тая былѣнька:
Й зь вѣчеру намочу,
А вь пѹвночи колочѹ,
А вь дэнъ нараджѹсь,
На мылѣго подывлюсь.

143. За горою зѣйчыкы трѹблять,
Мэнэ, маты, хлопцы нэ люблять.
Зложѣтэся, хлопцы, по грѣшу,
Купѣтэ мни шубу хорошу.
То я буду вь шубы ходыты,
Будуть мэнэ хлопцы любыты.

144. Ой, чѣя то капустѣця—порубаймо иѣ,
Ой, чѣя то дѣвчѣнонька—покохаймо иѣ!
Ой, чѣя то капѹстыця—головкѣ вьюцьця,
Ой, чѣя то дѣвчѣнонька—молодцѣ бьѹцьця.

145. Ой, чѣя то дѣвчина?—Попова!
Вь огороды морковку полола.
Ой, полола морковку, постэрнакъ,
И пробыла ручѣньку на буракъ.
Ой, идѣтэ по попѣ, по дякѣ,
Нѣхай выймутъ зь ручѣньки бурака.

146. Ой, пошла бь я козачкѣ,
Та боюся мужичкѣ:
Сыдѣть мужикъ за столѣмъ,
Помѣхуе рукавѣмъ.

*) Т мягкое слышно отчетливо.

147. Сыдыть баба на прыпычку, Сама сэбэ россэрдыла,
Варить кашку зь молоч- Ще й по морды кулачкѡмъ.
[комъ.

148. На гулыци калюжа, Якъ мызыки зачыбе,
Лэжить баба нэдужа, По калюжи танцѡбе.

149. Тыли-ли-ли, скрипочка, А дидь ий за ухо:
Упала баба зь прыпычка. Ой, нэ падай, псяюхо!

150. Ой, у клуны два кашлуны Заскакавъ оробэй
Жито молотылы, На прыпычку живо,
А кокошки по двѣ ношки Наробывъ, начинывъ
До млына носылы. Пшенычного пыва.
Млынъ мэлэ, млынъ мэлэ, Ой, усыпавъ прѡса,
Коза насыпае, Кобъ пыво вдалѡся,
Оробэйчыкъ, добрый хлоп- А самъ вышовъ на горѹ
[чыкъ, Гостэй выглядаты.
Муку выбирае. Сюды зырѣ, туды зырѣ,
Муха мѣснть, муха мѣснть, Гостэй нэ выдаты.
Комарѣ воду носыть, Сынку, Васылку,
А сорока, билобока, Бэри мою дѡчку,
На вэсылѣ прѡсыть. Дамъ тоби вѣна
Прилэтила сова сыва, И копыцю сѣна,
Сила въ конци стѡла, И тэлүшку жучку,
А за ею зовыця, И рабую сучку,
И то ий сэстрыца. И собачку брихуньця,
Вуна жартовъ нэ знала, И зайчика скакуньця.
И вси госты розогнала.

151. Ой, пошла бы пѡльки, Сѣрка гүбою кывае,
Да боюся Сѣрки. Сэрдэнько лякае.

152. На пэчи, на пэчи, Кобъ такая до работы,
Нарослы орѣшки, Якъ до пэресмишки.

153. Ой, ты въ сѣнюхъ,
Я на двѣри,
Полэчѣмо, чи вси зори.
Ой, ты лэчй, я нэ бѣду,
Кого люблю, нэ забуду.
Кого люблю, кого люблю,
Того поцѣлѣю,
Подушечку пуховую,
Тому подарую.
-
154. Ой, каюся,
Та й нэ вѣрнэцця,
Догорѣ кавалѣрь
Пѣрэвѣрнэцця.
-
155. Въ садѣчку ночевала,
Соловѣйка нэ чувала.
Соловѣйко билокрѣлый,
Приды, мылый, черно-
[брывый. Прошу, сэрцэ, на мѣдокъ.
Приды, приды, рада буду,
Изъ спудныци зроблю буду.
Изъ квартушка новы двѣри,
Кобъ ходылы охвыцѣри,
А зъ хѣсточки холодокъ,
Прошу, сэрцэ, на мѣдокъ.
-
156. Ой, тамъ, коло млына,
Стоить дѣвка, якъ калына.
Я на ий подывѣвсь,
Въ мэнэ возыкъ поломывсь.
Ой, нэ такъ мни воза шкода,
Бы-то дѣвка была, гожа,
А то рѣда и погана,
Що мни воза поломала.
А хочъ рѣда и погана,
Абы батько богачъ.
-
157. На вѣсѣльи булэ,
Нэ полудновала,
Помалѣньку скачѣ,
Бо я йсты хочѣ.
-
158. Чи я баринъ (парень) нэ
[херошъ,
Чи я баринъ нэ дорусть?
Чи нэ зрѣблена хата,
Чи нэ люблять дѣвчата?
О, я баринъ хорошъ,
О, я баринъ дорусть,
Въ мэнэ зрѣблена хата,
Мэнэ люблять дѣвчата.
-
159. Що мызѣцы даты,
Що нэ хоче граты:
Чи гороху мѣску,
Чи собѣку лѣску?
Ой, гороху шкода,
Собака—выгѣда:
А горохъ крѣше,
А собака брѣше.
-

160. Ой, нэ скачи, дивко-друбно. Нэхай баба тэлэпае,
Бо такъ тоби нэ потрабляю. Бо такъ баби подобае.
-
161. Ой, йшовъ я Зь довгимъ носомъ.
Лисомъ, лисомъ, Хотивъ нй цловать.
Нашовъ дивку Нэ мугъ носа пригортатъ.
-
162. Ой, Грицю, Грицю, Спыну грию, окрѣпъ пѣру,
Сватай мэнэ работнѣцу? Отступыся, бо я вдару,
Я роботы усѣ вмѣю, Якъ удару нэ помалу,
Коло огнѣю спыну грию. Гриць покѣтыцьця подъ лаву.
-
163. Ой, играйтэ, мызѣки, Кобъ козакъ полюбывъ,
Въ мэнэ бривжи вѣлыки, И мни маты дала,
Бо мни батько купывъ, Кобъ хороша була.
-
164. Ой, ты мэнэ кѣгай, кѣгай, Сама пойду на гѣлыцю.
А я буду спаты, Нэхай кѣжель мышы трѣблять,
Бо мни треба, бо мни треба Нэхай мэнэ хлопцы люблять.
До кужелю встаты. Мыши кѣжель потрубѣлы,
Кину кѣжель на полѣцю, Мэнэ хлопцы полюбѣлы.
-
165. Гарбузъ билый и пѣрыстый, Дѣны будуть на насинье,
Покраемо—будэмъ йсты. Гарбузъ билый на вѣсѣлье.
-
166. Гарбузѣмъ задзвонѣла. А рѣдкою заговѣла,
А морквѣю засвѣтыла, Бо лыхую долю мѣла.
-
167. Чи такъ у васъ, екъ у насъ, Чи такъ у васъ, екъ у насъ,
На полю кропывка, Плоты горожѣны,
По шѣлягу молодѣць, Дѣвки гѣжи, дѣвки гѣжи,
По сто рублѣвъ дивка? А хлопцы нѣвыжѣны?
-

168. Молода Огапка Отъ тоби, батьку,
Нэ слухала батька, За твою науку,
Пошла у бэрвынку, Сядячы за пічыю,
Прывэла дэтынку. Колыши унўку.
-
169. Ой, схотила стара баба „Рута моя, рута моя,
Молодою бўты, Рута зеленёнка:
Затыкала за намётку Кажуть людэ, што я стара,
Зелёнэи руты. А я молодзёнка!“
(С. Волэтъ, Кобрин. у.).
-
170. Чэрезъ садъ—виноградъ Ото взевъ мэнэ той,
По воду ходыла, Шчо зроду нэ знала,
Чеомў мэнэ той нэ взевъ, То за тыеи пэрэбры,
Кого я любыла. Шчо пэрэбирала.
(Кобрин. уѣз.).
-
171. Ѐшлы дывчата по горіхи, Вони жэ ёго потішылы,
Взялы хлопца ля потіхи. Взялы ёго, повісілы!
-
172. Кэрэзъ грэбэльку йшла, Ны пойду до сіна.
На кладоци сіла,— Хто постолы поплэтэ,
Ны поллївъ постолывъ, Той до сина повэдэ!
-
173. Упылася жэ я Ў мэнэ курочка нэслася,
Ны за ваше жэ я: — За яёчкы успылася!]
-
174. П жывъ—нэ любила. Ножэнькамі тупъ-тупъ!
П вмэръ—нэ тужыла, Лежы, старый, тутъ-тутъ!
Тоди трохи потужыла, А я, молодэнька,
Якъ на лавци положила, Гуляты радэнька.
А якъ въ яму опустыла, Якъ на моглыци йшла,
То и горэ позабыла: То приплакувала,
Засыпала, закопала, Якъ изъ моглыць ишла,
Ножэнькамі прытопала. То выскакувала.
-

175. Гриць мынэ, моя матко, Чиривыки купывъ
Гриць мынэ полюбывъ. За цылого пятака,
Гриць мыни, моя матко, Щобъ я зъ утра до вечора
Чиривы́ки купывъ. Выбывала дропака.
(М. Хомскъ, Кобрин. у.).
-

176. Черезъ ричку стэженька, Кличу, кличу—нэ чые,
Нэма мого сэрдэнька. Нэхай здоровъ ночые.
(С. Вездѣжъ, Кобрин. у.).

VI.
ДУХОВНЫЕ СТИХИ.
СВЯТЫЯ ПѢСНИ.

1. Святой Юрій.

Будь земля не святая,	Зь ёго ушь дымы валять;
Будь людэ нэхрэщоны:	Зь ёго очэй искры лэтать.
Не вировалы въ Господа Бога,	Тая панна злякалася,
Но вировалы въ злого смока.	Къ сыруй зэмлі крыжэмъ пала.
Давалы смоку по обреку —	Зославъ Господь Юрія зь нэба:
Що місяця по чоловіку.	„Вставай, Юрій, що найбаржый,
Пришла черга до пана цара:	Бэрѣ коня найсывийшого,
„Царѹ, царѹ, царувночку,	Бэрѣ кбпю найгострийшю,
Одай жунку, або дочку!“	Выратуй тую душѹ праведную!“
Но царъ жунку пожаловавъ,	— Ой, цыть, панно, не лякайся,
Одавъ дочкѹ богомѹлочку.	Выплыть зь косѣ шовковы
Уставъ панъ царъ ранэсэнько,	[шнуркѣ,
Умывъ дочкѹ бэлэсэнько,	Озми смока за забрыска,
Вчисавъ ей гладэсэнько,	Выды ёго по всюмъ мѣсту,
Вилювъ въ коскы шовковы	Завэды ёго до пана—цара:
[шнуркы,	Щобъ була земля посвячбна,
Въ праву ручку давъ золоту	Щобъ были людэ похрэщбны,
[ксенжку:	Щобъ вировалы въ Господа
„Иды, панно, по краю мѣра,	[Бога,
Просѣ, молѣ шире Бога,	Сэбъ не вировалы въ злого
Споткае тэбэ добра доля!“	[смока!
Оно панна до мора пришла,	
Ажъ смочище выплывае:	
Зь ёго горла огонь саплэ;	

(Д. Мельникъ, Прусковск. вол.,
Кобрин. уѣз.).

2. Тече.

Булы людэ нэвірныи,	Зь ёго горла огонь горыть,
Не віровалы въ Господа Бога,	Зь ёго очій искры саплють,
Ано віровалы въ злого смока,	Зь ёго ўшувъ дымь идуть,
Давалы смоку по оброку —	Зь ёго нбздрувъ рѣкы тэкуть...
Що мѣсяця по чоловіку.	Тогды панна злякалася,
Пришла чердэ до самбога царя:	На колива припалася.
„Царю, царю, царювночку,	Гдэся взявся святыи Юрій:
Одай жону, альбо дочкѹ!“	„Ой, цыть, панна, нэ лякайся,
А царь жону пожаловавъ.	Здоймы ручки, пэрэжигнайся!“
Одавъ дочку Александрочку.	Схопывъ панну на конька,
П въ нэдлю ранэсэнько,	Зло смочищэ подь копыта,
Умылы ей билэсэнько,	Выплювъ съ косы шовковый
Убрали ей чистэсэнько.	[шнурокъ,
Вплэлѹ въ косу шовковый	Взявъ смочищэ за зябрища,
[шнурокъ,	Повѣвъ ёго по всемуу свѣту.
Далѹ въ руки золоту кнѣжку.	Уси людэ цывоваы,
„Иды, доню, коло мѣра,	Господа Бога прославляы.
Судбсыть (встрѣтитѹ) тэбэ твоя	Сталы воны хрыстытыся,
[доля!“	Господу Богу молытыся,
Идэ панна и читае,	И Юрія прославляты,
И на морэ поглядѣе.	Александру праздноваты.
Зло смочищэ выплывае:	(Дер. Огородники, Црусковск. вол., Кобрин. уѣз.).

3. Лазарь.

У нэдѣлю рано, рано по зорѹ,
 Породыла маты разомъ два сынѹ.
 Породывши, имья давала,
 Имья давши, долю дэлыла:
 Вельяну дала долю богату,
 А Лазару дала вэльмы убогу.
 Пошовъ Лазарь до Вельяна:
 — „Вельянэ, Вельянэ, ой ты, братэ мый:
 Утрѹ мни смажны уста свѣю слезбю,
 Будэ тоби Господь надгорбдою!“
 — Лазаре, Лазаре! нэ есть ты мый братъ:
 Есть у мѣнэ два псы лютые,
 То твои браты ридные!

„Вельянэ, Вельянэ, быйса ты Бога,
Що ты брата риднаго за псы оддаешъ?“
— Ой, Бога я нэ боюса,
Маю мнѣго грóшей, то й откуплюса,
Челядóнькою я одженуса,
Лютымы псамы отполююса!
Пошовъ Лазарь до тѣмного бóру,
Да лигъ Лазарь у сырому гнóби.
Лежавъ Лазарь недилю и дви,
Сталы Лазара чэрвы точыты,
Ставъ Лазарь Бога просыты:
— „Господы, Господы, мый мылосѣрдный!
Пріймы мэнэ да вже на той свить,
Да вже на той свить, на будущий викъ!“
Пославъ Господь аніела зъ нэба,
По Лазара, по душѹ ёгò:
— „Возьмітэ ёго помалѣсеньку,
Нэсітэ дорóгою потыхѣсеньку,
Посадитэ ёго въ пресвітлумъ рай,
У святого Авраама на правумъ лоны!

(Пропускъ)

Заславъ Господь лыхіе съ пѣкла
По Вельяна, по душѹ ёгò.
„Возьмітэ ёго за рѣбро кру́комъ,
Нэсітэ ёго то скóкомъ, то бóкомъ.
Знэмйте ёго ўгору высокò,
И киньтэ ёго ў пѣкло глыбокò!“
Ще лыхіе до ёго нэ дойшлы —
Всэ срибро, злато прахомъ рознэслы,
Челядóньку порозпускалы,
Лютые псы порозгонялы.
Якъ узялы Вельяна за рѣбра кру́комъ.
Понэслы Вельяна скóкомъ, бóкомъ,
Знялы ёго ўгору высокò,
Кинулы ёго ў пѣкло глыбокò.
„Отъ, тоби, богачъ, пѣкло глыбóко,
Пѣкло глыбоко, пѣкло широко!“
Якъ zobачивъ Вельянъ Лазара въ рай:
— „Лазаре, Лазаре, ой ты, братэ мый!
Ой, омочи мѣзынь палэць въ сыне море,

Покропѣ коло мэнэ пэкельный огонь!“
— Вельяне, Вельяне, ой ты, братэ мій!
Ой, мигь-бы я тэе учинѣты,
Да нэ моя воля, воля Пана Бога!
Зобачивъ Вельянъ Господа въ нэби:
— „Господы, Господы, мій мылосэрдный!
Пусты-жъ мэнэ да щэ на той свить,
То я буду брата за брата миты,
На святыя цэрквы понастылаю.
И учённыкивъ понаучаю!“
— Нэ траба, гришныку, тобѣ на той свить,
На тумъ свиты пысьма святыя, —
На святыя цэрквы понастылалы,
И учённыкивъ понаучалы.

(С. Молодово, Кобринскаго у.
Поется во время великаго поста).

4. Тоже.

Одинъ человекъ богатый бывавъ,
Который въ роскошахъ пивъ и гулявъ,
Да въ дорогихъ шатахъ все похаживавъ,
На нищую братію ниць ни награждавъ,
И службы Божей нѣгдэ ни слыхавъ,
И отцовъ духовныхъ въ домъ свой нэ приймавъ,
И Лазара брата за брата нэ знавъ.
Ой, якъ лежавъ Лазаръ тридцать три годѣ,
Нэ было Лазару ни дня, ни ночѣ.
Ой, якъ вышовъ Лазаръ да подъ ворота,
Да ставъ вонъ брата вэلمي молити:
„О братко, мой братко, сильный богачу!
Дай мнѣ хлѣба-соли, то я заплачу, —
Не заплачу я табѣ—заплатить Господь,
Такъ заплатить Господь—дорѣжы мэнэ,
Што найлѣпшы душэ, тѣлу потребнэ!“
Сказавъ богачъ Лазара зъ двора выгнати,
Золотые брамы позамыкати.
Были у богача два лѣтые псы,
Которы подъ столъ мимо ходили,

И малѣньки крошки повызбѣривали,
Которы ѹ богача изъ усть падали,
И Лазара-брата выживали.
Ой, якъ вышавъ Лазаръ да подъ ворота,
И ставъ Лазаръ Бога молити,
Вѣрны молитвы Богу творити:
„О, Господи Боже, спаси душу мою,
Прими мою душу до хвалы своей:
Бо уже моя душа натѣрпилася,
Холоду и гладу настрадалася,
И всякого зла наглядѣлася!“
Якъ учувъ Господь молитву его,
То пославъ ангеловъ по душу его.
Взяли Лазара стѣха, помалу,
Посадили въ нѣби, при самомъ раю:
„Будѣшь жить тамъ, Лазаръ, будѣшь ты святой,
А братъ твой богатый будѣ проклятый!“
И съ того жъ часу немного прошло,
И што жъ у той часъ съ богачомъ сталося?
О, якъ вышавъ богачъ да за ворота,
Случилася богачу сильна хороба.
И ставъ богачъ Бога молити,—
Нѣвѣрны молитвы ему творити:
„О, Господи Боже, спаси душу мою!
Бо уже душа моя нагулялася,
Сребра и злата нащиталася,
И въ дорогихъ шатахъ находилася,
И солодкаго ѣдла наѣдалася!
Мая препышну челядь, то уподоблюся,
До царства нѣбеснаго самъ доберуса,
И Господу Богу нѣ поклонюся!“
Ой, якъ учувъ Господь молитву его,
То пославъ вонъ чортѣвъ по душу его.
Еще тые чортѣ во дворъ нѣ вошли,
А уже сребро—злато прахомъ разнесли,
Золотые брамы поразбивали,
На богачу шаты поразрывали,
Препышну челядь поразганяли.
Якъ узали богача желѣзнымъ гакѣмъ,
И вырвали душу его а лѣвымъ бокѣмъ,

Да узали богача ђ-якъ высокѡ,
 И вкинули въ пекло на дно глубоко.
 „Плывати, богачу, маешъ широкѡ,
 И пурнати до дна вочень глубоко!
 Маешъ сребро—злато, то откупайса,
 До царства нѣбснаго самъ добирайса,
 И Господу Богу нѣ поклоняйса!“
 — „Ой, братко Лазарь, Лазару святой!
 А за што жъ ты, Лазарь, звѣсься святой?
 Чи могъ бы ты, братко, мнѣ учинити:
 Мизинаго перста въ море вмочити,
 Пекельнаго огня штобъ утушити?“—
 — Нѣ моя тѡ воля, поиди до Бога,
 Што Богъ тобѣ скажэ, то сразу станэ.
 А хоть я безъ Бога все море спущу,
 Пекельнаго огня я не утушу!
 „Проклята мать была, што насъ родила,
 Нѣ одно щасте намъ удѣлила:
 Тобѣ, Лазарь, вѣльми убогство,
 А мнѣ, богачу, сильно богатство.
 Твое убогство въ нѣби царствѣе,
 А мое богатство въ пекли горуе...“
 Херувимы, серахвимы, такъ намъ Боже дай,
 Штобъ и мы пошли за Лазарамъ въ рай.

(Д. Соцы, Вѣльскаго уѣз.).

5. Дорота.

Ишла святая Дорота	Саганѡкъ олѣю постановѣты,
Крозь королевскія ворота.	Святую Дороту опариты.
Тамъ ей круль увидиу,	А тая олѣя кипѣла,
Срыблѡмъ, злѡтомъ надариу:	Ў лѣтнюю воду простыла;
„Ты, Дорота, Дорота,	Якъ Дорота ўступыла,
Чи нѣ могла бъ ты мѣю буты,	Пекнѣйшая стала, якъ була!
Мни за жону служиты?“	Такъ казау круль шкла набѣты,
— Шкарѣднику, шкарѣднику!	Святую Дороту по шклу водыты.
Якъ ты смѣу тѣе змовыты,	А святая Дорота по шклу йшла,
Кобъ я могла твоя буты?	Злѣ ей нѡжокъ кроу нѣ пла.
Казау круль огню розложиты,	Казау круль муръ муроваты,

Святую Дороту ўмуроваты,
Самъ на войну поїхаты.
Самъ на войну поїхаў,
Дэвятого року прїіхаў.
„Служки мои вирныя,
Оччиннытэ ворота,
А чи жива Дорота?“
— Жива, жива, крулю нашъ:
Ниць нэ пыла, нэ йла,
Пекнѣйша стала, якъ була!
„Слўжки мой вірныя,
Нэвірно мнї служылы,
Святую Дороту живылы!“

— Ў Трўйцы Святуй Едѣный,
Живыў ей Бугъ мылы!
„Цудовнїця цудовная,
Ты ўсімъ людкамъ сподобная,
А нэ поможешъ чарами ниць,
Зотнэ голбўку гострый мичъ!“
Святая Дорота злекнула,
На колінка ўкленкнула.
Зослаў Господь дзѣцѣнтка,
Ажъ изъ нэба анѣлка —
Ще голоўку нэ знялы,
Ўжэ до нэба узялы.

(Песковская вол., Словимск. у.
Отъ 80-лѣтней старухи).

6. Святая пѣсня.

Чэрэзъ полэ шпрокое,
Чэрэзъ морэ глукое,
Ишла Пречыстая Маты Божая.
Споткала вона три анѣлы,
Три анѣлы, три святыя,
„Мои витэ, три анѣлы,
Три анѣлы, три святыя,
Чи нэ бачылы Сына мого,
Сына мого, Бога свого?“
Одынъ кажэ: я нэ бачиў,
А другій кажэ: я й нэ видиў,
Трэйтій кажэ: я зъ имъ стояў,
Я зъ имъ стояў, гадки гадаў.
Твого Сына жыды ўзялы,
Жыды ўзялы, на крыжъ пялы,
Ручкй, ножкй гвўздемъ збылы,
А голувочку нахылылы,
А кроў чорвону розлылы.
Стовть жэ вуць у костелы,
У костелы за дзѣрима,
Держать ключи пэкэлныя,
А выпускае души справѣдныя.
Котора душа согришила,
Ойца й матку знэважыла,
Старшого брата нэ шановала,
А старшой сэстры нэ слухала,
Тая не будэ выпущэна.
— Кобъ жэ тэе знала, відала,
То бь я ойцу й матэри ножки
[мыла,
А сама тую бь воду пыла.
За тое ў пэклы нэ була бь.
Кобъ ойца й матку поважала,
Кобъ старшого брата шановала,
Старшу сэстру кобъ слухала,
То бь я ў пэклы нэ бувала,
Да у рай раевала!

7. Тоже.

А ў неділю по обіди	Покуль дівка ў цэркву стала,
Ходыў Господь по веимъ світи,	На семь сажнёў зэмля ўна́ла,
Ходыў Господь жабру́ечи,	Всѣ утары (олтари) зворошила,
Уснхъ людокъ пробўечи.	Ясны свичи погасила,
Ишоў Господь тэмнымъ лясомъ,	Самы званы зазвонили,
Споткаў дівку,—воду нэсэ:	Ўмёрлы души побудылы:
„Поетуй, дівко. дай мнѣ воды!“	„Идите, души, на сондъ Божій,
— Моя вода нэ счищона,	А ў тымъ сондзи Пань-Бугъ
Дрэвомъ, лясомъ запущона!	[бэндзе,
— А ты, дівко—паскудница,	И злые-добрые судить буде:
Сама воду спаскудїла,	Идите, добрые, до доброты,
Дэвэть сыноў породїла,	А вы, злые, до лихоты!
Ны гбдного нэ христїла.	Станьтэ, добрые, поправїцы,
Въ гэтуі водї потопыла!“	А вы, злые, полѣвїцы.
— А ты, дїду, вольки прброкъ!	Станьтэ, добрые, заспывайтэ,
„Я нэ прорбкъ, а самъ Господь!“	А вы, злые, заплакайтэ!“
Дівка стала, подумала,	Покуль добрые заспывали.
До Господа до нугъ пала.	А ўжэ злые ў пэклы zostалы
„Стуй же, дівко. нэ лекайся,	(С. Здитово, Слонимскаго ўѣз.
Иды ў цэркву сповыдайся!“	Отъ старухи).

8. Тоже.

Тамъ, на Еружалимшкуй горѣ Боза Мачи шпить.
 Прысбў до ей Сынъ Бозый:
 „Ахъ, Мачи моя наймільса!
 Шпись ты, ни о цуомъ не цўесь:
 Мэнэ зыдї пойняли,
 Мои рудки нажадъ жвязали,
 До дэрэва мэнэ прыбили,
 Зъ чіэрня корўну увїли,
 На мою голоўку ўлозыли.
 У мэнэ чївло—яко дубова кора,
 А у мэнэ кроў— якъ у рївчи вода!“

9. Тоже.

У вѣдлю рано соўныцко сходитьъ,
 Боза Мачи Бозого Сывудка
 Жа біѣлу руденку по нѣбѣшахъ водить.
 Привѣла зъ нѣбѣсь на раню шлузбу.
 Тамъ, на мѣру біѣлыи камень,
 На тумъ каменю швіѣцы горатъ,
 Тамъ Ісусъ Хрыстось руцки жгарнѣў.
 Прывѣ до ёго швѣтѣи Пѣтро и швѣтѣи Павѣў:
 „Жа якіе витѣ муки муцытѣ,
 Ожміетѣ витѣ и нѣсы муки,
 Ожміетѣ Хрыста у руки,
 И сказытѣ и малѣму, и штарѣму,
 Богатому, біѣдному и неспѣшному:
 И хто тую молитву будѣ мовити
 У пятюнку рано, у суботу до полудня,
 А ў недѣлю прѣдъ Бозою службой, —
 Нѣ будутъ ёго гады засусѣчи,
 Нѣ будутъ ёго жвіѣрѣ (звѣри) позырачи,
 Нѣ будѣ у огню погорѣчи, нѣ будѣ у водѣ потопѣчи,
 Нѣглюю шмѣртою нѣ будѣ ўмирачи, —
 Будѣ ёго Ісусъ Хрыстось до нѣба прымѣчи.

(Собственноручно записалъ кр. дер. Царны Больсой
 Александръ Сумъ=Шумъ).

10. Стихъ за умершихъ.

Егда душа отъ тѣла (2)	Туга велѣя зѣло
Отлучается,	Повреци тѣло
Страхъ великій видяще, (2)	На воздусѣ, страхъ великій (2)
Ужасается,	За злое дѣло.
Забываетъ родителя,	И гонима, яко птица,
Жѣ не маеть прѣтеля (2)	Вошѣть, яко орлица,
Въ семь собранію.	Отлучѣнная:
Не помянетъ о мѣшканю	„Ратуй, Творче, ратуй, Пане,
Въ тяжкомъ смутки и ўзды-	Безъ Тебе се не встане
ханю (2)	Тварь мизерная!“
Отъ роставіа.	Тамо воздушные князи (2),

Страшны мытарства.
Душу грѣшну тацуть—(2)
Не дойти царства.
Записаны а всѣ справки.
Дѣла, мысли и забавы
Въ реестрахъ мають.
Ради человѣчей згубы
Душу грѣшну на пагубу
Въ пекло отдають.
Пильно зреть ко ангелу (2),
Стражу своему,
Жалосне, со слезами, (2)
Вопіеть къ нему:
„Ты предстатель мой въ мла-
[дости,
Што доводилъ до радости,
Не дай пропасти!
Не допусти, хранителю,
Дяволу-мучителю
Въ руцѣ попасти!“

Ангель смутно глашаетъ (2):
„О человѣче!
Спомни ты себе злосливымъ (2),
О роскошничѣ!
Не по мѣрѣ, во всемъ мѣрѣ,
Собиралъ есь, сокрывалъ есь
Себѣ достатки!
На сирѣты, предъ ворѣты,
Не внималъ есь, не давалъ есь,
Хотя остатки!“
Тогда грѣшное тѣло (2)
Все потемнѣло,
Въ землю грѣшное тацуть (2),
Смрадное зѣло.
Богъ по дѣлу душу съ тѣломъ
Разлучаетъ и вручаетъ
Въ пекло на вѣки!
Всего злаго таковаго
Да возбранить и сохранить
Вся человѣки! Аминь.

(С. Собятано, Брестск. у. Несомнѣнно, книжный, хотя въ имѣющихся изданіяхъ „Богогласника“ не встрѣчается).

Дополняю еще нѣсколькими штрихами приведенныя въ I выпускѣ свѣдѣнія объ отношеніи къ умершимъ.

Умершіе младенцы считаются у бѣлоруссовъ святыми. Въ загробной жизни они обязаны встрѣчать своихъ крестныхъ матерей съ зажженными восковыми свѣчами. Крестныя матери въ загробной жизни у такихъ дѣтей имѣють болѣе важное значеніе, чѣмъ матери родныя.

Души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія, также идутъ на небо, но въ царство небесное не допускаются; онѣ дѣлаются звѣздочками и странствуютъ по небу.

Падающія звѣзды—это и есть души такихъ младенцевъ. Онѣ ищутъ такихъ людей, которые бы ихъ окрестили и нарекли христіанское имя. Поэтому, долгъ всякаго христіанина, при видѣ падающей звѣзды, освѣтить ее крестнымъ знаменіемъ и дать имя: „Цванъ! Марья!“ Тогда душа младенца прекращаетъ свои странствованія и улетаетъ въ рай.

(Псков вол., Словимск. у.)

Въ некоторыхъ приходахъ Слонимскаго уѣзда умершимъ въ гробъ кладутъ „въ запасъ“ рубашку, лапти, шапку или платокъ, смотря по полу. курившимъ—табакъ, трубку, кресало съ кремьями, пившимъ—водку, а также крестикъ, чтобы злые духи не прикасались къ покойнику, деньги—чтобы откупиться отъ погребенныхъ уже покойниковъ, а грамотнымъ кладутъ въ гробъ и книгу.

Во время кончины запрещается плакать. Плачь препятствуетъ душѣ отдѣлиться отъ тѣла, и больной долго страдаетъ, пока умретъ. Душа пугается внезапнаго крика и плача и опять возвращается въ тѣло. Для облегченія душѣ выхода изъ дома, во время кончины растворяютъ дверь или открываютъ печную трубу.

Мятель или сильный вѣтеръ во время кончины, или въ день похоронъ, означаютъ, что злые духи гоняются за душою и терзаютъ ее. Нужно молиться.

На второй день послѣ погребенія родственники умершаго отправляются на кладбище и тамъ голосятъ на свѣжей могилѣ. Въ причитаніяхъ приглашаютъ его домой, посмотрѣть на семью, на хозяйство, убѣдиться, какое великое горе причиняетъ имъ его отсутствіе. Заявляютъ, что работа, которую исполнялъ покойный, остановилась, ибо никто не въ состояніи ее такъ хорошо выполнить, какъ дѣлалъ это покойный, и т. д. Послѣ голошенія родные молятся Богу за умершаго и отправляются домой, гдѣ въ честь покойнаго устраивается трапеза. Этотъ обрядъ называется „пробужаніемъ небощика“.

Поминовеніе усопшихъ на ихъ могилахъ, совершаемое въ четвергъ Пасхальной недѣли, или въ понедѣльникъ—вторникъ Оминой, называется въ южныхъ уѣздахъ „навскій великдень“. Въ эти дни родственники, послѣ пасхальнаго привѣтствія покойникамъ: „Христось воскрес!“ катаютъ по могиламъ ихъ крашенныя пасхальныя яйца, которыя потомъ часто и зарываютъ въ могильныя насыпи, приносятъ на кладбища пасхальныя свѣди, раскладываютъ ихъ на застланныхъ бѣлою скатертью могильныхъ холмахъ и послѣ молитвы или панихиды призываютъ своихъ умершихъ „на хлѣбъ—на соль“. Закусываютъ и сами, но большую часть принесенныхъ свѣдей раздаютъ нищимъ „на ўпомнѣ душъ“. Здѣсь же, на кладбищахъ, за чертою ихъ, происходятъ игры съ красными яйцами, рассчитанныя на ловкость играющихъ и на крѣпость яицъ.]

VII.

Преданія, легенды, сказки.

1. Лысая гора, Кремяницк. вол., Волков. уѣзда.

Ѣхали двѣ весельи и споткались на гэтымъ мѣсти. Одна Ѣхала зъ Волковыска, а другая съ Крымяницы. И не хотѣли одны другимъ уступить дороги. Да й пачали битса. Такъ што позабивали одны другихъ. Тамъ ихъ и поховали. Оттого и стала гэтая гора.

(Учитель Кубаевскій, 1872 г.).

2. Криница въ им. Кленикахъ, Бѣльск. уѣз.

Изъ Криницы этой вытекала нѣкогда большая рѣка. Но однажды утонулъ въ рѣкѣ сынъ какой-то волшебницы и она заклала рѣку, а ключъ, откуда она вытекала, завалила камнемъ, и рѣка взякла.

Въ 1870 г. былъ здѣсь грабарь изъ Орловской губернии. Осмотрѣвши забытый ключъ, онъ потребовалъ съ крестьянъ 300 р. и рабочихъ, и обѣщалъ пустить снова рѣку попрежнему. Но при этомъ предупреждалъ, что въ рѣкѣ обязательно должны утонуть еще нѣсколько хозяевъ Кленикскихъ, такъ какъ рѣка заклата-де на нѣсколько головъ.—Крестьяне испугались и не согласились на условія грабара.

(Учитель Кленецкаго учил., 1872 г.).

3. Ручеекъ Поврозъ въ м. Порозовѣ, Волковыск. уѣзда, впадающій въ р. Росъ. нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ былъ рѣчкой. На ней существовали мельницы. Еще и теперь видны слѣды плотинъ стъ нихъ и сгнившіе остатки свай въ бывшихъ запрудахъ. Но случилось съ этой рѣчкой вотъ что.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ знойныхъ дней подъѣхали къ рѣчкѣ цыгане и остановились на отдыхъ. Мужчины стали лошадей пасти, женщины пошли въ мѣстечко ворожить, а дѣти стали купаться. Во время купанья одинъ цыганскій мальчикъ, единственный сынъ цыганки вдовы, утонулъ.

Когда мать узнала объ этомъ, она въ отчаяніи бросилась къ истоку рѣчки и съ проклятіями бросила въ жерло клокъ овечьей шерсти.

Отъ этого проклятія вода въ рѣчкѣ стала уменьшаться, и въ настоящее время отъ нея остался только маленькій ручеекъ.

4. Давно когда-то, давно, ѣхала по этому мѣсту, гдѣ теперь мѣстечко Порозово, литовская княжна. Когда она переѣзжала рѣчку въ бродъ, то карета ея, вмѣстѣ съ лошадьми, „застрягла“ въ грязи и не могла изъ нея выбраться. Собравшійся народъ—рыбаки, жившіе на берегу рѣчки—вытащили веревками завязшую карету и лошадей. Поблагодаривъ людей, княжна полюбопытствовала узнать, какъ называется орудіе ея спасенія. Ей отвѣтили: поврозь!—Ну, пусть же и рѣчка называется Поврозовка!

Впослѣдствіи княжна велѣла построить на рѣчкѣ и нынѣшнее мѣстечко Порозово.

Такова попытка объяснить происхожденіе названій рѣчки и мѣстечка.

(Учитель Пекарскій, 1872 г.).

5. Лиховское озеро при м. Пескахъ, Волковыск. уѣзда.

Лиховское озеро находится въ лѣсу, при дорогѣ изъ Песковъ въ дер. Осовляны. Оно совершенно недоступно за топкостью береговъ, и считается очень глубокимъ—„бездоннымъ“. Прибрежныя отмели—второе дно—заросли густымъ тростникомъ. Объ образованіи этого озера существуетъ слѣдующая легенда.

Очень давно, въ незапамятныя времена, на мѣстѣ озера находилось селеніе Ляховичи. Жители его были люди очень богатые и жили въ роскоши. Особеннымъ богатствомъ отличался тамъ одинъ домохозяинъ. У него была очень красивая

дочь. Влюбился въ эту дочь одинъ молодой хлопецъ и хотѣлъ на ней жениться. Но дѣвушка отказала ему, потому что хлопецъ былъ бѣдный.

Отгорченный женихъ пошелъ изъ дому и забрелъ въ лѣсъ, все раздумывая, какъ бы ему разбогатѣть, чтобы не лишиться любимой дѣвушки. Какъ-разъ въ это время черезъ лѣсъ проѣзжалъ богатый купецъ. Хлопецъ бросился на него какъ звѣрь и убилъ. Трупъ оттащилъ въ сторону отъ дороги и закопалъ въ хвойникѣ, а деньги его забралъ себѣ.

Приходить онъ снова къ невѣстѣ и говорить:

— Ну, теперь ты уже должна пойти за меня: теперь я и самъ уже богатъ!

Та стала приставать къ нему, чтобы онъ сознался, откуда у него взялись деньги, и до тѣхъ поръ приставала, пока онъ не сознался въ своемъ преступленіи.

Тогда невѣста послала его на ночь на могилу убитаго:

— Ляжь тамъ и ждай, пока почувешь голосъ убитаго!

Женихъ такъ и сдѣлалъ.

И лежа на могилѣ, услышалъ онъ голосъ изъ гроба:

— За что ты убилъ меня безвиннаго? Помни жъ, за сто лѣтъ исполнится кара!

Когда на другой день рассказали онъ объ этомъ невѣстѣ, та, подумавши, сказала:

— Што бѣдѣть за сто лѣтъ, мы того не дождемъ: далеко до того ждаты. А на томъ свѣтѣ Богъ рассудитъ!

И поженились. И жили дружно, спокойно, при всѣхъ достаткахъ; „однымъ словомъ, щасливо жили, не зная ни какой бѣды, не мѣючи ни въ чемъ страты, наветъ само-малѣйшей“.

Дождались на своемъ вѣку внуковъ, и жили всѣ „при одномъ мѣстѣ, при одномъ богатствѣ“.

„И здарилось, батюшка изъ мѣстечка Пески (католики говорятъ: ксендзъ католицкій), повертаючись отъ хвораго“, заѣхалъ на ночь въ этотъ домъ.

Старая хозяйка, желая угостить почетнаго гостя, пошла взять яицъ, чтобы приготовить яичницу, и увидѣла, что одного яйца не достаетъ. Не привыкши ни къ какимъ, даже малѣйшимъ, потерямъ, она очень удивилась и начала спрашивать у невѣстокъ и у всѣхъ домашнихъ, не взялъ ли кто яйца.

И такъ какъ никто не сознавался, то она заподозрила кражу и начала ихъ бранить. Тѣ, сознавая себя певичповными, отвѣтили ей на брань бранью же, и „зачали лѣяться“.

Батюшка прекратилъ ихъ ссору и отказался отъ угощенія, заявивъ, что ему хочется только „одночить“.

Положивъ на столъ книжку и крестъ, завернутый въ епитрахиль, батюшка сталъ спрашивать старуху, пока та приготавливала постель: почему она, будучи такой богатой, жалѣеть о пропажѣ какого-нибудь ничтожнаго яйца, и сама безпокоится и семью безпокоитъ.

Старуха отвѣтила, что въ ихъ домѣ „николи никакой страты ни здарилось за сто лѣтъ, а тутъ во въ гэтый день кабъ згинуть яйцу!“

— Это, видно, знакъ кары Божіей. Не случилось ли чего особеннаго въ жизни твоей, что тебя такъ „обходить“ эта потеря въ сегодняшній день?

Старуха разсказала батюшкѣ все подробно, что было сто лѣтъ тому назадъ.

Мало помалу все въ домѣ успокоилось и всѣ легли спать. Батюшка легъ на лавкѣ за столомъ при окнѣ.

Около пѣтуховъ, слышетъ батюшка, что кто-то постучалъ въ окно и сказать: „встань и уходи отсюда!“ Батюшка посмотрѣлъ въ окно, но никого не увидѣлъ. И опять легъ.

И повторился тотъ стукъ и тотъ голосъ въ другой разъ. Батюшка опять посмотрѣлъ въ окно и снова никого не увидѣлъ. И самъ себѣ не вѣритъ: во спѣ ли это ему приснилось или же на яву было. Вдругъ, въ третій разъ произнесъ голосъ: „батюшка, выходи сейчасъ, а то погибнешь!“

Въ ужасѣ батюшка велѣлъ своему человѣку запрячь лошадей и тотчасъ же уѣхалъ, оставивши всѣхъ спящими.

Подъѣзжая подъ Пески, батюшка вспомнилъ, что вещи, положенныя имъ съ вечера на столѣ, опъ вполыхахъ забылъ взять съ собою. И говоритъ кучеру: „выпряги коня и съѣзди верхомъ, заведи мои вещи, что лежатъ на столѣ!“

Человѣкъ поѣхалъ, но уже никого и ничего не нашеть: на томъ мѣстѣ, гдѣ было селеніе, стало озеро, а по озеру плавать столъ съ церковными вещами. Когда человѣкъ приблизился къ водѣ, столъ съ вещами приплылъ къ берегу, и посланный взялъ съ него батюшкины вещи.

Какъ только онъ взялъ вещи, такъ столъ тотчасъ и потонулъ на дно въ воду.

Былъ въ дер. Осовлянахъ древній старикъ, который разсказывалъ, что предъ нашествіемъ французовъ были великія засухи и всѣ мочулища повысыхали. Люди должны были мочить пеньку въ этомъ озерѣ, и тогда, вынимая пеньку, многіе вытаскивали рубленныя бревна отъ хатъ, ушаки отъ дверей, окна и т. д.

(Учитель Радкевичъ, 1873 г.)

Замѣчательное совпаденіе съ легендою, приведенною въ „Бѣлор. Сборн.“ Романова, вып. IV, стр. 137).

6. М. Мосты.

Мосты были стольнымъ городомъ королевы Боны. Теперь гдѣ ни копни, вездѣ найдешь старинныя каменные фундаменты и кирпичъ древнихъ построекъ.

На костельной колокольнѣ находится древній колоколь въ 6 пудовъ съ надписью „Регина Полонія“.

Тогда въ городѣ было 70 улицъ. Между городомъ и Зарѣчьемъ былъ каменный мостъ, на которомъ было восемь лавокъ, по 4 съ каждой стороны, а посрединѣ было отверстие для прохода судовъ. Мостъ этотъ „зрунованъ“ во время шведской войны.

Въ 1830-хъ годахъ крестьяне вытащили изъ рѣки дубовую балку съ славянскою надписью, а во время мелководья и теперь добываютъ изъ дубовыхъ клѣтокъ бывшаго моста камень для своихъ построекъ.

Въ 1812 г. русскими были сожжены магазины и стояшія на Нѣманѣ суда. Днища ихъ при мелководіи видны и теперь (1873 г.).

Жители Мостовъ до королевы Боны были православные и въ Мостахъ была церковь. Бона построила здѣсь первый костель и всѣхъ жителей обратила въ католичество.

Съ того времени здѣсь уже третій деревянный костель.

(Учитель Шостакъ, 1873 г.)

7. Великанъ одинъ нашелъ нашего человѣка на полѣ, оравшаго на волахъ. Онъ поднялъ его на ладонь вмѣстѣ съ волами и сохою, и сказалъ: „приплюсну я другою ладонью

этого маленькаго челоуѣка!“ А другой говоритъ: „нѣтъ, не трогай! Послѣ насъ всѣ люди будутъ такіе!“ Тотъ и пустилъ.

Великаны были до насъ. А послѣ насъ будутъ люди еще меньшіе.

8. **Фараоны**—египтяне, потонувшіе въ морѣ, до половины челоуѣкъ, а отъ пояса рыба. Выходятъ на острова и поютъ пѣсни.

(М. Городокъ, Вѣлосток. у.).

9. **Откуда пѣсни?** „Святѣя“ пѣсни,—то написаны у ксеншкахъ. А гѣдакія, простѣя, бранделюшки, то уже шъ ни откуль выходятъ, якъ одъ злого.

Кажутъ люди, сядѣтъ на моры чаркѣсъ и спивае усе-лякія пѣсни. А люди понимаютъ, и учатца такъ оды отъ другихъ.

И такъ пошло далѣй.

(Д. Каменка, Сокольск. у.).

10. **Урочище Котѣра** въ с. Токаряхъ, Высоколитов. вол., Брестскаго уѣзда.

Лѣтъ за десять до воли (1851 г.) въ Котѣрѣ подъ одной ольшиной случилось у насъ чудо. Одна женщина на Троицу пошла собирать щавель къ обѣду какъ разъ въ Котѣру. Подошла она къ ольшинѣ, вдругъ является ей женщина, въ простомъ одѣяніи, и говоритъ: „зачѣмъ ты собираешь теперь щавель, о то жъ сегодня святая Троица?“ Баба отвѣтила, что ей съ дѣтьми нечего ѣсть и она принуждена нарвать щавлю, чтобы сварить дѣтямъ хоть что-нибудь. Тогда явившаяся женщина сказала: „Смѣтри, въ другой разъ этого не дѣлай! А теперь иди домой и расскажи всѣмъ, что тебѣ являлась Божія Матерь, и чтобы люди поставили здѣсь мнѣ крестъ и приходили сюда Богу молиться!“

Женщина пошла къ священнику и рассказала о своемъ видѣніи. Люди тотчасъ сдѣлали крестъ и съ крестнымъ ходомъ отнесли его на Котѣру и поставили на томъ мѣстѣ, гдѣ, по словамъ бабы, являлась ей Божья Матерь.

Сталъ народъ собираться туда на поклоненіе тысячами изъ самыхъ дальнихъ окрестностей и приносили жертвы. кто чѣмъ могъ.

А жєнщина та, что явилась, ушла въ Кієвъ и тамъ явилась въ образѣ Божіей Матери. „Тамъ люди преподобнѣйшіе Богу, а у насъ безконечно грѣшныє“.

Передъ отходомъ ея, баба та пришла на Котэру съ своей сосѣдкой, которая также желала видѣть Божию Матерь. Но Божья Матерь не явилась ни той, ни другой. А когда на другой день пришла только одна баба, Божья Матерь явилась ей и сказала: „Ты не приводи ко мнѣ такихъ людей, потому что они недостойны видѣть меня. Только одна ты можешь меня видѣть“.

Многіе помнятъ, что на поклоненіе воздвигнутому кресту съѣзжалось столько народа, что они занимали пространство въ квадратную версту. И только полицейскими мѣрами прекращено это паломничество.

Но теперь еще многіе тайно ходятъ туда и оставляютъ тамъ свои жертвы: хлѣбъ, левъ, рубашки, ожерелья, деньги.

(Сообщ. учитель Токар. учил. Охрица въ 1872 г.).

11. Давыдокъ.

Кѣдысь буѣ панъ богатый Давыдокъ. Пошоѣ вунъ до костюла, а тамъ ксюндзъ казаѣ казань. А ѣ казани говорилось, що хто бидного одарить копійкою, то Бугъ тысячами дасть. Пришоѣ вунъ до дому; его жунка пытає: „що, душко, ты чуѣ у костюлы?“—А що, кажэ, чуѣ? Намъ ксюндзъ казаѣ, що хто бидного подарить копійкою, то Бугъ тысячами дасть. Жунка кажэ: „у насъ есть грѣшей много, то даваймо всімъ по копійци!“ И почалѣ вуны даваты; роздали вси грѣши, кулько ѣ ихъ булѣ. Попрадаваѣ вунъ статокъ (скотъ) и роздаѣ грѣши; продаѣ вунъ и маюнтка—роздаѣ. А Бугъ тысячъ ны дає! Почепѣѣ вунъ торбу и пошоѣ у старцѣ.

Идѣ вунъ дорѣгою, ажъ догоняє ѣго дидокъ старѣй и пытає ѣго: „куды идэшъ, Давыдко?“—Иду, кажэ, дидку, по старцахъ! Ходѣѣ, кажэ, я ѣ костюль; тамъ ксюндзъ казаѣ, що хто бидного подарить копійкою, то Бугъ тысячами оддасть. Я роздаѣ вси грѣши, продаѣ статокъ,—роздаѣ, продаѣ маюнтка,—роздаѣ, а Бугъ тысячъ ны дає!—„Ну, то колы гѣтакъ, кажэ дидокъ, то ходѣмъ разѣмъ!“

Пошлы вони. Приходятъ ѣ водно царство, ажъ тамъ у цара дочка хвора, и ныхто ны можэ выличиты. „Можэ витѣ

знаетэ якую раду?“ пытае царь.—Добрэ, кажэ дидь. Мы выличимо, оно дайтэ намъ поокромъ станьцію!—Зробывъ имъ царь гэтакъ, якъ воны казалы. Пошлы воны туды—до станьціи. Дидь кажэ па Давыдка: „возьми котелка, да нагрый воды, кобъ була тэпла!“ Нагрыў Давыдокъ воды, а дидь узаў, респороў груды у царовой дочки, выняў сэрцэ, лехкэ и пэчэню, пэрэмыў ихъ ў води, а послы зноў уложиў назадъ и кажэ: „Уставай! ўжэ ты здорова!“—Приходьты царь и пытае: „Чи здорова ты?“—Здорова, кажэ, якъ була кэдысь!—И пытаетца царь дидэ: „Що вите хочетэ за гэтэ?“ А дидь кажэ: ковалочокъ хлеба! Давыдокъ торкае: „кажи, ныхай грбшей дасть!“—Даў царь имъ хлеба и пошлы воны.

Идутъ воны да идутъ, приходять у другэ царство. Ажъ тамъ зноў гэтакъ хвора царска дочка.—И пытаетца ихъ царь: „можэ вите далы бь якую раду? Бо ўжэ я позбыраў ўси докторы и ныхто ны можэ рады даты!“—Добрэ, кажэ дидь. Мы дамо раду, оно дайтэ намъ поокромъ станьцію! Зайшлы воны до станьціи, нагрылы воны воды, респоролы груды, выйвялы вынтробы; пэрэмыў дидь, уложиў назадъ и бұдыть, якъ вона звалася: „Уставай ўжэ: ты здорова!“—Устала вуна и дякуе имъ. Приходьты царь и пытае ей: „Чи здорова?“—А вона кажэ: здорова! И кажэ царь: „Що жь вамъ за гэтэ даты?“ Давыдокъ торкае дидка: „бэримъ грбши!“ А дидь кажэ: „ковалочокъ хлеба и сырца!“—Даў имъ царь ковалокъ хлеба и сырца, и пошлы воны.

Идутъ, идутъ, приходять до мбра. Дидь пошоў по верху по вода, а Давыдокъ пошоў—и ўжэ по поясъ. И кажэ дидку: „я пуринаю!“ А дидь кажэ: „вэрнымсь назадъ, да ступай ў мой сляды, то будэшъ и ты повэрху!“ Такъ и стало. Пэрэшлы воны морэ тэе, вышлы на бэрогъ. Дидь кажэ: „шукай тутъ, то найдэшъ грбши,—и тутъ, и тутъ—у трохъ мвьстахъ, а я трохи, кажэ, полэжу, бо я ўтомыўся!“

Люгъ дидь спаты, а Давыдокъ стаў копаты. Откопаў вунь, ажъ тамъ поўна яма мьдакйў. Набраў вунь поўны кишэни и стаў вунь копаты ў другимъ мвьсти. Откопаў, ажно тамъ поўна яма срыбра. Высыпаў вунь тыи мьджки, да стаў браты срыбро; набраў поўны кишэни й запазухи и стаў откопуваты ў трэйтимъ мвьсти. Откопаў, ажно тамъ поўна яма золота. Высыпаў вунь тэе срыбро изьусьль, да давай браты золото.

Набраў вунь поўны кишэни и запазухи и поўну шапку, скинуў ноговыцы, насыпаў поўны и йтакъ ще осталось.

Тымъ часомъ вунь утомиўся, ўзяў, ўломыў крохи сырца, да й изйў. Ажно прочнуўся и дидь, да й кажэ: „Мусыть ты, Давыдко, істы схотиў?“—А ўжэ, кажэ Давыдокъ.—„То йды, кажэ дидь, привасы того сырца. то пополўднаемъ. Принйсь Давыдокъ того сырца, ўламаў: „на, кажэ, дидку!“ Дидь кажэ: „а хто жь гэто йў сырць?“ Давыдокъ кажэ: „я нэ йў?“ Ну, и пополўдналы воны. Тоды кажэ дидь: „трэба гэты грёши на трохъ!“—Чому? кажэ Давыдко.—„А нихто жь буў тутъ трэйтй, що сырца ўламаў!“—Гэто, кажэ Давыдокъ, я ўламаў! „Ну, то якъ ты,—тоби будутъ ўси грёши! Гэто тыи твои грёши, що ты даваў бидвымъ. Высыпай жэ ихъ вси тутъ, да йды до дому: то поки ты зайдэшъ до дому, то тамъ ужэ жунка поспраўляе ўсэ, выкупыть и маюнтка. Думае Давыдокъ: „трэба ўзяты хочь жминьку на дорогу!“ Узяў вунь ў кишэню крохи грёшей и пошоў. Пришлы до мора. Дидь пошоў по вэрху, а Давыдокъ пошоў по дну. Дидь кажэ: мусыть ты, Давыдку, крохи грошей ўзяў зъ собою?“—Узяў крохи, дидку! кажэ Давыдокъ.—„То вырнмсь жэ, выкинь ихъ туды, то пуйдэшъ по вэрху“. И самъ пошоў. Вырнуўсь Давыдокъ, высыпаў гроши и пошоў.

Прихёдыть вунь ў ниякій городъ, ажъ тамъ въ одного еднорала була жунка хвора. Приходыть вунь туды и кажэ, що я можу раду даты. Даў ёму той еднораль на дьви годыны строку.—„Якъ выличышь, то дамъ грёшей много, а якъ нэ, то голову зотнў шаблею!“ Узяў вунь, оспороў ей, выйнаў вынтробы и кажэ: „ўставай! Ужэ ты здорова!“ „А вона й ны хоче устаты. Глянуў вунь на часы, ажъ оно три мынютыны еще строку, да й придэ той еднораль. И думае вунь: „що тутъ робыты?“ Залязъ вунь на другэ пьёнтро, да й думае: „ўпаду да забьюсь!“ Колп бачить,—стойть дидокъ той: „чи ты, Давыдку, тутъ?“—Ай, кажэ, дидку: тутъ! Ратуй! Пришоў той дидь, зробыў гэтакъ, да й кажэ, якъ вона звалася: „ўставай ўжэ: ты здорова!“ Приходыть той еднораль и пытае: „Чи ты, душко, здорова?“—Здорова, кажэ, якъ кэдысь була! Подяковалы Давыдковы, дали грошей много, и пошоў вунь до хаты. Прихёдыть до хаты, ажъ ёго жунка зробылась ще липша пани, якъ була, поспраўляла ўсэ, що було. выкупыла маюнтка. И тэпэръ воны живутъ—поживають и мэлэ ны забывають.

(С. Здитово, Слонимскаго ўзда).

12. Мальчыкъ съ пальчыкъ.

Бувъ соби дидъ и баба, и було у ихъ сэмэро дѣтей. Одинъ самый мѣвчий хлопчыкъ назывався „Мальчыкъ съ пальчыкъ“. Булы соби воны, а послѣ стали воны быднѣты, и дошло до того, що ны було чого ѣсты. Ставъ батько тыхъ дѣтѣй думаты, якъ бы своихъ дѣтѣй дѣ дѣты. И стали воны казаты, поки дѣты щѣ спалы, що треба ихъ у лисѣ завѣсты, то воны стылъ ны прыдуть. Якъ воны гѣтѣ казалы, то Мальчыкъ съ пальчыкъ чувъ. И вставшы въ рано, пошовъ на рычку, набравъ тамъ у води бѣлого каминья и наклавъ повны кишѣни. Якъ батько повивъ ихъ въ лисѣ, то Мальчыкъ съ пальчыкъ бравъ гѣе каминье и кидавъ по дорозы. Батько ихъ сховався въ лисы да ѣ вѣрнувся до дому. А воны въ лисы стали плакаты. Мальчыкъ съ пальчыкъ кажѣ: „Нѣ плачѣ, я васъ выведу изъ лису!“ Воны втыхлы, а Мальчыкъ съ пальчыкъ ставъ казаты: „Я кѣдавъ каминье по дорозы бѣлѣ, то я васъ и завѣдѣ!“ И завивъ ихъ до дому. А батько, завившы ихъ въ лисѣ, уторговавъ тогды дѣсь грошѣй, и ставъ жалѣть своихъ дѣтѣй, що есть за що прокормыты ихъ, а ихъ нѣма. А Мальчыкъ съ пальчыкъ крызь окно кажѣ: „Нѣ тужы по насъ, батьку, мы онѣ!“ Батько выйшовъ на двырѣ и ввивъ ихъ въ хату.

И воны булы-булы, ажъ ихъ зновъ ны стало хлеба. Батько ихъ зновъ ставъ казаты, якъ воны щѣ спалы, що треба ихъ зновъ завѣсты, бо нѣма чымъ кормыты. А Мальчыкъ съ пальчыкъ чувъ, якъ воны гѣтѣ казалы, вставъ и хотивъ зновъ ытты на рычку, да нѣкакъ ны отчынывъ дѣрвы, бо ѣмко булы защѣплѣны.

Тогды вынѣ накраивъ хлеба да ѣ наклавъ ковалкувъ повны кишѣни. И якъ батько вивъ ихъ у лисѣ, то вынѣ кидавъ хлебъ по дорозы, гѣтакъ бы то каминье. Батько завивъ ихъ въ лисѣ да и сховався, да и зновъ утикъ до дому. А воны ходылы-ходылы по лису, а нѣгдѣ ны нашлы тыхъ ковалкувъ хлеба, бо ворышье позевбало. Ставъ вѣчорѣ, то воны лыглы спаты. Въ рано Мальчыкъ съ пальчыкъ на самый цѣродъ вставъ и злизъ на дѣрво и ставъ дѣвытысь набколо. И побачывъ вынѣ хатку. Злизъ зъ дѣрва и повивъ своихъ братьывъ до тѣи хаты. А изъ тѣи хаты вышла баба и кажѣ: „Що вамъ тутъ трѣба“. Воны сказалы: „Пусты насъ поночоваты,

бо мы заблудылы“. Вона пустыла и сказала: „Ахъ, мня васъ шкода, алэ жъ муй чоловикъ людойдъ, то вынъ якъ побачить васъ, то ызійсть“. А воны сказалы: „То схвай насъ дэ“. Вона ихъ сховала пудъ кровати. Мальчыкъ съ пальчыкъ ды-вытця. Пдэ людойдъ и прамо садыця за стылъ и кажэ: „Давай мня псты!“ Баба дала ему меду, вынъ напвся, а потомъ вына напвся, вставъ изъ-за стола и кажэ: „Алэ, дэсь у насъ чоло-вичэскимъ духомъ пахнэ“. Пбтомъ вынъ дейшовъ до кровати и высунувъ изъ-пудъ ихъ сямъ хлончыкивъ. Пбтомъ накормывъ ихъ, щобъ посла зарызаты и зъпсты. и поклавъ спаты. А у того людойда було сямъ хлонцывъ своихъ такихъ. То щобъ воны ны помышалысь, якъ ляжуть спаты, то вынъ поклавъ на своихъ золотыи шапки. Все заснулы, а Мальчыкъ съ пальчыкъ ны спавъ. Вынъ у нocy вставъ и съ тыхъ людодовыхъ дытэй познымавъ шапки и поклавъ на своихъ. Людодидъ ставъ рызаты дытэй, и помацае—якъ ны съ шапкою, то рыжэ, да гэтакъ порызавъ усихъ дытэй своихъ. И посла лигъ. Тогда Мальчыкъ съ пальчыкъ побудывъ своихъ братывъ, и воны утыкы. Якъ розвѣдняло побачивъ людодидъ, що своихъ дытэй порызавъ, обувъ сэмпверстныи чоботы и ставъ доганяты. Шукавъ вынъ ихъ, шукавъ, ньякъ ны нашовъ, да и лигъ зопочиваты, и заснувъ. А тыи диты булы блисько ёго. Мальчыкъ съ пальчыкъ побачывъ, що вынъ спыть, вынявъ у ёго изъ кишэни грудку золота и знявъ зъ ёго сэмпверстныи чоботы, обувъ ихъ на сыбэ и сказавъ, кобъ воны мыцно взялысь за ёго. И побиглы. И гэтакъ добиглы до дому. Тогда воны тэе золото оддалы ля батька, и ихъ батько ставъ богатый и вжэ бульшь выкуды ихъ ны проганявъ.

(С. Бездѣж).

13. Якъ сынъ пана женивса на своей служанцы.

Бувъ батько и маты. Було у ихъ двое дэтэй—сынъ и дочка. Батько и маты помёрли, дѣты остались. Братъ бувъ шовець. Одынъ (разъ) братъ шіе зъ зореньками черевички; сэстра пытае: „кому ты шіешъ черевичка?“ Вопъ каже „кому гэты черевички будутъ якъ (разъ), того я замужъ за сэбэ озьму“. Якъ пошіў братъ черевички, то каже сэстрѣ: „пátколе ты, сэстرونко, помѣрай“. Вона помѣрала, и якъ разъ на ее. Братъ каже: „я тэбэ, сэстرونко, озьму

замужъ за сѣбѣ!“ Вона стала плакаты и ни хотѣты. Братъ каже: „ницѣ, сестронко, нѣ будѣ: я озмѹ тѣбѣ силою“. Тоды сѣстра каже: „справѣ мнѣ вашѣваго кожушка, то тоды я за тѣбѣ пойду“. Справивѣ ѣнѣ ѣй кожушка и пытае: „чи пойдѣшь, сѣстронко?“ А вона каже: „справѣ мнѣ зеленое платѣ, тоды я за тѣбѣ пойду“. Справивѣ вопѣ ѣй зеленое платѣ и каже: „ну, ходѣ, сѣстронко!“ А вона каже: „справѣ мнѣ ѣщи сине платѣ, тоды пойду!“ Справивѣ вонѣ сине платѣ и каже: „чи пойдѣшь, сѣстронко?“ А вона каже: „справѣ мнѣ ѣщи червоное платѣ!“ Справивѣ. П каже: „чи пойдѣшь, сѣстронко?“ А вона каже: „справѣ ѣщи брычечку и платка, що на брычечку сѣсты, платкомѣ махнѹты—и поѣдѣ!“ Справивѣ ѣнѣ ѣй гѣто и пытае: „чи пойдѣшь уже, сѣстронко?“ А вона позгортвала тое платѣ и кожушка, положила на брычечку и каже: „дай-тколе я, братокѣ, попробѹю,—чи поѣдѣ сама?“ Вона сѣла, платкомѣ махнула и поѣхала, а его покинула.

Ѣхала, Ѣхала и прѣѣхала до дупловатаго дуба. Той дубѣ бувѣ недалѣко двора. Вона усѣ тое повклала у дупло, а кожушка одѣнѹла и пошла у дворѣ шукѣты службы. Зайшла вона до пана и каже: „примѣтѣ мѣнѣ на службу?“ Принявѣ той панѣ ее на службу. У гѣтого пана бувѣ моцно хорошѣй сынѣ, ѣщи женѣхѣ. Вонѣ вельми ее нѣ любивѣ; нивѣкъ ее нѣ называвѣ, да ѹсѣ на ее каже: „вашѣвый кожушокѣ!“

Булѣ вона цѣлы тѣдѣнѣ. Пришла нѣдѣля. Всѣ выбираюца до костела. Вона каже: „и я пойду до костела!“ Сынѣ каже: „куды тобѣ. вашѣвый кожушокѣ! Дома сѣдѣ, а то тамѣ всихѣ людѣй посмѣшишь!“ Вонѣ пошли, а вона попрыбирала усѣ и пошла до тѣго дуба. Тамѣ взяла зеленое платѣ, изложила, обула зѣ зорками черевички, сѣла на брычечку, платкомѣ махнула и поѣхала до костела. Якѣ улѣзла у костелѣ, такѣ ажѣ костелѣ засѣевѣ зеленымѣ свѣтомѣ.

Всѣ людѣ дѣвѣятца на ее, и той сынѣ дѣвитца. Якѣ кончыласѣ обѣдня, такѣ вона сѣла на брычечку, платкомѣ махнула и поѣхала до тѣго дуба. Тамѣ тое платѣ и черевички поскидала, а одѣнѹла кожушкѣ, и пошла зновѣ до тѣго пана.

Прышовѣ сынѣ зѣ костела и каже: „ой, батѣнѣкѣ! якую я бачивѣ дѣвѣкѣу хорѣшу и хорѣше убрану, то ѣщи зѣ роду гѣтакой нѣ бачивѣ! Ано нѣ вѣду, скуль вона!“

Пришла дрѹга нѣдѣля. Сынѣ пошовѣ изновѣ до костела. Вона попрыбирала усѣ и пошла зновѣ до тѣго дуба; убраласѣ

у сине плате, обула черевички изъ зорками, сѣла на брычечку, платкомъ махнула и поѣхала зновъ до костела. Якъ войшла вона у костель, такъ засяевъ костель синимъ цвѣтомъ. Сынъ той эщи лѣпшъ дѣвитца на еѣ. Якъ кончилась обѣдня, вона сѣла на брычечку, платкомъ махнула и зновъ поѣхала до того дуба. Тамъ тое плате и черевички поскидала, а оденула ко- жушка и пошла зновъ до того пана.

Пришовъ сынъ зъ костела и каже: „отъ, батэньку: тэ- перъ була эщи хорошъ убрана! Якъ мнѣ еѣ познаты,—скуль вона? Такъ я еѣ за сѣбэ замужъ озьму“. Батько каже: „коли ты хочешъ еѣ познаты—скуль вона, то озьми, у черепочекъ налі смолы и поставъ у костели на стѣзци. Якъ вона будэ у костель уходыты, такъ уступыты у смолу, и черевичекъ оста- неца. Черевичка ты принэсэшъ до дому“.

Пришла дру́га недѣля. Понесъ той сынъ черепочекъ зъ смолою до костела. Вона попрыбирала и пошла до дуба. Тамъ убралась у червоное плате, обула черевички зъ зорками, сѣла на брычечку, платкомъ махнула и поѣхала до костела. Якъ ишла у костель, то нэ ўступила у черепочекъ зъ смолою, а якъ выходыла зъ костела, то ўступила, и черевичекъ тамъ остався. Сѣла вона на брычечку и поѣхала до дуба. Усэ по- скидала тамъ, оденула кожушка, и пошла зновъ до того пана. Пришовъ сынъ зъ костела и принэсъ до дому черевичка.

Вонѣ поразсылали всюды письма: чѣй то черевичекъ? Но нхто не нашовса. Тоды сынъ пана каже на еѣ: „на-тко- ле ты, вашивый кожушокъ, помѣрай!“ Вона помѣрала—и якъ разъ на еѣ погѣ. Вонъ каже: „покажи другого!“ Вона поприн- ѣсыла зъ дуба усэ плате, брычечку, другого черевика и платокъ.

Тоды вонъ женѣвса на своей служанцы—сиротѣ.

(Д. Бармуты, Ревятч. вол., Пружан. у.).

Черти, мертвецы.

14. Бывъ дѣдъ и баба. Была у дѣда дочка и у бабы дочка. Пошла дѣдова дочка молѣти. Пришовъ одинъ молодикъ и кажэ дѣвцы: „дѣвонько, дѣвонько, ходѣмъ, потанцуймо!“ А вона ёму кажэ: „у мэнэ нѣма хустки!“ Пошовъ вунъ, пры- ну́сь юй хустку и кажэ: „ходѣмъ, потанцуймо!“ Вона кажэ

ёму: „у мэнэ нэма кожуха и чэрэвiкь!“ Вунь пошовъ, прынўсь юй кожуха и чэрэвiки, и кажэ юй: „ходи, потанцуймо!“ А вона кажэ ёму: „эщы у мэнэ нэмашь споднiцы и стенчки!“ Вунь пошовъ и прынўсь юй сподницу и стенчку. И кажэ юй: „ну, ходи, потанцуймо!“ А вона кажэ ёму: „у мэнэ нэма каптана!“ Вунь пошовъ, прынўсь каптана. А вона кажэ: „пойтэ, пойтэ, куры, рано, нёщо мэнэ налекало, чорнэ, кудлатэ, що на грошы багатэ!“ Куры заспува́ли и вунь пропавъ.

Прышла вона у хату, дёдова дочкà, а баба позавидовала и выправила свою дочку молоти. Убрала вона ее, и вона пошла молоти. Мелэ вона, и прыходить до ее той самы́й, и кажэ вунь юй: „ходёмъ, потанцуймо!“ Вона пошла танцовати. Вунь танцовавъ, покуля её нэ рострбсь.

Прышла баба и зобрала кости у кошъ. А сучка кажэ: „тявъ-тявъ! бабина дочка въ кошелѣ брэщитъ, а дёдова въ сукнѣ шерститъ!“ Баба взяла полѣно и пэрэбила юй одну ногу. А сучка зновъ кажэ: „тявъ-тявъ! бабина дочка въ кошелѣ брэщитъ, а дёдова въ сукнѣ шерститъ!“ Взяла баба полѣно и забила сучку.

15. Бывъ дёдь и бапка, и бывъ у ихъ сынъ. Вунь звавса Миколай, и вунь любивъ дёвку. Расъ вунь ишовъ до её, ажно встрѣтивъ ёго дэдокъ и испытавъ ёго: „куды ты идэшъ?“ А той Миколай сказавъ: до дёвки! Той дэдокъ кажэ: „погледи, у ее ззаду ё хвостъ!“ Ажно вунь погледѣвъ—и у ее хвостъ. И вунь нэ ставъ до ее ходити. Тогда вона сказала: „я буду умирати. И кобъ, якъ я умру, то кобъ вунъ ходивъ тры дне пацэра говорыти“. Якъ вона умёрла, то вунъ ишовъ по юй пацэра говорыти. Ёго встрѣтивъ дэдокъ и испытавса: „куды ты идэшъ?“ А вунъ сказавъ: по дёвцы пацэра говорыти! Такъ дэдокъ ёму сказавъ: „ты говоры, потомъ—якъ зговóрышъ, такъ ляжъ за труною и накрыйса вiкомъ. Такъ вона вылѣзэ и будэ шукати!“ Вунъ говорывъ, говорывъ, и зговорывъ пацэры, и люгъ за виго. Ажно вона якъ выбэгла, якъначала крычати: гдэ Миколай? гдэ Миколай? А потымъ пивэнь заспува́въ и вона зновъ легла.

На другу ночь зновъ ёму трэба ити пацэра по юй говорыти. И зновъ ёго встрѣтивъ той дэдокъ и пытае: куды ты идэшъ? А вунъ кажэ: по дёвцы пацэра говорыти. Ажно ёму кажэ дэдокъ: ты говоры, а якъ зговóрышъ, то зализь на печь

и сѣди! Вунь говорывъ, говорывъ, и якъ зговорывъ, то залвзъ на печь. А вона вылѣзла и стала крычатъ: „гдѣ Миколай? гдѣ Миколай?“ А потымъ пивэнь заспувавъ, и вона зновъ легла.

На трѣттю ночь ёму трѣба зновъ ити. Вунь идэ, ажно ёго встрѣчае той дѣдокъ и пытае: „куды ты, Миколай, идѣшь?“ А вунь кажэ: по дѣвцы пацѣра говорыти! Ажно ёму каже той дѣдокъ: „ты говоры, а якъ зговорышь, то прынеси *табурѣтку* до пѣчы и стань, и стуй!“ Вунь прынесъ табурѣтку до пѣчы и ставъ. Ажно вона якъ выбѣжыть, якъ начнэ крычати: гдѣ Миколай? А вунь стоить. Потомъ вона вышла, якъ начала свистаты, такъ прылетѣло двацѣть чортовъ. Шукали, шукали Миколая,—нэ нашли. Потымъ вона эщы якъ вышла, якъ свиснула эщы разъ, такъ прылетае эщы дэсѣть. Шукали-шукали, нэ нашли. А той дѣдокъ стоить подъ окномъ и кажэ: „пѣтушокъ, пѣтушокъ, запѣй поскорѣй!“ А живэнь кажэ: якъ мнѣ прыдэ порѣ, то й я и самъ запою! Потымъ вона кажэ: „эщы въ мэнэ есть одинъ кульгавѣнкій якъ той нэ найдэ, то ни годный нэ найдэ!“ Потымъ вона якъ вышла, якъ свиснэ, такъ прылетае эщы одинъ. Ажно шукавъ—шукавъ, а потомъ глянувъ и кажэ: „гонъ-дѣ!“ Потымъ якъ нашли ёго, то полетѣли на поле шукати щѣпокъ и трѣсокъ, а потымъ прылетѣли и стали потпѣльвати. Потпѣлили и горыть. А той дѣдокъ кажэ: „ахъ, пѣтушокъ-пѣтушокъ, запѣй поскорѣй!“ А пивэнь кажэ: якъ мнѣ прыдэ порѣ, то я и самъ запою! Потымъ пивэнь заспувавъ: „какарику!“ И вони всѣ погинули.

А на четвортю ночь ёму трѣба вѣсти еѣ хавѣти одному. Вунь идэ, ажно встрѣтивъ ёго той дѣдокъ и кажэ: „ты завѣзи у кузьню труну, кобъ набивъ коваль тры обручѣ. Якъ лопнэ одинъ, ты нэ втѣкай, якъ лопнэ дрѹгій,—нэ втѣкай, а якъ лопнэ трѣтій, ты втѣкай!“ Вунь повѣзъ въ кузьню; коваль набивъ ёму тры обручѣ. Вѣзѣ, вѣзѣ—лопъ одинъ; вѣзѣ, вѣзѣ—лопъ другій; вѣзѣ, вѣзѣ—лопъ трѣтій! Вунъ на утѣки, вона за имъ; вунъ на утѣки, вона за имъ! Вунъ прыбигъ въ пѣку хатку и залвзъ на пѣчь. И въ той хати бывъ мрѣць, у ёго лежала на грудяхъ вангиля. Вона стала крычати: „гдѣ Миколай? гдѣ Миколай?“—А той мрѣць кажэ: „я Микола!“ А вона кажэ: „мнѣ нэ ты трѣба, а другій!“ И той мрѣць узявъ еѣ, всадивъ у пѣкло и сказавъ Миколаю: „ужѣ йидь, ужѣ, вона тѣбѣ нэ пѣймѣ!“

(Д. Ворожбиты, Селецкой вол., Пружан. у.).

16. Було два товаришы. Одынъ умирае, а другій остаеца. И той, шо умирае, кажэ ля живого: якъ ты будэшь жынытыся, то клыкнэшь мынэ на высіле. Той ставъ жынытыся. По-йхавъ до цэрквы вынчатыся, да спомытався, шо трэба клыкнуты товариша. Пошовъ вунъ клыкаты товариша и прб-сыть ёго. Той устае и кажэ: ходы ты до мынэ! Той пошовъ за имъ. Ажъ вунъ ёго завьювъ у хороший садъ и дае ёму однэ яблыко. Вунъ изівъ и кажэ: трэба хучій иты! А вунъ ёму зновъ дае яблыко. Вунъ изівъ и хватайтца. А той кажэ: „ны хватайся! нà тоби ше однэ яблыко!“ Вунъ изівъ и пошовъ. Выйшовъ вунъ на двуръ, ажъ стоять ны тая цэрква, ны тые плоты, ны тая клыбанія. Зайшовъ вунъ до клыбаніи и пытае батюшки: „дэ мое высіле? допыро будэ и нымі!“ А батюшка кажэ: „туть ны було ны якого высіля!“ А гето було запысано въ книгу, шо молодой згынувъ. Батюшка подывывся въ книгу, ажъ поки молодой изівъ три ябдыки, то прошло сто пыдысятъ лить.

(С. Междулъсье. Матвѣев. вол., Пружан. у.).

17. Мачей.

Быль собіѣ Мачей. Уонъ мѣлъ тако́го благо́го коня. Ы уонъ поѣхалъ до мѣшта и туонъ куонъ ему присталъ. Ы бацтыть, зэ идэ зыдъ. Ы туонъ куонъ зацалъ ему гнойти. Ы уонъ мѣлъ троха груосы пры собіѣ. Ы уонъ вжялъ, змысаль груосы съ тымъ гнуойемъ. Зыдъ присуоль, а Мачей вымае груосы съ того гнуою. Зыдъ зацалъ куповати того коня. Ы уонъ пытаече, цо уонъ хубцэ за того коня? А уонъ казэ: „сто рубліе дай, то забэрэсь!“ Туонъ зыдъ вжялъ и заплатилъ за того коня. Ы пытаече (пытается) Мачея: цо ему давати йѣщи? Мачей казэ: „дай (давай) ему овэсь!“ Ы туонъ зыдъ повель коня до дуому и поштавлялъ до хлива; даль тому конёви овса и замкнулъ двэры и посуоль спати. Рано встае и идэ до коня по груосы. Заходитъ, двэры одыняе, а двэры нэ даюче одыняти. Уонъ думаль, зэ то такъ шила (сила, много) груосы. Вжялъ, двэры выломаль — а тамъ кубонъ здохняный. Ы посуоль до того Мачея скарэмтыше, цо здоухъ куонъ. А Мачей зробилъ такій кій, по-віѣшилъ на щѣнѣ (стѣнѣ) и сказалъ зончи (жонцы, дат. пад.), зэ уонъ будэ умёртымъ. Якъ зыдѣ прйдуть, зэбъ (жебы, чтобы) она пальну́ла ёго тымъ кіёмъ, то уонъ узые. Прысля зыды, она

и пальнула тымъ кіємъ Мачея, и Мачея узыль. Такъ тые зыды зацали прошыти, зэбъ Мачея имъ продаль туонъ кій. Далі ему сто рубліе и вжял туонъ кій. Довѣдалише, цо въ одномъ міѣщи умэрла богата пани и оньы послі ей озывачи. Зайсла и казуть: „цо намъ даштэ, то мы такъ зруобимъ, цо тая пани узые?“ Пытаюче зыдуовъ: „цо хочэтэ!“ Зыды казуть: мы хочэмъ сто рубліе. И зыдъ казэ, зэбъ оньы, тые паны, повиходили съ хаты. И туонъ зыдъ пальнулъ кіємъ, разъ, и другій,—и пани нэ узывае. Такъ оньы повтикали и послі до Мачея повіштити ёго, за тое, цо уонъ ихъ осукаль. И оньы зайсла и казуть: „взэ мы тэбэ, Мачея, повішимъ, або утуопимъ!“

Мачея говуорыть имъ: „Идіэтэ на міѣшто, купіэтэ зъ вола скуору, и засыетэ мэнэ фъ тую скуору и фтопитэ!“ Послі оньы на міѣшто, тые зыды, купили скуору и засыли ёго фъ тую скуору и повэжлы топити ёго. Завэжлы ёго до ріѣпки и ны міѣли цымъ прорубати лёду. И оньы послі за шикіѣрою, а уонъ лезытъ фъ туой скуори и шпивае: „нэ уміѣю ни цытати, ни пишати, хубцуть мэнэ за круоля убрати!“ Йѣдэ панъ. Слѣхае, зэ фъ скуоры шпивае: „нэ уміѣю ни цытати, ни пишати—хубцуть мэнэ за круоля убрати“. Панъ казэ: „вылашъ, я уміѣю цытати и пишати, я буду круолемъ, а ты бэры мойё куони и брицку и йѣтъ на муой маѣнтокъ!“ Мачея засыль ёго въ скуору и самъ поѣхаль. Прысли зыды, вжяли, прорубали любдъ и фтопили ёго. Прысли до дубму, а Мачея іѣждчитъ по міѣщи. Зобацыли тые зыды и пытаюче ёго, дэ уонъ вжяль тыхъ кубни? А уонъ казэ: „якъ хубцэтэ, то я васъ потопю и вы будэтэ міѣли такіе самы куони, якъ я“. Тые зыды позбиралише, и Мачея повіезъ ихъ топяти. Завіезъ и фкинулъ однобо зыда въ вуоду. А тонъ зыдъ зацаль прыхати: „тпры, тпры...“ А тые зыды прошаютъ ёго, зэбъ уонъ и ихъ хуцэй топцаль, бо уонъ забэрэ найлѣпсы кубни. Такъ Мачея вжяль, йихъ покидалъ вшіѣхъ въ вуоду и самъ поѣхаль на маѣнтокъ тубо пана, цо зыды ёго фтопили.

(С. Городискъ, Вѣльскаго у. См. примѣч.
стр. 241).

18. Якъ мужыкъ у пана тарилку чырвинцовъ выгравъ.

Одынъ панъ вэльмэ любывъ слухаты казкы; бтъ, винъ позвавъ до сыбэ чоловика, который вмивъ добры казкы розка-

зуваты и прбсыть его казаты казку. Мужыкъ жэ ны хочэ; кажэ, що панъ всё ровно ны повірыть и скажэ, що я мучу.

Панъ жэ шо робыть?—насыпае цилый полумысокъ чырвинцювъ, ставляе на столі и кажэ до мужыка: „отъ, якъ я скажу, що ты мутышь, то будутъ твои чырвици“.—Эге! думаетъ соби мужыкъ: отъ колы я коля пана поживлюсь! Я такы его обдурю, такы панъ мусыть сказаты, що я мучу! Отъ, винъ и начынае казаты, мутыты; но панъ, щобъ ны програты чырвинцю, все ему вірывъ, все казавъ, що правда. Накинэць мужыкъ отъ шо кажэ: „служывъ я въ одного пана, пасывывъ въ ёго пчолы; и загыбла одна въ мэнэ пчола; посылае мынэ панъ нй шукаты. Сажусь я вырхомъ на конё и йду нй шукаты. Йду да йду, занхавъ въ лисъ; дывлюсь—дванадцать во-вкйвъ їдетъ мою пчолу. Шо я роблю? Злажу съ конё, привезую до хвоины и збыраю съ пчолы косточки въ торбу, паны напоказъ. Йду до конё, дывлюсь,—а съ конё оно пыродокъ стоить, а зада нымъ. Но шо робыты—сажусь и йду. Йду да йду, дывлюсь—атъ я зайхавъ на нэбо. Шо ть мыни тыпэръ, думаю. бидному робыты, екъ тутъ мни спустытысь на землю? Атъ дывлюсь—лытыть громада ячминныи мякыны. Дай, думаю, зовью зъ ни выровку да й спущусь на землю. Зывывъ я выровку зъ тэй мякыны, но дывлюсь—коротка будэ. Тутъ панъ ны вытырпывъ и пытае: „ну, й шо ты робывъ?“—А шо робывъ? Всэ такы спустывся такъ: якъ вжэ бачу, шо коротка, такъ я всё врижу да й прыточу, врижу да й прыточу. Бачу вжэ свое сыло. Ну, думаю: ны забьюсь, хоть вжэ и впаду. Якъ шлепнувъ я, такъ въ землю вбывся по самы руки!—„Ну, и шо тогда було?“ пытаится панъ.—А шо було? Пошовъ до сыла, взявъ зылызняка да й откопався. Панъ зновъ ны вытырпывъ и пытаеця: „щотъ ты тамъ бачывъ на нэбы? Ны бачывъ ли мого татка?“—Бачывъ, панэ, бачывъ; но татко вашъ тамъ вэльмэ быдэе. Жыды вашымъ таткомъ тамъ до пэкла смолу возятъ, да такъ смолянымы бычэмы бьютъ, шо ныхай Панъ-Бугъ крые!... Тутъ панъ такы ны стёрпывъ, забувъ и про всловые и кажэ: „лжэшъ, галганэ: тому есть ныправда!“ А мужыкъ цапъ за тырилку зъ чырвинцямы и дай Бигъ ноги.

(С. Вавулич, Кобринскаго у.)

19. Бувъ на свиты чоловікъ простый. Вунъ укравъ у бабы на лужку полотно и занісь его до тэй бабы у солому у клуню. Тая баба пошла на лужокъ, ажъ полотно нѣма. Вона стала шукаты и пытаты, а полотно нѣ нашла. А жунка того чоловіка, що укравъ полотно, кажэ: „спытайся мого мужыка, то вунъ тоби скажэ!“ Баба тая пошла до ёго пытатыся, а вунъ кажэ: „шукайтэ по хоромахъ, то воно вайдѣця!“ Сталы шукаты и нашлы полотно у соломы. Тая баба дала ёму за тое пудъ муки и хунть масла.

Той жэ чоловікъ, побачивъ, що гетакъ добрэ заробѣты, укравъ у пана хорошого коня и завивъ его у лѣсъ и привязавъ его до дуба. Панъ пошовъ до того чоловіка, а чоловікъ кажэ: „шукайтэ по лѣсы, то вайдѣтэ!“ Сталы шукаты и нашлы у лѣсы коня. Панъ той давъ ему за тое сто рубливъ. И сталы зваты его знахоромъ.

А третій разъ украли у цара три слуги пристѣня,—поваръ и ще два слуги. Привызлы туда того знахора. А той знахоръ нѣ знае, чого ёго туда привызлы. Царъ кажэ: „якъ ты знахоръ, то узнай, хто укравъ мого пристѣня!“ Давъ вунъ ёму строку чиризъ нучъ, засадывъ у комурку одгѣдуваты. Той думавъ, думавъ, що вунъ ныць нѣ знае, якъ тутъ ёму одгадаты? И выдумавъ вунъ: „якъ заспывае третій пивень, о утычѹ!“ А тыи слуги, що украли пристѣня, злякѣлыся по лѣкотилы. Заспывавъ одынъ пивень, а вунъ кажэ проты сыбэ: „ужэ, слава Богу, одынъ заспывавъ!“ А воны послали одного слугу слухаты тѣю порою, якъ вунъ одгѣдѹе. Якъ вунъ сказавъ, що ужэ одынъ, то той слуга злякѣвся, пошовъ до тыхъ слугъ и кажэ: „мынэ ужэ узнавъ!“ Другій разъ пошлы другіи два слуги. Заспывавъ другій пивень, а вунъ кажэ: „слава Богу, ужэ два!“ Тыи злякѣлыся, пошли и кажуть до тѣго: „и насъ узнавъ!“ Третій разъ пошлы вси трое. Якъ-разъ заспывавъ пивень, а вунъ кажэ: „слава тебѣ, Господи: ужэ три!“ И ужэ кинувся бижчи. А ёму въ ноги падають тыи слуги, оно щобъ нѣ казавъ, у кого пристѣнъ. Якъ вунъ узнавъ, що пристѣнъ у ихъ, то зрадивъ. Пришовъ рѣнокъ. И пришовъ царъ до того знахора да й кажэ: „чи одгадавъ?“ А вунъ кажэ: „одгадавъ!“ Кажэ: „вытэ якъ прогуливались, то пристѣнъ упавъ зъ руки и скотывся пудъ пудлогѹ!“ Сталы шукаты и нашлы пристѣня пудъ пудлогѹю. А тыи слуги ночью взяли да й пудъ пудлогу подкинули.

Одынъ разъ пошовъ царь въ садокъ прогулятыся и нашовъ чорного жучка; взявъ ёго въ рукѹ, пришовъ до знахора и кажеть: узнай, що у мынэ у рупц? А вунъ ныць ны знавъ, що тамъ, та й кажэ проты сыбэ: „отъ, попався жучокъ у руки цару,—тынэръ ны выскочишь!“ Той царь: „молодецъ! сказавъ: одгадавъ, що у рупци!“ И за гетэ его наградывъ богато.

(М. Хомскъ, Кобрняск. г.).

20. Жйѹ, бйѹ старичокъ. У ёго было три сына: два розѹмныхъ, а третй дѹрень. У старичка было много бѹдла. Передъ смѣртью свбею онъ приказаѹ сынамъ роздилѹтисе бѹдломъ, такъ, жѣбъ не было мѣжду йми гнѣвѹ. Старичокъ сказаѹ поставити каждому по хливѹви и огородѹти ихъ плѹтомъ; и якъ все бѹдэ готово, то тогдѹ угнати все бѹдло на фульварокъ: которое въ чѹй пойдэ хлѣвъ, то тѹе бѹдэ ёго. Два розѹмные поставили хливѹ добрые, а дурень поставиѹ шалашъ изъ розного галѣнзя, наносиѹ въ него травы съ болѹта и накрыѹ ёго зо всехъ сторѹнъ. Потѹмъ розѹмные принѣсли каждый въ свой хлѣвъ сѣна и овса. Только, якъ оны угнали все бѹдло, то оно зобачило зелѣное и пошлѹ въ шалашъ дѹрня. Братѹ, колѹ зобачили, штѹ все бѹдло пошлѹ въ ёго хлѣвъ, то оны пришлѹ въ злѹсть и порѣшилѹ его погубѹти. Разъ оны сказаѹ ёму, штѹ поѣдѹтъ въ лѣсѣ за дровами и просѹли его, жѣбъ онъ поѣхавъ съ нѹми и помогъ штѹ-нѣбудъ. Иванушка согласѹвсе. Оны поѣхали въ великѹй лѣсѣ, нарубали трѹху дрѹвѹ и сказаѹ дѹрню, жѣбъ онъ попилноваѹ, а сами бѹдѹ-то-бы поѣхали дѹли за дровами, и утѣкли до дѹму. Иванушка оставсе самъ въ лѣсѹви. Дѹвго онъ сидѹѹ, а потомъ взяѹ палку, насадѹѹ на еѹ шапку, привязаѹ до еѹ шнурѹкъ и ѹзѹвсе за ёго, и стаѹ бѣгати кругѹмъ, кричати и свистати. Вечеръ бйѹ блѹско. Иванушка продолжае своѹ дѣло. Вѣчеромъ чѹе онъ, ѣдэ хто-тѹ. То бйѹ панъ. Подѣхавши блѹско, онъ спытаѹ: „Иванушка, штѹ ты рѹбишь?“—Учѹсе краѣсти, панѣ.— „Дѹбрѣ, каже панъ: украдѹ у мѣнѣ кѹни изъ стѹйни!“—Дѹбрѣ, панѣ! каже Иванушка. Панъ узѹѹ ёгѹ съ собою. Приѣхавши до дѹму, панъ назначѹѹ ночь ёму, въ которую бы онъ украѹ бы кѹни. Пришла тѹя ночь. Панъ сказаѹ своимъ парѹбкамъ, жѣбъ оны посадали на кѹни и пилновали ихъ. Иванушка, якъ увсѣ парѹбки заснѹли на кѹняхъ, пришѹѹ въ стѹйню, при-

нёсь кѣлька кулёў соломы, покрутиў перевясла, познимаў спящихъ паробкоў съ кони, посажаў ихъ на кулё и даў у руки перевясла вмѣсто поудовъ, а самъ забраў кони и поѣхаў. На другій дѣнь панъ прикликаў Иванушку и похвалиў ёго за ухватку. Потѣмъ панъ сказаў, якъ еще онъ украде гроши ёго, то онъ за ёго отдасть свою дочкѣ. Она была бѣрзо гожа. Къ ноци панъ собраў своихъ вѣрныхъ паробкоў въ однѣ комѣру, принесъ все своё гроши и приказавъ, жѣбъ оны ихъ пилювали. Иванушка якъ-то доведавсе, гдѣ гроши, и якъ ужѣ пришла ночь, то онъ принесъ двѣ дощкѣ. Однѣ онъ положиў на зѣмлю, а другѣю такъ удѣривъ крѣпко по першой, штѣ лѣскѣ отъ нихъ бѣрзо злякаў всехъ домашнихъ. Иванушка схѣвавсе за жѣрна. Паробкѣ, котѣры пилювали гроши, учѣўши лѣскѣ, такъ злякалисе, штѣ все выбѣгли изъ комѣры. Иванушка тишкѣмъ забравсе въ комѣру, узяў гроши и утѣкъ другѣми двѣрѣма. Паробкѣ вернулисѣ уже, обѣчили, штѣ гроши нѣ было. Послѣ того, якъ Иванушка украў гроши, панъ не могъ отказатисѣ отъ свѣго слѣва и выдаў дочкѣ свою за дѣрня. Съ тѣхъ поръ Иванушка стаў богѣтымъ и на братѣў своихъ глѣдѣў скѣса и не хотѣў уже зъ ними говорѣти.

(Городъ Бѣльскѣ).

21. Ишли Антошъ и Бронтошъ и нашли ани грошъ, но не знали, якъ имъ подѣлиться. Аны кажутъ: „мѣсяцъ адинъ буде торговать, а мѣсяцъ другій!“ Антошъ торговавъ мѣсяцъ и отдавъ грошъ Бронтошу. Поглядѣвъ Бронтошъ, штѣ вѣдется, и не хотѣвъ отдать гроша. Бронтошъ узявъ грошъ у ротъ, затаивъ духъ и зробився мерцѣмъ. Его умыли, адѣли и повезли въ каплѣцу. Туда и Антошъ пошовъ и сѣвъ за образѣмъ. Въ ночѣ приходятъ дванадцать разбойниковъ, и у ихъ было у каждаго по восемь тысячъ рублей и одна шапка. Тогда ани никакъ не подѣлилися шапкою и говорятъ: „хтѣ эту труну разотнѣ, того буде шапка“. Одинъ согласився растягъ труну. Тогда Бронтошъ каже: „вшыстки змарлы, вставайте! будемъ разбойниковъ выгонять изъ каплѣцы!“ Тогда и Антошъ кричить изъ-за образа: „встаёмъ, встаёмъ!“ Разбойники поуतेкали и кивули въ каплѣцы гроши и шапку. Антошъ и Бронтошъ стали торговатисѣ. Антошъ каже: „на тебѣ усѣ гѣты гроши и шапку, а мнѣ отдай грошъ!“ А Бронтошъ говорѣтъ: „возьми ты гѣты гроши, а мнѣ нехай буде грошъ!“

Тогда адинъ разбойникъ высунувъ въ окно голову, кобъ повзираться, ти много мерцовъ устало. А Бронтошъ зорвавъ у разбойника шапку да каже: „на тебѣ за грошъ!“ Разбойникъ вылѣзъ изъ окна, догонивъ другихъ разбойниковъ и каже: „ой, якъ ихъ много устало: намъ дванадцатѣмъ было по восемь тысячъ, а имъ по грошу не стало, то зъ мене шапку зорвали и отдали за грошъ!“

Антошъ зъ Бронтошомъ забрали гроши и шапку и пошли до хаты.

22. Батько, мати поѣхали на веселье, а дѣвчину покинули дома съ хлопчикомъ. Дѣвчина пошла по кудельницы, а хлопчика покинула у хаты. Пришбѣвъ злодій и каже тому хлопчику: „ни кажи, што я тутъ, то я тебѣ куплю баранковъ!“ Дѣвчина привела кудельницъ и стала ѣсть варить, а злодій бывъ подъ печу. Хатня дѣвчина его углѣдила и зачервонѣлась. Ена вышла до кудельницъ, а аны кажутъ: „чему ты такая чирвоная?“ Дѣвка каже: „при огня была, то напалилася“. Аны прыдутъ, а послѣ говбратъ: „кладовимся спать!“ Хатня дѣвка каже: „еще немного посидимъ“. Аны еще посидѣли и пошли спать, а хатня дѣвка не заснула. Злодій вылѣзъ изъ-подъ печи, взявъ мерцову руку и обнесъ ею около головъ, и дѣвчата мощно заснули. А хатня дѣвка не спала. Онъ положивъ мерцову руку на столѣ, а самъ пошовъ въ коморку. Хатня дѣвка устала и его заценила въ коморкѣ. Тогда злодій кричавъ: „отдай моё, я тебѣ не буду зачепать!“ Но дѣвка не отщепила.

Назавтра пріѣхали батько и мати, и дѣвка начала жалиться: „тамъ вамъ весела, а мнѣ бѣда у хаты!“ Батько пытае: „якая тебѣ бѣда?“ А она каже: „пойдите, поглядите въ коморку“. Тогда батько узявъ, причипивъ до грудей дошку, штобъ злодій не пробивъ груди пѣжомъ, и пошовъ въ коморку. Злодій уже висѣвъ на пояскѣ.

(Вѣлосток. у. Говоръ смѣшанный).

23. Анекдоты.

Сняли верстовъ до неба? Ийдуть два добродіи зъ ярмарку. И якъ пять верстовъ пройхали, такъ и одпочываты треба: бо якъ пять верстовъ, то й коршма стоить. Отъ,

ййдуть и збалікалыся.— „А що,—каже: якъ-бы його зличаты скиллы то верстовъ до неба?“—А Богъ його святой знае, скиллы. Думка така, що верстовъ съ п'ять будэ.— „Тю на теби, куме! Та якъ-бы туды п'ять верстовъ було, то тамъ бы коршма стояла!“

Солдаты да баба. Сидыть солдатъ, насыпае порошокъ. А стара баба этого-того дыва не бачыла, та й пытаецця: „а що то, каже, служба?“—А это икра солдацкая,—бреше солдатъ: съ янтово у насъ, бабка, выходять солдаты!—Тылы солдатъ съ хаты, а баба: „постій-же, бисовъ сыну! не дамъ я вашей икры выплзужуватыся!“ Та якъ ухбнуть той порошокъ, та въ пичь його! Якъ бухне винь—такъ печи мовъ не було. Отъ, тоди баба: „чы не дыво-жъ съ солдатамы? Въ икри ще солдатыня, а дывысь, що выробляэ!“

Старшына. Разъ обрлы собя люде старшыну. Отъ, и запышавсь новый старшына; зробывсь такой пановытый, що й пидступыты до його страшно. Сыдыть якось новый старшына на рундуци и бачыть, що хтось йидэ селомъ. Погукнувъ старшына своего хлопца. „Бижы мерщій, та спытайся, що воно за птыця така йиде черезъ мое село?“ Вынувся хлопецъ мыттю доганяты, бижыть, та гукае на пройижачого, щобъ пидождавъ. Стало. Пидбигае хлопчыкъ.— „Чого тоби треба?“ пытае пройижачый.—Та нашъ новый панъ-старшына звелывъ спытаты, що вы за птыця така тутъ айдете? „Скажы своему новому старшыни,—озвавсь пройижачый.—шо и ты дурень, и старшына дурень!“ Вернувся хлопецъ, старшына пытае: „а що?“—Та то якыйсь знайомый. „Якъ?“—Та такъ: и васъ знае, и мене знае!—„Якъ же винь знае?“—Та казавъ, що й вы дурень, и я дурень! Замокъ старшына. Съ того часу вже никого не пытався.

Свято. „Чому вы, хлопцы, не орете?“—Та, дядьку, свято! „Яке свято?“—Чересло и лемишь изнято!

Индъ-война. „А куды ты, Мошку, йдешъ?“—А на войну-зъ иду!—„Та чого-жъ такъ пызво?“—То-зъ ницого, сце двохъ-трехъ зорубаю!—„А якъ тебе хто зорубае?“—А кому-зъ я сцо выненъ! За сцо-зъ мене быты?

Не гусакъ, а гусна. Почувавъ переходный солдатъ у бабы, а якъ ишовъ, то гуску вкравъ. Наздогоняе його баба:— „службо, пидожлы!“—А что, бабушка, мнѣ скажешъ?—„Та гус-

ку мою оддай!“—Ахъ ты, Богъ мой! Это гуска развѣ? Экой я дуракъ! Возьми, бабка: ей-ей, думалъ, что это гусакъ!

Свина копійка. „Чы бувъ на базари?“—Бувъ! „Що-жь ты купивъ?“—Козу!—„Що давъ?“—Семъ кипъ!—„Дэ-жь вона?“—Та продавъ!—„А за сколько?“—За пъять кипъ!—„На що-жь такъ богато втратывся?“—Ничого, що богато—абы свижа копійка!

Сахаръ. „Та й и солѣдкый же той сахаръ!“—А ты хыба ивъ?“—Та минѣ раскозувавъ цымбалыстый, а йому казавъ ба-сыстый, що якъ вони гралы у жыдивъ весилля, то жыды йилы,—и такый, каже, солодкый, ажъ страхъ!“

Москаль-носарь. Ишовъ москаль на косовыцю. Иде и собачку съ собою веде. „Москалю, куда йдешъ?“—Касить!—веселенько каже. „А собачку-жь на що берешъ?“—Вотъ! Што самъ не исьѣмъ, то собачка исьѣсть!... Вертаецця косарь—ледви погы волоче. Не гораздъ, мабуть, косылося.—„Москалю, косьвѣ?“—Касиль, чортъ мня насиль!—и голосу не одведе.—„А собачка-жь дэ?“—Исьѣль!

Зеленый дубъ. Сивъ батько зъ двома сынамы обидаты у лѣси. Узялыся до горячого борщу. Покуштувавъ одынь сынъ—пече. „Та й дубъ-же!“—каже. И другой сынъ покуштувавъ:—„Та ще й зеленѣнькый!“—каже. А батько заслухавсь, про що вони балакають, та якъ съорбонѣ тоди цовнымъ ротомъ того борщу, якъ пидскачуть!—„А що бъ же вы, сыны, на тому дубови повѣслы!“

Личиння. Ййдуть зъ ярмарку.—„Тпру! Стій! Давай, живко, гроши личыты! Кажы, куды подила?“—Та що це тобі, чоловиче, такъ здалось, щобъ усѣ гроши личыты! Ну, бтъ: копу за силь, копу на силь, та за копу солы купыла, та копу съ кумомъ пропылы—отъ, и гроши вси!—„Такъ! А гей, волы!“

Тестеви дары. Якъ оженився я, то давъ мини тестъ у прыдане торбу зъ сьома перегородками, на хлѣбъ и на выхлѣбъ, на ишоно й на выпшоно, на силь и на высиль... Та давъ ище кобылу таку, що якъ положыты на визъ симъ мишкивъ порожнихъ, то зъ горы ще й бижыть!

Мало йистъ. „Ты, бисового сына дочко, по десять разивъ на день йисы! И хлѣба тобі не настачышь!“—Дэ-жь тамъ по десять разивъ! Усього по трычи!—„А зличы, сякыя-така!“—

Снядала, обидала—разъ йила: полуднувала, пидвечіркувала—два йила, вечеряла, повечіркувала—три йила. Отъ, и все!

Угадьны. У мене—каже цыганъ—три сыны, та вси три угадькы: якъ скаже одынь, що буде дощъ, другый, що снигъ, третій, що сояшно такъ который и вгадà!

Дявь. „Дяче, дяче! чого твоя симъя плаче?“—Не всимъ же спиваты!

Жыдивсьиыи страхы. Ишовъ жидъ у ночи лисомъ. Ажъ дывыцца—стойть на шляху разбойникъ зъ булавою на плечахъ. Що тутъ робыты? Убъе, а наблизь—гроши забере. Пышовъ жидъ на выгадькы: знявъ шапку, надивъ на рукû й гука: „Эй, цуесь? Я не одынь. А сцо одынь, то одынь, а сцо два: два завсягдъ не одынь!“ Мовчыть разбойникъ и стойть, зъ мясця не рушыть. Жде жидъ, трусыцца. Дали ще выгадавъ. „Эй, цоловице, а ни вазся! бо сцо два, то два не одынь, а собака у мене третій... Гуджга! куси! гавхъ! гавхъ!!! Мовъ и не чуетъ той—стойть. И всю ничъ такъ... Почало свитаты, глянувъ жидъ, ажъ то не разбойникъ зъ булавою, а пеньокъ, съ гилкою. Тоди жидъ: „пхе! Сцастя зъ твоё, со ты пеньокъ, а то-бъ знавъ, якъ лякаты!“

Три браты. Жилò соби три браты,—такъ багаты вони были—и не вмилы вони попанському балакоты, а якъ то бажалося вмыты! Отъ, и пишлы вони до паньского будынку слухать, якъ паны балакають. Найменчый братъ подбигъ подъ викно, та й почувъ два слова: „Это мы!“ Середній пидбигъ,—почувъ багато: „ни за сё, ни за то!“ Старшый пидбигъ, почувъ: „такъ тому и быть!“ Отъ, и пишли вони. Идутъ,—ажъ мертвый чоловикъ на шляху ложыть. Сталы й дывляцца на його. Колы тутъ становый ййде та заразъ до ихъ: „це вы,—каже,—вбылы чоловика?“ А браты й думаютъ: „якъ же його балакаты? Вже-жъ зъ становымъ треба по-паньскому!“ Заразъ менчый и починая; знавъ винъ тилкы два слова, заразъ ихъ и каже: „Это мы!“—каже. А становый: „за що-жъ вы його вбылы?“ Середній братъ каже: „Ни за сё, ни за то!“ А становый якъ крыкне: „На Сибирь же васъ!“ А старшый братъ: „Такъ тому и быть!“ И попровадылы тыхъ братовъ на Сибирь.

(Врестскій уѣздъ).

Давно уже було, ще якъ я бувъ парубкомъ, дидь ще малымъ бувъ, а батька ще й на свиты ны було. Такъ тогды бувъ на свиты чоловикъ и бувъ цыганъ.

Дило було литомъ, пудъ госэнь. Чоловикъ у досвита пошовъ молотыты у клуню, а цыганъ пошовъ до ёго у гуркй. А тогды само блискало и гримило. Якъ блиснэ, то цыганъ гурки хапае, якъ блиснэ, то цыганъ гурки хапае. А якъ поночи, то вунъ стоять и кажэ: „смагны, Господы, ще разъ!“ А чоловикъ почувъ, що вунъ гетакъ кажэ, да взявъ цыпа, пудыйшовъ тыхенько до цыгана и ставъ. Якъ оно цыганъ ставъ казаты: „смагны, Господы, ще разъ!“ То вунъ ёго якъ смагнэ цыпомъ по головй, ажъ цыганъ покотывся. Чоловикъ пудскочивъ до ёго, а цыганъ кажэ: „бы мынэ, кулько хочь, оно за плуть ны пырякинь!“ А чоловикъ, мовъ за слово, узявъ и пырикинувъ чыризь плуть. А цыганъ тогды кажэ: „тыпэръ хворобу ты мынэ пуймэшъ, альбы ты мынэ чыризь плуть пырикинувъ!“

Цыганъ изэ и дывытця,—а мыдвэдъ злизъ на дэрво до мэду, до гулыя, и выбырае и йистъ собя мэдъ. Цыганъ думавъ, що гето чоловикъ выбырае мэдъ и кажэ до ёго: „дядьку, дай мэду!“ А мыдвэдъ якъ злякався, та якъ гукнэ объ земню и чисто побывся на кавалки. А цыганъ соби думает: „Отъ, кобъ мыни достаты мэду, то поставывъ бы свичку“. Полизъ вунъ на дэрво, и наѳвшись мэду, ставъ злазматы, и думает про сыбэ: „я такъ-соби казанъ поставыты свичку, а я ны поставью“. А у гетымъ часовы вунъ якъ гупнэ изъ дэрва! И пошовъ цыганъ соби плачучи.

(М. Хомскъ, Кобрин. г.).

24. „Ой, дѣ жъ ты бывъ, пане-товарйшу?“

— Въ Варшави на справи, панно Марысю.

„А што жъ ты тамъ рѣбилъ, пане-товарйшу?“

— Въ карты гралъ, въ карты гралъ, сердца Марысю!

„Мо тябэ тамъ били, пане-товарйшу?“

— Ой били, ой били, сердца Марысю!

„А можэ ты хворый, пане-товарйшу?“

— Ой хворый, ой хворый, сердца Марысю.

„А можэ ты ўмрэшъ, пане-товарйшу?“

— Ой умру, ой умру, сердца Марысю.

„Якъ по тобѣ звѣнѣть, пане-товарішу?“

— Пляшками, келешкама, сердца Марусю.

„А дѣ тыбѣ поховать, пане-товарішу?“

— У касѣтели при сѣтянѣ, сердца Марусю.

„Якъ по табѣ плакать, пане-товарішу?“

— Ай-вай-вай, уй-вуй-вуй, сердца Марусю!

(М. Изабеллино, Волков. у. Записъ 1871 г.)

25. Бывъ царь у вовковъ. Одинъ вовкъ наѣвся конины, лёгъ на землю и каже: „буду свитымъ!“ Полежавъ и выголодився. Пошовъ ёнъ къ своему царю и ставъ просить ѣсть. Царь каже: „пойди, тамъ кобыла съ жеребьемъ хѣдитъ; то кобылу зѣѣжъ, а жеребья не рушь!“ Вовкъ пришовъ до кобылы и каже: „царь велѣвъ, кобъ я те зѣѣвъ!“—Зѣѣсти, то зѣѣсти, каже кобыла: но мене господаръ нинѣ подковавъ, то шкода подковъ; пѣ мене раскуй!“ Вовкъ ставъ расковывать, а кобыла ему дала погою, а сама пошла до хаты. Вовкъ полежавъ, полежавъ, а послѣ пошовъ до цара и прѣснить, кобъ ему давъ ѣсть. Царь каже: „пойди, тамъ гуска хѣдитъ зѣ гусенятами; гуску зѣѣжъ, а гусенятъ не зачепай!“ Вовкъ пришовъ до гуски и каже: „мнѣ царь велѣвъ, кобъ я те зѣѣвъ!“—Зѣѣсти, то зѣѣсти, каже гуска: только поиграй моимъ дѣтямъ, кобъ оны не плакали! Вовкъ ставъ играть. Гуска загерготала та й полетѣла зѣ гусенятами до хаты. Вовкъ зновъ пошовъ до своего цара и ставъ просить, кобъ царь давъ ему ѣсть. Царь сказавъ: „пойди, тамъ свинья хѣдитъ съ поросятами; ее зѣѣжъ, а поросятъ не рушь!“ Вовкъ пошовъ до свиньи и каже: „мнѣ царь велѣвъ, кобъ я те зѣѣвъ!“ Свинья сказала: „зѣѣсти, то зѣѣсти, только я грѣшна, идѣмъ, мене высповѣдай!“—А дѣ тутъ истинъ? вовкъ пытае.—„До ямы, то будутъ туды грѣхи падать!“ Свинья начала выплѣвывать грѣхи въ яму и вовку дала лычемъ по боку. Вовкъ покотився въ яму, а свинья пошла до хаты. Вовкъ разодравъ яму, вылѣзъ и пошовъ въ лѣсъ. Тамъ сѣвъ за кустъ и каже: „кобъ добрый человекъ бывъ, а коломъ по мнѣ стигнувъ, то было бѣ добре. Ти я буду за коваля, што кобылу расковывавъ, ти я буду за музыку, што я гусятъ игравъ, ти я буду за попа, што я свинью сповѣдавъ?“

По той дорози ишовъ человекъ и давъ по вовку коломъ; дакъ вовкъ побѣгъ и каже: „ѣсти не давъ, а коломъ давъ!“

26. Сказка о лисицѣ и котѣ.

Была сабѣ адна лиска и ёна была на́дто пуглива. Думае ёна сабѣ: што тутъ зрабѣть? Пришло ёй на вумъ выйти за-мужъ. Аднагò разу пашла ёна шукать сабѣ мужа. Пидіе, такъ идіе, спатыкае ёна катà. Коть ёй падабѣўся, и котъ лиску падабаў, и яны сабѣ пажанились и жили въ великай згодѣ. Прашло килька рòкуў, якъ яны пабрàлись, и захатѣлась имъ пагулять. Такъ пашлй яны на прагѹлку. Пдутъ, такъ идутъ, котъ троха застаўся ззаду, а лиска пашла наперодъ. И спатыкае ёна медвѣдѣя и воўка. И такъ да ихъ гаворить: „я типеръ васъ ни бабòсь, бо ў мяне уже ёсьть мужъ!“ Такъ яны кажутъ: „пакажи намъ свайго мужа!“ А лиска сказала: „кали хòчетіе забачить майгò мужа, такъ палажитіе-жъ тутъ вала; а якъ ёнъ прійдіе ягò ёсьть, то вы яго забачтіе, только пахавайтіесь куды-нибудь!“ Заразь воўкъ пашоў зарѣзаў вала, принёсь и палажиў, дѣ ямѹ лиска паказала. А самъ схавався у хвòрасть, што тутъ недалеко лежаў, и только трошки хвосьтикъ видна съ хвораста. А медвѣдѣ злѣзъ на высокая дѣрава, ажъ на самый верхъ. Лиска кликнула мужа. Пришоў котъ, мужъ лиски, и не вѣдаў, што тамъ ёсьть медвѣдѣ и воўкъ. Забачиўши мясо, якъ ёнъ быў на́дта галòдныи, зачаў ёсьть. Коть кушае и кричить: мѣаў, мѣаў, мѣаў!... А медвѣдѣ патѣху гаворить да воўка: „якій ёнъ самъ малѣнькій, а ўсё кричить, што мало“. Коть, наёўшись досѣта, стаў озиратца и замѣтиў хвостъ воўка, што былò видна изъ хвòраста. Ёнъ надумаў, што гэта мышъ. Такъ ёнъ памалѣньку прикраўся, да й сханиў зубами воўка за хвостъ. Воўкъ, спалахаўшись, развалиў хвòрасть и стаў утыкàть. Коть, забачиўши, што гэта ня мышъ, а воўкъ,—самъ спалахаўся, да дѣ тутъ утыкàть? Такъ ёнъ на дѣрава. Медвѣдѣ-жа, забачиўши, што котъ лѣзе на дѣрава, сказау: „сть, и по мяне идѣ!“ Да й за страху бухъ на землю, и забиўсь на смерть. Коть, забачиўши, што никòга нима, злѣзъ зъ дѣрава на землю и пашоў зъ лискаю да хаты. Лиска, забачиўши, што еѣ мужъ паразганяў такихъ велькихъ звярбѹ, зъ гэтага часу никòга ни баёлась.

(М. Изабелино, Волков.).

27. Пьяный вовкъ.

Прышоў разъ воўкъ да сабаки и кажа: „я тябѣ зъѣмъ!“—
А сабака атказавая: „ня ѣшь мяне, якъ буде вясельѣ у
майго гаснадара, то я тябѣ накармлю и нацаю“. Воўкъ на-
слухаў. Прышла пара быць вяселью. Сабралися госьти, пры-
шоў и воўкъ. И кажа воўкъ сабацы: „гляди: якъ ты мяне
абманешъ, та всё адно тябѣ я зъѣмъ“. А сабака кажа: „ты
адно ни спявай, якъ ушьѣшся: та тябѣ и бачить никто ни
будя“. Якъ началосѣ вясельѣ, налили у миску гарэлки и
стали пить и ѣсть. Хлѣбъ мачали у гарэлку и ѣли. Давали
хлѣба и сабацы зъ гарэлкой, а сабака воўку. Упійўся воўкъ
и лёгъ надъ лавію. Патомъ, напійўшися, дяўчата якъ заспя-
вали, ня вѣтырпнў и воўкъ, и заспяваў — завуў. Яго убачили и
затаўкли качаргами.

(С. Охонowo, Словимск. у.).

28. Человѣчій разумъ.

Сабралися сабѣ вовкъ, дикъ и медвѣдь и гаворятъ: у
насъ есть всё, только челаѣчего разуму бракъ. Треба на-
слати вавка, штобы онъ пашолъ и запытался челаѣчего разуму,
патаму, какъ люди часта его видятъ и не боятся. Якъ сказали,
такъ и зрабили. Паслали вавка въ село за челаѣчимъ ро-
зумамъ. Вовкъ приходитъ да гаснадара да хаты и гаворить:
„вотъ у насъ есть всё, только нема челаѣчего разуму. Буць
такъ ласкаў, прайдай намъ челаѣчего разуму“. А тогда гаспа-
даръ ѣлъ калбасу. Вовкъ папюхалъ ката его, што калбасаю
пахнула. Гаснадаръ каже: добра, прайдамъ разуму! Только якъ
ты понесешъ его? И наказываетъ ему на камень, каторый лы-
жалъ на жёрнахъ и въ каторомъ была дырка. Вовкъ каже:
ницъ то, ты вазми вербачку, и привежи мнѣ гэтый камень да
шин, и я такъ панисѹ; а ты за мною пойдешъ въ лѣсъ и мы
тамъ табѣ заплаћимъ! Мужикъ взялъ веровку, заткнулъ за
пазыху тапѣръ и пашолъ за вавкомъ. Па дарогѣ треба было
имъ итти черезъ бревно, неракинутое черазъ рѣкѹ. Вовкъ
узашолъ на гэта бревно, оно похилилось на бокъ; вовкъ упавъ
на адинъ бокъ бревна, а камень на другій, и повѣсился. Чело-
вѣкъ надивился, дасталъ сакиру и забивъ вавка. Самъ же па-
шовъ въ лѣсъ да его таваришей, сѣвъ на пенѣкъ и ѣсть

калбасу. Медвѣдь панюхатъ и гаворить: „дай мнѣ кусочекъ!“ Челавѣкъ дать ему. Медвѣдь съѣлъ и просить еще кусочекъ. Гаспадаръ не хоче дать ему. Медвѣдь пытая: изъ чего ты робишь калбасы. Онъ гаворить: съ дика. Медвѣдь пытае: зрабилъ-бы ты зъ его? Челавѣкъ каже: да праўды, зрабилъ бы! Медвѣдь взялъ калѣ, падашоль ззади, ударилъ дика и убилъ его. И челавѣкъ сталъ разбиратъ его. А медвѣдь бѣгаетъ то съ одной староны, то съ другой, и все нюхаеъ. Тагда гаворить ему челавѣкъ: ступай, надери себѣ лыки и привяжи ею сибя да сасны, пакўль зраблю я калбасы! Медвѣдь надравъ сабѣ лыки, привязавъ ею сибя да асины. Челавѣкъ пришель, укрѣпилъ его и спрашиваетъ: паваратісь! не разарвешъ? Медвѣдь паверпулся—никакъ не можетъ. Тагда челавѣкъ взялъ сакиру и забилъ медвѣдя. Натомъ нашоль да хаты и взялъ, запрогъ валы и прѣвхалъ и забралъ медвѣдя, вавка и дика, и павѣзъ да дому.

(Городъ Гродна).

29. Вовкъ куртатый.

Пошовъ ранѣсненько чоловікъ вырѣзуваты буякивъ до цыпѣвъ. Пшовъ, и умывся на дорози, а щѣ ны втѣрся, бо ны будо чымъ втѣртысь. А йдѣ вовкъ, и каже на чоловіка: „я тыбѣ здимъ!“ А чоловікъ каже: „щѣ по я умывся, а щѣ ны втѣрся!“ А вовкъ каже: „на, моимъ хвостомъ утрысь!“ А чоловікъ взявъ, якъ вовкъ давъ ёму хвостъ втѣртысь, да якъ закрутивъ хвоста за одну руку, а у дрўгу узявъ буяка, та якъ возмѣ ёго басоваты! А вовкъ якъ хотивъ вырватысь, такъ якъ рвынувся, и хвоста одорвавъ. А самъ утѣкъ. Прибѣгъ вунъ до вѣвчи пилки, ставъ вѣсты. Тыи вовки до того чоловіка, щобъ ёго здѣлы. А чоловікъ, утыкаючи, злизъ па дуба. Вовки стали становѣтысь одынъ на одного коля дуба, а подъ низѣмъ ставъ куртатый. Чоловікъ каже: „кому, кому, а куртачў хвоста наточў!“ Куртачъ почувъ и ставъ утикаты. Вовки чиста вси попадады на земню и позабывадысь.

(М. Хомскъ, Кобрня. у.).

30. У нашаго Дяниса была шѣра свишня лыса. Пыдыялѣ рыло и носъ, да пошла у ходжайскій овѣсь. Стала вѣтки обрывать, стала брухо пакладать. Да спусьтила рыло низко,

подышла да къ воўку близко. Воўкъ хапнѹ яѣ за шарсьтѣнку, да закинуѹ сабѣ за спянку. Прѣситца свинья: „братокъ воўчокъ! пусьти мянѣ ещѣ на годокъ: наведу табѣ поросяттокъ табунокъ!“—Ахъ ты, шѣрая свинья! Хотѣ киваешъ и моргаешъ, а воўка шѣраго не обманешъ! (С. Житлинъ, Словим. у.).

31. Чикель воду мае, дружину збирае. Самъ ни хоче въ дома быти, жанитися мае. Паславъ арла, паславъ арла да савины въ сваты, самъ палитѣвъ да гусей и ставъ жартавати. Палюбивъ ѣтъ птицу, малую синицу, маладѹю, прыкрасную, харѣшую птицу. Два каплуны, два каплуны солать малатѣли, а каплушки, чорны ношки, да млѣна насыли. Ароль меле, ароль меле, бусель насипае, варабейчикъ старажеѹчикъ — мѣрки аставляе. А варабѣи въ канапляхъ кашу рабѣли, а вароны на той часъ каравай мѣсили. А сарока, бѣлабока, печку вымитала, а вароны стары жоны каравай сажали. А бусель-старѣста нѣжачкаю тупъ-тупъ! А синичка круглоличка воченьками лупъ-лупъ! Чапля гаспадѣнка отнесла да будынка, кобъ щуры ни поѣли, на васели ни наб-дѣли. А зазули сваньки, а ѹсѣ харашѣньки, сарѣки приданки скачутъ вѣшѣй лавки. Сидитъ камаръ на палѹ, злосѣти набирае, а савѣна съ сакалѣмъ на столъ паглядае. А мухи съ пщалами напайли чаплю: бѣдна май галѣванька—да дому ни траплю!

(М. Наревка).

32. Учиниѹ гарабей на прыпичку жнѣва, пшонный класъ змалатѣѹ. да наварѣѹ пѣва. Тры тычѣни хмѣлю даѹ, ещѣ тагѣ жалаваѹ, и къ тамѹ банкѣту забиѹ камарѣи и мѹшку, сто паръ каѹбасъ израбѣѹ и кумпѣята павендѣѹ, скабы прыпикаѣти, гасѣтѣй дажидѣти. Якъ выскачѣѹ гарабѣй гасѣтѣй выглядѣти, сюдѣ глянуѹ, тудѣ глянуѹ, нигдѣ не видѣти. Ажнѣ ѣдѣ шнигирѣць, съ скрѣпачкай, ни прѣста,—спадивѣйся, гарабѣй: ѣдутъ къ табѣ гѣсѣти: ѣдѣ панъ журавѣль, яго братъ хрущѣль, а пани синѣца, то рѣдва сястрыца. Гѣсѣти пѣютъ, замкѣ бѣютъ, дѣры выстаѣляютъ, а гарабѣй вѣсель скача, ницѣ то ни абѣча. Журавѣль упиѹсѣ, паѣъ столъ падвалиѹсѣ, а хрущѣль упиѹсѣ, велѣтъ насѣтѣль слѣти. Ашъ у нѣчы, а поѹначы, савѣ прыляѣта: якъ хапѣла гарабѣя—крѣла ададрѣла! Якъ хапѣла жураѹля—шѣю перадрѣла! А хапѣла хрущѣля—наполъ разадраѣла! Такъ нашему гарабѣю дружбу разагнаѣла.

(С. Сеньковичи, Словим. у.).

33. „Май матуленьку, идуць да насъ госьти, мая рыбуленьку, а вже даяжчають. Май матуленьку, дѣ ванѣ пасядуць, мая рыбуленьку, дѣ ванѣ пасядуць?“ — Журавель на вслѣбнику, его братъ за стѣбликамъ, а муй милюсенькій въ залатумъ крысялку! „Мая матуленьку, што будуть исьць, мая рыбуленьку, што будуть исьць?“ — Журавель куратину, его братъ гусятину, а муй милюсенькій всяляку звѣрыпу! „Мая матуленьку, што будуть пити, мая рыбуленьку, што будуть пити?“ — Журавель пива, пива, его братъ вино, вино, а муй милюсенькій зъ медомъ гараліцу! „Мая матуленьку, дѣ ванѣ палягутъ, мая рыбуленьку, дѣ ванѣ палягутъ?“ — Журавель у палюшкахъ, его братъ у радюшкахъ, а муй милюсенькій ў пуховыхъ падушкахъ! „Мая матуленьку, съ кимъ ванѣ палягутъ, мая рыбуленьку, съ кимъ ванѣ палягутъ?“ — Журавель и съ кичкаю, его братъ съ крѣчкаю, а муй милюсенькій — за мною маладѣю.

(М. Наревка).

34. Черноусъ упився, зъ бѣлыми побився; якъ удырывъ черноусъ, то бѣлый звалився. Черноусъ летаэ, пареньки шукаэ, пареньки шукаэ женитьця думаэ. Зазуля за свашку зарано ўстае; соловейчикъ щербунэць коника сидлаэ. Сидить сова подъ столомъ, скосо поглядэе. Прилетѣвъ крукъ, крукъ, да сову стукъ, стукъ. „А ты, ночное страшидо, сиди тутъ-туть!“

(С. Клевикі, Вѣльск. у.).

35. Захатѣвъ вирабей скоро ажанитса, смашныхъ рѣчей скаштаваѣть и вина напнитса. Охъ, паславъ вирабей щигла нивеличка, да паславъ на мистечка на медъ, на винечка. Воръ¹⁾ пинензы выдавъ, скоро павернувса: „мосьтипане вирабей, да шлюбу гатуйса!“ — Закладайтя чтыри кони и паѣздъ широкій, я паѣду у залѣты да пани сарѣки! Нанявъ ката за лѣкая у тылу стаяти. двухъ пидыкавъ за вискретовъ пѣсеньки спивати. Адинъ кажа: шудды-булды! ты вирабей знайса, — якъ пріѣдишь да сарѣки, пенкне привитайса! Якъ пріѣхавъ вирабей, скомиль чоботами, и выхѣдять пани срока, паказуе мамі. Охъ, тамъ свать, вовчий братъ, — ему за зло стала. Якъ уставъ,

¹⁾ Мѣшокъ.

такъ сказавъ: буде криви мала!—Падажди ты, вовча, - бўдишь мене знати! Штобъ такога рыцара—вирабья чепати. Охъ, не такій рыцаръ, не за тое взявса, съ панамъ вѣвкамъ три гадѣны на палашѣ бравса. На той банкетъ камара и мурашку забѣвъ, съ камареньки у три пульцы сланипы нарабѣвъ, трицать фунтавъ навандѣвъ. сѣракъ келбасъ нарабѣвъ, скабы¹⁾ анекѣли, главу на столъ дали. Прилятѣвъ журавель, его баѣтка крестель. Крестель якъ упивса, падъ столъ надваливса. Прилятѣла и стринадка, его родна матка, прилятѣла и сипица, рѣдная сястрица; прилятѣли еглицы, сѣли въ радъ на налицы. Скора стала съ палноцы, сава прилятѣла, прилятѣвши да за сталомъ сѣла. Охъ, тамъ ёсть два багача, два славные трубача: батянь арганистый и панъ курбачистый. За здаровья вирабья пили-ѣли ажъ да дня, съ килишѣчка тога ажъ да дна самѣга.

(С. Метибово, Волковьскаго у.).

36. Казѣль-барадѣ да прадавъ варатѣ, купивъ касѣ. На що касѣ?—Сѣна касѣть.—На що сѣна?—Кароўку кармить, малачко даить.—На що малачко?—Цастушкѣ кармить.—На що пастушки?—Свине пасвить.—На що свине?—Гори капѣть.—Що ў той гарѣ?—Залатая дешка.—Що ў той дешки?—Залатая лошка.—Що ў той лошки?—Залатѣя зерно.—Дѣ тѣ зерно?—Шѣтухъ ухапиў.

(С. Алексѣевка, Слонимск. у.).

¹⁾ Перебрѣна.

УКАЗАТЕЛЬ МѢСТНОСТЕЙ.

гдѣ сдѣланы записи матеріаловъ для сборника.

Гродненскій уѣздъ.

Гродна, городъ, II—387.
Уѣздъ: I—81; II—8.
Великая Берестовица с. I—24, 45, 46, 49, 76, 212.
Великіе Эйсымонты околица: I—85.
Гожа с. II—172.
Гожская волость: I—23, 24.
Жидомлянская волость: I—29, 30.
Каменка м. I—214.
Колбасино д. II—171.
Котра с. I—107, 165; II—9, 170, 178.
Мосты м. II—362.
Некраши с. I—107, 156; II—9, 168.
Положково д. II—188.

Сокольскій уѣздъ.

Уѣздъ: I—81; II—10.
Каменка д. II—180, 363.
Кальсдорфъ колонія: II—189.
Круглое д. и имѣніе: II—183, 184, 188, 321.
Мостиhi д. и им. I—165; II—187, 194, 321.
Неросно д. II—185.
Новая Воля д. I—143.
Новая Свидиловка д. II—169.
Новый Дворъ м. II—181.
Новый Островъ д. II—181.
Трофимовская волость: I—82.

Бѣлостокскій уѣздъ.

Уѣздъ: II—109, 114, 119, 170, 379.
Городокъ м. II—363.
Городокская волость: I—46, 47, 50.
Заблудовская волость I—64.
Завыковская волость: I—25.
Малынковичи д. II—124.
Новая Воля с. I—210; II—107.
Нововольскій приходъ: I—79.
Потокъ с. II—121.

Волковысскій уѣздъ.

Уѣздъ: I—105, 109, 153, 165, 166;
II—11, 205, 206, 208, 211, 212.
Верейки с. I—86, II—209, 270.
Горностаевичи с. II—197.
Жарна д. II—209, 271.
Занцевичи д. I—84; II—210, 272.
Изабеллино м. II—203, 322, 384, 385.
Кремянская волость: I—79; II—358.
Леоновичи д. II—196.
Мстибово с. II—390.
Незбодичи д. II—212, 277.
Пески м. II—359.
Подозераны д. II—217, 283, 286.
Порозово м. II—358.
Романовцы д. II—215, 279, 282.
Свислочь м. II—206, 210, 322.

Слонимскій уѣздъ.

Слонимъ, городъ, I—112.
Уѣздъ: I—144; II—357.
Алексѣевка с. I—24, 50, 136, 138, 142; II—5, 222, 390.
Бытенская волость: I—147; II—328.
Высокое д. I—116.
Дворецкая волость: I—104.
Дворецъ м. I—158; II—7, 328.
Девятковичи с. I—70; II—2.
Долгая д. II—231.
Житлинъ с. I—154, 195; II—97.
Заполье с. II—221, 289, 292.
Здитово с. I—117, 131, 139, 140, 150;
II—250, 253, 288, 305, 334, 354, 366.
Климовичи д. I—42; II—227, 305.
Коссовская волость: I—153; II—7.
Марьинская волость: I—159.
Окуниново д. II—328.
Охоново с. I—25, 76, 133; II—230, 386.
Песковская волость: II—353, 356.
Порѣцкая волость: I—20.

Порѣчье с. I—33, 40, 41, 94, 103, 111, 130, 146, 148, 160, 181; II—230.
Саковцы д. I—103; II—329.
Сеньковичи д. I—114, 202; II—96, 328, 388.
Сынковичи с. I—142.
Старовесская волость: I—41.
Старина д. II—227.
Шиловичи с. I—143, 154, 300; II—225.

Пружанскій уѣздъ.

Уѣздъ: II—161.
Литоны д. I—164; II—20.
Бармуты д. I—140; II—19, 370.
Ворожбиты д. II—162, 372.
Вѣжня с. II—20, 237.
Жичинъ д. II—235.
Матвѣвичская волость: II—40.
Междулѣсье с. II—373.
Мошковичи д. II—236.
Муравьевская волость: I—169.
Наревна м. I—126, 146, 152, 157; II—13, 160, 330, 388, 389.
Свищи д. I—65, 75, 83, 172; II—234.
Селецкая волость: II—163.

Бѣльскій уѣздъ.

Бѣльскъ, городъ, II—378.
Брыки д. I—163.
Великая Чорна с. II—15, 16, 238, 355.
Городискъ с. I—86; II—241, 333, 374.
Кленики с. I—51, 83, 96, 97, 153; II—143, 146, 332, 358, 389.
Кленикская волость: I—80.
Малешевская волость: II—242.
Наройка с. II—16.
Павловская волость: I—63, 96, 100, 124, 125, 134; II—137, 288.
Пасынковская волость: I—20, 126.
Райскъ с. II—127, 332.
Соцы с. I—73, 83; II—352.
Щиты с. II—139.

Брестскій уѣздъ.

Уѣздъ: I—94, 146, 165, 170; II—294, 382.
Волчинъ м. II—273.
Зубачи с. I—122; II—251, 263.

Каменецъ-Жировицкій с. II—275.
Леваши д. I—108; II—253, 333.
Лумна д. I—144; II—268.
Медвѣдинки д. II—333.
Омеленецъ с. I—232.
Прилуки с. II—278.
Рогачевская волость: II—271.
Рогачи с. I—71, 96, 125; II—261, 315, 333.
Собятинъ с. II—17, 166, 356.
Ставы с. II—168.
Сычи с. I—72, 161.
Токари с. II—272, 363.

Кобринскій уѣздъ.

Уѣздъ: I—101, 166; II—38, 60, 280, 283.
Батча д. II—281.
Бездѣжъ с. I—87; II—346, 368.
Береза с. II—295, 336.
Блоты с. II—285.
Болоть с. I—83, 91, 120, 163, 172; II—30, 246, 288, 319, 345.
Вавуличи с. II—292, 375.
Верхолѣсье с. II—280.
Грушево с. I—28, 229.
Евсимовичи д. II—23, 299.
Еремичи д. II—
Заставье д. II—285.
Иваново м. I—135, 139, 147, 164; II—320.
Козищи с. II—38.
Мельникъ д. II—347.
Минянка д. II—19.
Молодово с. I—28, 127, 134, 156, 157, 220; II—246, 287, 350.
Огородники д. II—348.
Ополь д. II—60.
Перковъ д. II—289.
Подолѣсская волость: II—310.
Подолѣсье с. II—23, 298.
Полятычи д. II—274.
Пришихосты д. II—291.
Рогознянская волость: I—224.
Салово д. I—117, 152; II—33.
Снитово с. I—72, 88.
Хомская волость: I—27.
Хомскъ м. II—346, 377, 383, 387.
Черевачицы с. I—27, 64, 83.